

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4(25)/2020

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам. директора Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Тираж 300 экз.

Заказ № 2369

Дата подписания в печать 30.12.2020

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 9 *«Мы также должны понять, почему часть людей не в силах отказаться от излюбленных ими верований в мифическую нацию». Интервью с Э. Ригни*
- 17 **ЭНН РИГНИ** *Воспоминание как преобразование: пересмотр памяти нации*
- 42 **К. Г. ФРУМКИН** *Природная катастрофа как преобразователь коллективной памяти*

Национальная память

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ В (ПОСТ)ЮГОСЛАВИИ

- 61 1. РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ. *«Работы малочисленной группы историков-ревизионистов получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти». Интервью с Е. Джуреичевич*
- 77 2. СЛОВЕНИЯ. *«Переходные десятилетия характеризуются во многом шизофренической ситуацией, когда политическое отторжение социалистической Югославии сосуществует с поп(культурным) приятием этого же периода словенской истории». Интервью с М. Великонеј*
- 97 3. РЕСПУБЛИКА ХОРВАТИЯ. *«История Югославии используется как урок о возможности создать приемлемую версию социализма без его “отрицательных сторон”». Интервью с С. Хорватинчич*
- 125 4. РЕСПУБЛИКА БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА — ГОРОД МОСТАР. *«Практики “пересечения границ” и проявления солидарности существовали до, во время и после войны». Интервью с М. Палмбергер*
- 136 5. РЕСПУБЛИКА ЧЕРНОГОРИЯ. *«В 1960–1980-е духовные наследники черногорских четников...» придерживались сугубо проамериканских антикоммунистических позиций. Сейчас они с той же страстью поддерживают Россию как бастион православия и антиглобализма». Интервью с М. Вукановичем*

- 159 6. Косово. «Историография албанских косоваров представляет собой описание долгой истории угнетения, в результате она сосредоточена на политических нарративах». Интервью с Э. Красичи
- 186 7. СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ. «Практики предчувствующей памяти могут стать мощным оружием в борьбе с современным капитализмом». Интервью с С. Анастасовой

Ключевые концепты национальной памяти

- 210 А. А. ТЕСЛЯ *Понятие «народ» в публицистике Н. П. Огарева*

Семейная память

- 224 В. ЖОБЕР *Освоение Арктики, Русское географическое общество и семья Воейковых в 1930-е гг.*

Память о Второй мировой войне

- 237 Г. А. БОРДЮГОВ *2020: война продолжается, Третья мировая, мемориальная*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 254 А. А. РЫБАЛКА *Антонин Раменский: Подгузник великого поэта*
- 266 А. Р. ДЮКОВ *Загадки «Писем из-под виселицы» Константина Калиновского*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 279 Д. В. БЛЫШКО *Ускользающая материальность. Рец.: Alexey Golubev. The things of life: materiality in late Soviet Russia. Ithaca, [New York]: Cornell University Press, 2020. 240 p.*
- 287 Т. К. ХОЛМАТОВ *Советская историческая наука: от полей сражений к тихой гавани. Рец.: Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.*

Мир

- 291 А. Ю. ВОВК *Белоэмигрантская Бельгия. Рец.: Куденис В. Жизнь после царя: Русские эмигранты в Бельгии, 1917–1945. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 504 с., ил.*
- 296 А. Ю. ФЕДОРОВ *Рец.: Дамье В. В. Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919–1939). М.: ЛЕНАНД, 2018. 488 с.*

- 305 **Ю. Е. ИВОНИН** *Рец.: Хаванова О. В. Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М.: Индрик, 2018. 360 с.*
- 309 **Н. П. ТАНЬШИНА** *Новый русский взгляд на Французскую революцию. Рец.: Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.*

Российская империя

- 320 **А. А. ТЕСЛЯ** *Лирическая биография: о последней книге Николая Троицкого. Рец.: Троицкий Н. А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов: Common place, 2018. 546 с.*
- 325 **А. В. ЖУРАВЕЛЬ** *Вера Фигнер возвращается? Рец.: Воронихин А. В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.: Common place, 2020. 400 с.: ил.*
- 332 **Л. А. МОСИОНЖНИК** *Трагедия Белостока в историографических зеркалах. Рец.: Markowski A. Przemoć antyżydowska i wyobrażenia społeczne. Pogrom białostocki 1906 roku. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 s.*

СССР

- 343 **Е. В. ДЕРЕВЯНКО** *На танковой броне. Рец.: Самарина М. И. Герои Советского Союза — выпускники Орловского бронетанкового училища. Орел: Издательство «Картуш», 2020. 448 с.*
- 348 **В. В. ТИХОНОВ** *Советская юбилеямания. Рец.: Махнырёв А. Л. 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 200 с.*

Учебники

- 353 **М. В. СТРЕЛЕЦ** *Серьезный вклад в формирование культуры исторической памяти. Рец.: Альтман И. А., Хавкин Б. Л. Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское сопротивление в Германии (1933–1939 гг.): Материалы к спецкурсу для студентов РГУ. М.: МИК, 2020 152 с.*
- 358 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 9 *"We need also to understand why some people refuse to let go of cherished beliefs about a mythical nation". Interview with Ann Rigney*
- 17 **ANN RIGNEY** *Remembrance as remaking: memories of the nation revisited*
- 42 **K. G. FRUMKIN** *Natural disaster as a Converter of collective memory*

National memory

Actual problems of national memory of foreign countries

MEMORY LANDSCAPES IN (POST)YUGOSLAVIA

- 61 1. Republic of Serbia. *"Serbian revisionist historians are actually fewer than five people. However, their work resonates widely because they receive media attention". Interview with Jelena Đureinović*
- 77 2. Slovenia. *"The transitional decades have been marked by a rather schizophrenic situation, where political rejections of the socialist Yugoslav period of Slovene history coexist with a (pop)cultural acceptance of this part of this same history". Interview with Mitja Velikonja*
- 97 3. Republic of Croatia. *"The story of Yugoslavia is used as a lesson on the acceptable version of socialism without its 'negative sides". Interview with Sanja Horvatinčić*
- 125 4. Republic of Bosnia and Herzegovina — city Mostar. *"There are practices of 'border crossing' and acts of solidarities before, during and after the war". Interview with Monika Palmberger*
- 136 5. Republic of Montenegro. *"The descendants of Montenegrin Chetniks were extremely pro-American in the 1960s-1980s. Now, they are pro-Russian with equal vigour, emphasizing Russia's status as a bastion of Orthodox Christianity and anti-globalism". Interview with Miloš Vukanović*
- 159 6. Kosovo. *"Kosovar Albanian historiography reflects a long history of oppression, which conditioned this focus on political narratives". Interview with Dr Elife Krasniqi*

- 186 7. North Macedonia. "Anticipatory memory practices would have the potential to emerge as a potent tool in the fight against capitalism today". Interview with Senka Anastasova

Key concepts of national memory

- 210 A. A. TESLYA *The concept of "people" in the publicism of N. P. Ogarev*

Family memory

- 224 VERONIQUE JOBERT *Arctic Exploration, the Russian Geographical Society and Voejkov's family in the 1930s*

Memory of the Second World War

- 237 G. A. BORDYUGOV *2020: the war goes on: the World war III, the memorial*

AS IT ACTUALLY WAS

- 254 A. A. RYBALKA *Antonin Ramensky: Diaper of the great poet*
266 A. R. DUKOV *Mysteries of Konstanty Kalinowski's "Pisma z pod szubienicy"*

REVIEWS

Generalizing studies

- 279 D. V. BLYSHKO *The intangible materiality. Rev.: Alexey Golubev. The things of life: materiality in late Soviet Russia. Ithaca, [New York]: Cornell University Press, 2020. 240 p.*
287 T. K. KHOLMATOV *Soviet historical science: from battlefields to the quiet harbor. Rev.: Krikk S. B. Drugaia istoriia: "Periferiinaia" sovetskaiia nauka o drevnosti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 p.*

The world

- 291 A. Yu. VOVK *White-immigrant Belgium. Rev.: Kudenis V. Zhizn' posle tsaria: Russkie emigranty v Bel'gii, 1917–1945. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 504 p., il.*
296 A. Yu. FEDOROV *Rev.: Damier V. V. Anarkho-sindikalizm i revoliutsionnoe dvizhenie v Ispanii (1919–1939). Moscow: LENAND, 2018. 488 p.*
305 Yu. E. IVONIN *Rev.: Khavanova O. V. Userdie, chestoliubie i kar'era. Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absoliutizma. Moscow: Indrik, 2018, 360 p.*

- 309 **N. P. TANSHINA** *New russian view of the French revolution. Rev.: Bovykin D. Iu., Chudinov A. V. Frantsuzskaia revoliutsiia. Moscow: Al'pina non-fikshn: PostNauka, 2020. 468 p.*

The Russian Empire

- 320 **A. A. TESLYA** *Lyrical biography: On the last book of Nikolai Troitsky. Rev.: Troitskii N. A. Sof'ia L'ovna Perovskaia. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba. Moscow; Saratov: Common place, 2018. 546 p.*
- 325 **A. V. ZHURAVEL** *Is Vera Figner coming back? Rev.: Voronikhin A. V. Vera Nikolaevna Figner. Vzgljad na zhenshchinu russkikh revoliutsii iz XXI veka. Moscow: Common place, 2020. 400 p.: il.*
- 332 **L. A. MOSIONJNIC** *The Bialystok Pogrom in Historiographical Mirrors. Rev.: Markowski A. Przemoc antyzydowska i wyobrazenia społeczne. Pogrom bialostocki 1906 roku. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 p.*

USSR

- 343 **E. V. DEREVIANKO** *On tank armor. Rev.: Samarina M. I. Geroi Sovetskogo Soiuza — vypuskniki Orlovskogo bronetankovogo uchilishcha. Orel: Izdatel'stvo "Kartush", 2020. 448 p.*
- 348 **V. V. TIKHONOV** *The Soviet Jubilee Mania. Rev.: Makhnyrev A. L. 30 i 40 let Velikogo Oktiabria: chto otrazilos' v zerkalakh iubileev revoliutsii? Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019. 200 p.*

Textbooks

- 353 **M. V. STRELETS** *A serious contribution to the formation of the culture of historical memory. Rev.: Al'tman I. A., Khavkin B. L. Natsional-sotsializm, Kholokost i antigitlerovskoe soprotivlenie v Germanii (1933–1939 gg.): Materialy k spetskursu dlia studentov RGGU. Moscow: MIK, 2020. 152 p.*
- 358 *Requirements for publication of articles and documents*

«МЫ ТАКЖЕ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ ЧАСТЬ ЛЮДЕЙ НЕ В СИЛАХ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ИЗЛЮБЛЕННЫХ ИМИ ВЕРОВАНИЙ В МИФИЧЕСКУЮ НАЦИЮ».

Интервью с Э. Ригни

Ключевые слова: семейная, национальная и глобальная памяти, разномасштабность, история и миф.

Аннотация. В своем интервью профессор Ригни рассказывает о том, что семейная память часто превращает исторические события в фольклор. Она вспоминает, как националистическое воспитание в ирландской школе подталкивало ее к восприятию мира с глобальной точки зрения. Профессор Ригни разъясняет суть ее концепции «разномасштабность» и каким образом память, история и миф соотносятся между собой. Она размышляет о том, каким образом исследователи памяти могут противостоять повсеместно нарастающему национализму, и рассказывает о своих научных планах.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-9-16

Основные труды Энн Ригни:

Монографии The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move (Oxford UP, 2012); Imperfect Histories: The Elusive Past and the Legacy of Romantic Historicism (Cornell UP, 2001); The Rhetoric of Historical Representation: Three Narrative Histories of the French

Revolution (Cambridge UP, 1990; 2003);

Сборники статей Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales, edited with Chiara de Cesari (de Gruyter, 2014); Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe: Nation-Building and Centenary Fever, edited

with Joep Leerssen (Palgrave Macmillan, 2014); Reconciliation and Memory: Critical Perspectives, edited with Nicole Immler and Damien Short (Special issue of

Memory Studies. Volume 5, Issue 3, July 2012); Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory, edited with Astrid Erl (de Gruyter, 2009).

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Дорогая профессор Ригни, наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Поэтому в ходе интервью мы часто спрашиваем у коллег, на сколько поколений простираются их знания о семейных корнях. Большинство способны проследить свою генеалогию до XIX в. и ранее. Значит ли это, что предложенная Яном Ассманом концепция, согласно которой социальная память ограничена промежутком трех поколений (80–100 лет), устарела?

Э.Р. Мне, как и большинству ирландцев, нелегко проследить далекие истоки моей семьи. Государственный архив (Public Records Office) был уничтожен во время гражданской войны 1923 г. Восстанавливать содержащуюся в нем информацию по другим источникам — очень не просто. Моя семья сумела собрать некоторые документы, свидетельствующие, что в середине XIX в. мой прадед с материнской стороны стал одним из первых католиков, которому было позволено стать собственником своей фермы. Так как мои предки по отцу не владели земельной собственностью, то проследить историю этой части моей семьи намного сложнее. В данном случае недостаток официальных докумен-

тов восполняется большим числом семейных историй, подкрепленных разрозненными реликвиями и письмами. Эти истории уходят к концу 1910-х, времени борьбы за независимость, которое мой отец, родившийся в 1910 г., застал ребенком. Если принять во внимание все эти истории, то в моем случае окажется, что жизненный опыт, передаваемый через семейную память, превышает промежуток трех поколений. Отец рассказывал мне про своего деда, в том числе про «Ночь большого ветра», страшный ураган, который пронесся по Ирландии 6 января 1839 г. В действительности эта история скорее является частью фольклора, чем передает специфические события семейной истории. Это показывает, что личная память изменяется посредством историй, циркулирующих внутри тех или иных сообществ памяти.

С.Э. Марианн Хирш признает, что ее семейная память стала одним из источников ее концепции пост-памяти¹. Повлияла ли семейная память на ваше решение заниматься исследованиями памяти, или это было вызвано другими причинами?

Э.Р. Хотя семья определенным образом подпитывала мой интерес

¹ Хирш М. «Я действительно считаю, что личный опыт может служить лабораторией для исследований и теоретических рассуждений». URL: istorex.ru/hirsh_m_ya_deystvitelno_schitayu_chno_lichnyy_opit_mozhet_sluzhit_laboratoriyey_dlya_issledovaniy_i_teoreticheskikh_rassuzhdeniy.

к истории и рассказам о прошлом, все-таки в моем случае решающую роль сыграла школа. В Ирландии начальная школа именуется «национальной школой», и когда я посещала ее в 1960-е, воспитание в «национальном» духе было в центре внимания. Обучение было тесно связано с национальной идеей, что подразумевало умение говорить и писать на национальном ирландском языке (Gaelic). Он противопоставлялся английскому, на котором мы говорили и дома, и со сверстниками. В школе мы пели патриотические песни и учили наизусть сложные стихотворения, многие из которых осуждали британцев. Наши занятия были переполнены историей. Нам внушали, что мы обязаны быть носителями национальной культуры и националистической версии истории, которая в моем детском воображении (возможно, что не только в моем) сводилась к столетиям борьбы против подлых британцев. Кульминацией этого был последний год обучения в начальной школе, когда мы изучали торжественную Декларацию, провозглашавшую учреждение Ирландской республики в 1916 г., которую мы должны были выучить наизусть. Я прекрасно помню радостное чувство, с которым я предвкушала, что из последней главы учебника истории я узнаю, что все эти сражения в итоге привели нас к свободе. Такая жесткая социализация привела меня к глубокому вовлечению в коллективную память и подпитывала мое восхищение коллективными нарративами и их способностью мобилизовать людей. В итоге, когда я осознала, что в основе нашего обучения была пропаганда, это привело к тому, что с тех пор я испытываю подозре-

ние к любым догмам и чрезмерному национализму, который основан на бинарной оппозиции «наши» против «других».

С.Э. Вы окончили университет в Ирландии, докторскую степень получили в Канаде и преподаете в Нидерландах. Стало ли это одной из причин вашей критики «методологического национализма»? В какой мере, по вашему мнению, личный опыт исследователя влияет на его научные подходы?

Э.Р. «Передозировка» национализма в годы обучения в начальной школе содействовала тому, что я чрезвычайно заинтересовалась другими языками и культурами. Это привело меня к занятиям сравнительной литературой, ради продолжения которых я отправилась в Канаду. В поликультурном и разноязыком Торонто я обнаружила общество, в котором вопросы происхождения и истории менее важны, чем желание жить в мире, сохраняя различия, и стремление строить будущее общими усилиями. Возникало впечатление, что в этом городе собрались люди со всего мира с целью использовать культурное и языковое разнообразие в качестве основы повседневного взаимодействия. Я думаю, что сочетание националистического ирландского воспитания с канадским опытом культурного разнообразия и последовавший переезд в Нидерланды во многом помогли сформировать мои научные интересы. На своем жизненном опыте я убедилась, что границы между нациями являются, с одной стороны, продуктом воображения, а, с другой — все еще глубоко укоренены в сознании. Кроме того,

я пришла к выводу, что мы можем воображать сообщества не только по национальному признаку. Все это подкрепляет мое несогласие с выбором методологического национализма в качестве инструмента для изучения культуры и памяти, т.к. при таком подходе «нация» рассматривается как незыблемая рамка осмысления и исследования.

С. Э. Вы предложили многообещающую концепцию разномасштабности (multiscalarity). Под этим подразумевается, что мы не должны концентрировать внимание на одной рамке памяти: национальной, европейской или глобальной. В реальности происходит взаимодействие рамок различного масштаба: семейной, местной, национальной, макрорегиональной, глобальной и т. д. Означает ли это, что каждая рамка вносит сопоставимый вклад в формирование коллективной памяти, или в разные исторические эпохи на первый план выдвигается одна из этих рамок? Можно ли сказать, что ведущая рамка вынуждает остальные рамки играть по своим правилам?

Э. Р. В последние годы исследователи памяти неоднократно делали попытки выйти за рамки методологического национализма, и в этом смысле мои работы являются частью широкого направления исследований. В большинстве случаев представители этого направления расширяют рамку памяти, а именно смотрят на память из «глобальной» («планетарной») перспективы. В большинстве случаев за таким подходом стоит этическая позиция, которая ставит космополитические ценности выше этнических и национальных. Такой

подход, с одной стороны, подразумевает, что память, опосредованная рассказыванием историй, пересекает любые границы, а с другой стороны, постулирует, что люди нашего глобального и запутанного мира в нарастающем объеме делятся разнообразием жизненного опыта. Тем не менее, даже выходя за пределы методологического национализма, мы не можем считать, что в мире исчезли границы и вместе с ними все препятствия для свободного перемещения информации. Сегодня изучение границ и рамок стало чрезвычайно настоящей задачей. В результате осмысления этих противоречий родилась идея разномасштабности, которую мы с Кьярой де Чезаре (Chiara De Cesari) сформулировали в нашей книге «Транснациональная память» (Transnational Memory, 2014). Концепция разномасштабности основана на признании того, что память производится и циркулирует внутри социальных рамок разного масштаба: индивида, семьи, города, региона, нации, континента, мира и т. д. Крайне важно, что рамки не выстраиваются в иерархическом порядке. Каждая из них, от индивидов и сообществ, к которым эти индивиды принадлежат, до более масштабных конфигураций, в равной степени важна для производства памяти и наблюдения за ее изменениями. Согласно такой модели, малое так же важно, как большое, поскольку именно в умах индивидов формируется стремление идентифицировать себя с нацией или с начинающимся процессом формирования наднациональных общностей, таких как Европа.

Тем не менее разные места производства памяти приобретают в разные

времени большую власть в сравнении с остальными. Последние двести лет главным производителем памяти является нация-государство, которая воздействует на умы с помощью школ, музеев и памятников. У нее есть и деньги, и власть, чтобы продвигать национальное понимание прошлого. Но это не единственный игрок на поле памяти. Мы видим, например, что города и городские власти во все большей степени занимаются формированием специфической городской памяти, которая во многом не совпадает с национальными рамками. Кроме того, важным производителем памяти является искусство. Хотя оно не занимает командных высот в публичном пространстве, оно обладает способностью вторгаться в интимное пространство чтения и созерцания индивидов и часто делает это, не обращая внимания на существующие границы или бросая им вызов. Разумеется, мы не должны преувеличивать возможности искусства, тем не менее я считаю, что оно является важным источником производства воображения, альтернативного по отношению к национальной памяти. Поэтому, корректно рассматривая силы, занимающиеся производством и продвижением взглядов на прошлое, мы не можем говорить о какой-либо господствующей силе и приписывать ей исключительную роль в формировании памяти. Вместо этого следует рассматривать производство коллективной памяти как динамическую систему, работающую в ходе взаимодействия различных рамок. В процессе взаимодействия они не только бросают вызов друг другу, но и порой взаимно усиливаются. В то время как власти государств и го-

родов имеют монополию в публичном пространстве, медиа, искусство и местные маломасштабные инициативы могут выдвигать альтернативы, позволяющие мобилизовать людей, как в отдельных местностях, так и за пределами наций-государств.

С.Э. Вы считаете, что необходимо различать миф и память. Я не понимаю, как можно разделить эти феномены. В частности, вы упомянули миф о золотом веке. Это нарратив, позволяющий вспоминать о прекрасных временах, которые, к несчастью, ушли безвозвратно. Я не согласен, что миф о золотом веке относится исключительно к отдаленным временам. Каждая европейская нация, или, точнее, почти каждая социальная группа внутри этих наций, вспоминает свой золотой век, относящийся к разным десятилетиям XX в. Поэтому для того, чтобы отделить память от мифа, необходимо переопределить понятие памяти. Вы можете описать «немифическую» память? Какую роль играет академическая история в рамках оппозиции мифа и памяти? Как мы можем отличить историю от других составляющих «немифической» памяти? Может, нам стоит различать мифологическую память и академическую историю как два противоположных подхода к прошлому?

Э.Р. Мое обращение к мифу связано с критикой книги Энтони Смита «Мифы и памяти нации» (Anthony Smith. *Myths and Memories of the Nation*, 1999). Смит предполагает, что все нации опираются на мифы основания, уходящие в далекое прошлое. Его работа исходит из того, что память должна рассматриваться

как неизменяемое наследие, которое сформировалось столетия назад. Я критиковала такой подход как «овеществление» событий прошлого, которое не позволяет рассматривать это наследие как ресурс, отвечающий на вызовы настоящего и формирующий образ будущего. Говоря о коллективной памяти, необходимо различать «воспоминание» (то, как мы воображаем прошлое) и «историю» (изучение того, что же именно происходило в прошлом). Очевидно, что воспоминание и история взаимосвязаны, т.к. профессиональный долг историков состоит в том, чтобы приблизить, насколько это возможно, коллективные представления о прошлом к реальным событиям прошлого, но два этих феномена никогда не совпадают полностью.

Разделяемые обществом представления о прошлом подвергаются постоянным изменениям и приспособляются к современности и в связи с тем, что новые события проливают на них дополнительный свет, и потому, что обнаруживаются неизвестные дотоле архивные документы. Тем не менее некоторые воспоминания изменить чрезвычайно трудно, поскольку те, кто в них верит, сопротивляются мысли, что они не соответствуют исторической истине. Такие устойчивые и неизменные формы памяти справедливо именуется мифами, и действительно, как вы отмечаете в своем вопросе, часть из них относится к не столь давним временам, о которых пишет Смит. Мифы — это те нарративы прошлого, которые сопротивляются пересмотру, как в свете новых обстоятельств, так и под влиянием свежих находок историков. Эрнест Ренан справедливо писал, что

исторические исследования всегда враждебны нации, потому что они требуют от людей отказываться от дорогих им верований. Исторические исследования, разумеется, не единственный способ бросить вызов мифам и создать новые нарративы. Искусство является другим весьма влиятельным источником преобразований памяти. Французский философ Поль Рикёр удачно различает «память-повторение» (*repetition memory*), грубо совпадающую с тем, что я назвала мифом, и «критическую память» (*critical recollection*), которая требует новых подходов к прошлому. Поэтому я не стала бы рассматривать «миф» и исторические исследования как два альтернативных способа воспоминания, но скорее как разные стадии продолжающегося производства, воспроизведения и критического преобразования памяти.

С. Э. Главная идея знаменитой книги Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» состоит в том, что социальные рамки определяют коллективную память. Вы считаете, что между этими двумя феноменами существует взаимозависимость. Следовательно, меня нарратив, мы тем самым также изменяем рамку памяти. Означает ли это, что с помощью памяти мы можем изменить современный мир наций-государств? Я был бы счастлив, если конструирование будущего стало бы частью наших профессиональных обязанностей. Тогда исследования памяти преобразовались бы в дисциплину *прикладной* истории. Каким параметрам, по вашему мнению, должны соответствовать новые нарративы памяти, способные одолеть растущую волну национализма?

Э.Р. Нациестроительство было тесно связано с культивированием прошлого, с производством и распространением коллективной памяти. Возникавшие нации затрачивали значительные средства на коммеморацию, которая рассматривалась как краеугольный камень национальной идентичности. В то время как национальные памяти постепенно приобрели в глазах их носителей характер неизменного феномена, восходящего к седой древности, историческая наука продемонстрировала, что они были сформированы в конкретные и не столь далекие периоды истории на основе таких культурных практик, как репрезентация, мемориализация и консервация. Если национальная память является продуктом культурных процессов, то и другие ее формы могут быть вызваны к жизни с помощью по-иному работающих медиа и культурных практик. Если нации были воображены, то почему это невозможно применительно к другим формам сообществ? Воображение может создавать и пересоздавать границы воображаемых сообществ. Но это нелегко. По ходу недавних дебатов вокруг брексита стало очевидным, что овеществленные понятия нации постоянно используются участниками дискуссий. Заметно, что идея однородной и автономной нации используется как ностальгический защитный механизм в ситуа-

ции, когда эта идея явно расходится со сложно переплетенным современным миром и полиэтничным составом британского общества, который сам по себе является наследием британского колониализма. Как ученые мы нуждаемся в понимании динамики, посредством которой изменяются идентичности и тестируются иные рамки, лучше соответствующие современному миру. Кроме этого, мы также должны понять, почему часть людей не в силах отказаться от любимых ими верований в мифическую нацию.

С.Э. И заключительный вопрос о ваших научных планах.

Э.Р. Мой новый проект посвящен следующим вопросам: каким образом в Европе вспоминаются протесты прошлого, каким образом представления современников отличаются от интерпретаций, сделанных «задним числом», и как более ранние движения подпитывают современные протесты. Я выбрала эту тему в надежде уйти от традиционных сюжетов войн и жертв, которые до сих пор доминируют в современных исследованиях памяти. Моя цель восстановить практики памяти, относящиеся к мирной жизни и переговорам по поводу гражданских прав.

С.Э. Спасибо за ваше интервью!

“WE NEED ALSO TO UNDERSTAND WHY SOME PEOPLE REFUSE TO LET GO OF CHERISHED BELIEFS ABOUT A MYTHICAL NATION”.

Interview with Ann Rigney

Rigney Ann – Prof. of Department of Languages, Literature, and Communication, Utrecht University (Netherlands)

Key words: family, national and global memories, multiscalarity, history and myth.

Abstract. In her interview prof. Rigney tells that family memory often transforms historical events in folklore. She remembers how nationalistic education in the Irish high-school pushed her to the global point of view. Prof. Rigney clarifies her concept of multiscalarity and how she treats relations between memory, history and myth. She reflects how the researchers of memory are able to counteract to the going nationalistic trend and tells about her academic plans.

ВОСПОМИНАНИЕ КАК ПРЕОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРЕСМОТР ПАМЯТЕЙ НАЦИИ¹

Ключевые слова: культурная память, национальные мифы, социальные рамки памяти, культурная динамика, опосредование (mediation), разномасштабность (multiscalarity), артикуляция, разнонаправленность (multidirectionality).

Аннотация. В статье переосмысливаются, исходя из перспективы недавних исследований культурной памяти, положения основополагающей работы Энтони Смита (Anthony Smith) «Мифы и памяти нации» (Myths and Memories of the Nation, 1999). Приводятся аргументы в пользу того, что миф существенно отличается от памяти. Доказывается, что культурная память включает воззрения, основанные на недавнем опыте, которые часто работают против власти мифа, понимаемого как бесспорная истина о прошлом. В статье представлена динамическая и продуктивная модель, позволяющая конструировать память в терминах культурных практик воспоминания. Показывается, что память не является неизменным наследием. Это скорее пластичный материал для изготовления историй, посредством которых различные сообщества рассказывают о своем прошлом. В данной статье дополняется тезис Хальбвакса (1925), согласно которому социальные рамки выступают предпосылкой формирования памяти. Доказывается, что воспоминание является культурной силой, которая помогает переопределить социальные рамки через установление связей между прежде несвязанными воображаемыми сообществами.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-17-41

В своей работе «Мифы и памяти нации» Энтони Смит приводит веские доказательства в пользу той важной роли, которую «прошлое играет в сотворении настоящего» (Smith 1999: 180). «Этноистория», под которой понимаются как история сообщества, так и ее репрезентации, является, по мнению Смита, ключевым

элементом в конструировании национальной идентичности. Он убедительно доказывает, что чувство преемственности с прошлым в сочетании с чувством общего происхождения являются основой этнической идентичности и важнейшим генератором коллективной лояльности и веры в то, что представители одного

© Энн Ригни, 2020

Ригни Энн — заведующая кафедрой сравнительной литературы Утрехтского университета (Нидерланды); a.rigney@uu.nl

¹ Впервые опубликовано: *Ann Rigney*. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited. *Nations and Nationalism*. 24 (2), 2018, 240–257. DOI: 10.1111/nana.12388.

сообщества обладают сходными чертами. Однако в заключительной части главы «Этнический национализм и тяжелое положение меньшинств» Смит выражает надежду, что мы сможем «выйти за пределы мира наций» и присущих им механизмов исключения «чужаков»: даже если это невозможно в настоящем и остается мечтой, время которой еще не настало, тем не менее мы, возможно, способны сконструировать более полиэтничные нации, объединяющие своих членов с помощью культурных, территориальных, экономических и законодательных связей. Это позволит принять многих беженцев, ищущих убежища по миру, которым будут предоставлены гарантии безопасности в качестве представителей этнических меньшинств. Если эта надежда окажется тщетной, то в новом тысячелетии мы станем свидетелями гораздо большего числа трагедий беженцев (Ibid.: 201).

Двадцать лет спустя после того, как Смит в своей книге признал сложности, вызванные «выходом за пределы мира наций», его точка зрения получила дополнительные обоснования. Неуверенной европейской интеграции противостоят рост этнопопулизма и проблемы с ассимиляцией мигрантов. Сегодня этноистория — это не просто признак национальной идентичности, это оплот против перемен. Суть этой проблемы, по мнению Смита, состоит в «исключающем» характере этноистории, которая герметично изолирует одну группу от другой. В то время как представители различных этносов могут время от времени обсуждать и по-новому интерпретировать проблемы общего прошлого, этноисто-

рии по своей сути являются «взаимонепроницаемыми» (Ibid: 9, 17). Они не могут быть распространены на новых пришельцев, поскольку основаны на идее наличия у каждой группы «собственных» предков и полученного от них из глубины веков неделимого культурного наследия. Лучшее, на что можно надеяться в нынешних сложно сплетенных обществах, заключает Смит, это взаимная терпимость и мирное существование, оставляющее за рамками исторические различия.

Я собираюсь смягчить пессимистические выводы Смита, или по меньшей мере переосмыслить используемые им понятия, взглянув по-иному на его определения мифа и памяти. Эти термины, вынесенные в название книги, являются краеугольным камнем его подхода к этноистории. На первый взгляд Смит дает относительно непротиворечивое понимание мифа. Мифы глубоко укоренены в нарративах идентичности, которые могут быть пущены в ход каждый раз, когда этого требует ситуация. Поскольку они ассоциируются с «вечной истиной» и их истинность не подвергается сомнению, они обладают огромной энергетикой, позволяющей мобилизовать чувство неизменной идентичности. Закономерно, что часто эти мифы повествуют о происхождении этноса. Их нелегко изменить, т.к. они не только являются ядром идентичности, но и потому, что сам факт их укорененности в глубине веков выступает аргументом в пользу сообщаемой ими неопровержимой истины. Для того, чтобы обнаружить изменения, которые происходят в коллективном восприятии и оценке, требуются критические исследования

конкретных случаев (Ibid.: 227). Если привести пример не упомянутого Смитом, но вписывающегося в его концепцию мифа Конфедерации южных штатов «Потерянное дело» (Lost Cause), то его приверженцы относятся к нему как неизменной истине, в то время как исследования показывают, что миф возник в конкретных исторических обстоятельствах и был создан в соответствии со специфическими культурными моделями (Rigney 2012a: 106–126).

В противоположность с четко очерченным понятием мифа, понятие памяти, предложенное Смитом, не выглядит убедительно, особенно с учетом огромного массива работ по этой теме, вышедших в последние два десятилетия. Слово «память» постоянно присутствует в его работах, но обычно в связи с другими близкими терминами: не только с мифами, но также с этноисторией, наследием, верованиями, традициями и т.д., — следовательно, оно рассматривается как часть более широкого и лишь схематически очерченного семантического поля. Такое использование данного набора понятий позволяет поместить работы Смита в один ряд с трудами Дэвида Лоуэнthalя (Lowenthal 1985) и Патрика Хаттона (Hutton 1993), т.е. на передовой край того направления, которое позже вызовет прилив интереса к разнообразию исторического опыта и множеству способов, посредством которых народы взаимодействуют со своим прошлым. В настоящее время мы в состоянии очертить данное поле с большей точностью. Прежде всего, память должна быть отделена от мифа.

Современному читателю особенно бросается в глаза, что Смит детально

рассматривает только классическое исследование Йосефа Хаима Йерушалми «Захор» (Помни!), посвященное важной роли памяти в культивировании еврейской идентичности (Yerushalmi 1982). Хотя в книге Смита встречаются отдельные ссылки на такие работы начала 1980-х, как «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона (Anderson 1983), «Изобретение традиции» Эрика Хобсбаума и Терри Рэнджерса (Hobsbawm, Rangers 1983) и «Места памяти» под редакцией Пьера Нора (Nora 1984–1992), автор почти не использует богатый массив литературы о памяти, вышедшей с начала 1990-х. Кроме того, он почти не ссылается на историю XX в. и не рассматривает живую память о недавних исторических событиях. Он упоминает Холокост скорее для того, чтобы объяснить причины не столь давнего возрождения в еврейской этноистории памяти о крепости Масада, чем с целью рассмотрения культуры и практик памяти последних десятилетий. В то время как термин «память» постоянно присутствует на страницах «Мифов и памяти», понимание этого феномена остается на удивление расплывчатым. К счастью, сегодня, благодаря достижениям в сфере междисциплинарных исследований памяти, это понятие может быть рассмотрено в более аналитической манере. В последние двадцать лет развитие этого научного направления тесно связано с изучением наследия Холокоста, хотя им не ограничивается (Olick et al. 2011: 29–36). Исследования памяти ставят ученых-гуманитариев и представителей социальных наук перед вопросом: каким образом общества вспоминают и как это влияет на социальные отношения? Социальные науки подходят

к этой проблеме с помощью понятия «коллективная память», сформулированного в 1920-х усилиями Мориса Хальбвакса. Гуманитарии, в том числе и я, опираются на понятие «культурной памяти», которое было предложено Яном и Алейдой Ассманнами в 1990-х (*Assmann* 1999; 1997; 1995) и с тех пор развивалось совместными усилиями многих исследователей (*Erl* 2011a; *Erl*, *Nünning* 2008). Как явствует из названия, исследования культурной памяти уделяют особое внимание роли нарративов в формировании представлений о прошлом, роли медиа в передаче и распространении этих нарративов, а также о способности последних мобилизовать эмоции и лояльности. Развитие данного направления исследований с очевидностью демонстрирует, что «коллективная» и «культурная» памяти — это две стороны одной монеты и что культурные и социальные процессы питают друг друга.

Для теоретического обоснования того, что память отличается от мифа, я буду опираться на исследования культурной памяти. Я предлагаю динамическую и продуктивную модель, которая рассматривает память как периодически возобновляющийся импульс, побуждающий вспоминать прошлое, исходя из меняющейся перспективы настоящего. Ее ядром является операция, которую Стивен Гринблатт назвал «социальной энергией» (*Greenblatt* 1988). Эта энергия находит выражение в производстве, воспроизводстве, циркуляции и трансформации историй о коллективном прошлом. Таким образом, память есть результат «актов памяти» (*Bal et al.* 1999), «мнемонических практик» (*Olick, Robbins* 1998) или

того, что далее будет просто именоваться «воспоминанием», с целью указать, что это акт производства значений в настоящем времени. Воспоминание переплетается с такими феноменами, вызывающими озабоченность наших современников, как нарративы о прошлом и нарративы из прошлого. Поль Рикер уже доказал, что в коллективном воспоминании существует диалектическое противоречие между силой повторения и силой критического осмысления (*Ricoeur* 2006). Эта диалектика позволяет наметить отличие между мифом — сосредоточением нарративов идентичности, которые постоянно воспроизводятся, т.к. считаются воплощением вечной истины, и памятью — местом критического взаимодействия с прошлым. С этой точки зрения, воспоминание является активным принципом, в результате работы которого миф не только воспроизводится, но и медленно меняет конфигурацию. Память, особенно память о недавних событиях, может работать против той власти, которую миф стяжал над гораздо более длительными периодами памяти. Отличие мифа и памяти часто соответствует разнице временных шкал (миф укоренен в глубине времен, память относится к не столь давним событиям), но принципиальное отличие лежит в вопросе пластичности.

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ВОСПОМИНАНИЯ

В общепринятом смысле коллективная память уподобляется семейной реликвии, которая передается в целостности и сохранности из поколения в поколение. Исследования культур-

ной памяти, как свидетельствует термин «воспоминание», используют другой подход. В этом случае память воспринимается не как набор вещей, которые надо сохранить в неприкосновенности, но как практика отбора, где ориентация в сторону «пространства опыта» питается современным «горизонтом ожиданий» (*Koselleck* 1985), и наоборот. В результате «рабочая память» общества всегда, в противоположность потенциальной памяти, скрытой в архиве, является избирательной, никогда не совпадающей с той тотальностью опыта, которая в будущем может стать воспоминанием (*Assmann* 2008). Это избирательное преобразование архива в память никогда не является односторонним процессом; то, что в одно время было не на виду, позднее может стать частью памяти, и наоборот, то, что было когда-то важным, может быть впоследствии предано забвению (*Olick, Robbins* 1998).

Опосредование (*mediation*) является ключом этой динамики. Память становится коллективной, когда ею делятся, но чтобы ей можно было поделиться, она должна быть опосредована². Под опосредованием я понимаю не только каналы передачи, но и сами культурные формы, используемые для придания смысла событиям.

Одно из главных открытий, сделанных в ходе изучения воспоминаний о Холокосте, состоит в том, что наша способность придать смысл истории ограничена: в случае травматических явлений культурные и познавательные схемы для регистрации того, что произошло, и для сообщения об этом не способны адекватно функционировать (*Friedlander* 1992; *Caruth* 1996; *Craps* 2013). Свойство быть запоминаемыми (*memorability*) не присуще событиям само по себе. Их запоминание зависит от способности людей проговаривать свой опыт и преобразовать его в форму, которую возможно передавать другим. Язык, изображения, памятники и публичные церемонии являются средствами, используемыми для формирования, передачи и распространения нарративов о прошлом. Если миллениалы (поколение 1981–1996 гг. рождения) что-то знают, например, о Первой мировой войне, то это произошло благодаря воздействию историй и образов, воплощенных в культурных текстах³. Возникает вопрос, каким образом конкретные медиа (печать, телевидение, театр и Интернет) и конкретные культурные формы (эпос, мелодрама, документальные свидетельства и т. д.) помогают формировать память, воздействуя на умы и сердца?⁴ Мемориал

² Термин «коллективный» здесь понимается на основе предложенного Джеффи Оликом различения между совокупностью индивидуальных памяти (*collected memory*), подверженных воздействию культурного контекста, и коллективной памятью (*collective memory*), которая является общим достоянием членов группы.

³ О роли документального фильма «Шоа», ставшего катализатором памяти о Холокосте, см.: (*Hirsch* 2012: 8–10); о воздействии американского телевизионного сериала «Холокост» см.: (*Kansteiner* 2006). Роль медиа в создании общих точек отсчета является структурной характеристикой современной культуры памяти. Но этот феномен возник задолго до эры телевидения. Многочисленные свидетельства убеждают, что уже в начале XIX в. беллетристика играла важную роль в производстве этноистории (*Rigney* 2012a).

⁴ См., например: (*Erl, Nünning* 2008: Section V (Literature and Cultural Memory) and VI (Media and Cultural Memory); *Erl, Rigney* 2009; *Hajek et al.* 2016).

в Тьепвале (1932) Эдвина Лаченса, посвященный пропавшим без вести, роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1928), фильм, снятый Льюисом Майльстоуном по мотивам данного романа (1930), и Музей Фландрских полей в Ипре (основан в 1998) — каждый из этих «посредников» (medium) по-разному вспоминает Первую мировую войну, завладевая чувствами и воображением публики. При передаче памяти медиа, как и в других ситуациях коммуникации, сами по себе являются сообщениями. Это означает, что об одних событиях вспоминают больше, чем о других, только потому, что они легче «захватываются» доступными средствами переноса культурной информации. Примечательно, что Смит почти не говорит о способах передачи памяти и о том, как разные индивиды и разные поколения способны тем не менее развивать общую систему мемориальных координат.

Как показывает пример Первой мировой войны, медиа редко работают поодиночке. Память переносится не одиноким посредником, но постоянно воспроизводится (remediated) (Erll, Rigney 2009), поскольку циркулирует в разномедийных сетях (plurimedial networks) (Erll 2011a) в форме журналистики, искусства, науки, музеев, публичных ритуалов и т.д. Память всегда «движется» (Rigney 2012a), «путешествует» (Erll 2011b) с одной платформы на другую, вовлекая различные культурные формы и меняющиеся социальные контексты. Без повторения она замирает (Olick, Robbins 1998). Благодаря постоянному повторению она не только продолжает завладе-

вать новой публикой, но и постоянно претерпевает небольшие изменения. Социальная энергия, направляющая эту активность, порождается не только согласием, но и разногласиями (Rigney 2007). Стремление отстаивать что-либо перед лицом возможного отрицания является мощным стимулом для публичных актов воспоминания (см. также: White 1987). В связи с этим «агонизм» недавно был объявлен структурной принадлежностью работы памяти: разногласия остаются активной общественной силой (Bull, Hansen 2015).

Воспроизведение памяти в виде повторения вступает в конфликт с фоновыми изменениями внутри «культуры памяти», или того, что по-немецки именуется *Erinnerungskultur* (Erll 2011a; Assmann 1997). Понятие «культуры памяти» подразумевает, что коммеморация, будучи культурной практикой, сама подвержена историческим изменениям. Нарративы, эстетические формы и медиатехнологии изменяются со временем под воздействием преобразований всего культурного контекста.

При этом память выступает маркером коллективной идентичности. Общества, как показал Дэвид Лоуэнталь, «одержимы прошлым» (Lowenthal 1985). Одержимость памятью в виде мемориалов и музеев резко возросла после Второй мировой войны. Андреас Хюссен объясняет такую реакцию продолжающимся воздействием «радиоактивных осадков» (fallout) Холокоста, высокими темпами изменений в современном обществе и смертью ориентированных в будущее больших нарративов (Huysen 2000). Сегодня волна поствоенной

памяти, видимо, идет на спад. Но эта тенденция только подтверждает базовый принцип: коллективная озаченность памятью сама по себе является исторически изменчивой, т.е. в отдельные периоды истории она играет более важную, по сравнению с другими эпохами, роль ключа к идентичности.

Эти изменения влияют не только на интенсивность, с которой культивируется память, но также на ее моральный регистр и выбор приемлемых форм для ее выражения. Смит подробно пишет о том, что мифы «мужества», «возрождения» и «золотого века нации» выступают в качестве важных моделей этнической идентичности, и демонстрирует, как они впитываются в интерпретации не столь давних, таких как, например, Дюнкерк, событий (Smith 1999: 61–62, 72–73). Действительно, до Первой мировой войны в культурах памяти в центре внимания находились триумфы и победы, а также героические индивиды, которым они приписывались. Свидетельством этого служат масштабные памятники великим политикам, художникам и писателям, которые возвышаются на городских площадях по всей Европе и которые, напоминая о «великих людях», призваны мобилизовать гражданскую и национальную гордость (Leerssen, Rigney 2014). После Первой мировой войны, как это показано в новаторской книге Джея Винтера «Места памяти, места траура» (Winter 1995), произошел сдвиг, начиная с Западной Европы, сдвиг, в результате которого подчеркива-

ются страдания, жертвы и скорбь как главные составляющие запоминаемости. С тех пор травматическая модель воспоминания и то, что Джеффри Олик назвал «политикой сожаления» (Olick 2007), управляют выбором тем, считающихся приемлемыми для коммеморации и мемориализации: в наши дни память там, где больно.

Эта смена парадигмы идет рука об руку с минималистской эстетикой публичных памятников: если лев, водруженный на поле Ватерлоо в 1820–1826, самоуверенно смотрит в будущее сверху вниз и вдаль, то знаменитый мемориал ветеранам Вьетнамской войны в Вашингтоне (Майя Лин, 1982) — мрачная понижающаяся горизонталь — является местом для интимной и в то же время публичной скорби по погибшим американским солдатам, чьи имена высечены на черном мраморе. Эта эстетика скорби была воспроизведена в множестве мемориалов по всему миру, включая новый мемориал жертвам Холокоста, строительство которого запланировано в Амстердаме. Его автором является Дэниэль Либескинд (Daniel Libeskind), архитектор Еврейского музея в Берлине и мемориала Нулевого уровня 9/11 в Нью-Йорке⁵. Метаязык коммеморации также изменился вместе с этими практиками. Понятие «памятник» было в целом замещено «мемориалом». Нынешняя эстетика скорби, подобно тому, как это делало в XIX в. монументальное искусство, способствует запоминанию одних событий и не пропускает через свои

⁵ www.holocaustnamenmonument.nl. Стиль памятников неявно наводит на сравнение катастрофы 11 сентября 2001 г. и Холкоста. Это «перенесение памяти» не осталось незамеченным (Akcan 2010).

фильтры другие. Примечательно, что даже в тех случаях, когда публичная коммеморация используется для усиления национальных и местных особенностей, ее язык и в эпоху Модерна, и сейчас носит транснациональный характер.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ВОСПОМИНАНИЯ

В предыдущем разделе была очерчена продуктивная и динамическая модель памяти и культурных практик, основанная на том, что запоминание обусловлено культурным производством в изменяющемся контексте. Одна из ключевых проблем, с которой все еще сталкиваются исследования памяти, состоит в объяснении того, каким образом культурные составляющие памяти и социальные механизмы включения и исключения воздействуют друг на друга. Исследования по истории коммеморативной культуры показывают, что «сообщества памяти» (Zerubavel 2003) создаются на основе чувства общей принадлежности, которое возникает благодаря общему прошлому. В своей пионерской работе, впервые опубликованной в 1925 г., Морис Хальбвакс заявил, что «социальные рамки» формируют воспоминания людей, фильтруя нарративы согласно их значимости для коллектива: одобряется передача только тщательно отобранных фактов, приемлемых для тех коллективов, к которым люди себя относят. Из этого следует, хотя сам Хальбвакс не придал этому значения, что, когда идеи о том, «что важно» для коллектива, изменяются, в памяти также происходят изменения.

Теоретизация отношений между воспоминанием и забыванием создает эффективную оптику для рассмотрения динамики памяти. В своей классической лекции «Что такое нация?» (1882) Эрнест Ренан уже обозначил, что забывание является необходимым дополнением памяти (Renan 1947–1961). Члены нации должны вспоминать то, что их объединяет, и забывать то, что их разъединяет. В случае Франции — к последнему, например, относятся Варфоломеевская ночь и крестовые походы против альбигойцев. В соответствии с этим исследователи доказывают неразрывную связь памяти и забывания и указывают на необходимость рассматривать их во взаимодействии (Connerton 2008; Assmann 2016). В результате значительно расширился набор понятий, пригодных для анализа многочисленных форм коллективной амнезии. Их можно ранжировать, начиная от «активных форм забывания» (Ricoeur 2006; 2000), таких как «подчистка» архивных следов и «пакты молчания» (Passerini 2003; Ben-Ze'Ev et al. 2010), до более пассивных форм забывания, что приводит к игнорированию или неспособности понять смысл тех или иных «следов» или голосов. В этом отношении культурное воспоминание может рассматриваться по аналогии с личной памятью (Schacter 1996), как анамнез (припоминание), т. е. нечто незабываемое. Забвение скорее, чем воспоминание, рассматривается в качестве неявного условия работы памяти.

Динамика отношений между незабываемым, вспоминаемым и забываемым никогда не бывает прямой, особенно в периоды по-

сле конфликтов. «Войны памяти» (Blanchard, Veyrat-Masson 2008) могут рассматриваться как продолжение политических конфликтов другими средствами (см. также: Hodgkin, Radstone 2003; Olick 2003). Горячие дебаты по поводу наследия гражданской войны, до сих пор ведущиеся в Испании, представляют типичный пример. С одной стороны, предпринимаются попытки отменить «активное забывание» памяти республиканцев, для чего, в частности, производится эксгумация и идентификация «исчезнувших» (Ferrándiz 2014). С другой стороны, пытаются отвергнуть политику памяти режима Франко, в том числе убрать гигантский памятник из Долины павших (Aguilar, Payne 2016; Richards 2013; Aguilar 2002). Подобная борьба с целью придать гласности забытые истории и вместе с тем переписать прежние формы воспоминания также наблюдается в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы (Tornquist-Plewa 2016; Bernhard, Kubik 2014). С помощью подобных актов контрвоспоминания в различных местах памяти и посредством разномедийных сетей память постепенно переделывается. Яэль Зерубавель указывает на «поворотные пункты памяти» (Zerubavel 1995), когда господствующие нарративы перестают поддерживать коллективную идентичность изменяющегося общества и открывается путь для альтернативных нарративов. Как показывает опыт Испании, эти повороты не осуществляются без огромных усилий. Тем не менее, как можно убедиться на примере изменений, произошедших в последние десятилетия в Ирландии, они могут произойти и они происходят.

В этой стране пассивное забывание ирландцев, которые служили в британской армии во время Первой мировой войны, сменилось медленной интеграцией памяти о них в коммеморативный цикл Ирландской республики (Beiner 2007; Rigney 2007). Необходимо отметить, что «войны памяти» обычно ведутся по поводу относительно недавних, хорошо документированных событий. Гораздо реже они затрагивают старинные мифы об этническом происхождении, которые обсуждает Смит. Возможно, это происходит потому, что в случае отдаленного прошлого отсутствует сопоставимый с недавними событиями набор из множества альтернативных историй, способных заменить существующие.

Преобразование памяти происходит не только в результате открытых столкновений противоборствующих сторон. Иногда приходится преодолевать не осознанный антагонизм, а безразличие, которое, несмотря на кажущуюся «мягкость», весьма могущественно. Анн Лора Столер (Ann Laura Stoler) блистательно описала неудачу европейцев в формировании памяти о колониализме, которая приобрела вид пассивного забывания, именуемого автором «афазией». Колониальная афазия означает неспособность связать различные события таким образом, чтобы колониальное насилие и их современное наследие осмысливались не как побочные эксцессы, а как структурные явления. Афазия «отключает» (disables) отдельные события (согласно используемой здесь терминологии — уменьшает их запоминаемость), отвязывая их от главных нарративов,

формирующих идентичность (Stoler 2011). Преодоление афазии требует как новых рамок понимания, так и стратегий по преодолению сопротивления, поскольку такое переосмысление воспринимается как покушение на существующие идентичности. Пока такие прорывы не происходят, афазия загораживает доступ к нежелательным сегментам памяти, несмотря на наличие архивных свидетельств, которые способны породить альтернативные нарративы. Афазия убедительно иллюстрируется исследованием Паулуса Бижла (Paulus Bijl), посвященном фотографиям 1904 г., где запечатлены зверства голландских колонизаторов в султанате Аче на острове Суматра (Bijl 2015). Эти фотографии с 1904 г. находятся в публичном обращении, но они не были интегрированы в более широкий нарратив. В результате каждое поколение открывало их заново. Бижл демонстрирует, что способность «видеть» фотографии связана с изменением нарративных схем и расширением социальных рамок, используемых в публичном пространстве Нидерландов для осмысления прошлого и настоящего. Неспособность вспоминать определяется нежеланием вообразить сценарии, которые отличаются от мифов, укоренившихся в общественном сознании⁶.

Другие исследования показывают, что преобразования памяти и сопротивление забыванию все-таки осуществляется, хотя и медленными темпами. Акты воспоминания, относящиеся к прежде «не замечае-

мым» группам, часто продвигаются «на закорках» (piggyback) существующих ритуалов, что позволяет сделать их слышимыми широкой публике. Так, недавний обычай использовать черные маки позволяет вспомнить об участии в Первой мировой войне в составе британской армии уроженцев Карибских островов (Bourne 2014). Уже установлено, что разнонаправленность (multidirectionality) является структурной характеристикой динамики памяти, которая позволяет новым нарративам заявить о себе по аналогии с более знакомыми историями. Майкл Ротберг (Michael Rothberg) путем сравнения значительного массива текстов показал, что память о Холокосте стала моделью для публичного воспроизведения памяти о колониализме, и напротив, разговор о колониализме позволил обогатить язык рассуждений о Холокосте. Сопоставляя эти два нарратива, воспоминание связывает места страданий, разбросанные по миру. Работа памяти по «связыванию» не просто воспроизводит существующие отношения, но способствует актам «установления общей принадлежности (affiliation), путем преодоления различий» (Hirsch 2012: 21).

Процесс постепенного попадания колониальных фотографий, изученных Бижлом, в поле общественного зрения показывает, каким образом опосредованные масс-медиа практики воспоминания вносят изменения в списки событий, относимых к достойным упоминания. Последние годы отмечены настоящим взрывом

⁶ См. одну из редких работ, где обсуждается важная роль воображения в работе культурной памяти: (Keightley, Pickering 2012).

общественного и научного интереса к жертвам голландских военных и к вопросу о том, сколь систематическими были насилия в контролируемой голландцами Индонезии⁷. С другой стороны, также возрастает общественное признание того, что миллионы солдат из европейских колониальных владений участвовали в двух мировых войнах. Этот факт десятилетиями оставался вне поля зрения публики (*Das* 2014). Их роль в качестве субъектов истории медленно воскресает из забвения посредством исторических сочинений, романов, фильмов и мемориалов, которые, резонируя друг с другом в транснациональных разномедийных сетях, делают их видимыми для европейской публики. Повторение актов воспоминания, питаемых воображением и свидетельствами, постепенно приводят к преобразованию господствующих нарративов через включение в их состав новых участников.

Приведенные примеры относятся к недавнему прошлому. Но подобная работа памяти производилась уже в ходе строительства наций-государств, представляющих, по мнению Бенедикта Андерсена, «новый способ осмысленно связать между собой братство, власть и время». Это вело к «натурализации» воображаемого родства через рассказывание историй (*Anderson* 1983: 36). Мотором этой работы воображения была культура печати, прежде всего газеты и романы. Если бы воображаемые сообщества наций-государств нача-

ли возникать на несколько десятилетий позже, то в число инструментов их формирования, несомненно, попали бы визуальные и аудиовизуальные медиа, не говоря об Интернете, которые не только воспроизводят воображаемые сообщества, но и помогают переопределить состав их членов. Более того, там, где Андерсон подчеркивает роль медиа в создании чувства «ограниченного» сообщества (*Ibid.*: 7), недавние исследования уделяют большое внимание не менее важной роли медиа в процессе разрушения этих границ. Очевидно, что в нынешнем мире глобальной коммуникации (но возможно, что это началось еще в печатную эру) культура подобна погоде: ее невозможно остановить с помощью национальных границ⁸.

Ключевой темой исследований культурной памяти является роль искусства в создании предпосылок для такого рода воображения и эмоций, которые бы сделали публику восприимчивой к новым нарративам и способной ощутить принадлежность к новым сообществам. «Погружающие» (*immersive*) способы повествования, такие как фильмы и романы, производят так называемую «протезную» (*prosthetic*) память (*Landsberg* 2004), что означает создание условий для сочувствия опыту и устремлениям до того неизвестных людей. Погружающие представления являются основным средством перемещения памяти через границы культурных различий. Предложенная Алисон Ландсберг модель мнемонического

⁷ В декабре 2016 г. голландское правительство поручило провести масштабное исследование насилий, совершенных голландскими военными в 1945–1949 гг. Такое решение было принято в том числе и под воздействием массива свидетельств, представленных в (*Limpach* 2016).

⁸ Благодарю Джона Леерсена за эту аналогию.

перемещения создана на основе изучения роли кинофильмов в общении недавних иммигрантов в США к новому мнемоническому сообществу и в отказе от унаследованных этноисторий. Ее идея о роли искусства в переносе памяти через культурные границы может быть приложена в более широком контексте. Приведем лишь отдельные примеры. Награжденный премией «Оскар» фильм Рашида Бушареба «Туземцы» (*Indigènes*, 2006), посвященный роли солдат из Северной Африки в освобождении Франции в годы Второй мировой войны, послужил катализатором для ознакомления французской публики с деятельностью до тех пор не замечаемой группы, в результате чего дожившим ветеранам были выплачены пенсии⁹. Тот факт, что такие фильмы, как «Туземцы», «На Западном фронте без перемен», романы «Война и мир» (1865–69) Льва Толстого и «Маковое море» (2008) Ами-тава Гоша, пьесы «Вильгельм Телль» (1804) Шиллера и «Дни Коммуны» (1949) Брехта циркулируют не только на родине, но и по всему миру, свидетельствует о силе искусства, способного привлекать внимание к историям «других народов».

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РАМОК ПАМЯТИ

В своем описании социальных рамок памяти Хальбвакс признает, что люди производят память внутри множества рамок, различающихся по социальным, географическим и временным параметрам. Важнейшие из них: семья, класс, религия и, на не-

котором отдалении, поскольку в его модели этот параметр меньше связан с непосредственным опытом, нация. В то время как в последующих дискуссиях классу и религии не уделялось большого внимания, первостепенная роль семьи, как социальной рамки памяти, была подтверждена исследованиями культурных практик, относящихся к коммеморации Холокоста. Среди них выделяется работа Марианн Хирш (*Marianne Hirsch*), посвященная передаче травматической «постпамяти» последующим поколениям (*Hirsch* 2012).

В то время как этничность все время вовлечена в память, не любая коллективная память влечет за собой этничность. Тем не менее последние 200 лет нация, вне всякого сомнения, предоставляет господствующую рамку для масштабных публичных актов воспоминания. В своей работе о «культивации культуры» как составной части романтического национализма Джоел Леерсен (*Joel Leerssen*) в поразительных деталях показывает, что в течение XIX в. память приобрела отчетливый национальный облик. Кроме того, он демонстрирует, каким образом формирование отграниченных снаружи и связанных изнутри наций сочеталось с производством культурной памяти в форме основополагающих нарративов, канонов литературы и искусства и материального наследия, отличающих нацию от других наций (*Leerssen* 2006).

Неудивительно, что нация оказалась в центре исследований памяти,

⁹ URL: fr.wikipedia.org/wiki/Indig%C3%A8nes. О роли беллетристики в качестве катализатора публичных дискуссий см.: (*Rigney* 2008).

образом чего стал монументальный многотомник «Места памяти» (1984–1992) под редакцией Пьера Нора, подражания которому вышли по всей Европе. Нора критиковали за игнорирование колониальной истории Франции (Stoler 2011; Rothberg 2010). Тем не менее никто не ставит под сомнение его способность «остранить» признаваемую по умолчанию роль нации как главной рамки для размышлений о памяти и идентичности. Этот подход резонирует с работами Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983) и Хобсбаума и Рэйнджера «Изобретение традиции» (1983), которые подчеркивают факт конструирования наций и отмечают важную роль памяти в процессе нациестроительства. Как показано в этих работах, общее прошлое, на которое каждая нация опирается при определении своей идентичности, в действительности представляет собой преодоление исторических различий с помощью силы воображения и через тщательный отбор того, что должно считать незабываемым. Еще Ренан подчеркивал, что европейские нации возникли в результате интеграции двух разных этнических групп (он именовал их «расами»). В связи с этим общая память позволяет преодолеть исторические разрывы и связать различающиеся и даже противостоящие группы в консолидированную нацию¹⁰. Общая национальная память всегда была источником забывания исторических различий внутри наций за счет усиления представлений о фиктивном родстве и воображаемом братстве.

Таким образом, исследования памяти критически относились к примату нации даже тогда, когда они долгое время концентрировались на национальной рамке. В последние годы были предприняты согласованные усилия для преодоления «методологического национализма» и обращения к альтернативным социальным рамкам памяти. Многие из этих инициатив привели к обращению к более масштабным, чем нация, рамкам с подчеркиванием роли транскультурных процессов, которые преодолевают пределы языков и национальных культур (Erl 2011b). За обращением к более масштабной шкале стоит понимание того, что в наши дни сети коммуникации, вовлеченные в производство и распространение памяти, приобрели в высшей степени глобальный характер (Assmann, Conrad 2010). Это доказывается распространением памяти о Холокосте не только по всей Европе, но и далеко за ее пределами (Levy, Sznajder 2006). Благодаря своему статусу «путешествующей схемы» (Erl 2011b), Холокост помог «заметить» памяти о многочисленных геноцидах по всему миру, усилив в ходе эволюции культур памяти динамическое взаимодействие между транснациональным сближением и местными различиями.

Признавая взаимодействие глобальных и локальных сил, мы предложили аналитическую оптику «разномасштабности» (multiscalarity), поскольку она успешнее, чем простое увеличение масштаба, улавливает неравномерности работы памяти

¹⁰ Мне уже приходилось писать о важной роли исторической беллетристики, в частности романа Вальтера Скотта «Айвенго» (1819), в воображении предпосылок, позволяющих соединить различные группы с помощью общего нарратива (Rigney 2012a).

по всему миру (*De Cesari, Rigney* 2014). Разномасштабность признает, что в современном мире множество рамок памяти, включая интимную, локальную, региональную и глобальную, частично накладываются друг на друга. Таким образом, разномасштабность признает, что в современном мире, где все и вся тесно переплелось, национальная память продолжает играть важную роль, но при этом ее значимость не абсолютизируется. Она рассматривается в одном ряду как с менее (семейной, городской, региональной) так и с более (диаспорической, европейской, планетарной) масштабными видами памяти. В то время как понятие «транскультурности» стремится подчеркнуть «неограниченный» характер производства памяти (*Bond et al.* 2017), разномасштабный подход, напротив, подчеркивает продолжающуюся, если не возросшую важность границ в мире нарастающего взаимопроникновения культур (*De Cesari, Rigney* 2014: 4; *Rigney* 2012b; см. также: *Graziano* 2018).

С точки зрения разномасштабности главный вызов состоит в понимании того, как границы между семейным, местным, национальным, макрорегиональным и другими уровнями, с одной стороны поддерживаются, а с другой — пересекаются и пересматриваются в ходе намеченной выше динамики разнонаправленности. Артикуляция в двойном смысле «высказывания» и «соединения» является ключом к этому процессу (*De Cesari, Rigney* 2014; см. также: *Grossberg* 1986). Культурные практики, позволяющие носителям нарративов о прошлом высказаться, способны в процессе циркуляции

устанавливать связи между дотоле несвязанными группами. Ранее уже говорилось о той роли, которую в этом процессе играет искусство. Добровольное превращение в одну общность путем рассказывания историй, рассматриваемое Андерсоном как определяющая черта национализма, также присуще рамкам другой масштабности. Национальная рамка памяти доказывает свою устойчивость и пластичность, благодаря силе привычки и инерции институций, но она испытывает серьезное давление.

Это не мелочь, поскольку массовая миграция представляет ежедневный вызов для «контейнера» мышления, ограниченного линиями этничности, национальных границ и публичной культуры воспоминания. По этой причине миграция вызывает энергичную защиту мифа об единой и исторически неизменной нации. Миграция превращается в столь грозный вызов традиционному пониманию коллективной идентичности, потому что здесь, на первый взгляд, отсутствует какая-либо общая почва для переговоров по поводу совместной памяти и фиктивного родства, основанного на долгом проживании на одной территории. Возможно ли в принципе «мигрировать» в другое сообщество памяти (*Huyssen* 2003)? Приводит ли интеграция новых пришельцев к изменениям в господствующей памяти? Если изменения невозможны, то какое будущее, с учетом центрального места, занимаемого понятием «национальность» в течение последних двухсот лет, ждет нации со значительным числом мигрантов в составе населения? Как свидетельствуют иссле-

дования Майкла Ротберга и Ясмин Йилдиз (Yasemin Yildiz), германские граждане турецкого происхождения ощущают двойную принадлежность (Rothberg 2014; Rothberg, Yildiz 2011). Большинство населения Германии считает, что они не являются «немцами» в степени достаточной для того, чтобы выступать полноправными участниками коммемораций, где Холокост играет центральную роль; но поскольку в течение длительного времени они остаются не вовлеченными в национальные коммеморации, могут ли они когда-либо стать настоящими немцами?

Хальбвакс предполагал, что важнейшие рамки памяти, включая национальные, даны раз и навсегда. Описываемая здесь динамическая модель предлагает механизм обратной связи, согласно которому воспоминание и социальные рамки возникают во взаимодействии. Изменение социальной реальности (например, миграция) может подорвать правдоподобность существующих нарративов и представлений о «нашем» прошлом. В свою очередь, производство новых нарративов (например, о военнослужащих из колоний — участниках боевых действий на европейских театрах) помогает расширить социальный горизонт. Таким образом, социальные рамки и общая память сопроизводятся как части непрерывного динамического процесса, в ходе которого границы того, что составляет «нашу» историю, либо вновь подтверждаются, либо пересматриваются. С этой точки зрения память — это скорее место согласования и споров, чем просто набор неизменных заповедей и мифов. Разумеется, последние посто-

янно привлекаются в свидетели как вечная истина и опора настоящего, но они действуют наряду и часто входят в конфликт с другими способами взаимодействия с прошлым, особенно с теми, которые связаны с недавней историей.

Ян Ассман писал об этом в том же смысле, определяя культурную память как «многократно используемые тексты, образы и ритуалы», «культивирование» которых служит «стабилизации и передаче» образа общества, созданного его собственным воображением (Assmann 1995: 132). Слово «стабилизация» подразумевает, что идентичности формируются в ходе изменений и что публичное воспоминание приспособливает существующие нарративы к вновь возникающим социальным реалиям. Крайне важно, что споры о прошлом являются препятствием для сплоченности, но при этом служат источником для согласования социальных отношений современного общества. Это не только места сопротивления, но и потенциальные исходные позиции для критических раздумий.

МИГРАЦИЯ И ПАМЯТЬ

Эта социально-культурная динамика может быть проиллюстрирована на примере сложных отношений марокканского меньшинства Нидерландов к памяти о Второй мировой войны. Ежегодно 4 мая в День памяти павших в 8 часов вечера по всей стране устанавливается двухминутное молчание. Данное «место памяти» (Nora 1984–1992) в наибольшей мере обнаруживает коллективную

принадлежность к нидерландской нации¹¹. Эта одновременная коммеморация общей истории регулярно придает силы идее «воображаемого общества». Поскольку свидетелей войны почти не осталось, память о ней передается, прежде всего, благодаря различным медиа¹². В последние десятилетия возникло беспокойство по поводу интеграции в эту церемонию мигрантов первого и второго поколений. В этой связи марокканское меньшинство скорее, чем другие значительные меньшинства — турецкое и суринамское, — оказалось в центре внимания. Это было вызвано тем, что именно эта группа, как свидетельствуют, например, ссылки правого политика Герта Вилдерса (Geert Wilders) на «марокканскую угрозу»¹³, оказалась в центре внимания популистских дискурсов. Особое беспокойство вызвали несколько инцидентов, случившихся 4 мая 2003 г., когда несколько представителей марокканской молодежи отмежевались от национального консенсуса, в том числе с помощью антисемитских высказываний¹⁴. Получилось так, что рядом политических

сил коммеморация использовалась не только для сплочения, но также для исключения или разобщения.

После этого был принят ряд мер по большему вовлечению нидерландцев марокканского происхождения в ритуалы 4 мая, включая образовательные мероприятия, направленные на преодоление антисемитизма в среде марокканской молодежи, имевшие целью убедить, что признание Холокоста и его нидерландских жертв является обязанностью истинного гражданина страны¹⁵. В контексте статьи особый интерес вызывает попытка «натурализации» марокканцев через память. В центре этой акции оказались захоронения на военном кладбище в городе Капелле в провинции Зеландия девяти марокканских солдат, чьи тела в 1940 г. были выброшены волнами на берег¹⁶. Десятилетиями этому факту не придавалось большого значения. Но сейчас, усилиями иммигрантских организаций, эти могилы стали центральным аргументом в дебатах об отношении первого и второго поколений мигрантов к па-

¹¹ Специальный Национальный комитет отвечает за организацию этой коммеморации, а также за празднование Дня освобождения 5 мая. Во всех сообщениях этого комитета активно используется термин «голландец»/«нидерландец». См. URL: 4en5mei.nl/.

¹² Общепринято, что передача памяти из уст в уста играет ключевую роль на промежутке трех поколений. Более поздние поколения в качестве носителей памяти во все большей мере опираются на культурные артефакты (Assmann 1997: 48–66).

¹³ См., например, URL: www.pvv.nl/index.php/component/content/article/36-geert-wilders/6382-wilders-roept-fractievoorzitters-op-marokkanenprobleem-te-bespreken.html. В декабре 2016 г. голландский суд признал, что Вилдерс виновен в произнесении дискриминирующих речей. См. URL: www.nrc.nl/nieuws/2016/12/09/volg-hier-het-vonnis-in-minder-minder-zaak-tegen-wilders-a1535780.

¹⁴ URL: www.volkskrant.nl/binnenland/marokkanen-respectloos-op-4-mei-a726846/.

¹⁵ URL: www.4en5meiamsterdam.nl/nl/page/3060/herdenking-bij-het-homomonument.

¹⁶ URL: www.nrc.nl/nieuws/2003/05/05/marokkanen-ontdekken-4-mei-7637594-a710223. Эти захоронения попали в поле зрения части марокканских общественных организаций еще в 1985 г., но публично признанным местом памяти они стали только после инцидентов 2003 г., когда этих солдат признали «сражавшимися за Нидерланды». См. URL: www.denkraam.info/blog/marokkaanse-soldaten-vochten-voor-nederland-tegen-de-duitsoverheersing-in-de-tweede-wereld-oorlog/.

мяти об освобождении Нидерландов от нацистской оккупации. В последние годы автобусы привозят этнических марокканцев из больших городов в это отдаленное место с целью сформировать у них уважительное отношение к Дню памяти павших через память о своих погибших соплеменниках и об их роли во Второй мировой войне¹⁷.

Материальное присутствие останков марокканцев на голландской территории создает почву для того, чтобы выходцы из Марокко рассматривали свою общину как давнюю принадлежность голландской истории. Опора на могилы как «доказательство» общей истории подпитывается неявным биологизмом, который подразумевает, что нации происходят скорее от прямых генетических предков, чем от фиктивного родства, основанного на чувстве общей принадлежности. На самом деле люди, которые коллективно идентифицируют себя с останками, связаны с ними не семейными узами, а скорее именно воображаемой общей принадлежностью с соотечественниками-марокканцами, которые сражались за освобождение Нидерландов¹⁸. Даже с учетом всех этих обстоятельств могилы усиливают идею сплоченного общества, проживающего на национальной территории Нидерландов. Таким образом, создается символический и материальный мост между этническим большинством страны и сообществом иммигрантов,

усиливающий взаимное признание в качестве заинтересованных сторон коммеморации. Церемония на военном кладбище при участии местных жителей и приезжих подпитывает в свою очередь памятные мероприятия в больших городах и дискуссии в медиа. Более того, к раздражению некоторых этнопопулистов с недавних пор в День памяти павших 4 мая марокканский флаг реет рядом с нидерландским в городах со значительной долей мигрантов¹⁹.

Эти флаги не только указывают на появление новой группы, заинтересованной в общенациональной коммеморации, они одновременно разрывают национальную рамку путем установления связи с Северной Африкой и современным Марокко. Цель интеграции была достигнута в том смысле, что 4 мая все группы поминают павших, но это произошло за счет восстановления в правах этнических различий внутри самого понятия национальной коммеморации. Разумеется, что данная общая коммеморация — это минимальный шаг на пути интеграции. Кроме того, он осуществлен за счет пассивного забывания ряда существенных деталей, включая тот факт, что данные марокканские солдаты служили во французской колониальной армии и, следовательно, их борьба была частью более широкой европейской, а не исключительно голландской борьбы с нацизмом. Однако с течением времени именно широкой

¹⁷ Подробнее см. URL: nl/bi/marokko.html. Также предпринимались попытки отрицать значимость этих захоронений, URL: www.hpdetijd.nl/2010-05-05/marokkanen-vochten-niet-in-zeeland/.

¹⁸ Возникающая в данном контексте необходимость различения между «родственниками» (filiation) и «породнившимися» (affiliation) основывается на подходе Эдварда Саида (Saïd 1984).

¹⁹ URL: kudtkoekiewet.nl/?t=https://www.geenstijl.nl/3946771/willen_jullie_meer_of_minder_marokkaanse_vlaggen_op_vier_mei/.

контекст участия солдат во Второй мировой войне постепенно станет незабываемой частью культурного наследия. Как свидетельствуют сообщения в социальных сетях, фильм Бушареба «Туземцы» представил дополнительные свидетельства, позволяющие не только отметить роль марокканских солдат в освобождении Европы, но и ощутить большую близость голландцев с французами. Если истории об участии колониальных солдат в боевых действиях на европейских театрах будут возникать в разных местах и распространяться разномеридианными сетями, то вскоре на пороге возникнут новые нарративы по поводу Европы, европейского колониализма и его наследия. Голландская публика в большинстве своем еще не способна услышать эту историю. Но рассказывание и пересказывание историй и расширение архивов, на базе которых будущие истории могут быть рассказаны, по меньшей мере предоставляет шанс для того, чтобы более широкая рамка могла возникнуть в будущем. Культура воспоминания — это продолжающийся динамический процесс, где последнее слово никогда не будет сказано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мрачные слова Смита о сложностях, сопровождающих попытки «выйти за пределы мира наций», и о недостаточном обеспечении безопасности для беженцев оказались пророческими. Суть проблемы, как он отметил в главе о меньшинствах, заключается в «исключающем» характере этноистории, которая герметически отделяет одну группу от другой. Чем

больше Смит настаивал на том, что прошлое важно для настоящего, тем труднее ему было представить, как люди могут изменить свое прошлое или как этнические группы могут интегрироваться, чтобы сформировались новые сообщества. Это было сказано по поводу нынешнего транснационального взаимопереплетения, но нечто подобное всегда было проблемой нацистроительства. Необходимо уточнить, что Смит признавал возможность медленных изменений, которые будут происходить в ходе конкуренции существующих идентичностей и сообществ.

В этой статье я старалась показать, что память в самом деле работает медленно. Прямолинейности она предпочитает обходные пути. Но воспоминание не означает механического воспроизведения одной и той же истории. Будучи одной из коммуникативных практик, воспоминание по определению подразумевает возможность передачи от одного индивидуального либо коллективного субъекта к другому. А это значит, что оно является источником для пересмотра состава тех, кого мы относим к «мы» и кого мы относим к «они». Это не означает, что изменения происходят с легкостью. Кроме того, память также переносит мертвый груз и старые обычаи, которые не желают оставаться в прошлом. Вместо того, чтобы рассматривать мифы и памяти как неразрывную пару, мы должны переосмыслить их как противоположности. Смит убедительно продемонстрировал важность мифов нацистроительства и их способность к мобилизации людей. Надеюсь, что мне удалось показать способность исследований культурной

памяти предложить более совершенный набор инструментов, способный помочь исследователям национализма лучше понять, не только каким образом прошлое вспоминается, но и какими способами его смысл изменяется, переписывается и ставится под вопрос. Памяти используются не только для создания наций, но и для их преобразования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Aguilar* 2002 — *Aguilar P.* Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy. Trans. M. G. Oakley. Oxford: Berghahn, 2002.
- Aguilar, Payne* 2016 — *Aguilar P., Payne L.A.* Revealing New Truths about Spain's Violent Past: Perpetrators' Confessions and Victim Exhumations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Akcan* 2010 — *Akcan E.* Apology and Triumph: Memory Transference, Erasure, and a Rereading of the Berlin Jewish Museum // *New German Critique*. 2010. 110. 153–179.
- Anderson* 1983 — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991 [1983].
- Assmann* 1995 — *Assmann J.* Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. 65. 125–133.
- Assmann* 1997 — *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Munich: C. H. Beck, 1997 [1992].
- Assmann* 1999 — *Assmann A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. Munich: C. H. Beck, 1999.
- Assmann* 2008 — *Assmann A.* Canon and Archive // *Erl A., Nünning A.* (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008.
- Assmann* 2016 — *Assmann A.* Formen des Vergessens. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Assmann, Conrad* 2010 — *Assmann A., Conrad S.* (eds.) *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- Bal et al.* 1999 — *Bal M., Crewe J., Spitzer L.* (eds.) *Acts of Memory: Cultural Recall in the Present*. Hanover, NH: University Press of New England, 1999.
- Beiner* 2007 — *Beiner G.* Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland // *Journal of British Studies*. 2007. 46. 366–389.
- Ben-Ze'Ev et al.* 2010 — *Ben-Ze'ev E., Ginio R., Winter J.* (eds.) *Shadows of War: A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Bernhard, Kubik* 2014 — *Bernhard M., Kubik J.* (eds.) *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Bijl* 2015 — *Bijl P.* *Emerging Memory: Photographs of Colonial Atrocity in Dutch Cultural Remembrance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015.
- Blanchard, Veyrat-Masson* 2008 — *Blanchard P., Veyrat-Masson I.* (eds.) *Les guerres de mémoires: La France et son histoire*. Paris: La découverte, 2008.
- Bond et al.* 2017 — *Bond L., Craps S., Vermeulen P.* (eds.) *Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies*. Oxford: Berghahn, 2017.
- Bourne* 2014 — *Bourne S.* *Black Poppies: Britain's Black Community and the Great War*. Stroud: The History Press, 2014.
- Bull, Hansen* 2015 — *Bull A.C., Hansen H.L.* *On Agonistic Memory* // *Memory Studies*. 2015. 9. 390–404.
- Caruth* 1996 — *Caruth C.* *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996.

- Connerton* 2008 — *Connerton P.* Seven Types of Forgetting // *Memory Studies*. 2008. 1. 59–71.
- Craps* 2013 — *Craps S.* Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Das* 2014 — *Das S.* Race, Empire and First World War Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- De Cesari, Rigney* 2014 — *De Cesari C., Rigney A.* (eds.) Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Erl* 2011a — *Erl A.* Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan, 2011a.
- Erl* 2011b — *Erl A.* Travelling Memory // *Parallax*. 2011b. 17. 4–18.
- Erl, Nünning* 2008 — *Erl A., Nünning A.* (eds.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: de Gruyter, 2008.
- Erl, Rigney* 2009 — *Erl A., Rigney A.* (eds.) Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin: De Gruyter, 2009.
- Ferrándiz* 2014 — *Ferrándiz F.* El pasado bajo tierra: exhumaciones contemporáneas de la Guerra Civil. Barcelona: Anthropos, 2014.
- Friedlander* 1992 — *Friedlander S.* (ed.) Probing the Limits of Representation: Nazism and the “Final Solution”. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Graziano* 2018 — *Graziano M.* What is a Border? Stanford: Stanford University Press, 2018.
- Greenblatt* 1988 — *Greenblatt S.* Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Grossberg* 1986 — *Grossberg L.* On Postmodernism and Articulation: An Interview with Stuart Hall // *Journal of Communication Inquiry*. 1986. 10. 45–60.
- Hajek et al.* 2016 — *Hajek A., Lohmeier C., Pentzold C.* (eds.) Memory in a Mediated World: Remembrance and Reconstruction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Halbwachs* 1925 — *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Albin Michel, 1994 [1925].
- Hirsch* 2012 — *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012.
- Hobsbawm, Rangers* 1983 — *Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Hodgkin, Radstone* 2003 — *Hodgkin K., Radstone S.* (eds.) Memory, History, Nation: Contested Pasts. London: Transaction, 2003.
- Hutton* 1993 — *Hutton P.H.* History as an Art of Memory. Hanover, NH: University Press of New England, 1993.
- Huyssen* 2000 — *Huyssen A.* Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // *Public Culture*. 2000. 12. 21–38.
- Huyssen* 2003 — *Huyssen A.* Diaspora and Nation: Migration into Other Pasts // *New German Critique*. 2003. 88. 147–164.
- Kansteiner* 2006 — *Kansteiner W.* In Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz. Athens, OH: Ohio University Press, 2006.
- Keightley, Pickering* 2012 — *Keightley E., Pickering M.* The Mnemonic Imagination: Remembering as Creative Practice. London: Palgrave, 2012.
- Koselleck* 1985 — *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Cambridge, MA: MIT Press, 1985 [1979].
- Landsberg* 2004 — *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press, 2004.
- Leerssen* 2006 — *Leerssen J.* Nationalism and the Cultivation of Culture // *Nations and Nationalism*. 2006. 12: 559–578.

Leerssen, Rigney 2014 — *Leerssen J., Rigney A.* (eds.) *Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe: Nation-Building and Centenary Fever*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

Levy, Sznajder 2006 — *Levy D., Sznajder N.* *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2006.

Limpach 2016 — *Limpach R.* *De brandende kampongs van Generaal Spoor*. Boom: Meppeel, 2016.

Lowenthal 1985 — *Lowenthal D.* *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Nora 1984–1992 — *Nora P.* (ed.) *Les lieux de mémoire*. Paris: Gallimard, 1997 [1984–1992].

Olick 2003 — *Olick J.K.* (ed.) *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.

Olick 2007 — *Olick J.K.* *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge, 2007.

Olick, Robbins 1998 — *Olick J.K., Robbins J.* *Social Memory Studies: From ‘Collective Memory’ to the Historical Sociology of Mnemonic Practices* // *Annual Review of Sociology*. 1998. 24. 105–140.

Olick et al. 2011 — *Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D.* (eds.) *The Collective Memory Reader*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Passerini 2003 — *Passerini L.* *Memories Between Silence and Oblivion* // *Hodgkin K., Radstone S.* (eds.) *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. London: Routledge, 2003.

Renan 1947–1961 — *Renan E.* *Qu’est-ce qu’une nation? [1882]* // *Psichari H.* (ed.) *Oeuvres complètes d’Ernest Renan*. Paris: Calmann-Lévy, 1947–1961.

Richards 2013 — *Richards M.* *After the Civil War: Making Memory and Re-Making Spain since 1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Ricoeur 2000 — *Ricoeur P.* *La mémoire, l’histoire, l’oubli*. Paris: Seuil, 2000.

Ricoeur 2006 — *Ricoeur P.* *Memory — History — Forgetting* // *Rüsen J.* (ed.) *Meaning and Representation in History*. Oxford: Berghahn Books, 2006.

Rigney 2007 — *Rigney A.* *Divided Pasts: A Premature Memorial and the Dynamics of Collective Remembrance* // *Memory Studies*. 2007. 1. 89–97.

Rigney 2008 — *Rigney A.* *The Dynamics of Remembrance: Texts Between Monumentality and Morphing* // *Erl A., Nünning A.* (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin/New York: de Gruyter, 2008.

Rigney 2012a — *Rigney A.* *The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move*. Oxford: Oxford University Press, 2012a.

Rigney 2012b — *Rigney A.* *Transforming Memory and the European Project* // *New Literary History*. 2012b. 43. 607–628.

Rothberg 2010 — *Rothberg M.* *Introduction: Between Memory and Memory: from Lieux de mémoire to Noeuds de mémoire* // *Yale French Studies*. 2010. 3–12.

Rothberg 2014 — *Rothberg M.* *Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany* // *De Cesari C., Rigney A.* (eds.) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin: De Gruyter, 2014.

Rothberg, Yildiz 2011 — *Rothberg M., Yildiz Y.* *Memory Citizenship: Migrant Archives of Holocaust Remembrance in Contemporary Germany* // *Parallax*. 2011. 17. 32–48.

Said 1984 — *Said E. W.* *The World, the Text, and the Critic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.

Schacter 1996 — *Schacter D.L.* *Searching for Memory: the Brain, the Mind, and the Past*. New York: Basic, 1996.

Smith 1999 — *Smith A.D.* *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press, 1999 [reprinted 2009].

Stoler 2011 — *Stoler A. L.* Colonial Aphasia: Race and Disabled Histories in France // *Public Culture*. 2011. 23. 121–156.

Tornquist-Plewa 2016 — *Tornquist-Plewa B.* (ed.) *Whose Memory? Which Future?: Remembering Ethnic Cleansing and Lost Cultural Diversity in Eastern, Central and Southeastern Europe*. Oxford: Berghahn, 2016.

White 1987 — *White H.* *The Value of Narrativity in the Representation of Reality // The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1987 [1981].

Winter 1995 — *Winter J. M.* *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Yerushalmi 1982 — *Yerushalmi Y. C.* *Zakhor: Jewish Memory and Jewish History*. Seattle: University of Washington Press, 1982.

Zerubavel 1995 — *Zerubavel Y.* *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago: Chicago University Press, 1995.

Zerubavel 2003 — *Zerubavel E.* *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: Chicago University Press, 2003.

REMEMBRANCE AS REMAKING: MEMORIES OF THE NATION REVISITED

Rigney Ann — Prof. of Department of Languages, Literature, and Communication, Utrecht University (Netherlands)

Key words: Cultural memory, national myths, social frameworks of memory, cultural dynamics, mediation, multiscalarity, articulation, multidirectionality.

Abstract. Ann Rigney. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited. This article revisits Anthony Smith's landmark collection *Myths and Memories of the Nation* (1999) from the perspective of recent developments in cultural memory studies. It argues for a more clearly demarcated distinction between myths and memories which acknowledges cultural memory as a site of new experiential perspectives that often work against the authority of myths, seen as the unquestioned truths about the collective past. Drawing on studies of modern memory cultures, it presents a dynamic and generative model that construes memory in terms of cultural practices of remembrance. It shows that memory is not an unchanging legacy but rather a malleable resource for making shared stories about the past. Where Halbwachs (1925) presumed that social frameworks precede and shape memory, remembrance is presented here as a cultural force that helps to redefine social frameworks and to create links between hitherto unconnected imagined communities.

REFERENCES

Aguilar P. *Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. Trans. M. G. Oakley. Oxford: Berghahn, 2002.

Aguilar P., Payne L. A. *Revealing New Truths about Spain's Violent Past: Perpetrators' Confessions and Victim Exhumations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.

Akcan E. *Apology and Triumph: Memory Transference, Erasure, and a Rereading of*

- the Berlin Jewish Museum. *New German Critique*. 2010. 110. 153–179.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991 [1983].
- Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity. *New German Critique*. 1995. 65. 125–133.
- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich: C. H. Beck, 1997 [1992].
- Assmann A. *Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. Munich: C. H. Beck, 1999.
- Assmann A. Canon and Archive in Erll A., Nünning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008.
- Assmann A. *Formen des Vergessens*. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Assmann A., Conrad S. (eds.) *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- Bal M., Crewe J., Spitzer L. (eds.) *Acts of Memory: Cultural Recall in the Present*. Hanover, NH: University Press of New England, 1999.
- Beiner G. Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland. *Journal of British Studies*. 2007. 46. 366–389.
- Ben-Ze'ev E., Ginio R., Winter J. (eds.) *Shadows of War: A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Bernhard M., Kubik J. (eds.) *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Bijl P. *Emerging Memory: Photographs of Colonial Atrocity in Dutch Cultural Remembrance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015.
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. (eds.) *Les guerres de mémoires: La France et son histoire*. Paris: La découverte, 2008.
- Bond L., Craps S., Vermeulen P. (eds.) *Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies*. Oxford: Berghahn, 2017.
- Bourne S. *Black Poppies: Britain's Black Community and the Great War*. Stroud: The History Press, 2014.
- Bull A.C., Hansen H.L. On Agonistic Memory. *Memory Studies*. 2015. 9. 390–404.
- Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Connerton P. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. 2008. 1. 59–71.
- Craps S. *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds*. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Das S. *Race, Empire and First World War Writing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- De Cesari C., Rigney A. (eds.) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Erll A. *Memory in Culture*. London: Palgrave Macmillan, 2011.
- Erll A. Travelling Memory. *Parallax*. 2011. 17. 4–18.
- Erll A., Nünning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008.
- Erll A., Rigney A. (eds.) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin: De Gruyter, 2009.
- Ferrándiz F. *El pasado bajo tierra: exhumaciones contemporáneas de la Guerra Civil*. Barcelona: Anthropos, 2014.
- Friedlander S. (ed.) *Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution"*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Graziano M. *What is a Border?* Stanford: Stanford University Press, 2018.

- Greenblatt S. *Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Grossberg L. On Postmodernism and Articulation: An Interview with Stuart Hall. *Journal of Communication Inquiry*. 1986. 10. 45–60.
- Hajek A., Lohmeier C., Pentzold C. (eds.) *Memory in a Mediated World: Remembrance and Reconstruction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Albin Michel, 1994 [1925].
- Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Hodgkin K., Radstone S. (eds.) *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. London: Transaction, 2003.
- Hutton P.H. *History as an Art of Memory*. Hanover, NH: University Press of New England, 1993.
- Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*. 2000. 12. 21–38.
- Huyssen A. Diaspora and Nation: Migration into Other Pasts. *New German Critique*. 2003. 88. 147–164.
- Kansteiner W. *In Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz*. Athens, OH: Ohio University Press, 2006.
- Keightley E., Pickering M. *The Mnemonic Imagination: Remembering as Creative Practice*. London: Palgrave, 2012.
- Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985 [1979].
- Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press, 2004.
- Leerssen J. Nationalism and the Cultivation of Culture. *Nations and Nationalism*. 2006. 12: 559–578.
- Leerssen J., Rigney A. (eds.) *Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe: Nation-Building and Centenary Fever*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Levy D., Sznajder N. *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2006.
- Limpach R. *De brandende kampongs van Generaal Spoor*. Boom: Meppel, 2016.
- Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Nora P. (ed.) *Les lieux de mémoire*. Paris: Gallimard, 1997 [1984–1992].
- Olick J.K. (ed.) *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.
- Olick J.K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge, 2007.
- Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From ‘Collective Memory’ to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 1998. 24. 105–140.
- Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds.) *The Collective Memory Reader*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Passerini L. Memories Between Silence and Oblivion in Hodgkin K., Radstone S. (eds.) *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. London: Routledge, 2003.
- Renan E. Qu’est-ce qu’une nation? [1882] in Psichari H. (ed.) *Oeuvres complètes d’Ernest Renan*. Paris: Calmann-Lévy, 1947–1961.
- Richards M. *After the Civil War: Making Memory and Re-Making Spain since 1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Ricoeur P. *La mémoire, l’histoire, l’oubli*. Paris: Seuil, 2000.
- Ricoeur P. Memory – History – Forgetting in Rüsen J. (ed.) *Meaning and Representa-*

- tion in History. Oxford: Berghahn Books, 2006.
- Rigney A. Divided Pasts: A Premature Memorial and the Dynamics of Collective Remembrance. *Memory Studies*. 2007. 1. 89–97.
- Rigney A. The Dynamics of Remembrance: Texts Between Monumentality and Morphing in Erll A., Nünning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin/New York: de Gruyter, 2008.
- Rigney A. *The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Rigney A. Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*. 2012. 43. 607–628.
- Rothberg M. Introduction: Between Memory and Memory: from Lieux de mémoire to Nœuds de mémoire. *Yale French Studies*. 2010. 3–12.
- Rothberg M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany in De Cesari C., Rigney A. (eds.) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Rothberg M., Yildiz Y. Memory Citizenship: Migrant Archives of Holocaust Remembrance in Contemporary Germany. *Parallax*. 2011. 17. 32–48.
- Said E. W. *The World, the Text, and the Critic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
- Schacter D.L. *Searching for Memory: the Brain, the Mind, and the Past*. New York: Basic, 1996.
- Smith A. D. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press, 1999 [reprinted 2009].
- Stoler A. L. Colonial Aphasia: Race and Disabled Histories in France. *Public Culture*. 2011. 23. 121–156.
- Tornquist-Plewa B. (ed.) *Whose Memory? Which Future?: Remembering Ethnic Cleansing and Lost Cultural Diversity in Eastern, Central and Southeastern Europe*. Oxford: Berghahn, 2016.
- White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality in *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1987 [1981].
- Winter J.M. *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Yerushalmi Y.C. *Zakhor: Jewish Memory and Jewish History*. Seattle: University of Washington Press, 1982.
- Zerubavel Y. *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago: Chicago University Press, 1995.
- Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: Chicago University Press, 2003.

ПРИРОДНАЯ КАТАСТРОФА КАК ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: стихийное бедствие, природная катастрофа, цунами, землетрясение, пандемия, консерватизм, либерализм, активизм, экология, прогресс, уязвимость.

Аннотация. Природные катаклизмы привлекают все большее общественное внимание и наносят все больший ущерб, однако современное общество не располагает дискурсивными средствами для их осмысления, включения в картину мира и политическую риторику; наиболее частым методом использования темы катаклизмов в риторике является критика экоктивизма; органично использование ссылок на стихийные бедствия в консервативной риторике; традиционное религиозное осмысление природных катаклизмов в наше время мало актуально. Главный вопрос, который ставят природные катастрофы перед современной мыслью, заключается в том, как человечеству реагировать на собственное бессилие.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-42-58

Масштабные стихийные бедствия оставляют огромный след в исторической памяти народов. Можно сказать больше — быть может, это единственный предмет, который в нашей исторической памяти напоминает о том, что человек существует в природной среде, что человек — это существо, как следовало бы сказать вслед за Вернадским, геобиосоциальное. В большинстве случаев, разбираясь в вопросах исторической памяти, мы имеем дело с собственно человеческими поступками, с социальными взаимодействиями, с политикой — и создается впечатление, что «при

прочих равных» наша коллективная память рисует такую модель мира, в которой человечество с его деяниями существует едва ли не в вакууме. И только масштабные природные катаклизмы оказываются прорывом в этой искусственной самоизолированности человеческой социальности от экологического окружения, изолированности, присутствующей в огромном числе самых разнообразных дискурсов. Однако, заставляя себя запомнить, превращаясь в болезненный рубец исторической памяти, стихийные бедствия с большим трудом осмысляются и очень легко кон-

вертируются в повести о героических деяниях людей на их фоне: так, голод в Египте оказывается лишь поводом для рассказа о карьере Иосифа.

Что же касается современности: масштабные стихийные бедствия неизменно приковывают к себе общественное внимание и становятся важнейшими событиями в медийном и публичном пространстве. Достаточно вспомнить, какой общественный резонанс имели цунами, погубившее несколько сотен тысяч человек в 2004 г., извержения вулкана Эйяфьятлайокудль в 2010 г., «фукусимское» цунами 2011 г. — а заодно и сравнительно более локальные катастрофы вроде ураганов, регулярно обрушивающихся на побережье Флориды. И конечно, главным событием 2020 г. стала пандемия коронавируса. Можно с достаточной долей достоверности утверждать, что сейчас новости о природных катаклизмах имеют гораздо большую значимость и производят большее впечатление, чем в прошлом веке, 50–100 лет назад.

Для этого есть целый ряд причин. Во-первых, развитие средств коммуникации делает информационно доступным любое событие, произошедшее в любой точке мира. Во-вторых, если сравнить нынешние условия жизни с теми, что были в XX в., и в особенности в первой его половине, можно увидеть, что сейчас человечество «наслаждается» более мирной и более комфортной жизнью, между тем как сила стихийных вмешательств в эту жизнь по меньшей мере не ослабла — и, соответственно, на фоне более благополучного существования и природные бедствия кажутся «крупнее»; по меньшей мере

их не приходится сравнивать с мировыми войнами. В-третьих, во многих источниках можно прочесть, что начиная с последней трети XX в. наблюдается рост ущерба от катастроф, причем ускоренно растет ущерб именно от природных катастроф (Карякин 2010: 77–80). Если же верить климатологам, то глобальное потепление также делает некоторые виды бедствий — засухи, наводнения, оползни — более частыми. Наконец, в-четвертых, на более яркое восприятие экстремальных природных явлений влияет и явно ощущаемое нами замедление научно-технического прогресса, физика перестала обещать нам новые виды энергии, могущество человечества перестало расти так быстро, как в XX в., а поскольку технический прогресс долгое время виделся как средство от всех проблем, то и его замедление приводит к тому, что мы ощущаем себя более уязвимыми — особенно перед лицом наиболее масштабных опасностей.

Слово «уязвимость» вообще становится с каждым днем все более значимым — поскольку важнейшими понятиями современной культуры являются те, что связаны с претерпеванием ущерба — такие как «жертва», «риски», «виктимность» и т.д. Подобно тому, как придуманная братьями Стругацкими инопланетная цивилизация Великой Тагоры не столько развивала свою технику, сколько старалась купировать вредные последствия технического прогресса, так и современная цивилизация во многом начинает приобретать комплекс вернувшегося из похода воинства, которое теперь не воюет, а лишь залечивает раны. Можно было бы запустить в оборот термин

«виктимократия». И можно увидеть своеобразную гармонию между тем, как в современных западных обществах все, кто ранее был жертвой насилия, дискриминации или колониализма, предъявляют счета за прошлые обиды и требуют компенсации, и тем, как человечество в целом обнаруживает себя жертвой опасной природы и начинает концентрировать внимание на своей уязвимости перед лицом естественных бедствий.

На фоне этого не приходится удивляться, что в российской научной литературе уже можно прочесть призывы к «ренессансу катастрофизма», понимаемого как признание катастроф важнейшим фактором эволюции жизни, человеческого общества и планеты в целом (*Голубчиков, Голубчиков 2012: 121–123*). Но тут надо учитывать и специфику российского контекста. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. слово «катастрофизм» довольно часто употреблялось в российских публикациях по социальным наукам в довольно специфическом смысле — как прочно вошедший в российский менталитет страх перед социальными катаклизмами (такое понимание «катастрофизма», в частности, продвигал известный социолог Владимир Шляпентох) (*Катастрофическое сознание... 1999; Кертман 2000; Матвеева, Шляпентох 2000*). Последствиями так понимаемого катастрофизма, по мнению авторов этих публикаций, являются фрустрации, коллективный комплекс неполноценности, пессимизм и уверенность в своем бессилии.

Нельзя не отметить, что некоторое сходство в восприятии природных и социальных катастроф имеется,

и главным общим признаком тут, несомненно, является чувство беспомощности — которое в случае социальных катаклизмов можно назвать и «выученной беспомощностью». Возможно, на восприятие природных катаклизмов эпохи осознанного глобального потепления в России серьезно влияют травмы, полученные от их социальных аналогов — того, что президент России назвал «крупнейшей геополитической катастрофой». Однако если о социальных катаклизмах и в России, и в мире пишут много и охотно, то приходится удивляться, до чего в малой степени — при всем интересе к ним — стихийные бедствия стали темой культуры, философии, политической риторики. Используют их лишь от случая к случаю — например, для критики экологического алармизма.

КАТАСТРОФИЗМ НА СЛУЖБЕ КОНСЕРВАТИЗМА

Когда в 2010 г. произошло извержение исландского вулкана Эйяфьятлайокудль, среди реакций на это событие, наполнивших прессу и социальные сети, можно было наблюдать большое количество насмешек над экологами, и в особенности теми, кто специализировался на борьбе с парниковыми газами и глобальном потеплении. Эти насмешки исходили из особой модели экологического мировоззрения, предполагающего, что вину за загрязнение атмосферы несет человечество, и экологическая обстановка на планете определяется прежде всего антропогенными факторами; таким образом, экологическая политика имеет смысл постольку, поскольку реализуется

через регулирование человеческой деятельности; когда же выясняется, что экологическая ситуация может быть резко изменена совершенно неподконтрольными, неантропогенными силами, когда пыль и парниковые газы в невероятных количествах выбрасываются в атмосферу вулканом, то экологические активисты оказываются лишними.

Именно поэтому, хотя глобальное потепление, казалось бы, порождает постоянные поводы для деятельности экологических активистов, оно же наносит по этой деятельности два серьезных удара. Во-первых, масштабы изменений, лежащих в основе глобального потепления (независимо от их причин), столь велики, что заставляют сомневаться в возможном успехе любой целенаправленной человеческой деятельности в этой сфере. Во-вторых, глобальное потепление сопряжено с учащением засух, ураганов, наводнений и других экстремальных явлений, каждое из которых создает ситуацию, когда все планы улучшения общества откладываются, и становится наглядно видно бессилие человечества.

Поводы поддеть сторонников экополитики возникают всякий раз, когда разражается серьезная катастрофа — как сообщает французский философ Жан-Пьер Дюпюи, после страшного тихоокеанского цунами 2004 г. «французский геофизик, некогда министр образования и социалист, воспользовался поводом, чтобы открыто свести счеты с политической экологией: цунами в Азии опровергает постулат о том, что природа несет добро!» (Дюпюи 2019: 53).

На этих случаях мы видим, что апелляция к природным катаклизмам может быть орудием консервативной риторики, и в особенности критики активизма. Все движения подобного рода — активизм, прогрессизм, реформизм — базируются на предположении о большей или меньшей управляемости условий нашей жизни, между тем как всякое природное бедствие показывает, что «истинным хозяином» бытия являются силы, превосходящие возможности человеческого контроля. Тем самым стихийные бедствия усиливают то, что, по мнению Альберта Хиршмана, является самым сильным аргументом в риторическом арсенале реакции. Хиршман называет его аргументом «Тщетность»: что бы вы ни делали, на самом деле на земле все всегда одно и то же (Хиршман 2010). Всякое стихийное бедствие есть, прежде всего, наглядная демонстрация тщетности человеческих дел.

К слову, по этой же схеме социальный активизм может критиковаться и от имени религиозного мировоззрения — в тех случаях, когда последнее допускает прямое вмешательство Бога в ход социальной истории, что, понятно, делает бессмысленными все долгосрочные расчеты. Кстати, орудием божественного вмешательства часто являются как раз стихийные бедствия: в Библии Бог насылет на человечество потоп, Платон, как можно судить по сохранившимся текстам, видимо, считал, что Зевс устроил землетрясение, погубившее «равзратившуюся» Атлантиду, позже миф об Атлантиде был использован Дж. Р. Толкиеном в «Сильмарильоне», где верховное божество уничтожает остров Нуменор, чтобы

предотвратить его завоевательный поход. Константин Леонтьев критиковал идею буржуазного прогресса в том числе исходя из перспективы предстоящего, согласно положениям христианской религии, Конца света. Владимир Эрн, в сущности, соединив мистическое христианство с катастрофизмом Кьюве, в 1907 г. выдвинул концепцию «катастрофического прогресса», которая заключалась в том, что в истории чередуются периоды естественного непрерывного развития, обеспеченного человеческими усилиями, и эпизоды прерывного, катастрофического прогресса, порождаемого вмешательством сверхъестественных сил (*Эрн* 1991). Особенность концепции Эрна в том, что хотя она поддерживает веру в прогресс, но при этом дискредитирует способность человека контролировать его ход, поскольку самое главное в истории развития — это неконтролируемые людьми катастрофы, среди которых — и ожидаемый Апокалипсис.

Богов и природные катастрофы (часто считавшиеся орудием богов) объединяет то, что они превосходят по силе человечество и легко могут продемонстрировать неспособность людей решать масштабные задачи. Чем менее религиозным становится человечество, тем более роль главной улики человеческого бессилия начинают играть природные катаклизмы — улики не единственной, но самой впечатляющей, внешне эффективной и наглядной. При этом риторика, опирающаяся на идею бессилия человека, вряд ли могла бы быть конструктивной и отстаивать какое-то политическое, а не религиозное или стоическое мировоззрение —

апелляция к катастрофам чаще играет роль полемического, критического оружия.

Консервативная аргументация, вооруженная отсылками к иррациональности и абсурду, может быть энергичной лишь до тех пор, пока она имеет полемический, негативный характер, т.е. до тех пор, пока она является контрпропагандой, направленной против какого бы то ни было активизма — обычного «левого», «экологического» или либерального. Очевидно, что никакая позитивная политическая программа не может базироваться на абсурде — если только это не уклончивая политическая риторика в стиле Эрнста Юнгера или Константина Леонтьева, которая провозглашает некие политические идеалы вперемежку с призывом ждать скорого конца света и восхвалениями смерти на войне. Но борьба с активизмом, разумеется, ведется не ради абсурда бытия (который в защите не нуждается); логика борьбы с активизмом, пытающимся что-то менять, есть защита статус-кво. Легче всего в риторике отсылки к катастрофам можно использовать тот тип мировоззрения, который публицист Аркадий Малер назвал «ситуативным консерватизмом», защищающим то, что уже есть, не имеющим долгосрочной отдаленной цели — при этом Аркадий Малер признает, что во многих случаях позиция консервативных политиков действительно исчерпывается борьбой за статус-кво (*Малер* 2011: 27–28). Однако риторика, которая использует апелляции к иррациональному, обычно не может явно говорить о благополучном и защищаемом статус-кво, последний ока-

зывается лишь невидимым тылом, находящимся за спиной риторики, демонстративно смакующей непреодолимые бедствия.

Любой активизм сегодня встречается насмешкой, которая — если быть логичным — должна влечь за собой самое трагическое, самое пессимистическое мировоззрение, поскольку из совокупности этих насмешек следует, что человеческое положение изменить нельзя. Однако этот вывод мало кто делает, чувство безнадежности, витающее в наших публичных дискуссиях, — не настоящее, безнадежность оказывается лишь полемическим приемом, в него до конца не верят, те, кто насмеяются над возможностью действия, обычно достаточно оптимистичны, и можно предположить, что источником этого оптимизма является вера в достаточное благополучие статус-кво. Такого рода саркастический консерватизм в принципе не отрицает решаемости человеческих проблем, но никогда не говорит о них. Мы достаточно испугались стихийных бедствий, чтобы превратить их в сильный и производящий впечатление аргумент, но недостаточно — чтобы впасть в отчаяние и действительно позволить иррациональной «заре бытия» изменить наше мировоззрение.

Апеллирующий к бедствиям консервативный антиактивизм в повседневной жизни опирается на «практический активизм», т.е. на веру в техническую успешность индивидуальных усилий по улучшению своего благополучия — при отрицании коллективных усилий. Вообще говоря, доверие статус-кво — и есть вера в успешность индивидуальных дей-

ствий, благополучие существующей реальности означает, что она позволяет добиваться хотя бы тактического успеха — и это логично влечет за собой отрицание революционных действий, изменяющих реальность радикально. Успех на глобальном уровне возможен лишь у землетрясений, извержений вулканов и вирусов.

Взаимоотношения между активизмом и индивидуализмом не могут быть простыми, они всегда предполагают некоторую диалектику: активизм может защищать индивидуалистические ценности (например, свободу мысли), но требует для их защиты коллективных действий. Противостоящий активизму консерватизм оказывается индивидуализмом в полном смысле слова, это латентный, неамбициозный, не выпячивающий себя индивидуализм, поскольку все скрыто предполагаемые им изменения к лучшему должны обеспечиваться успехом разрозненных индивидуальных действий. При желании эту программу можно назвать либертарианской.

Разумеется, важный аргумент против использования отсылок к стихийным бедствиям в консервативной риторике заключается в том, что сами стихийные бедствия являются серьезным изменением общественных отношений, и с этой точки зрения наводнения радикальны, а эпидемии революционны. Сегодня уже очевидно, что пандемия ковида как раз и усилила тенденции цифровизации и дистантной работы, так же как эпидемия чумы XIV в., породив дефицит рабочей силы, ускорила наступление капитализма. И, разумеется,

консервативные авторы немедленно переходят к неприятию катаклизмов, когда речь идет уже не о природных, а о социальных катастрофах, вину на которые всегда можно свалить на сторонников прогресса и изменений. Здесь очень характерна статья создателя первой в России кафедры политической психологии профессора А.И. Юрьева, где отмечается, что либеральный проект ориентирован на управляемое развитие, но он не учитывает, что попытки управлять развитием порождают неконтролируемые изменения, которые угрожают существованию современной цивилизации (Юрьев 2011: 101). Таким образом, последствия либерального реформизма оказываются вполне сравнимыми со стихийным бедствием, и главный момент сходства заключен в концепте «неконтролируемых изменений», а это важнейший источник современных страхов — поскольку, в отличие от Владимира Эрна, мы, как правило, не верим, что составляющие часть прогресса неконтролируемые изменения порождены сверхъестественными силами.

Впрочем, возможен ракурс, в котором катастрофа оказывается даже полезной.

Взаимоотношения между природными бедствиями и консерватизмом могут быть более глубинными, если консерватизм рассматривать не просто как защиту статус-кво, а как некую «реакционную», антипрогрессивную программу изменений, а бедствие — как толчок, подталкивающий к подобным изменениям. Тут очень любопытно сравнить реакцию на пандемию ковида двух

известных современных авторов, которые хотя и исходят из совершенно разных позиций и относятся к происходящему прямо противоположно, но сходятся в одном важном пункте: оба они считают, что постигшая мир эпидемия враждебна полной условностей цивилизационной сложности и отбрасывает нас к некоему «сырому», примитивному бытию. Известный российский консервативный мыслитель Александр Дугин утверждает: «Уже сейчас видно, что пандемия смысла либерализм (глобализацию). Das Man распылен, на его место выходят более жесткие реальности. Еще немного кое-кто похихикает, но уже не долго осталось. Из-за горизонта появляется нечто по-настоящему зловещее и рискованное — заря бытия (о котором забыли). На примере Запада, который уже намного глубже в пандемии и чрезвычайной ситуации, чем мы, видно, как быстро исчезают либеральные химеры даже там, где они были укоренены» (Дугин б/д). Как видим, в этом тексте Дугин оценивает пандемию чрезвычайно серьезно, в то время как всемирно известный итальянский философ Джорджо Агамбен, наоборот, сравнивает COVID-19 с обычным гриппом и обвиняет власти и СМИ в необоснованном распространении паники — однако вызванные пандемией карантинные меры, отсутствие физического общения и т.д. действуют в том же направлении, отбрасывая людей от социальной сложности к «голой жизни»: «Люди настолько привыкли жить в условиях вечного кризиса и вечного чрезвычайного положения, что, кажется, не замечают, что их жизнь сведена к чисто биологическому состоянию, и лишилась не только всех социальных и поли-

тических свойств, но и человеческих и эмоциональных» (Каким мир станет б/д).

Итак, бедствия, с которыми мы сегодня время от времени имеем дело, угрожают не существованию общества, но, прежде всего, реформистским проектам его изменения, они порождают надежду на откат, инволюцию социальных отношений, и именно поэтому они могут оказаться орудием в арсенале консервативной риторики. Когда наступает бедствие, например, землетрясение — все благие долгосрочные проекты откладываются ради текущих неотложных мер. Начинать реформы и эксперименты можно не сейчас, а потом, когда кончится чрезвычайная ситуация, когда пройдет тяжелое время, когда наступят хорошие времена — в этом смысле консерватизм заинтересован в ощущении постоянной чрезвычайной ситуации, и именно поэтому он заинтересован привлечь наше внимание к экстремальным бедствиям, чья чрезвычайность по крайней мере очевидна и не требует доказательств. Кстати, в условиях чрезвычайной ситуации, когда разрушается инфраструктура, возникает угроза голода и болезней и т.д., рушатся любые долгосрочные планы на будущее, наступают золотые дни также и ситуативного консерватизма, который перестает быть оппозицией развитию (ибо нет развития), а становится мужественной программой самосохранения.

Культурная антропология катастроф должна начинаться с предположения, что сначала катастрофы приводят к упрощению социальных отношений. Потому и экологическая

предусмотрительность, являющаяся самой исторически поздней и самой неочевидной для выживания формой цивилизационной деятельности, страдает от катастроф в первую очередь. Негативному отношению к экоактивизму способствуют не только извержения вулканов, но и, скажем, эпидемии: как замечает В. Дараган, пандемия ковида имеет в том числе и негативные экологические последствия — поскольку пандемия привела к экономическому кризису и понижению благосостояния, а экологическая сознательность возрастает только при определенном уровне качества жизни (Дараган 2020: 18). То есть нет никакой специфической связи между эпидемией и экоактивизмом, но вызываемые катаклизмами потрясения вызывают общее упрощение социальности и угнетают наименее укоренившиеся активности.

КАТАСТРОФЫ БЕЗ ОСМЫСЛЕНИЯ

Религиозный мыслитель может видеть в природном катаклизме пример вмешательства высшей силы, сторонник консервативной революции может надеяться, что катастрофа окажется давно ожидаемым разрушителем либеральной цивилизации, но чаще в новоевропейском дискурсе, далеком и от религии, и от апологетики разрушения, катастрофа поддается осмыслению с большим трудом, она чем дальше, тем больше оказывается прорывом чистого иррационального, которому трудно приписать какой бы то ни было смысл. Сам этот факт, несомненно, является важным аргументом в руках консервативных мыслителей, которые

легко могут продемонстрировать, что в картине мира оппонентов имеется нечто вроде слепого пятна, зоны, где не работает враждебная идеология.

Важнейшим памятником европейской мысли, знаменующим откровенное признание в неспособности сделать катастрофу смыслообразующей частью мировоззрения и увидеть в ней что-либо кроме деморализующей силы, несомненно является «Поэма о гибели Лиссабона» Вольтера — философско-поэтическая реакция на землетрясение 1755 г.

Враждует вся земля — стихии, люди,
звери.
Признаем: зло сродни печальной
этой сфере;
Приподнят ли покров великими
умами?
Нет: книга жребия закрыта перед
нами.
Неведом человек себе же самому.
(пер. А. Кочеткова)

Главная идея поэмы Вольтера, чей подзаголовок звучит: «проверка аксиомы “Все во благо”», заключается в том, что стихийное бедствие не поддается оптимистической рационализации, встраиванию в сколько-то оптимистическую картину мира. Землетрясения, кроме прочего, продемонстрировали и бессилие, недостаточность имевшихся философий — было показано, что «книга жребия закрыта перед нами». Тем самым Вольтер фактически тоже превращает стихийное бедствие в аргумент в пользу ситуативного консерватизма, поскольку для последнего в сущности не нужна никакая собственная особая идеология, скорее он нуждается в интеллектуаль-

ной немоте, в молчании, в крахе всех идеологий, которые бы требовали как-то изменять статус-кво.

По мнению Вольтера — и здесь его мысль особенно современна, поскольку релятивистична — возможность оптимистической рационализации зависит от того, насколько сам интерпретатор затронут бедствием.

Но Лиссабона нет, — и веселимся мы.
Вы, созерцатели, бесстрашные умы!
Вдали над братьями вершится дело
злое,
А вы причину бед здесь ищите в покое;
Но если бич судьбы познать
случится нам,
Вы плакать будете, как плачут ныне
там.

Слово «плакать», как видно из контекста, означает в данном случае не столько эмоциональную реакцию, сколько, прежде всего, отсутствие интеллектуальной реакции, т.е. будучи затронутыми бедствиями, мы будем не просто плакать — мы будем **только** плакать, а не интерпретировать, встраивая факт бедствия в схемы прогрессивного развития.

За время, прошедшее со времени написания поэмы Вольтера, в западной культуре регулярно реанимировались или изобретались способы оптимистической рационализации катастроф, но ни один из них сегодня не считается солидным и заслуживающим доверия. К числу таких традиционных способов придания катастрофам смысла относят рассматривание бедствий как испытаний или наказаний, посланных высшими силами; их оценка с позиций добра и зла; поиск мистических совпаде-

ний, синхроний между природными и социальными катаклизмами; поиск виноватых в катастрофах; рассмотрение катастроф как знак, побуждающий выработать способ гармонично сосуществовать с природой или, наоборот, сплотиться против общего врага (например, астероида). Но когда мы столкнемся с землетрясением или цунами, ни один из этих способов не сможет помочь — если только вы не верующий человек или не избыточно политизированный консерватор.

Казалось бы, катастрофы подводят нас к реактуализации очень многих тем и известных в истории методов реагирования на бедствия, поэтому удивляться приходится не тому, что мы действительно часто встречаемся с реакциями на бедствия традиционного типа, например с теодицеей, столь раздражавшей Вольтера, а в XXI в. раздражающей Ж. П. Дюпюи, а тому, что мы встречаемся с ними сравнительно редко, и это, по-видимому, свидетельствует о том, что человечество видит мир достаточно бессмысленным. По классификации Мераба Мамардашвили, человечество уже достаточно повзрослело: Мамардашвили считал попытку царя Ксеркса высечь море «детской» реакцией, всякое личностное отношение к окружающим вещам — инфантильным, а взросление же заключается в понимании того, что мир к нам равнодушен (*Мамардашвили б/д*).

Из публикаций, посвященных влиянию пандемии COVID-19 на христианские церкви, можно увидеть, что последние оказались скорее пассивными реципиентами этих влияний: они приспособивались к новым ка-

рантинным требованиям, иногда пытались саботировать их, делая вид, что ничего не происходит, но масштабно не превращали пандемию в повод для каких-то новых видов религиозной активности (Искушение коронавирусом 2020; *Лукин 2020*). Для того, чтобы увидеть всю невнятность ответов современного христианства на вызов пандемии ковида, надо сравнить его с тем разнообразием ответов, которые религиозная культура позднего Средневековья выработала на чуму XIV в. — когда римский папа в своем послании объяснял, что чума наслана Богом за грехи «христианского народа», когда разрушали языческие статуи как возможные причины божьего гнева, когда в чуме обвиняли иноверцев, когда целые города пытались вернуть к нравственной жизни, когда церковь вместе с государством пыталась создавать специальные системы социальной помощи, когда резко увеличилось почитание определенных святых, считавшихся защитниками от чумы, и даже налаживалась чеканка специальных противочумных монет-амулетов (*Бульст 2000*).

Мы стоим перед своеобразной культурологической загадкой. С одной стороны, явно растет значимость темы природных бедствий и вообще бедствий, превосходящих человеческие возможности им противостоять, и это, казалось бы, должно влечь пропорциональное повышение значимости религиозных и мистических настроений, но этого не наблюдается, и интерпретация бедствий как ниспосланных Богом наказаний или испытаний также не становится столь же популярной, как можно было бы ждать. Есть расхожее представление,

что религия во многом и возникла как реакция на грозные и неподконтрольные силы природы, на иррациональность бытия, и раз эти грозные силы по разным причинам опять начали привлекать наше внимание — это в какой-то степени возвращает нас к ситуации возникновения — или, может быть, переучреждения религий. Возможно, тема «постсекулярного», ставшая популярной в религиозноведческой литературе, является одной из форм такого переучреждения. Но тем не менее мы можем констатировать, что религия не воспользовалась тем шансом, какой ей был предоставлен повышением публичного внимания к стихийным бедствиям. Возможно, одна из причин этого заключается в том, что, как отмечают многие специалисты, постсекулярная религиозность часто выступает как сугубо индивидуальный феномен, как выстроенная самим индивидом система отношений с Богом, как своеобразная персональная религия, не предполагающая участия в общине и не порождающая публичной активности на уровне церкви, богословия и т. п. (Степанова 2015).

Заметим: индивидуалистическая, внеинституциональная религиозность вполне гармонична индивидуалистичному, ситуативному консерватизму, оба этих типа мировоззрения, каждое в своей сфере, не нуждаются в коллективных действиях. Возможно, одна из причин «недоиспользования» религии в осмыслении катастроф заключается в том, что в конечном итоге религия тоже обычно выступает в форме того или иного «активизма», т. е. призыва что-то делать, менять образ жизни, ну хотя бы больше молиться.

Именно поэтому в тех ситуациях, когда иррациональное вторгается в нашу жизнь как свидетельство бессилия всякого активизма, мы начинаем откатываться и от религиозного осмысления бедствий непреодолимой силы — несмотря на всю соблазнительность того, чтобы ответить на эти бедствия повышением мистического градуса, несмотря на богатейшие традиции именно такой реакции на иррациональность бытия. Но если предметом интеллектуальной гордости становится четкое очерчивание бессмыслицы именно как бессмыслицы, то места для Бога не остается — бессмыслица и Бог чаще все-таки воспринимаются как альтернативы. Да, «пути господни неисповедимы», но все же истолкование Бога как источника абсурда, как бессмысленного на человеческий взгляд, ибо непостижимого (таков смысл второй религиозной проповеди в «Чуме» Камю) — слишком утонченная и прагматичная концепция, чтобы к ней часто обращались.

Консерватизм, опирающийся на опыт стихийных бедствий, подходит вплотную к тому порогу, где должны начаться религия и мистика, но не переступает этот порог. Религия может вернуться в нашу жизнь только вместе с реабилитацией рационального активизма; и потому консервативные насмешки над экологизмом или феминизмом в конечном итоге антирелигиозны (сколь бы активно ни использовалась в рамках этой полемики религиозная аргументация); они антирелигиозны в том смысле, что всерьез можно говорить о религии, только когда она рассматривается как действие, как возможность изменения человеческой

жизни, как решение проблем (пусть даже психотерапевтическое решение), а современный консерватизм достигает особой мощи, успешности и градуса сарказма именно тогда, когда выступает как насмешка над действием (во всяком случае, действием решительным и влекущим сколько-то серьезные изменения статус-кво).

Парадокс восприятия иррациональных катаклизмов заключается в том, что хотя они приковывают к себе внимание, но сказать о самом по себе стихийном бедствии, как правило, нечего, в нем нет смысла. До известной степени в наблюдении устрашающего стихийного бедствия мы можем наблюдать работу феноменологически чистого сознания, поскольку внимательное восприятие его почти не искажается вторичными интеллектуальными интерпретациями, мы просто смотрим — как этого требуют учителя медитации, и можно даже предположить, что медитация предполагает восприятие любого предмета как стихийного бедствия.

Известно, что однажды наступает момент, и о бедствиях, которые были сенсацией и главной темой повестки дня, вдруг перестают вспоминать, даже стараются их скорее забыть. В коллективной памяти о бедствиях бывают такие довольно резкие «переходы к забвению». Португальский историк Рюи Тавареш установил, что количество упоминаний о великом Лиссабонском землетрясении 1755 г. вдруг резко упало примерно через 5 лет после землетрясения (*Тавареш* 2009: 210–211). Разумеется, психологические истоки этого внезапного забвения прежде всего в том, что па-

мять о бедствии вызывает боль, горечь, чувство незащищенности — но, думается, немаловажной причиной является также отсутствие возможности дать его рациональную интерпретацию, вписать в оптимистичную и осмысленную картину мира.

Поскольку в самой катастрофе не усматривается успокоительного или мотивирующего смысла, то возникает соблазн резко переключить внимание от самой катастрофы к смежным обстоятельствам, что почти всегда и происходит. Иррациональность катаклизма содержит серьезный соблазн и серьезный мотив отвлечься от него самого и думать о его последствиях, тем более что с точки зрения практики нет возможности влиять на сам катаклизм, но можно заниматься последствиями — оказывать помощь раненым, разгребать завалы, доставлять в район бедствия лекарства и т. д. Перенос внимания с катаклизма на смежные объекты сам может стать мощной иррациональной силой — поскольку огромное впечатление, производимое катаклизмом, ищет эмоционального выхода; и тогда может возникнуть поиск виновных, вторичная рационализация может объявить виновными иноверцев или власти (которые, скажем, не придавали значения сейсмоустойчивости зданий), и тогда природный катаклизм оборачивается погромами или политической нестабильностью.

Ж.П. Дююи отмечает, что когда общественность и пресса начинают обсуждать какую-либо громкую природную катастрофу, то они очень быстро забывают про ее собственно природный характер и съезжают на темы

социальной вины и социальной защищенности жертв — в результате, по выражению Дюпюи, «моральное зло безвозвратно погребло под собой все, что еще оставалось от зла природного» (Дюпюи 2019: 64).

Кроме того, всегда есть в запасе один полезный инструмент рационализации и осмысления катаклизмов — это рассуждения об их повторяемости; если, как в случае землетрясений, можно доказать, что этот тип катаклизма случается регулярно, то из этого вытекают два вывода, теоретический и практический, одинаково отрадных для нашей оптимистической рациональности. Теоретический вывод заключается в том, что катастрофа не так уж и экстремальна, «такое случается», она является частью «нормальности» нашей планеты; практический вывод заключается в том, что можно подумать, как подготовиться к ее повторению — единичная катастрофа необратима, ее жертв не воскресить, но если отнестись к ней как к повторяющейся, то она, как в спорте, дает нам второй шанс — в следующий раз мы будем лучше готовы. Любопытно, однако, что, по мнению Рюи Тавареша, теоретический вывод часто вступает в конфликт с практическим. Стремление подготовиться к повторению бедствия Тавареш называет «конструктивной интерпретацией катастрофы», но при этом отмечает, что в последнее время эта интерпретация начинает терять сторонников: «Речь идет об аргументации, согласной которой катастрофы “происходят” и все тут. С этой точки зрения “конструктивная интерпретация” представляется наивной. Не следует ли нам просто смириться с мыслью,

что стихийные бедствия периодически уносят множество человеческих жизней, и отказаться от ненужных иллюзий?» (Тавареш 2009: 221).

БИТВА ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ

Подводя некоторые итоги. Сегодня — в отличие от Средневековья — мы не располагаем дискурсивными инструментами, позволяющими нам осмыслить бедствия непреодолимой силы так, чтобы это осмысление было бы релевантным человеческой жизни и человеческим действиям, чтобы оно обладало очевидной моральной или политической значимостью, чтобы оно было включено в систему ценностей, обладающих мотивирующей силой. У нас нет надежды на то, что в обозримом будущем прогресс породит средства сделать жизнь на планете безопасной, что будут изобретены лекарства от смерти и средства управления землетрясениями. Наоборот, растущая уязвимость техносферы и глобальное потепление показывают, что среда обитания контролируется нами все хуже и становится если не более опасной в статистическом измерении, то более склонной порождать впечатляющие инциденты. Если бы не было АЭС, то цунами в 2011 г. не привело бы к фукусимской катастрофе; если бы не было линий электропередач, мы бы не опасались, что ураганы оставят нас без электричества; если бы не было реактивной авиации, Эйяфьятлайокудль не нанес бы такой удар по мировому транспорту. Эту взаимосвязь обнаружил еще Жан-Жак Руссо в своем знаменитом письме Вольтеру по поводу его «Поэмы о гибели Лиссабона» (Письмо

Ж.-Ж. Руссо 1809). По мнению Руссо, главной причиной бедственности произошедшего землетрясения является собственно урбанизация: землетрясения происходят регулярно и повсеместно, но непоправимой катастрофой они становятся только в случае, если в месте землетрясения оказываются сосредоточенными тысячи домов и множество уязвимого имущества.

Однако и к настоящему пессимизму мы тоже не способны, поскольку, с одной стороны, те бедствия, с которыми мы имеем дело, пока что не кажутся угрожающими существованию человечества, а с другой стороны, потому что у нас родилась привычка использовать аргументы пессимизма исключительно полемически и инструментально для нейтрализации беспокоящего активизма — но не для конструирования пессимистического мировоззрения. Глядя на бедствия, мы остаемся интеллектуально немые и философски беспомощны, что, впрочем, в некотором смысле является тоже плодом прогресса, ведь эта беспомощность является плодом многих столетий критики «ложных» идеологий, пытавшихся осмыслить бедствия. Нет даже уверенности в том, что мы действительно нуждаемся в осмыслении бедствий. Но каждый раз они встают перед нами как вызов, как прорыв в нашей рациональности, как просвет очищенного от интерпретаций бытия.

Бедствие сегодня призывает нас воздержаться от рационализации реальности, но это психологически тяжкое самоограничение, ибо склонность к рационализации является чуть ли

не инстинктом, базовым свойством нашей природы. Именно потому хотя и странным, но вполне закономерным видится предложение Ж. П. Дюпюи в рамках его теории «просвещенного катастрофизма» в качестве «полезной уловки» считать «нас самих», т. е. человечество, в некотором смысле причиной стихийных бедствий. Стихийные бедствия не могут не быть вызовом.

Обстоятельства непреодолимой силы очерчивают перед нами границу или систему препятствий, дальше которых человек не может идти и дальше которых не распространяется могущество цивилизации. Однако они не лишают человека пространства обитания — во всяком случае, катастрофы, которые бы ставили под угрозу само существование человечества, не являются сегодня актуальным вопросом повестки дня. Таким образом, катастрофы обращают наше внимание на пределы человеческой экспансии. Этих пределов мы увидели в последние годы немало, в частности, после грез, порожденных научной фантастикой XX в., сегодня стало очевидно, что космос — не только пространство, но и стена, и экспансия человечества на другие планеты откладывается на неопределенный срок. Но если мы имеем пространство обитания и при этом столкнулись с препятствиями для его расширения и дальнейшей экспансии, то тем самым перед человечеством поставлена задача устройства имеющегося пространства, повышения его благополучия здесь и сейчас.

Экспансию в данном случае надо понимать не только как экспансию

в пространстве, на другие планеты. Прогресс, в который все неизменно верили, был, в сущности, экспансией во времени — в том смысле, что он обещал новые измерения свободы, новые области активности и новые решения проблем — так что проблемы можно было не решать сейчас, ожидая, что наука будущего что-нибудь придумает. Прогресс обещал эмиграцию из настоящего в будущее. По мнению Ж. П. Дююи, некоторое свойственное современной цивилизации пренебрежение стихийными бедствиями и неспособность глядеть на них адекватно во многом порождено «метафизической гордыней человечества», а именно: «конечности человеческого существования придается статус проблемы, которую наука, техника и наша изобретательность рано или поздно позволят решить. Теперь сама смерть представляется проблемой, как и природа, если она нам мешает» (Дююи 2019: 48).

Тут будет уместно вспомнить концепцию «голос-выход» Альберта Хиршмана: столкнувшись с проблемами — например, недостатками сервиса или целого государства, — человек может подать «голос», т.е. требовать устранения этих недостатков, способствовать улучшениям, а может воспользоваться опцией «выход», т.е. сменить поставщика услуг, эмигрировать в другую страну, что в конечном итоге консервирует недостатки данного сервиса и данной страны (Хиршман 2009). Вера в прогресс имеет некоторые черты веры в возможность «выхода» в том смысле, что благодаря развитию мы, в конце концов, перемещаемся в «другую страну», в другую ситуацию с другой, более благополучной

конфигурацией проблем и решений. Поэтому вера в прогресс может играть деморализующую, демотивирующую роль, и именно потому катастрофы, демонстрирующие бессилие человечества, можно превратить в уроки, способствующие полезному отрезвлению, — что проблемы надо решать здесь и сейчас.

Сегодня фундаментальным политическим вопросом, или, если угодно, актуальным для политики философским вопросом становится вопрос о Возможности, т.е. о том, способно ли человечество с помощью коллективных действий серьезно изменить к лучшему обстоятельства своего существования; этот вопрос фундаментальнее других политических споров, ибо если ничего сделать нельзя, то бесполезно спорить о том, что именно надо сделать. И именно на этом фундаментальном уровне самым активным игроком оказывается такое, казалось бы, безыдейное движение, как ситуативный консерватизм — он здесь вступает в игру раньше других умонастроений и идеологий.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Дараган 2020 — Дараган В. Экология ковида // Наука и религия. 2020. № 7.

Дугин б/д — Дугин А. Дар чумы (пандемия и экзистенциальная философия). URL: www.geopolitica.ru/article/dar-chumy-pandemiya-i-ekzistencialnaya-filosofiya.

Искушение коронавирусом 2020 — Искушение коронавирусом. Как церковь противостоит эпидемии // Журнал Московской Патриархии. 2020. № 4. С. 18–24.

Каким мир станет б/д — Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. URL: snob.ru/entry/191734/.

Лукин 2020 — Лукин Р. Религия на фоне пандемии // Наука и религия. 2020. № 7.

Мамардашвили б/д — Мамардашвили М. Психологическая топология пути. URL: iknigi.net/avtor-merab-mamardashvili/36702-psihologicheskaya-topologiya-puti-merab-mamardashvili/read/page-17.html.

Письмо Ж.-Ж. Руссо 1809 — Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона / Соч. г-на Вольтера, с возражением на оную, писанным Ж.-Ж. Руссо. 2-е изд. СПб., 1809.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бульст 2000 — Бульст Н. Почитание святых во время чумы // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2000. С. 152–185.

Голубчиков, Голубчиков 2012 — Голубчиков Ю.Н., Голубчиков М.Ю. Катастрофизм как методологическая и познавательная программа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 1.

Дютои 2019 — Дютои Д.П. Малая метафизика цунами. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019.

Карякин 2010 — Карякин Ю. Природные и техногенные катастрофы: Новые вызовы и угрозы устойчивому развитию // Свободная мысль. 2010. № 9.

Катастрофическое сознание... 1999 — Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века: По материалам междунар. исслед. М.: ЗАО «Первый печатный двор», 1999.

Кертман 2000 — Кертман Г.М. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Полис. 2000. № 4. С. 6–18.

Малер 2011 — Малер А.М. Философия консерватизма: противоречия и преодоления // Современный российский консерватизм: сборник статей. М., 2011.

Матвеева, Шляпентох 2000 — Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Степанова 2015 — Степанова Е.А. Постсекулярная религиозность: индивид versus институт // Религиоведение. 2015. № 3. С. 56–63.

Тавареш 2009 — Тавареш Р. Небольшая книжка о великом землетрясении. Очерк 1755 года. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Хиришман 2009 — Хиришман А. Выход, голос и верность. М.: Новое издательство, 2009.

Хиришман 2010 — Хиришман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Эрн 1991 — Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 198–219.

Юрьев 2011 — Юрьев А.И. Четыре психологические проблемы для консерваторов // Современный российский консерватизм: сборник статей. М., 2011.

NATURAL DISASTER AS A CONVERTER OF COLLECTIVE MEMORY

Frumkin Konstantin G. — candidate of culturology (Moscow)

Key words: natural disaster, tsunami, earthquake, pandemic, conservatism, liberalism, activism, ecology, progress, vulnerability.

Abstract. Natural disasters attract more and more public attention and cause more and more damage, but modern society does not have the discursive means to understand them, to include them in the picture of the world and political rhetoric; the most frequent method of using the theme of disasters in rhetoric is criticism of eco-activism; the use of references to natural disasters in conservative rhetoric is organic; traditional religious understanding of natural disasters in our time is not very actual. The main question that natural disasters pose to modern thought is how humanity should react to its own impotence.

REFERENCES

Bul'st N. Pochitanie sviatykh vo vremia chumy. *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow: Nauka, 2000, pp. 152–185.

Diupitui D. P. *Malaiia metafizika tsunami*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2019.

Ern V. F. Ideia katastroficheskogo progressa. Ern V. F. *Sochineniia*. Moscow: Pravda, 1991, pp. 198–219.

Golubchikov Iu. N., Golubchikov M. Iu. Katastrofizm kak metodologicheskaiia i poznavatel'naia programma. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia geograficheskaiia*, 2012, no. 1.

Iur'ev A. I. Chetyre psikhologicheskie problemy dlia konservatorov. *Sovremennyi rossiiskii konservatizm: sbornik statei*. M., 2011.

Kariakin Iu. Prirodnye i tekhnogennye katastrofy: Novye vyzovy i ugrozy ustoiчивomu razvitiuu. *Svobodnaia mysl'*, 2010, no. 9.

Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v kontse XX veka: Po materialam me-

zhdunar. issled. Moscow: ZAO "Pervyi pechatnyi dvor", 1999.

Kertman G. M. Katastrofizm v kontekste rossiiskoi politicheskoi kul'tury. *Polis*, 2000, no. 4, pp. 6–18.

Khirshman A. *Ritorika reaksii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.

Khirshman A. *Vykhod, golos i vernost'*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2009.

Maler A. M. Filosofii konservatizma: protivorechiia i preodoleniia. *Sovremennyi rossiiskii konservatizm: sbornik statei*. Moscow, 2011.

Matveeva S. Ia., Shliapentokh V. E. *Strakhi v Rossii v proshlom i nastoiashchem*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000.

Stepanova E. A. Postsekuliarnaia religioznost': individ versus institut. *Religiovedenie*, 2015, no. 3, pp. 56–63.

Tavaresh R. *Nebol'shaia knizhka o velikom zemletriasenii. Ocherk 1755 goda*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2009.

ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ В (ПОСТ)ЮГОСЛАВИИ

Редакторы раздела — Милица Попович (Центр международных исследований Института политологии (Париж) и Университет Любляны) и Наталия Майсова, д.н. (Университет Любляны).

Государство Югославия существовало дважды — как монархия и как социалистическая республика. В регионе переплелись различные исторические и религиозные традиции и государственные режимы — это породило множество несходных политических образований и, соответственно, множество политических и национальных/этнических идентичностей. В период социализма в Югославии была осуществлена радикальная модернизация, приведшая к беспрецедентному развитию страны. Распад социалистической республики, начался в ходе кризиса 1980-х и продолжился во время войн 1990-х. В январе 1992 г. Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратила существовать. Гибель югославского государства не означает, что юго-

славская идея или югославская память окончательно исчезли. В эпоху, отмеченную «политическим злоупотреблением властью и в величайшей степени несправедливыми процессами приватизации» (Dolenec 2013: 7), каждое из семи государственных образований (Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория и Косово¹), возникших на обломках Югославии, обнаруживает особый ландшафт памяти, изобилующий внутренними сражениями, в ходе которых позиции сторон иногда сближаются, а иногда расходятся, в результате чего ткется сложная сеть внутриюгославской памяти.

Согласно наблюдению Кэтрин Бэйкер о том, что «национализм был

¹ Все ссылки на Косово во всех материалах подборки «Ландшафты памяти в (Пост)Югославии» (с. 59–209), будь то территория, институты или население, должны пониматься в полном согласии с резолюцией Совета безопасности Организации Объединенных Наций № 1244, без предвзятых мнений относительно статуса Косово. Необходимо напомнить, что в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия Косово имело статус автономного края, в то время когда шесть других государств имели статус республик.

инструментом, а не причиной» (Baker 2015: 129), (пост)югославская память продолжает вести диалог, преодолевая границы (пост)югославских государств. Хотя в этой серии интервью авторы исходят из перспективы отдельных республик, это ни в коем случае не означает нашего согласия с тем, что (пост)

югославская память больше не работает в качестве одного из «узлов памяти» (œeuds de mémoire, Rothberg 2009) и не производит новые солидарности, а также новые возможности для мысли и действия.

М. П. и Н. М.

1. РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ.

«РАБОТЫ МАЛОЧИСЛЕННОЙ ГРУППЫ ИСТОРИКОВ-РЕВИЗИОНИСТОВ ПОЛУЧАЮТ ОГРОМНЫЙ РЕЗОНАНС В МЕДИА, ПОСКОЛЬКУ ОНИ ВЫСТУПАЮТ АГЕНТАМИ САНКЦИОНИРОВАННОЙ ГОСУДАРСТВОМ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ».

Интервью с Е. Джурейнович

Ключевые слова: политики памяти, антикоммунизм, ревизионизм, движение четников.

Аннотация. В Сербии 2000-е гг. отмечены подъемом ревизионистской политики памяти. Она подпитывается нарративами Европейского союза, которые уравнивают фашизм и коммунизм, что позволяет реабилитировать движение четников. В своем интервью профессор Елена Джурейнович разоблачает мифы, вокруг которых в публичном пространстве Сербии ведутся войны памяти, и анализирует несовместимые нарративы памяти своей страны и всего (пост)югославского региона. Джурейнович показывает, как этнизация и ревизионизм памяти отражаются в недавно оформленных юридических рамках, судебных процессах, господствующих политических дискурсах и в других аспектах политики памяти, продвигаемых политическими элитами, включая Сербскую православную церковь. В то время как войны памяти в Сербии сосредоточены на Второй мировой войне, гораздо более насущные вопросы, в том числе примирение сторон, противостоявших в войнах 1990-х, скрываются в тени.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-61-76

После того как режим Слободана Милошевича пал в 2000 г. в результате «мирной революции», Республика Сербия рассматривается как *переходная* демократическая страна. К сожалению, этот нескончаемый пе-

реход, по-видимому, является одной из немногих устойчивых характеристик страны. Демократия, напротив, представляется скоропреходящей возможностью улучшить качество жизни, даже после закрытия 98%

государственных промышленных предприятий, в результате чего почти миллион человек остался без работы (Obradović 2017: 11). Сегодня страна находится в сложной ситуации, где авторитарное правление сочетается с долгим и неуверенным движением в сторону присоединения к Европейскому союзу, а состояние экономики приводит к разрушительной по размерам эмиграции и страшной нищете населения, остающегося в стране.

Политические элиты продолжают поддерживать свои ревизионистские дискурсы, на которых базируется императив национального строительства, порожденного распадом Югославии. Дискурс «примирения» (reconciliation) внутри этнических общностей погружен в миф о братоубийственной войне, которая описывается как превосходящая масштабами геноцид нацистов в годы Второй мировой войны и тем самым противостоит югославской памяти социалистического времени о «братстве и единстве».

Ревизионизм как официальная политика государственной памяти проявляется повсеместно, он влечет изменения названий улиц, переделку нарративов в учебниках и перемены законодательства. В 2004 г. Сербский парламент принял закон, согласно которому партизаны и четники получили равные права ветеранов Второй мировой войны (Govedarica 2013: 174). Следующим шагом этой ревизионистской политики в сфере законодательства стал Закон о реабилитации, принятый в 2006 г. По этому закону «реабилитации подлежат лица, которые без судебного или административного решения

или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 по сегодняшний день и проживали на территории Республики Сербия» (Službeni glasnik 33/06). В 2009 г. правительство Республики Сербия учредило две государственных комиссии по «пересмотру исторических событий», которые имели место в Сербии во время и сразу после Второй мировой войны (Govedarica 2013: 177). Памятники четникам воздвигнуты по всей Сербии (Ivanjica 2003, Lapovo 2006, Subjela kod Kosjerića 2008). Очевидно, что эти действия не проистекают из единственного желания осудить все преступления и репрессии режима в период социалистической Югославии. Проблема состоит в том, что за исключением нескольких строго научных исследований (см.: Radanović 2014; 2015/2016), большинство обращений к этой теме исходит не из сбалансированной перспективы, а, напротив, с ревизионистской точки зрения на Вторую мировую войну.

Тем не менее перед визитом Дмитрия Медведева в Белград в 2009 г. по случаю 65-летия освобождения Белграда, муниципалитет привел в порядок Партизанское кладбище и памятник Освободителям Белграда, которые не ремонтировались с 1985 г. (Govedarica 2013: 189). К визиту также было приурочено переименование трех улиц в честь генерала В. Жданова, маршала Ф. Толбухина и Красной армии. Эти имена вновь вернулись в Белград, хотя на этот раз они были присвоены улицам на окраине Белграда (Ibid.: 191).

Известный историк Дубравка Стоянович объясняет развитие вышеупомянутого ревизионизма на примере сербских учебников истории, которые были впервые изменены в 1993/1994 г. (Stojanović 2010: 222) и с тех пор неоднократно подвергались правке. Во всех этих исправлениях, по мнению Стоянович, «антикоммунизм использовался как главное идеологическое оружие. Создается впечатление, что новые власти полагали, что это позволит им завоевать больше симпатий избирателей, между которыми существовал глубокий раскол. <...> Необходимо было скомпрометировать победу югославских коммунистов в войне, так как она являлась источником их последующей политической власти. Также было необходимо скомпрометировать успехи Тито по укреплению единой Югославии, в связи с тем, что новые сербские власти под руководством Милошевича основывали понятие государства на антиюгославизме» (Ibid.: 232).

Поскольку современные сербские партии с трудом различаются по признакам право-левого политического спектра, особенности с точки зрения их социально-экономических программ, в центре внимания оказываются битвы идентичности. В то же время неолиберальная экономическая политика, с одной стороны, и национализм — с другой, остаются для большинства политических партий двумя ключевыми направлениями движения сквозь (пост)югославское, в широком смысле, пространство. В условиях так называемой «ситуации посткоммунизма» (Buden 2012), политика памяти правящих элит приводит к «репрессивной инфантильности общества» (Ibid.: 41).

Это способ не просто стереть, но, более того, запретить гражданам вспоминать югославское прошлое.

Ревизионистская политика, как отмечает Джордж Минк, может иметь три цели: привести к общественному согласию, пересмотреть некоторые спорные аспекты истории или избежать ответственности, «заметая следы преступного прошлого» (Mink 2007: 15). Антиюгославская политика памяти в Сербии явно стремится скрыть правду о распаде Югославии и югославских войнах, обеспечивая законный статус прибылям, полученным политическими элитами в результате военных конфликтов. Поэтому любой югославизм оказывается в оппозиции к мифологии национального строительства и ставит под угрозу стирание следов преступлений военного прошлого.

Население как Сербии, так и всего постъюгославского региона борется за сохранение памяти о временах социалистической Югославии через коммерциализацию ностальгических воспоминаний и популярную культуру, которая описывается в медиа-дискурсах, прежде всего, как «югоностальгия». Югоностальгия все еще обладает значительным политическим потенциалом, в качестве легитимного запроса населения на серьезное осмысление прошлого, пересмотр истории Югославии и, напротив, противодействие переписыванию жизненного пути некогда югославских граждан. Ностальгические нарративы памяти порождены запросами на противодействие национализму и стремление к социально-экономической справедливости. В настоящий момент они

не вызывают заметного резонанса в политическом пространстве. Тем не менее они формируют югославскую идентичность и общее югославское пространство, не требуя воссоздания единой югославской нации и югославского государства.

В нижеследующем интервью Елена Джурейнович представляет свой взгляд на вышеуказанные проблемы. Она является историком и координатором программ Центра гуманитарного права в Белграде. Профессор Джурейнович защитила докторскую диссертацию по истории в Гисенском университете имени Юстуса Либиха (Германия), где

преподавала историю Восточной Европы (2016–2019). В центре ее научных интересов исследования памяти, исследования национализма, история Югославии и постъюгославского пространства. Ее публикации посвящены теме политики европейской идентичности и политики памяти, мемориальным законам, дискурсам жертв в коммунистический период и взаимодействию культур памяти Сербии и Хорватии. Профессор Джурейнович является автором книги: *The Politics of Memory of the Second World War in Contemporary Serbia: Collaboration, Resistance and Retribution*. Routledge, 2019.

Беседовала Милица Попович. Париж — Белград, 01.02.2020.

М. П. В прошлом году в издательстве Рутледж вышла ваша монография, посвященная ревизионистской политике памяти в Сербии и движению четников. Могли бы вы кратко охарактеризовать это движение?

Е. Д. Югославская армия на родине — больше известная как движение четников — была армией сторонников королевской власти, которую возглавлял Драголюб (Дража) Михайлович. Движение четников носило крайне противоречивый характер. Эта амбивалентность создает возможность для самых разных современных интерпретаций данного феномена. Официально до 1943 г. четники находились на стороне союзников и представляли королевское правительство Югославии в изгнании. В то же время они сотрудничали почти со всеми оккупационными силами и совершали преступления

против гражданского населения. Движением сопротивления их можно считать только применительно к первым месяцам Второй мировой войны в Югославии в 1941 г. Уже осенью того же года они вступили в конфликт с партизанами, возглавляемыми коммунистами. Большую часть своих усилий четники бросили на борьбу с партизанами, против оккупантов они действовали чрезвычайно пассивно и выступали их противниками лишь номинально. Союзники отказались их поддерживать и приняли сторону партизан, и войну четники закончили в рядах проигравших. Их лидер Михайлович был приговорен к смерти и казнен в 1946 г.

М. П. Каким образом реабилитация четников соотносится с современной политикой памяти в Сербии, и как вы объясняете переплетение этих процессов? Насколько реа-

билитация четников соответствует антикоммунистической идеологии правящих элит?

Е. Д. Четники становятся центральной темой официальной политики памяти в Сербии после смещения Слободана Милошевича в 2000 г. Позитивная интерпретация этого движения является частью процесса пересмотра событий Второй мировой войны, которая стала местом рождения и источником легитимации социалистической Югославии. Политические и военные силы, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, вспоминались в положительном смысле и прежде, однако после 2000 г. такие нарративы начинают господствовать при поддержке антикоммунистического консенсуса политических элит. Четники возникли как идеальная историческая отсылка, поскольку из них можно сконструировать как антифашистскую силу, равную партизанам, так и невинных жертв коммунизма. Реабилитируя их, сербская нация-государство создает почтенное наследие антикоммунистического и одновременно националистического движения сопротивления. Для этого те стороны движения четников, которые не благоприятствуют конструированию националистического нарратива: коллаборационизм, военные преступления и тот факт, что в 1945 г. они оказались в лагере проигравших, — необходимо либо отрицать, либо оправдывать. Четники и Драголюб Михайлович не только занимают центральное место в официальной политике памяти Сербии, но эта антикоммунистическая память действует на всех уровнях — от малых групп до общенациональных институций.

Период после прихода к власти Сербской прогрессивной партии в 2012 г. характеризуется «этнизацией» истории и памяти в противоположность яростному антикоммунизму, отличавшему первые годы после свержения Милошевича. К сожалению, взгляд через линзы этнонационализма столь же ограничен, как и антикоммунизм. Применительно к памяти о Второй мировой войне нынешний этнически ориентированный подход позитивно воспринимает партизан, лишая их собственной идеологии и общегославского масштаба их деятельности, празднуя их победу как победу только сербской армии. В то же время главные политические силы не отделяют себя от четников, реабилитацию которых они полностью поддерживали еще до 2012 г.

М. П. **Пристальный взгляд на основные события политики памяти в Сербии с 2000 г. не позволяет игнорировать важные структурные изменения. Прежде всего, парламент одобрил и создал юридическую рамку для ревизионистской политики памяти, о которой вы только что говорили. Эта рамка жестко критиковалась не только за ее направленность против антифашистского движения, но также за расплывчатость юридических терминов и интерпретаций. К каким последствиям это может привести?**

Е. Д. Законодательство играет роль важного инструмента политики памяти, санкционированной государством в постсоциалистической Сербии. Огромное значение для памяти о Второй мировой войне и социалистической Югославии имели

принятые в 2004 г. изменения Закона о правах ветеранов, а также законы, создавшие возможности для реабилитации жертв политических репрессий и насилия. Эти законы преследуют ограниченные и четко определенные практические цели — регулирование прав ветеранов, предоставление материальных пособий и процедуру юридической реабилитации жертв. Формально эти законы не ограничивают интерпретацию исторических событий, как это делают мемориальные законы. Однако они являются существенной составляющей политики памяти в Сербии и не только отражают, но и продвигают господствующий дискурс. Закон о ветеранах признает четников участниками антифашистского движения, в то же время законы о реабилитации порождают односторонние судебные процессы, которые в глазах широкой публики демонизируют партизан и изображают режим социалистической Югославии как преступный. Эти законы служат положительному пересмотру деятельности политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне.

Сербские законы, комиссии по установлению фактов и другие институциональные усилия являются примечательным примером псевдопереходной юстиции, которая сосредоточена на эпохе коммунизма и пренебрегает войнами 1990-х, хотя последние являются той частью прошлого, которая требует неотложной реакции. Институциональные и юридические механизмы, которые официально должны помогать жертвам коммунизма и предоставлять им компенсации, в реальности становятся инструментами криминализации и делегити-

мации Народной освободительной войны и социалистической Югославии. Пересматривая историю Второй мировой войны и социалистической Югославии, они одновременно конструируют новых жертв и новых насильников. Обсуждение статуса жертвы и все усилия фальшивой переходной юстиции вращаются вокруг проигравших во Второй мировой войне. Четники занимают ведущую позицию в нынешней иерархии жертв коммунизма, позволяющую требовать признания того, что в далеком прошлом их права были нарушены. Создана специальная государственная комиссия, расследующая обстоятельства смерти и место захоронения командира четников Драголюбa Михайловича. Ее деятельность — очевидный пример злоупотребления механизмами переходной юстиции и дискурсами прав человека.

М. П. Существуют ли в Сербии другие не ревизионистские интерпретации Второй мировой войны, продвигаемые влиятельными медиа, политическими элитами и академическими сообществами, или антиревизионизм занимает маргинальное положение?

Е. Д. Политика реабилитации движения четников и общей ревизии Второй мировой войны привычно рассматривается как в высшей степени одномерное явление. На самом деле различные интерпретации Второй мировой войны и ее акторов встречаются даже внутри господствующего дискурса, внутри общего антикоммунистического консенсуса. Антифашизм, антикоммунизм и статус жертвы составляют позитивное ядро образа четников. Этот образ

господствует, но он не однороден. Мои исследования показывают, что в игре памяти участвуют несколько образов Драголюбa Михайловича и движения четников. Размежевание сил, продвигающих четников, вызвано современным контекстом, в частности войнами 1990-х, которые привели к расколу в рядах сообщества памяти четников. Кроме того, это связано с двойственной природой четников, которая способствует возникновению различных интерпретаций. Образы четников столь же разнообразны, как и силы, которые их продвигают, — от четников как югославских демократов, которые с почтением смотрели на западные демократии, до убежденных сторонников планов по созданию этнически однородной Сербии — эти интерпретации переплелись в ходе войн 1990-х.

Интервью и этнографические исследования, на которых я основываюсь, преимущественно направлены на изучение антикоммунистических сообществ памяти Сербии. В действительности оппозиция историческому ревизионизму, который поддерживается государством, существует и принимает разные формы, обычно она стоит на либеральных и левых позициях. Однако она занимает маргинальное положение в публичной сфере, в том числе в сфере дозволенной государством антикоммунистической памяти. Например, существует множество телевизионных программ, посвященных четникам или коммунистическим преступлениям, но ни один из недавних фильмов не рассматривает господствующий дискурс с критической точки зрения или подходит к четникам посредством контргегемонистского нарратива. То же са-

мое происходит с музеями, имеющими общественное финансирование, и другими публичными репрезентациями истории. В ходе исследования я временами затрагиваю негативные реакции и критику официальной политики памяти. Тем не менее я сосредоточена на господствующих дискурсах и том, как они резонируют с разными уровнями памяти. Нельзя сказать, что критические голоса маргинальны в количественном смысле. Если взять сербскую историографию, то ревизионистов, которые сыграли решающую роль в политике памяти после 2000 г., насчитывается менее пяти человек. Однако их работы получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти. В противоположность им я бы упомянула научные работы и публичные выступления таких историков, как Миливой Бешлин, Ольга Манойлович Пинтар, Срджан Милошевич, Милан Раданович и Дубравка Стоянович, которые пропагандируют критический взгляд, позволяющий деконструировать господствующие дискурсы о Второй мировой войне и социалистическом государстве.

М. П. Как вы воспринимаете ревизионистскую политику памяти Сербии в свете усилий страны вступить в Европейский союз, и с учетом того факта, что европейская политика памяти часто преследует цель уравнивать коммунизм с нацизмом посредством принимаемых деклараций и заявлений?

Е. Д. Ревизионистская и антикоммунистическая политика памяти в Сербии в первое десятилетие после

смещения Милошевича отражала мнемонические усилия, которые адресовались Европейскому союзу и основывались на антитоталитарной парадигме, уравнивающей коммунизм и фашизм. Сербские политические элиты, а также агенты «низовой» памяти часто рассматривали разрыв с коммунистическим прошлым и его наследием как ключевое событие для долгожданного «возвращения в Европу», после того как Сербия на десятилетия попала в ловушку социализма. Политика памяти ЕС одобрительно относится к сербскому историческому ревизионизму. Эта поддержка выступает оправданием для политических сил, историков и различных антикоммунистических активистов снизу, продвигающих ревизионистские нарративы. Нарратив антифашистских основ Европейского союза — является другим тропом в дискуссиях по поводу Второй мировой войны. Значительная часть общественных сил, продвигающих память четников, интерпретируют их как проевропейское и антифашистское движение, доказывая, что их реабилитация является составной частью вступления Сербии в ЕС. Как антитоталитарные антифашисты четники являются идеальными предками сербской нации-государства и отличными попутчиками Сербии на ее пути к членству в Евросоюзе. Парадоксальным образом либеральная оппозиция официальной политике памяти, которая также исходит из идеи антифашистских корней ЕС, напротив, предостерегает от прославления четников, представляющего угрозу для членства Сербии в ЕС. Эти столкновения мнений вышли на поверхность в процессе юридической реабилитации Драголюб

Михайловича, когда либеральные организации гражданского общества объединились для ряда обращений к ЕС и мировому сообществу. Поэтому дискурсы европейской идентичности могут иметь разные значения и по-разному соотноситься с политической памятью.

М. П. Что бы вы назвали сербской спецификой политики памяти в сравнении с другими странами (пост)югославского пространства? Какова специфическая роль Сербской православной церкви в формировании ведущих нарративов памяти?

Е. Д. Распад Югославии шел рука об руку с фрагментацией ее культуры памяти на раздираемые распрями национальные памяти. Политики памяти во всех постъюгославских странах во многом схожи. Антикоммунизм выступает общей региональной тенденцией, и все страны, возникшие на обломках Югославии, непреклонно стремятся избавиться от югославских идентичностей. Динамика политики памяти в Сербии во многом соотносится с Хорватией. В обеих странах существуют сходные образцы политики памяти. Вторая мировая война выступает центральной темой дискуссий и основным объектом исторической ревизии. Я уже говорила, что причина этого состоит в том, что война была главным источником легитимации социалистической Югославии, поэтому ревизия важна для делегитимации социалистического наследия. Война рассматривается не только через националистические линзы, но также через призму ее заключительного периода: послевоенное вознагражде-

ние партизан, сведение ими счетов со своими врагами и репрессии, последовавшие в процессе упрочения режима. Перспектива «преступлений освободителей» является господствующим тропом и в Сербии, и в Хорватии. При таком взгляде 1945 г. превращается из года освобождения от оккупантов в момент поражения нации. Антифашизм становится негативным понятием через его уравнение с коммунизмом из-за того, что Коммунистическая партия Югославии играла ведущую роль в партизанском движении.

Политическая и юридическая реабилитация политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне, происходит как в Сербии, так и в Хорватии. В случае Хорватии — это движение усташей и Независимое государство Хорватия. Сербские ревизионисты сосредотачиваются на конструировании четников как антифашистского движения, в то же время они занимаются релятивизацией коллаборационистского характера и преступной природы режима Милана Недича в оккупированной Сербии. Военные преступления, коллаборационизм и соучастие в Холокосте оправдываются и обеляются. Так как многие из потерпевших поражение бежали за рубеж в конце войны, а те, кто остался в Югославии, подверглись различным карам, то постсоциалистическая ревизия относит их к жертвам коммунизма, превращая тем самым в преступников партизанское движение и социалистическую Югославию.

Поэтому политика памяти в Хорватии и Сербии является антикомму-

нистической и ведет к консенсусу, согласно которому осуждаются казни и процессы, осуществленные в годы войны партизанами и в послевоенное время государственными властями. Такая политика памяти нацелена на политическую и юридическую реабилитацию жертв, вне зависимости от характера их деятельности в военное время. При таком подходе эти жертвы рассматриваются как невинные жертвы насилия, политических репрессий, а также идеологически обусловленных послевоенных процессов. Однако было бы ошибкой считать, что на этом основании между агентами памяти двух стран может возникнуть что-то вроде солидарности или согласия, поскольку их нарративы взаимно исключают друг друга и основаны на «конкуренции жертв». Процессы юридической реабилитации архиепископа Алоизие Степинаца в Хорватии в 2016 г. и Драголюбa Михайловича в Сербии в 2015 г. вызвали яркие реакции, которые подтверждают такое понимание. Решения одного и того же югославского коммунистического суда в отношении Степинаца рассматриваются сербской общественностью как юридически обоснованные и объективные, а в отношении Михайловича — как идеологически мотивированные. В Хорватии, естественно, оба эти случая оцениваются противоположным образом. Другим моментом динамики памяти Сербии и Хорватии является конструирование своей идентичности через образ «другого» и взаимное злорадство (*gloating*), как недавно определила это явление Дора Комненович. Злорадство является решающим моментом мнемонической динамики между Сербией и Хорватией, особенно

в отношении памяти о Второй мировой войне. Другая сторона объявляется более преступной в прошлом и более ревизионистской в настоящем. На этом строится ядро исторических дебатов между двумя странами.

Кроме специфической природы движения четников, специфика политики памяти Сербии в постъюгославском контексте относится к оценке событий 1990-х: сути режима Слободана Милошевича, его оппозиции и наследия этого десятилетия в период после смещения Милошевича. В 1990-е идеология режима и политика памяти носили двойственный характер. Государственные акторы не хотели дистанцироваться от так называемого мифа партизанского движения и выступали в роли хранителей наследия Народной освободительной войны. В то же время значительная часть политической оппозиции приступила к коммеморации политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне, и тех, кого они рассматривали в качестве жертв коммунизма. Режим Милошевича официально не признал эти коммеморации, но и не препятствовал им в сколь-нибудь существенной мере, особенно после того как эти церемонии стали все более соответствовать атмосфере расширяющегося сербского национализма. Когда, после падения Милошевича, к власти пришла разнородная демократическая коалиция, контрнарратив 1990-х стал официальным нарративом. Политические элиты, объединенные антикоммунизмом и интерпретацией эры Милошевича как продолжения коммунистического режима, получили шанс объявить себя освободи-

телями Сербии от коммунизма. Антикоммунизм был общим признаком всех оппозиционных партий, которые возникли в 1990-е гг., и он был внесен в первые партийные манифесты, наряду с общей целью лишить Милошевича власти. Когда эти силы пришли к власти, антикоммунизм стал государственной политикой не только в сфере памяти, но и в других сферах, включая экономику, образование и здравоохранение.

Сербская православная церковь является ключевым агентом работы антикоммунистической памяти. Она выступила в этой роли еще в начале 1990-х, когда религиозные памятные службы по жертвам коммунизма, включая четников, стали общей коммеморативной практикой антикоммунистического сообщества памяти Сербии. Эта же тенденция продолжилась и после 2000 г. Церковная поддержка антикоммунистической памяти происходит в нескольких, обычно параллельных формах: священники, включая высших иерархов, посещают коммеморации, там они проводят церковные службы в память погибших или благословляют мемориалы. Кроме того, церковь предоставляет место для мемориалов и памятных знаков. В связи с этим большинство мемориалов жертвам коммунистических репрессий расположены в церковных дворах или на кладбищах. Все мемориалы проигравшим во Второй мировой войне и тем, кого причисляют к жертвам коммунистических репрессий, были благословлены церковью, включая широко известную статую Драголюбa Михайловича в Равна-Гора, установленную в 1992 г. Многие мемориалы включают религиозные

символы и надписи. Крест является обычной формой мемориала жертвам коммунизма и павшим четникам. Для Сербской православной церкви поминание жертв коммунизма, включая тех, кто потерпел поражение во Второй мировой войне, предоставляет возможность подчеркнуть свой статус жертвы в годы коммунизма и включить себя в более широкий нарратив жертвенного положения всей сербской нации в годы коммунизма. Все эти коммеморации немислимы без участия Сербской православной церкви.

Роль церкви не ограничивается работой антикоммунистической памяти, она также играет ключевую роль в памяти о сербских жертвах Второй мировой войны и войн 1990-х. Сербская православная церковь является могущественным игроком политики памяти, и в этом статусе ее роль возрастает с 1990-х. Патриарх и высшие иерархи поддерживают государственную политику памяти и обычно поддерживают господствующий нарратив сербского этнонационализма. Например, патриарх Ириней ежегодно выступает на масштабной коммеморации операции «Шторм» (1995), когда хорватские войска вернули контроль над 20% своей территории, которая удерживалась Сербией с 1991 г. Это привело к сотням жертв и бегству из Хорватии примерно 200 тысяч сербов. В речах Ириней постоянно подчеркивается принесение сербской нации в жертву на протяжении всего XX в. и проводится сравнение ее страданий с Холокостом.

М. П. Существуют ли нарративы памяти о временах Османского владычества, которые вы могли бы оха-

актеризовать с точки зрения долгосрочной исторической перспективы как сохраняющие актуальность и/или релевантность?

Е. Д. Память об Оттоманском владычестве питает нарратив о вечной жертвенности и героизме сербской нации. Он играл особенно важную роль в 1990-е. В это время учебники начальной школы начали описывать *девширме* — практику оттоманов забирать мальчиков из христианских семей в Стамбул. Дети и молодые люди изучают поэмы о гайдуках и сербских героях, подвергнутых пыткам, но не выдавших оттоманам никаких секретов. У меня в памяти до сих пор сохранилась картинка из учебника начальной школы, где женщина рыдает на коленях, в то время как оттоманский солдат уезжает верхом и по бокам его коня приторочены две корзины, набитые мальчиками. Когда я впервые читала исторические работы об Оттоманской империи, я была поражена, как мало мы получили знания о ней в процессе школьного обучения.

М. П. Гаврила Принцип — герой или сербский террорист, ответственный за Первую мировую войну? Личность Принципа описывается весьма небрежно, и в связи с потоком юбилейных публикаций к столетию Первой мировой войны ситуация в европейской историографии лишь ухудшилась. Какое место Принцип занимает в публичном дискурсе Сербии? Как воспринимается и представляется его югославизм?

Е. Д. Покушение Принципа и его товарищей-заговорщиков на эрцгерцога Франца Фердинанда никогда

не рассматривалось в Сербии отрицательно. Начиная с межвоенного периода он считался национальным героем. В то же время существовали разные интерпретации его личности, а также смысла и значения его покушения. В современной Сербии Принцип почитается в качестве сербского национального героя, но не в качестве ответственного за начало войны, поскольку сербская память о Первой мировой войне базируется на нарративе героизма и жертвенности, согласно которому Сербия была принуждена к вступлению в войну. Коммеморация начала Первой мировой войны в Сербии и в Республике Сербской (часть Боснии и Герцеговины) сосредоточена на Принципе, при этом он сегодня считается сербским героем и его югославизм, так же как его политические взгляды, в отличие от времен социалистической Югославии, замалчиваются. Во время войн 1990-х Принцип был подвергнут этнизации и деполитизации. Современные политические элиты представляют его как национального героя, лишённого всех свойств, неприемлемых для нарратива сербской нации-государства.

М. П. В центре внимания вашей новой книги находится ближайшее прошлое 1990-х — распад социалистической Югославии и последовавшие затем войны. Как устроен сербский публичный дискурс о наследии войн 1990-х и роли сербов в военных преступлениях?

Е. Д. Коалиция политических партий, пришедшая к власти после смещения Слободана Милошевича в 2000 г., осудила его режим как коммунистический, но не отказалась

от сербского национализма 1990-х. Новые власти приложили много сил для преодоления коммунистического прошлого. Параллельно они, как уже было сказано, реабилитировали проигравших во Второй мировой войне. Но на дискурсивном, коммеморативном и институциональном уровнях ничего не делалось с памятью о войнах 1990-х и их жертвах, прежде всего о тех, кто стал жертвами насилия сербских вооружённых формирований. Тем не менее сербское правительство осуществило ряд явно недостаточных формальных и поверхностных действий в сфере переходной юстиции.

Период нахождения у власти Сербской прогрессивной партии (с 2012 г.) отмечен упадком демократии и ростом авторитаризма. Это привело к умножению ревизионистских нарративов о вооружённых конфликтах 1990-х на уровне государственной политики. Высшие правительственные чиновники используют войны 1990-х и связанные с ними коммеморации для того, чтобы провести черту между собой и предшествующими правительствами, обвиняя их в игнорировании и поругании памяти сербских жертв и героев. Государство прилагает огромные усилия к продвижению политики памяти, однако применительно к войнам 1990-х оно сосредоточивается на военных действиях в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово, прославляя сербскую нацию и объявляя преступниками других. Политика памяти гибридного (сочетающего черты демократии и авторитаризма) режима, который установился в Сербии с 2012 г., отличается рядом характеристик. Во-пер-

вых, политические элиты, в отличие от своих непосредственных предшественников, обратились к масштабной коммеморации событий 1990-х, используя ее для усиления собственной легитимности и создания отчетливой идентичности, позволяющей отличить их от других постсоциалистических правительств. Во-вторых, ежегодные празднования идут рука об руку с нарастающей милитаризацией коммеморативных практик. Коммеморации обычно сопровождаются военными парадами и другими демонстрациями сербской военной мощи, чем подчеркивается героизм и сила сербской нации в прошлом и настоящем. В эти мероприятия включается прямое прославление роли сербских вооруженных сил в войнах 1990-х и почитание их как героев. В-третьих, есть новые практики поминания жертв, такие как ежегодная передвижная коммеморация операции «Шторм», которую Республика Сербская (часть Боснии и Герцеговины) и Сербия организуют совместно. В этих случаях государственные чиновники при поминании используют повестку прав человека, представляя Сербию как страну, протянувшую руку примирения, но этот жест встроен в националистический дискурс. В этом смысле политика памяти носит столь же гибридный характер, как и режим, ее продвигающий.

М. П. Рост национализма 1990-х, который оправдывал войну и территориальные претензии Сербии, в значительной мере основывался на мифологизации сербского прошлого. Как современная политика памяти сказывается на националистической политике в отношении

других (пост)югославских стран, а именно Косово и Боснии и Герцеговины?

Е. Д. Господствующие нарративы, продвигаемые нынешними политическими элитами Сербии, напоминают националистическую мобилизацию 1990-х. Это неудивительно, если принять во внимание, что в 1990-е нынешние чиновники высоких рангов состояли либо в Сербской радикальной партии, либо в Социалистической партии Сербии Милошевича. Сегодня они продвигают нарративы войны, согласующиеся с теми нарративами, которые они распространяли в ходе военных конфликтов, последовавших за распадом Югославии. Сегодня эти нарративы помещены в популистские рамки, легитимированные базовым дискурсом возвращения гордости сербской нации, нации, которая была принуждена стыдиться своих героев и жертв. Господствующий нарратив о распаде Югославии основан на двух элементах: героизации и виктимизации. В этом отношении он заметно сближается с публичными дискурсами 1990-х. Героизм влечет: а) прославление Югославской армии и других сербских вооруженных формирований, задействованных в войне; б) вышеупомянутую милитаризацию коммеморативных практик; в) предоставление общественной помощи, финансирование и продвижение приговоренных и избежавших суда военных преступников. Один из них — генерал Любиша Дикович, начальник Генерального штаба сербских вооруженных сил до 2018 г. В 1999 г. более тысячи гражданских лиц албанского происхождения были убиты в Косово, которое являлось

зоной его ответственности, но он никогда не подвергался уголовному преследованию. Другой пример, издательство Министерства обороны, которое публикует мемуары командиров — участников войны в Косово, включая военных преступников, приговоренных Международным трибуналом по бывшей Югославии. Это прямое и спонсированное государством неуважение ко всем жертвам сербских вооруженных формирований и отрицание страданий этих жертв. Сербские жертвы поминаются, но и они используются нынешним режимом лишь в качестве инструмента. Такая политика памяти не улучшает отношения Сербии с другими странами, напротив, приводит к их ухудшению. Тем не менее президент Сербии Александр Вучич постоянно продвигает идею, что Сербия настойчиво протягивает руку примирения, что она является единственной постъюгославской страной, которая реально стремится к примирению. Это один из величайших парадоксов политики памяти в современной Сербии, и я собираюсь изучить его далее.

М. П. Это интервью будет опубликовано в русском журнале, поэтому следующий вопрос важен. Каковы сегодня публичные дискурсы о Российской Федерации и об СССР? Какие русские деятели заметны в современном сербском нарративе? Сталин, может, кто-нибудь еще?

Е. Д. Российская Федерация является не просто объектом интерпретаций. В Сербии после Милошевича она, наряду с Европейским союзом, является одним из важнейших внешних агентов памяти. Сербское пра-

вительство культивирует близкие отношения с Россией, что отражается в политике памяти, например, возрождении югославских праздников, относящихся к победе партизан над фашизмом, и Дня Победы 9 мая. Наиболее яркий пример — День освобождения Белграда, который в 2019 г. сопровождался масштабным военным парадом и прямой трансляцией национального телевидения. В отличие от политики памяти снизу в отношении четников, где чествование современного национализма и братства сербского и русского народов тщательно избегает отсылок к партизанам и Красной армии, данный парад, напротив, подчеркивал эти обстоятельства, отмечая, что победа над фашизмом является эпизодом давней сербско-русской дружбы. В то время как официальные лица демонстрировали дружбу на военном параде, националисты и военные активисты снизу также собрались вместе и вспоминали свое излюбленное прошлое: четников и Романовых.

В период после смещения Милошевича группа, получившая наименование Движение Равна-Гора, выросла в широкое милитаризованное движение, включающее сербских ветеранов войн 1990-х и располагающее представительствами как в Сербии, так и в Республике Сербской. Их образ четников переплетается с сильными прорусскими симпатиями. Добровольцы из числа участников Движения присутствовали в Крыму после его аннексии Россией в 2014 г. и принимали участие в конфликте на востоке Украины, будучи одетыми в форму четников. Более того, ежегодные коммеморации смерти Михайловича сопрово-

ждаются мемориальной церковной службой по Романовым, которые были казнены в тот же день 17 июля. Крайне правая партия Двери, которая является важной оппозиционной силой, также организовала религиозные мемориальные службы по Д. Михайловичу и Романовым. Для участников Движения Равна-Гора Россия является главным союзником, они обычно связывают этот имидж с поминовением Романовых, приглашая гостей из России и с востока Украины выступать с речами на этих мероприятиях. Группа и ее собрания носят отчетливо националистический и милитаристский характер. Униформа, военная иерархия, построение в ряды и колонны, движение строевым шагом — в этом смысле мероприятия Движения Равна-Гора больше напоминают парамилитаристские учения, чем коммеморативные практики. Наряду со строгим военным кодексом Движение также официально располагает капелланами и поддерживает тесные отношения с Сербской православной церковью.

М. П. Спасибо большое за интересное интервью!

ЛИТЕРАТУРА

Baker 2015 — *Baker Catherine*. The Yugoslav Wars of the 1990s. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Buden 2012 — *Buden Boris*. Zona prelaska — o kraju postkomunizma. Belgrade: Fabrika knjiga, 2012.

Dolenec 2013 — *Dolenec Danijela*. Democratic Institutions and Authoritarian Rule in South East Europe. ECPR Press, 2013.

Govedarica 2013 — *Govedarica, Nataša* in Darko Karčić, Tamara Banjeglav, Nataša Govedarica. Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije — Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012.

Mink 2007 — *Mink Georges* in Georges Mink and Laura Neumayer (eds.). L'Europe et ses passés douloureux. Paris: La Découverte, 2007.

Obradović 2017 — *Obradović Marija*. Hronika tranzicijskog groblja: Privatizacija društvenog kapitala u Srbiji 1989–2012. Beograd: Filip Višnjić, 2017.

Radanović 2014 — *Radanović Milan*. Oslobođenje. Beograd, oktobar 1944. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2014.

Radanović 2015/2016 — *Radanović Milan*. Kazna i zločin. Snage kolaboracije u Srbiji: odgovornost za ratne zločine 1941–1944. i vojni gubici 1944–1945. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2015/2016.

Rothberg 2009 — *Rothberg Michael*. Multi-directional memory: remembering the holocaust in the age of decolonization. Stanford University Press, 2009.

Stojanović 2010 — *Stojanović Dubravka*. Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji. In Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića, eds. Ola Listhaug, Sabrina P. Ramet and Dragana Dulić, 213–232. Belgrade: Žene u crnom, 2010.

Službeni glasnik 33/06 — Zakon o rehabilitaciji, Službeni glasnik RS, br. 33/06.

“SERBIAN REVISIONIST HISTORIANS ARE ACTUALLY FEWER THAN FIVE PEOPLE. HOWEVER, THEIR WORK RESONATES WIDELY BECAUSE THEY RECEIVE MEDIA ATTENTION”.

Interview with Jelena Đureinović

Đureinović Jelena – Dr., Humanitarian Law Center, Belgrade (Serbia)

Key words: memory politics; anticommunism; revisionism; Chetnik movement.

Abstract. Since the 2000s, the Republic of Serbia has been marked by a surge in revisionist memory politics. Encouraged by EU memory narratives, which equate fascism and communism, revisionist memory politics in Serbia entails a rehabilitation of the Chetnik movement. In this interview, historian Dr Jelena Đureinović debunks the myths surrounding the memory battles in the public space in Serbia and analyzes the diverging memory narratives in the country and in the wider (post)Yugoslav region. Đureinović explains how the ethnicization and revisionism of memory and history have been reflected in the newly adopted legal frameworks, judicial processes, mainstream political discourses and in the overall memory efforts of the political elites, including the Serbian Orthodox Church. While memory battles involving heterogeneous voices in Serbia remain focused on World War Two, seemingly more pertinent issues, namely, the reconciliation with the war past of the 1990s, are effectively obfuscated.

2. СЛОВЕНИЯ.

«ПЕРЕХОДНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
ХАРАКТЕРИЗУЮТСЯ ВО МНОГОМ
ШИЗОФРЕНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ,
КОГДА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТТОРЖЕНИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ
СОСУЩЕСТВУЕТ С ПОП(КУЛЬТУРНЫМ)
ПРИЯТИЕМ ЭТОГО ЖЕ ПЕРИОДА
СЛОВЕНСКОЙ ИСТОРИИ».

Интервью с М. Великонеј

Ключевые слова: Словения, югославский проект, политика памяти, ревизионизм, ностальгия, популярная культура, искусство.

Аннотация. Республика Словения, которая первой объявила о независимости от Югославии в 1991 г. и первой из постъюгославских государств присоединилась к ЕС в 2004 г., демонстрирует сложное отношение к своему югославскому прошлому. Политический дискурс, медиа и историография не полностью свободны от исторического ревизионизма, который, прежде всего, обращен ко Второй мировой войне и значению югославского прошлого и нацелен на обоснование якобы «европейской», ни в коем случае не «социалистической» и не «югославской», сущности словенского национализма. С 1991 г. этот вид ревизионизма получал поддержку на многих уровнях, которая определялась разнообразными внутренними (например, очередными парламентскими выборами) или международными (такими как вступление в ЕС) сиюминутными политическими приоритетами. В своем интервью исследователь культуры и социолог профессор Митя Великонеј указывает на границы этих сражений памяти и демонстрирует, в какой степени они вовлечены в такие более широкие процессы, как современный подъем этноцентричного дискурса и экономического неолиберализма. В этой ситуации резонирующее, критически настроенное и полифоничное словенское искусство и поп-культура выступают как необходимая альтернатива, которая не только хранит память об истории и идейном

наследии Югославии, но и критически рассуждает по поводу современных проблем, в том числе о кризисе беженцев и вспышке эпидемии.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-77-96

Словения была первой республикой, объявившей 25 июня 1991 г. о своей независимости от Социалистической Федеративной Республики Югославия. 27 июня того же года новая независимая республика была вовлечена в десятидневную войну с югославской армией. Перемирие, подписанное 7 июля 1991 г. между Югославией и Словенией, фактически означало, что последняя не только приобрела независимость, но также избежала разорительных и травматических югославских войн, которые до сих пор сказываются на других (пост) югославских республиках.

После смерти Иосипа Броз Тито в 1980 г. усилия Словении обрести независимость подпитывались совместными усилиями политических и интеллектуальных элит, которые стремились позиционировать республику как чуждую духовно, экономически и политически социалистической федерации, как сходную в ментальном плане и по уровню развития не с Балканами, а с Центральной Европой. В связи с этим постсоциалистический транзит Словении с самого начала 1990-х сопровождался экономической либерализацией и приватизацией, а также отчетливой политической декларацией об отказе от социалистического прошлого и движением в западном направлении согласно ее европейским корням (ср.: *Vajt* 2017). Маруша Пушник (*Pušnik* 1999) убедительно доказывает, что этому повороту способствовало конструирование нации в медиа (телевидение, газеты и т. д.) в полном

соответствии с идеями Эрика Хобсбаума (*Hobsbawm* 1992: 143) о природе национального дискурса после 1918 г., в частности интерпретация спорта (например, горнолыжного) как отличительной черты «альпийской» национальной культуры.

Эти процессы шли рука об руку с развитием политики национального позиционирования, нацеленного на представление Словении скорее в исторических терминах, как места с особой атмосферой: «Зеленый кусочек Европы», «Солнечная сторона Альп» или, относительно недавно, «Зеленое сердце Европы». Так формировался образ уютного, здорового, восхитительного уголка Адриатики, населенного спокойными спортивными людьми с замечательной трудовой этикой. Сочетание стабильного экономического прогресса с «евротической» (*Velikonja* 2005: Eurotic) риторикой позволило ускоренно интегрироваться в структуры ЕС. Словения стала первой (пост)югославской страной, присоединившейся к ЕС и НАТО в 2004 г. и принявшей евро в качестве национальной валюты в 2007 г. Согласно данным Мирового банка и Международного валютного фонда, Словения — страна с высоким доходом в экономике, занимающая 24-е место в мировом Индексе человеческого развития (HDR 2019).

Эти данные мало говорят о значимости югославского прошлого, но это не значит, что оно полностью стерто из государственной и национальной памяти или что связи с другими

(пост)югославскими странами не играют никакой роли в словенской политике, в медийном пространстве (mediascape) и в культуре в целом. Исследования в сферах историографии, социального и культурного анализа единодушно отмечают, что словенское государство, которое с 1991 г. демонстративно присягает на верность западной демократии, раз за разом принимает память об Югославии в качестве отправной точки (*Jogan, Broder 2016; Pušnik 2019*). Гэл Кирн (*Kirn 2014: 2–3*) считает, что битвы памяти по поводу социалистического периода, как это в полной мере проявилось в ходе словенского транзита 1990-х, обусловлены двойственным взглядом главных политических сил страны на югославское прошлое. В результате мы одновременно наблюдаем как прославление старых добрых времен, так и демонизацию всего, что связано с партизанским движением, социализмом, Тито и Югославией.

В то же время что и в Сербии, чья современная политика памяти рассматривалась в предыдущем интервью Милицы Попович с профессором Еленой Джурейнович, ключевой темой исторического ревизионизма в Словении становится национально-освободительная борьба в годы Второй мировой войны под руководством партизан-коммунистов. Полемика вращается вокруг значимости партизанского движения для словенского национального проекта (ставится вопрос и о том, что, возможно, для Словении было бы лучше, если бы ее освободили западные союзники), а также вокруг крайне сурового послевоенного наказания

нацистских и фашистских коллаборационистов из Словенского домобранства (*Slovensko domobranstvo*), поддерживаемых католической церковью. Отношение как к партизанам, так и к Словенскому домобранству выступает сегодня маркером политического размежевания.

После вступления в ЕС места памяти также претерпели изменения. Мемориальные объекты югославского прошлого и партизанского движения не были, в отличие от соседней Хорватии, разрушены, но рядом с ними были установлены новые памятники в честь Словенского домобранства (*Kirn 2012: 268*). Такие изменения в мемориальном пространстве Словении ведут не к национальному примирению, а, напротив, обостряют споры по поводу памяти о Второй мировой войне, которые наглядно проявляются как в политических заявлениях, так и в их медийном сопровождении (ср. *Pušnik 2019*).

Почти три десятилетия политической ревизии нарративов Второй мировой войны сопровождаются дебатами по поводу символов (пост)югославского национального государства (*Vajt 2017*), сменой названий улиц и новыми изданиям учебников. Эти изменения отражают общую националистическую и неолиберальную повестку и ведут к стабильному росту доли населения, которое не имеет мнения по таким вопросам, как значение партизанского движения и Словенского домобранства для будущего словенской нации, или же по поводу того, в какой мере партизанское движение было борьбой против этноцида и за установление

социальной справедливости. Многолетние опросы (1993–2012) показывают, что тогда как взгляды старшего поколения (31+) за весь период наблюдения остаются относительно стабильными с небольшим перевесом в пользу партизан в сравнении со Словенским домобранством, респонденты 18–30 лет все с большей неохотой высказывают суждения по этому и сходным вопросам (*Jogan, Broder* 2016: 109).

Эти настроения проявляются в том числе в публичном недовольстве по поводу воздвижения памятника *Жертвам всех войн* (2017) в центре столицы Словении Любляне, который несколько раз, начиная с прототипа 2015 г., подвергался осквернению вандалами. Сооружение абстрактного памятника, состоящего из двух больших белых монолитов, было поручено Министерству труда, семьи и социальной защиты в 2013 г. как знак примирения, а также молчаливого одобрения резолюции Европейского парламента «О европейской совести и тоталитаризме» от 2 апреля 2009 г., которая, прежде всего, осудила коммунистические режимы Восточной и Центральной Европы. Открытие памятника в 2017 г. было отмечено речью президента Словении Борута Пахора и молитвой «за всех жертв» главы Словенской католической церкви архиепископа Станислава Зоре. Церемония была бойкотирована всеми политическими силами, чья риторика памяти о битвах Второй мировой войны опирается на отчетливое противопоставление жертв и насильников (*Čokl* 2017).

«Хватит играть в партизан и Словенское домобранство»¹ — пророчески написал краской на прототипе памятника в июле 2015 г. аноним из числа протестантов. Множество лозунгов различного идеологического содержания появились с тех пор в качестве реакции на особенности государственной политики. Ясно, что политики памяти не исчерпываются государством, его заявлениями и их обсуждением в медиа. Культура и искусство демонстрируют необходимость нюансированных и критических взглядов на значение Югославии в качестве идеи, государства и наследия для словенских прошлого, настоящего и будущего. В предлагаемом интервью профессор Великоня рассматривает югославскую память в Словении, особо подчеркивая значимость культуры и искусства для выявления критического, идейного и эстетического потенциала «югоностальгии», выходящего за рамки ее утилитарного политического использования.

Митя Великоня — профессор культурологии и глава Центра исследований культуры и религии Университета Любляны. Основные области его научных интересов — политические идеологии, субкультуры, культура граффити, коллективная память и постсоциалистическая ностальгия. Он автор следующих монографий: *Post-Socialist Political Graffiti in the Balkans and Central Europe*. Routledge, 2020; *Yugoslavia From A Historical Perspective*. HCHR, 2017 (сопедатор и соавтор); *Post-Yugoslavia — New Cultural and Political Perspectives*. Palgrave, 2014

¹ Намек на игру «Ковбои и индейцы» применительно к словенским реалиям.

(соредактор); *Rock'n'Retro — New Yugoslavism in Contemporary Slovenian Music*. Sophia, 2013; *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture* (Небесная Югославия: Взаимодействие политической мифологии и популярной культуры). Biblioteka XX vek, 2012 (соавтор); *Titostalgia — A Study of Nostalgia for Josip Broz*. Peace Institute, 2008; *Eurosis — A Critique of the New Eurocentrism*. Peace Institute, 2005; *Religious Separation and Political Intolerance in Bosnia-Herzegovina*. TAMU Press, 2003. Награжден тремя национальными и одной международной премией (Erasmus Euro Media Award by European Society for Education

and Communication, ESEC, Vienna, 2008). Преподавал в Ягеллонском университете Кракова (2002 и 2003), в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах (2009 и 2014), в Университете Риеки (2015), в Нью-Йоркском — Санкт-Петербургском институте лингвистических, когнитивных и культурологических исследований (2015 и 2016) и в Йельском университете (2020). Получил стипендию Фулбрайта для работы в Роземон колледже в Филадельфии (2004/2005), работал в Нидерландском институте перспективных исследований в Вассенаре (2012) и в Институте Ремарка в Университете Нью-Йорка (2018).

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Роттердам — Нью Хэвен, 27.02.2020.

Н.М. Ваши работы отличаются разнообразием тем и подходов: они простираются от социальной и культурной теории до политических наук, в них сочетаются качественные, количественные и сравнительные методы исследования, вы также осуществили глубокий анализ таких культурных феноменов, как популярная музыка и граффити. Какие возможности и вызовы возникают при подходе к культурной памяти и к практикам коммеморации через призму современной популярной культуры?

М.В. Я усматриваю вызовы и преимущества, возникающие при исследовании памяти на материале различных культурных практик, с точек зрения абстрактных теоретических и более осязаемых методологических исходных положений. Прежде всего, необходимо сочетать

горизонтальный и вертикальный анализ. Я воспринимаю культурную «пестроту» (*variegations*), разнообразие и диффузию некоторого социального феномена в сочетании с его идеологической интенсивностью (*depth*), формируемой — в большинстве случаев, но не всегда — структурами власти, которые придают этому феномену общепринятое определение. Другими словами, я одновременно использую принципы «ширины» и «глубины». Второе исходное положение основано на понимании культурного феномена с двух точек зрения: как непрерывности, эволюции или принятого школой Анналов термина *лонг дюре*, так и прерывности, сдвигов, попятных движений, революций, разрывов, как учил нас Вальтер Беньямин в «Тезисах о философии истории» (1942). В-третьих, я следую императиву Клода Леви-Стросса о взаимодополнительности

диахронического и синхронического анализа. Согласно ему культурный феномен необходимо рассматривать, не только исходя из исторической перспективы, обращая внимание на его «исторический хвост» (historical tail) («Всегда историзируйте», — настаивает Фредрик Джеймисон во введении к своей книге *The Political Unconscious* (Политическое бессознательное, 1981)), но и со стороны современного состояния, его нынешней структуры и широты распространения. Последнее по порядку, но не по значению, исследование всегда должно вестись на двух уровнях: на макроуровне, возможно даже глобальном, и на более узком, локальном уровне «частного случая». Необходимо учитывать и широту распространения и проявления того же феномена на микроуровне, т. е. одновременно рассматривать как общие, так и особенные черты. При этом следует избегать искушений как эссенциализма, когда культурным и историческим свойствам приписывается «неизменная природа», присутствующая в «ядре» некоторого феномена, так и исключительности, согласно которой феномены обладают, прежде всего, уникальными свойствами, делающими любые сравнения бессмысленными. Коротче говоря, я стараюсь преобразовать аналитические противоположности, которые часто выглядят как непримиримые, чтобы использовать их динамическую взаимодополнительность.

К таким подходам меня подталкивает сама природа поля моих исследований. В культуре не действует механика, подобная закону тяготения или точке Архимеда. Для специали-

ста в области культурологии это обстоятельство является и вызовом, и, одновременно, гарантией того, что в ходе исследования скучать не придется (не говоря уже о том, что некоторые критики откажут нашим занятиям в научности). Культура представляет бесконечную диалектику непредсказуемых и невообразимых решений, «синтезов», которые сразу становятся «тезисами» и немедленно сталкиваются с «антитезисами» и т. д. Научные парадигмы культурологии приспособляются или по меньшей мере должны приспособиться к этому. По этой причине объяснения бихевиористов и классических позитивистов, рассматривавших культурные феномены в категориях «физических» причин, всегда терпели неудачу. Их современные последователи, которые настойчиво и самоуверенно ищут столь популярные сегодня безупречные алгоритмы человеческого и социального поведения, также обречены на неудачу. Например, разве кто-нибудь из кремлинологов, советологов, специалистов по Восточной Европе, Балканам и социалистическому лагерю в целом смог предсказать крушение социалистических режимов тридцать лет назад? Или более частный случай, если обратиться к теме одного из моих исследований: разве мог кто-нибудь на заре «демократических революций» вообразить, что ностальгия по социалистическим временам, режимам и их противоречивым лидерам возникнет в этой части Европы столь быстро и с такой силой? Или такой вопрос: почему до сих пор находятся люди, которые в XIX в. с риском наносят граффити на стены, когда существует столько иных более доступных

медиа? И почему граффити, которые традиционно были инструментом левых, «оружием слабых», стали также, используя термин Джеймса С. Скотта, оружием власти? Почему по всему миру на стенах появляется все больше расистских, ксенофобских, антисемитских, сексистских, гомофобских и тому подобных призывов к действию? Неписанная установка культурологии гласит: «Будь готов к неожиданностям». Рано или поздно хорошо подготовленный исследователь неминуемо столкнется с неожиданными явлениями, и его/ее базовые знания должны помочь не игнорировать, не избегать и не пренебрегать ими.

Н.М. В какой мере изучение актуального ландшафта популярной культуры может расширить наши представления о символическом воображении современного словенского общества? О каких моментах национальной истории принято хранить молчание, и каковы главные дискуссионные темы нарративов популярной культуры?

М.В. Три десятилетия транзита привели не только к политическим, экономическим и институциональным преобразованиям, но также к социальным, культурным и индивидуальным, т.е. относящимся к личным отношениям, изменениям. В самом общем виде: постсоциализм — это не только политико-экономическая, но также культурная и ментальная формация. Перефразируя того же Джеймса С. Скотта, постсоциализм — это «не только экономический и политический факт», но и «факт повседневной жизни и межличностных отношений, факт

в смысле эмоций и ментальности». Постсоциалистический транзит управляется двумя идеологическими парадигмами и порожденными ими политическими практиками: неолиберализмом (и всем, что его сопровождает, например, новым евроцентризмом, гоббсовским конкурентным взглядом на общество, неоспоримым статусом частного интереса и собственности) и этнонационализмом (вместе с сопутствующим ему грузом традиционализма, клерикализма, ксенофобии, патриархальности и т.д.). Разумеется, что все это не возникло в одно прекрасное утро: этнонационализм уже два века является одной из ведущих идеологий и практик, необходимым коллективным и культурным коррективом к неолиберализму, который основан на индивидуализме и примате экономической сферы. Этнонационализм существовал на всем протяжении периода «братства и единства» югославской истории. Экономический неолиберализм также возник в той же самой социалистической Югославии, на втором десятилетии экономического восстановления после Второй мировой войны, т.е. в середине 1960-х, в связи с постепенным установлением независимости для банков, кредитных бюро, страховых компаний и с рождением класса менеджеров. Социальный критик Дарко Сувин (Darko Suvin) доказывает это в своей превосходной книге «Samo jednom se ljubi. Radiografija SFR Jugoslavije 1945.–72., uz hipoteze o početku, kraju u suštini» (2014) / «Splendour, Misery, and Possibilities: An X-Ray of Socialist Yugoslavia» (2016, «Блеск, нищета и возможности: Рентгеноскопия социалистической Югославии»). Возвращаясь

к сегодняшнему дню: неолиберализм и этнонационализм вторгаются также в сферы культуры и искусства, где сталкиваются с различными формами сопротивления. Эти формы либо черпают вдохновение из национальных и международных альтернатив, либо используют (недавнее) прошлое в качестве ролевых моделей. Говоря в широком смысле, я обнаружил, что культура и искусство в гораздо большей степени плюралистичны и критически настроены, в сравнении с другими сферами общественной жизни, и, что еще более важно, им присущи большие прозорливость и стремление к прогрессу. Если мы обратимся к сфере политики, то увидим, что практически все политические партии участвуют в одной игре по общим правилам, их мысленный горизонт ограничен примерно в одинаковой мере. Сферы культуры и искусства отличаются тем, что, несмотря на множество проблем и разнообразных (классовых, гендерных, этнических) социальных разрывов, они предлагают гораздо более разностороннюю перспективу. Это присуще и тем культурным практикам, которые признаются государством с помощью такого высокого знака отличия, как Прешернская премия, и бесчисленным маргинальным практикам, берущим начало из автономных культурных «сквотов» Метелково и Рога, и резонансным молодежным субкультурам. Эти сферы больше, чем другие, если не брать в расчет социальные и гуманитарные науки, открыты критическим размышлениям по поводу таких насущных вопросов, как социальная несправедливость, дискриминация, эксплуатация, разрушение окружающей среды, новые тотали-

таризмы. Т.е. в поле их внимания находятся все болезненные аспекты «нового дивного мира», в разумности которого нас пытаются убедить различные проповедники.

Н. М. Каким образом нарративы популярной культуры, посвященные взаимодействию Словении со своим прошлым, эволюционировали в течение трех последних десятилетий? А именно, как изменялись оценки социалистической Югославии? Как вступление Словении в ЕС повлияло на эти оценки?

М. В. После крупных социальных разломов (войны, революции, катастрофы), отношения с близким прошлым всегда носят антагонистический характер. Победители демонизируют прошлое, чтобы легитимизовать и усилить свои позиции, в то же время другие общественные силы демонстрируют более сложный образ прошлого. В случае Словении оба подхода в значительной мере сосуществуют, первый — в господствующих политических дискурсах, партиях и институтах, второй — в альтернативной, популярной и повседневной культурах. В течение последних трех десятилетий официальные позиции политических партий и национальных институтов почти единогласно отвергли предшествующую политическую и экономическую систему и присущее ей культурное многообразие. Согласно этой позиции, социалистическая Югославия (примерно как Австро-Венгрия для первой Югославии) была «тюрьмой народов», особенно для «своей» нации. Нынешние представители власти неумолимо демонизируют предшествующий режим и приписывают се-

бе статус жертвы, в то же время ожесточенно ратуют за две господствующие идеологии и практики, а именно неолиберализм и этнонационализм. Другое отношение к недавнему прошлому стало (вначале робко) формироваться в альтернативной культуре и повседневной жизни. В этих сферах отношение к югославскому прошлому у одних характеризуется отсутствием критики и ностальгией, у других оно более сбалансированное и тем не менее благоприятное. В последнем случае это сложное, «горько-сладкое», но вместе с тем критическое и реалистическое отношение. Я считаю, и это подтверждают многолетние опросы общественного мнения, такое отношение свойственно большинству словенцев. За три переходных десятилетия спокойное отношение к недавнему прошлому усилилось и распространяется в популярной культуре, в маркетинге, в туризме, в культуре потребления, в дизайне и в искусстве. Несколько лет назад я проводил углубленное качественное и количественное исследование образов Югославии (социализм, партизаны и т. д.) в современной словенской музыке. Я не нашел ни одного примера негативного отношения к этим феноменам, хотя привлек к исследованию материалы самых различных жанров от альтернативного рэпа до словенского фолк-попа, мейнстримной поп-музыки и ню-металла и всего, что находится между этими жанрами. Ни одного! Другими словами: антиюгославской популярной культуры практически не существует. Следует сказать, что переходные десятилетия характеризуются во многом шизофренической ситуацией, когда политическое отторжение социалистической Юго-

славии сосуществует с поп(культурным) приятием этого же периода словенской истории или по меньшей мере более нюансированным отношением к нему.

Н. М. Популярная культура очевидным образом находится в сложных отношениях с политическими нарративами, которые продвигаются с помощью идеологических институтов государства, в том числе системы школьного образования. Какая динамика воспоминания и забывания обнаруживается при сопоставлении дискурсов политики и популярной культуры? Каковы основные дискурсы о югославском социализме?

М. В. Этот вопрос тесно связан с предшествующим, поэтому я сформулирую ответ в том же ключе. В самом общем виде: политическое отторжение неизбежно вызывает культурное одобрение, которое в свою очередь приобретает отчетливый политический профиль. Это классическое, прямо по Фрейдю, «возвращение подавленного»: чем более вы подавляете некоторые влечения, с тем большей настойчивостью они обнаруживаются в самых неожиданных местах. Давайте взглянем поближе на ностальгию по Югославии. Она направлена на главные достижения этого государства, к которым, по моему мнению, относятся: 1) победа в значительной мере собственными силами над фашизмом; 2) ускоренная модернизация; 3) освобождение прежде угнетаемых групп (молодежи, женщин, крестьян); 4) собственная форма культурного разнообразия — «братство и единство»; 5) политическая альтернатива (основанный

на самоуправлении социализм во внутренней политике и активная политика неприсоединения в международных отношениях). Но ключ к пониманию ностальгии лежит в понимании ее не как простой апологии прошлого, своего рода *la belle époque*, а в качестве скрытой критики настоящего, когда подчеркивается только то хорошее в прошлом, чего не хватает сегодня. Прежде всего это началось в альтернативной культуре и в повседневной жизни и постепенно во все большей степени охватывает популярную культуру, где ностальгия является критикой современной ситуации. Это идеологический корректив к современной реабилитации фашизма и к современному историческому ревизионизму; к новому традиционализму, сочетающемуся с жесточайшим экономическим либерализмом, к нынешним патриархальности и сексизму, к нынешней склонности к шовинизму и к этнически обусловленной дискриминации, а также к нынешнему периферийному, если не сказать постколониальному положению государств-наследников Югославии. Мы наблюдаем эффект маятника: чем больше политика сдвигается в одну сторону, тем в большей мере культурная и повседневная жизнь устремляются в другую. Говоря словами Мишеля Фуко, репрессии, независимо от того, сколь изощренные формы они принимают и в какой степени они требуют добровольного повиновения, неизбежно порождают сопротивление.

Н.М. Югоностальгия уже давно признана важным социальным и политическим аспектом постъюгославского пространства, но недавние исследования убедительно

доказывают, что этот термин постепенно теряет свою определенность, поскольку это «зонтичный бренд», который накрывает различные типы поведения, памятей, политик и людей в республиках бывшей Югославии. Какова словенская специфика югоностальгии, и как она эволюционировала в последние три десятилетия?

М.В. Разрешите мне ответить на вопрос, который я часто встречал в ходе полевых исследований в других постъюгославских республиках: «Почему вы, словенцы, так ностальгируете по Югославии, если вы первыми ее покинули?» В психоаналитическом смысле ностальгия — это неосуществимое желание того, что разрушено до основания. Это безопасный сон наяву о том, что не может повториться, что невозможно возвратить. У ностальгии отсутствует причинность и целеполагание, за ее появлением нет ничего «реального». Я могу отчасти понять то, что Андреас Хюйссен (Andreas Huyssen) именует «ностальгией отчаяния», характерной для тех, кто пережил войну, нищету, преследования после предшествовавших им хороших времен. В Словении — иная ситуация. Ностальгия в тех терминах, что я только что описал, настойчиво переживается людьми, которые, согласно многочисленным внешним признакам, сейчас живут «лучше», чем прежде. Прекрасной иллюстрацией этой ностальгии служит фильм «Гражданин Кейн» (1941, реж. Орсон Уэллс), главный герой которого движется «сквозь тернии к звездам» и, уже достигнув вершины карьеры, озабочивается незначительным по всем признакам предметом вре-

мен своего детства. Следует также сказать, что мое понимание ностальгии позволяет взглянуть на нее как со стороны коллективной или индивидуальной памяти, так и с точки зрения современных нарративов. Это значит, что мы можем испытывать тоску не только по тому, что испытали на собственном опыте (так сказать ностальгия первой руки), но также по тому, что мы позаимствовали из вторых рук: популярной культуры, медиа, научно-популярных нарративов, рекламы, многочисленных сообщений о «старых добрых временах», гуляющих по Интернету, и т.д. Другими словами, я перемещаю понимание ностальгии из области «судьбы» в область «выбора».

Словению характеризуют три вида ностальгии. Одна из них — сентиментальная, пассивная, интимная ностальгия, которая лелеет образы «лучшего будущего, которое уже позади». При этом неважно, стоят ли за этими образами непосредственные впечатления, что свойственно старшим «югославским» поколениям, или, как в ситуации с «постъюгославскими» поколениями, они полностью заимствованы. Вместе с тем существует инструментальная ностальгия: прошлое всегда хорошо продается, а ностальгия — лучше всего. Более пятнадцати последних лет рекламщики, участники туристического бизнеса, продюсеры популярной музыки и организаторы коммерческих мероприятий, т.е. все, кто может заработать на приукрашенных образах прошлого, признают, что ниша ностальгии приносит прибыль. Кроме того, есть и «освободительная» ностальгия, которая критикует настоящее с точки зрения

более справедливого и гуманного прошлого, большей солидарности, чем предлагают сегодняшние идеологии и осуществляет современная политика. Ностальгия такого рода воплощается в различные виды сопротивления, от оппозиции историческому ревизионизму до участия в протестах против нынешних несправедливостей, как в форме поплевачества в мировой паутине, так и непосредственного участия в движениях новых левых.

Н. М. В Словении память о социалистической Югославии находится в любопытном взаимодействии с другими нарративами развития словенского национального проекта. Например, недавно возросло внимание академических институтов и институтов культурного наследия к первому югославскому (межвоенному) периоду словенской истории. Как вы оцениваете нарративы памяти об югославской монархии? Как они соотносятся с господствующим нарративом словенского национального проекта?

М. В. Действительно, было несколько выставок и круглых столов на эту тему, но их общественный резонанс был намного меньше того, который вызывают публичные и академические мероприятия, посвященные социалистической Югославии. Это объясняется несколькими факторами. Прежде всего, это связано со сменой поколений, почти не осталось людей, которые имеют собственные воспоминания о периоде 1918–1941 гг. Во-вторых, Югославия Карагеоргиевичей постоянно очернялась в послевоенный период, социалистическая пропаганда представляла ее

в негативном свете, подчеркивая экономические проблемы, социальную несправедливость, этническую дискриминацию и опору на зарубежные силы. В-третьих, память об югославской монархии не близка словенским националистам. В социалистической федерации статус Словении был близок к независимому государству, особенно после де-факто конфедеративной конституции 1974 г. А до Второй мировой войны почти треть современной территории Словении находилась под властью итальянского короля, а остальные ее части обладали только административным статусом (так называемые Мариборская и Люблянская «области» в 1922–1929 гг. и «банства» в 1929–1941 гг.). Более того, т.к. словенцы и другие южные славяне Австро-Венгерской монархии оказались среди побежденных в Первой мировой войне, то те части их территории, которые не отошли к неславянским соседям, были присоединены к одной из стран-победительниц — королевству Сербии и Черногории, что не является приятным воспоминанием для националистов.

Анекдотичная история произошла в драматический период сразу после развала Австро-Венгрии. «Северная граница» Словении защищалась словенскими добровольцами (позже с помощью сил сербской армии), в то время как на защиту западных границ встал — это была скорее случайность, чем консолидированная позиция правительства Любляны, — Стефан Швабич (Stevan Švabić), подполковник сербской армии, который оказался в Любляне по дороге из австрийского плена в сопровождении нескольких сот бывших пленных сербских солдат.

Он остановил наступление итальянской армии возле городка Врхника, находящегося в 20 км от Любляны, заявив итальянцам, что Антанта, имея в виду свою армию, уже установила контроль над этой территорией, и вынудил противника отойти на линию, которая впоследствии, согласно Рапальскому договору 1920 г., стала государственной границей между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. Сегодня этот эпизод практически неизвестен, поскольку для сербов он не представляет интереса, а официальные политические силы Словении также не могут гордиться тем, что их страна была спасена сербскими войсками.

Я считаю, что главная причина почти полного отсутствия памяти о королевской Югославии в современной Словении и, скорее всего, в других постъюгославских странах во многом объясняется неспособностью монархии осуществить главный проект XX в. — проект социальной, экономической и культурной модернизации. Выполнение этой задачи еще в ходе Второй мировой войны взяли на себя левые силы. Неслучайно один из наиболее известных партизанских лозунгов гласил: «Назад пути нет!» Я убежден, что в течение послевоенных десятилетий этот лозунг был главной опорой легитимности социалистической Югославии.

Н. М. Словенский национальный проект был рожден в Австро-Венгерской империи. Как вы оцениваете значение имперского наследия в современной культурной памяти Словении? Школьные учебники, например, уделяют этой эпохе больше внимания, чем недавнему югослав-

скому прошлому. Транслируется ли этот исторический дискурс текущей политикой, и входит ли он в число политических приоритетов?

М. В. Словенскую политику отличает тактический лоялизм, и XX в. предоставил множество свидетельств этому. Практически до конца Первой мировой войны словенские политики и институции присягали на верность австрославизму, эти же люди пару недель спустя объявили Австрию «тюрьмой народов» и причаляли к «безопасной гавани» Югославии. Этот «паттерн» был воспроизведен после того, как страны Оси (Германия, Италия и Венгрия) оккупировали страну в апреле 1941 г.: политические лидеры и институты срочно продемонстрировали лояльность новым хозяевам. То же самое произошло в конце 1980-х: практически вся тогдашняя элита, люди, которые сделали успешную карьеру в социалистической Югославии, внезапно атаковали ее как антисловенское образование и пересели на проекты «демократизации» и «полного национального суверенитета». На этот раз «безопасной гаванью» для словенцев стала «Европа». Мы видим, что преемственность с монархией Габсбургов была прервана несколько раз. В отличие от ряда других регионов черно-желтой монархии (например, провинции Фриули-Венеция-Джулия, где ежегодный «Фестиваль народов Центральной Европы» рекламируется постерами, которые изображают Франца Иосифа I, а также Малой Польши и, разумеется, Австрии и Венгрии, где эпохе Габсбургов уделяют наибольшее внимание), я не вижу никаких признаков «австростальгии» у словенцев.

И все же молчаливая преемственность с «покойной Австрией», вызывающей негодование задним числом, существует, но под другим, более нейтральным именем. Уже в 1980-е словенский национальный проект, особенно его наиболее боевитые участники, объединенные вокруг журнала «Нова ревија» (Nova revija), сориентировался на так называемую «Центральную Европу». Источником вдохновения во многом послужило знаменитое эссе Милана Кундеры «Трагедия Центральной Европы» (1984), в котором региону приписывается статус вечной жертвы. Оно было переведено на словенский и опубликовано несколько раз. Были предприняты различные попытки присоединиться к «Вышеградской тройке» (потом четверке), но безуспешно, участники этой группы больше настроены на самосохранение, чем на экспансию. Несмотря на это, Словения в одиночку достаточно эффективно внедряет внутри страны идеологический конструкт «Mitteleuropa» (Центральной Европы), являющийся нашей новой «естественной средой обитания» (natural habitat), которая противопоставляется Югославии, «Балканам», варварским чужакам (alien), куда Словения дважды была вынуждена входить (первый раз в эпоху «Великой Сербии» и потом при господстве коммунизма). Однако разрыв с Югославией не увенчался полным успехом. Как исследователь культуры я прекрасно знаю, что словенское культурное пространство — от популярной культуры до институционального искусства — гораздо больше связано с бывшей Югославией, чем с так называемой Центральной Европой. Если вы спросите у кого-

нибудь на улице, какие музыкальные коллективы из Хорватии и Сербии он знает, а потом зададите тот же вопрос относительно венгерской или чешской популярной музыки, вы поймете, что я имею в виду.

Н. М. На каких вопросах сосредоточены дебаты по поводу академических, политических и популярных интерпретаций истории Второй мировой войны, создания социалистической Югославии и роли Словении в этих событиях?

М. В. В Словении партизанское движение сопротивления возникло через три недели после начала нацистской и фашистской оккупации и завершилось неделю спустя после капитуляции Германии, когда закончились последние бои в северо-восточном регионе. С самого начала оно связывало себя с прогрессом, с задачами глубоких политических, социальных и экономических реформ. В Словении, как и в Югославии в целом, партизаны сражались с оккупантами и коллаборационистами не только на поле битвы, но и, прежде всего, на поле политики. Они единственные оказались способными мотивировать и мобилизовать на борьбу численно преобладающие и в наибольшей степени обездоленные группы людей, тех, кому, согласно «Коммунистическому манифесту» Маркса и Энгельса (1848), «нечего терять кроме своих цепей», поскольку партизаны смогли предложить им лучшее будущее и социальный прогресс. То есть партизаны сражались не только за политическую свободу, но и за глубокие социальные трансформации, это было очевидно с самого начала. Благо-

даря антифашистскому прошлому югославские власти на протяжении четырех десятилетий после Второй мировой войны обладали гораздо большей легитимностью, чем руководители других социалистических стран, пробравшиеся к власти под прикрытием советских танков. Сегодня наследие антифашистского сопротивления, увы, атакуется с правого и левого флангов политического спектра. Правые ревизионисты, неспособные примириться с поражением словенских коллаборационистов, объявляют антифашистское партизанское сопротивление незаконным, антинациональным, криминальным и коммунистическим переворотом. С другой стороны, представители официальных левых («левые» партии, бывшие функционеры СКЮ и даже Ассоциация ветеранов партизанского движения) вычеркивают из борьбы за освобождение все революционные моменты, которые были ей присущи, и вырывают словенских партизан из общего югославского контекста сопротивления. Их ревизионизм сводится к тому, что партизанское движение было национальным, но ни в коем случае не революционным, и не столько общеевропейским, сколько словенским. Тем не менее это систематическое наступление на историю словенских партизан при участии различных могущественных сил (ведущих политиков, католической церкви, различных идеологических аппаратов государства, ведущих медиа) в целом не добилось успеха. Примеры протеста многочисленны и разнообразны, от массовой ностальгии до серьезных научных исследований, от различных выставок до спонтанного сохранения традиций партизанского

антифашизма, послевоенной социалистической модернизации, союза с другими югославскими нациями.

Н. М. Кто входит в число главных агентов памяти Словении? Каковы приоритеты активистов памяти, и какими инструментами они располагают, чтобы отстаивать более нюансированную культуру памяти?

М. В. Разрешите мне, основываясь на прежних ответах, представить более конкретные данные. Известно, что классик исследований памяти Морис Хальбвакс считает, что коммеморация гораздо лучше описывается в терминах конструктивизма, чем позитивизма: «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»². Каждый раз главный политический вопрос состоит в том, что именно реконструируется в тот или иной момент; как, почему и чьими силами осуществляется эта реконструкция. Официальная память рьяно — как это обычно бывает во всех новых государствах, строящих национальное самосознание, — опекается официальными институтами доминирования, в число которых входят:

— система государственных праздников;

— места памяти, которые считаются важными с точки зрения обрете-

ния независимости в начале 1990-х, а также «битвы за северные границы» в 1918 и 1919 гг.;

— система религиозных праздников и «всесловенское», а на самом деле католическое паломничество;

— монументы и знаки памяти (reminders) о словенской культуре, включая национальный День культуры (не стоит забывать, что словенский национализм основан на культуре, это своего рода «культуризм» и осями словенской национальной идеологии являются «культура» и «язык»);

— спортивные мероприятия, особенно на высокогорье (Alpine) (прекрасный, увы покойный, исследователь культуры Боштjan Шавер (Boštjan Šaver) представил яркую деконструкцию «словенской высокогорной культуры»).

Пытаясь утихомирить споры по поводу самого противоречивого периода словенской истории, а именно войн XX в., государство воздвигло в центре Любляны впечатляющий Памятник жертвам всех войн. Своей монументальностью он некоторым образом напоминает работы Ансельма Кифера (Anselm Kiefer), с тем отличием, что свинцовую мрачность творений немецкого мастера заменила намеренно нейтральная белизна. Скорбь должна заменить политику и национальное единство должно замуровать идеологическую брешь, разделяющую словенцев. Нет нужды объяснять, что национальное единство является наиболее действенным

идеологическим конструктом, т.к. эта идея располагается не вне-, а над другими идеологиями. По моему мнению, этот монумент является символом чего-то большего, чем примирение, он символизирует нынешнее господство двух взаимодействующих идеологий: либерализма (плюралистического представления о правде, т.к. у каждого она своя) и национализма (примата национального над политическими разногласиями). Первая идеология поднимает дискуссии на надполитический уровень, вторая — ограничивает их содержание фантазмами национального единства.

В это же время другие агенты памяти придерживаются глубоко поляризованной памяти о Второй мировой войне: с одной стороны, существуют Ассоциация партизанского движения и группы ее поддержки, с другой — есть группы и организации, поддерживаемые католической церковью, которые горячо поддерживают память о коллаборационистах. Обе стороны организуют разнообразные мероприятия, праздники, коммеморации и обустривают места памяти о либо триумфальных, либо травматических событиях прошлого. Несмотря на настойчивый исторический ревизионизм, общественное мнение в большей мере придерживается прежних взглядов на исторические события, что вынуждает политические силы, в том числе различные правительства, символически поддерживать «мнение народное», но они делают это стыдливо и в ограниченной степени. Они вынуждены выделять почетные караулы и освящать государственными символами памятные церемонии, принимать

в них участие и, что немаловажно, сохранять за этими памятными событиями статус государственных праздников, игнорируя при этом их общегославский и революционный контекст. 27 апреля раньше было «Днем освободительного фронта» — организации словенских партизан, объединявшей широкий спектр политических сил. Сейчас этот праздник переименован в «День восстания против оккупации». Параллельно официозу широкий спектр других сообществ и индивидуальных активистов памяти осуществляет альтернативную коммеморацию. В нее вовлечены как различные культурные ассоциации и энтузиасты истории, так и создатели мемов и разнообразные инициативы пользователей Фейсбука. В полном соответствии с духом времени стратегии, продукты и сообщества памяти мигрируют в нематериальный «мир цифры». Подобно другим странам и подобно другим периодам словенской истории, различные мнемонические конфигурации сосуществуют в современном словенском обществе. Они антагонистичны в двух смыслах: во-первых, в отношении к друг другу, во-вторых, в отношении к официальной коммеморации, осуществляемой государством. Так же как и повсюду, мнемонические практики в Словении являются осознанным инструментальным политическим решением, которое говорит не столько об объекте, сколько о субъекте коммеморации, позволяет больше узнать о настоящем вспоминаемого, чем о прошлой вспоминаемой реальности.

Н. М. Как бы вы определили специфику словенской политики памяти

в отношении остального (пост)югославского пространства? Какова сегодня роль католической церкви в создании ведущих нарративов памяти? Как на словенскую политику памяти влияют продолжающиеся пограничные споры, полемики по поводу культурного наследия и памяти с соседней Хорватией?

М. В. В отличие от других бывших югославских республик, в Словении не было жарких символических баталий. Недавно мне довелось ознакомиться со статистическими исследованиями, согласно которым в 1990-е в Хорватии было разрушено более 3000 памятников партизанам. Тем не менее словенцы также столкнулись со взаимосвязанными антиюгославским и контрреволюционным поворотами. Политика памяти в Словении отражает особенности политики переходного периода в целом. В отличие от, например, Хорватии и Сербии, где относительно триумфально победили политические платформы Франьо Туджмана и Слободана Милошевича, которые получили поддержку церквей и которые господствовали во всех сферах общественной жизни, в Словении не победила ни одна сторона. Словенский транзит осуществлялся при молчаливом соглашении о разделе власти между умеренными националистами и бывшими «коммунистами-реформаторами», которые приспособились к националистической линии. Чрезвычайно важно, что было также достигнуто соглашение о разделе дивидендов (bounty) в переходный период. Хотя транзит часто наивно воспринимался — а иногда воспринимается до сих пор — как «проект национального освобожде-

ния» и, одновременно, как «проект политической демократизации», в реальности это был, прежде всего, проект радикального перераспределения общественного достояния (common wealth), проект в буквальном смысле приватизации активов, созданных общим трудом за десятилетия социализма. В результате «победители» переходного периода — новые и «реформировавшиеся» старые политики и олигархи — присвоили разнообразные (в понимании Бурдые) виды капитала. Обе стороны полностью признали две господствующие идеологии и политические практики — неолиберализм и этнонационализм — поскольку это позволило им, будем откровенны, легально заниматься воровством.

Такое прагматичное распределение власти между «левыми» и «правыми» в переходный период требовалось, исходя из популистских соображений, компенсировать демонстрацией своих «левых» и «правых» убеждений. Отсюда, с одной стороны, проистекает «охрана памяти», например, о партизанском сопротивлении, сопровождаемая широким арсеналом мнемонических практик, и, с другой стороны, отчетливо клерикальная антипартизанская коммеморация с противоположными по смыслу практиками. Даже поверхностный анализ речей и памятных мероприятий показывает, что это не более чем часть более широкой политической повестки организаторов. Проповедуя как «партизанскую», так и «антипартизанскую» правду истории, они тем самым разделяют население и укрепляют единство собственных рядов. Память здесь выступает лишь функцией как

текущей политической борьбы, так и, что более важно, материальных привилегий, которые обеспечивает нахождение у власти. Активное, направленное на социальное освобождение воспоминание, которое не занимается односторонним восхвалением прошлого, но критически рассматривает его и сосредоточено на забытых, неясных, подавленных и утраченных событиях и деятелях истории, — такое воспоминание, которое выдающийся сербский социолог Тодор Кулич (Todor Kuljić) описал в своей книге «Kultura sjećanja» («Культура воспоминания», 2006), — остается уделом неформальных акторов и инициатив и, что немаловажно, повседневных практик. Таковы, например, мириады поздравительных открыток, заполняющие Интернет в дни таких важных национальных праздников Югославии, как «День молодежи» (25 мая, символический день рождения Тито) и «День республики» (29 ноября, день «рождения» социалистической Югославии).

Н.М. Поскольку интервью будет опубликовано в русском журнале, то уместно задать вопрос о современном публичном дискурсе в отношении Российской Федерации и СССР. Какие российские деятели выделяются в словенских нарративах памяти?

М.В. Поскольку я не являюсь специалистом в международных отношениях, то попробую ответить с точки зрения хорошо мне знакомой культурной сферы. В отличие от Центральной Европы, Россия и Советский Союз всегда были от нас достаточно далеки, по причи-

нам как географическим, так и историческим. Прямые политические контакты были редкими и чаще всего осуществлялись в контексте многонациональных государств, в состав которых тогда входила Словения. В отличие от многочисленных «фобий» и «филий» в отношении других народов, в Словении отсутствуют заметные русофобия и русофилия. Во времена социалистической Югославии, когда страна придерживалась демонстративной политики неприсоединения, у нас существовало обманчивое ощущение, что мы отличаемся и от Запада, и от Востока, на другие социалистические страны мы смотрели с ощутимой дистанции. Термин «реальный социализм» использовался едва ли не как ругательство. Существовало общее убеждение, что другие социалистические страны, в отличие от нас, реально живут за «железным занавесом». Тем не менее эти политические колебания не были способны повредить существенному и разностороннему влиянию русской культуры. Приведу пример из собственной семейной памяти: мои родители учились в школе в конце 1940-х, где среди учителей были и русские эмигранты. Моя мать до сих пор с огромной признательностью вспоминает эрудицию и основательность этих учителей. Возможно, эта признательность выразилась в том, что всем трем детям мои родители дали имена героев русской литературы, восторженными поклонниками которой они были.

В более широком контексте я бы отметил «охранителей прошлого» (retrogardist) — деятелей искусства из неформального движения Neue Slowenische Kunst (Новое словен-

ское искусство), которые черпают вдохновение в русском и советском футуризме, в супрематизме Казимира Малевича и Владимира Татлина, в позднем советском реализме и т. д. Когда я был ребенком, мои старшие приятели из поколения хиппи познакомили меня не только с Бобом Диланом, Нейлом Янгом и Лу Ридом, но и с поющим под гитару русским поэтом Владимиром Высоцким. С 1980-х помню ретроспективы Андрея Тарковского в Синема-теке Любляны. Только на них, наряду с просмотрами фильмов Пьера Паоло Пазолини и Микеланджело Антониони, все билеты были проданы. Стоит добавить, что словенские поклонники популярной музыки следят за новой русской музыкальной волной. Несколько лет назад большой интерес вызвали Pussy Riot, которые конфликтуют с российскими властями и сейчас уже являются современной классикой. Два года в Любляне выступал для многих противоречивый русский дуэт темной волны ИСЗРЕАК. Не так давно я получил — т. к. я сейчас преподаю за рубежом — несколько восторженных отзывов из Любляны о белорусском синтипоп коллективе «Молчат дома» и фильме Кантемира Балагова «Дылда». Вот, пожалуй, и все.

ЛИТЕРАТУРА

Bajt 2017 — *Bajt Veronika*. The Post-Communist Renegotiation of Slovenian

National Symbols // *Družboslovne razprave*. 2017. XXXIII. 85: 15–33.

Čokl 2017 — *Čokl Vanessa*. Spomenik na Kongresnem trgu: Ti in jaz, oče in sin, belo in črno. Večer, 12.07.2017.

Hobsbawm 1992 — *Hobsbawm Eric J.* Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality. Cambridge: CUP, 1992.

HDR 2019 — Human development reports (HDR). 2019. Accessible at: <http://hdr.undp.org/en/data> (19.03.2020).

Jogan, Broder 2016 — *Jogan Maca, Živa Broder*. Samostojna Slovenija in kolektivni zgodovinski spomin // *Teorija in praksa*. 2016. 53, special issue: 90–111.

Kirn 2012 — *Kirn Gal*. Transformation of memorial sites in the post-Yugoslav context. In Karamanić S. and Šuber D. (eds.) *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia*. Leiden: Brill Publishers, 2012. 251–281.

Kirn 2014 — *Kirn Gal*. Partizanski prelomi in protislovja tržnega socializma v Jugoslaviji. Ljubljana: Sophia, 2014.

Pušnik 1999 — *Pušnik Maruša*. Konstrukcija slovenske nacije skozi medijsko naracijo // *Teorija in praksa*. 1999. 36, 5: 796–808.

Pušnik 2019 — *Pušnik Maruša*. Media Memorial Discourses and Memory Struggles in Slovenia: Transforming Memories of the Second World War and Yugoslavia // *Memory Studies*. 2019. 12, 4: 433–450. <https://doi.org/10.1177/1750698017720254>.

Velikonja 2005 — *Velikonja Mitja*. Euroza — Kritika novega etnocentrizma. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2005.

“THE TRANSITIONAL DECADES HAVE BEEN MARKED BY A RATHER SCHIZOPHRENIC SITUATION, WHERE POLITICAL REJECTIONS OF THE SOCIALIST YUGOSLAV PERIOD OF SLOVENE HISTORY COEXIST WITH A (POP)CULTURAL ACCEPTANCE OF THIS PART OF THIS SAME HISTORY”.

Interview with Mitja Velikonja

Velikonja Mitja — Prof., Dr., University of Ljubljana (Slovenia)

Key words: Slovenia, Yugoslavian project, memory politics, revisionism, nostalgia, popular culture, art.

Abstract. The Republic of Slovenia, the first to declare independence from Yugoslavia in 1991 and the first of the post-Yugoslav states to join the EU in 2004, demonstrates a complex set of attitudes to its Yugoslav past. Political discourse, mass media and historiography are not at all exempt from historical revisionism, which targets WWII and the significance of the Yugoslav past in particular, and aiming to ground Slovenian nationalism in its alleged “European” rather than “socialist” or “Yugoslav” essence. Since 1991, this kind of revisionism has enjoyed various degrees of support in the public sphere, dependent on the specific domestic (e.g. regular parliamentary elections) and international (e.g. EU-accession) political priorities at hand. In this interview, cultural studies scholar and sociologist Prof Dr Mitja Velikonja outlines the limitations of these memory struggles, and demonstrates to what extent they are complicit in obscuring broader processes, such as the contemporary surge in ethnocentric discourse and economic neoliberalism. The vibrant, critical and polyphonic domain of art and popular culture in Slovenia, on the other hand, emerges as a welcome alternative, which both preserves the memory of the Yugoslav idea and its history, and offers a springboard for critical reflections on contemporary problems, from refugee crises to epidemics.

3. РЕСПУБЛИКА ХОРВАТИЯ.

«ИСТОРИЯ ЮГОСЛАВИИ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК УРОК О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАТЬ ПРИЕМЛЕМУЮ ВЕРСИЮ СОЦИАЛИЗМА БЕЗ ЕГО «ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОН»».

Интервью с С. Хорватинчич

Ключевые слова: политика памяти, памятники, исследования культурного наследства, (пост)югославское пространство.

Аннотация. В связи с тем, что Республика Хорватия считается оплотом антиюгославских настроений на (пост)югославском пространстве, особенно важно рассмотреть с учетом всех сложностей и нюансов политику памяти в этом государстве, которое последним по времени присоединилось к Евросоюзу. Основные нарративы памяти встроены в политики национального примирения и антикоммунизма, инициированные во время Войны за независимость (Homeland war) и в целом в 1990-е гг. — во время президентства Франьо Туджмана. Исторический ревизионизм в отношении ко Второй мировой войне и к движению усташей предопределил хорватские подходы к социалистическому наследию. Доктор Саня Хорватинчич рассказывает о главных участниках политики памяти в Хорватии и объясняет, почему разрушение и небрежение памятниками социалистической Югославии стало важным элементом национального строительства, поощряемого «антитоталитарными» европейскими активистами памяти.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-97-124

Выборы, состоявшиеся во всей Югославии в 1990 г., в Хорватии принесли победу Хорватскому демократическому союзу (HDZ), правой партии, провозгласившей курс на независимость и получившей 41,5% голосов. Такой итог выборов не позволяет считать, что избиратели выдали политикам мандат на отделение от Югославии, кризис мог разрешиться многими иными спо-

собами. Но в связи с тем, что политический кризис совпал с кризисом экономическим и резким падением уровня жизни в 1980-х, его разрешение вело к развалу Югославии, а развал вел к войне. После того как Хорватия 25 июня 1991 г. провозгласила независимость, началась война, которая официально закончилась только в 1995 г., когда хорватская армия установила контроль над

охранявшимися ООН районами Западной Славонии и Сербской Краины. В результате примерно 200 000 сербов были изгнаны из своих домов (Calic 2013: 402). В 1998 г. был установлен полный контроль и осуществлена мирная реинтеграция Восточной Славонии.

В 1990 г. 51,66% хорватских респондентов соглашались с тем, что «Югославия должна стать конфедерацией самостоятельных республик, которые могут при необходимости создавать общие органы управления и свободно договариваться по поводу общих задач» (Grdešić 1990: 199–200 in Jović 2017: 13). Лишь под воздействием военного конфликта удалось усилить влияние нарративов памяти, основанных на националистической мифологии, что привело к росту антиюгославских настроений в хорватском обществе. После того как авторитарному режиму Туджмана в 2000 г. пришел конец, Хорватия стала следовать новым курсом, который рассматривался в качестве более демократической стратегии развития. Его итогом стало вступление Хорватии в Европейский союз в 2013 г. При этом неолиберальные экономические реформы и показательный политический плюрализм внесли свой вклад в чрезмерный рост национализма. С 2013 г. заметен рост насилия и использования языка ненависти в отношении этнических меньшинств, прежде всего сербов (Jović 2017: 236).

Согласно принципам политики примирения времен Туджмана, задачей являлось установление национального единства между хорватами, разделенными Второй мировой войной на усташей и партизан. В 2000 г. Пар-

ламент принял «Декларацию о Войне за независимость» (Pavlaković 2016: 45), устанавливающую единый «режим правды» по поводу истории Югославии. Антифашизм был «национализирован» (Djurašković 2016: 777; Djureinović 2018) и память о Второй мировой войне была подвергнута пересмотру. Декларация, принятая в соответствии с Резолюцией 1841 Совета Европы, осудила «преступления тоталитарного коммунистического режима, совершенные в Хорватии в период 1945–1990» (Banježlav 2012: 113). Ревизионизм привел к разрушению материальных мест памяти (пост)югославского пространства. Из 937 мемориалов, посвященных национально-освободительной борьбе в годы Второй мировой войны, к 2014 г. в Хорватии сохранилось только 310 (Jović 2017: 192).

В 2019 г. Городской совет Загреба принял решение создать мемориал жертв Холокоста без каких-либо упоминаний зверств усташей (Milekić 2020). Политика ревизионизма до сих пор определяет основные дискурсы. Экономическая ситуация не оправдала надежды на то, что независимость принесет благоденствие. Политика памяти остается местом ожесточенных дискуссий и позволяет лучше понять политические и социальные «расколы» в современном хорватском обществе.

В своем интервью доктор Саня Хорватинчич (Sanja Horvatinčić) предлагает свой взгляд на зарождение и эволюцию вышеобозначенных проблем. Хорватинчич изучала историю искусства на Факультете гуманитарных и социальных наук Загребского университета. В 2017 г.

она защитила докторскую диссертацию о мемориалах, посвященных Второй мировой войне и политике памяти в социалистической Хорватии. Ее исследования сосредоточены на культурной истории памятников, политике памяти в социалистической Югославии и роли революционного и социалистического наследства в контексте политики культурного наследия Европейского союза. Она в качестве научного сотрудника принимала участие в проекте цифровой истории искусства Артнет (ARTNET) Хорватского научного фонда, а в настоящее время участвует в семинаре «Гендерная политика и искусство европейских социалистических стран», спонсируемом Фондом Гетти (Gender Politics and the Art of European Socialist States,

Getty Foundation). Хорватинчич была советником-экспертом выставки «В направлении бетонной¹ утопии: Югославская архитектура, 1948–1980» (Toward a Concrete Utopia: Architecture in Yugoslavia, 1948–1980, MoMA, 2018) и соредактором книги об югославских памятниках (Archive Books & Igor Zabel Foundation 2020). Она является координатором международного междисциплинарного проекта «Память снизу. Дрежница: Памяти и следы» (Heritage from Below. Drežnica: Memories and Traces)², направленного на исследование материальной культуры, ландшафтов памяти и многослойных нарративов о борьбе югославских партизан в контексте актуальных политических и социальных кризисов.

Вопросы и введение Милицы Попович. Париж — Загреб, 15.04.2020.

М. П. В центре ваших исследовательских интересов находятся исследования культурного наследия и памятники времен социалистической Югославии. Одним из результатов вашей диссертации стала всеобъемлющая типология и карта разрушенных памятников, которые были посвящены народно-освободительной борьбе и революции. В чем состоит нынешняя политика памяти в Хорватии по отношению ко Второй мировой войне, а именно к сателлиту нацистской Германии так называемому Независимому государству Хорватия (НГХ)? И как память о НГХ сочетается с политикой памяти в отношении социалистической Югославии?

С. Х. Как историк искусства я подхожу к памятникам периода социалистической Югославии как многообразной художественной продукции, которая возникла после Второй мировой войны под влиянием мощных социальных и политических импульсов. Моя начальная сосредоточенность на формальных аспектах памятников вскоре доказала свою методологическую неэффективность, и в ходе напряженных архивных и полевых исследований мои интересы расширились и включили область «надстроек» памяти и культурного наследия эпохи социализма, хотя мои интересы и сейчас «привязаны» к материальной культуре как почве

¹ Игра слов «concrete» — «конкретный» и «бетонный (каменный)».

² URL: www.ipu.hr/article/en/761/heritage-from-below-dreznica-traces-and-memories-1941-1945.

будущих исследований. Кроме того, что эмпирические исследования этого удивительного и уникального корпуса структур памяти, запечатлевших разные аспекты партизанской войны и революционно-освободительной борьбы, важны сами по себе, я думаю, что главный вопрос сегодня состоит в следующем: почему и каким образом эти места до сих пор существуют или появляются опять после перерыва? Этот вопрос интригует и увлекает как индивидов, так и политические сообщества не только на местном, но и международном уровнях. Изменившийся официальный статус и удручающее состояние этих мемориалов, когда-то бывших важной частью социальной памяти и национального наследия, во многом характеризует постсоциалистическую политику памяти в Хорватии. Это абсурдное состояние феномена памяти в целом ставит под вопрос и тем самым деконструирует само понятие культурного наследия, что приводит к его разрушению. Таким образом, отрицается способность культурного наследия действовать в роли «посредника интерпелляции»³, т. е. выступать инструментом по производству индивидуальных субъектов и субъективностей, которые приемлемы для установления порядка, стабильности и примирения в обществах, переживших периоды насилия» (Herscher 2011: 148).

Во многих частях Югославии институты научной реставрации и общественного культурного наследия были учреждены сразу после Второй мировой войны, как часть новой парадигмы, основанной на марксистской философии, общественной собственности и самоуправлении рабочих. В этих условиях такие временные сооружения, как остатки партизанских военных госпиталей, спрятанных в лесах, или нелегальные типографии, располагавшиеся в сырых подвалах, могли быть включены в списки культурного наследия. На официальном уровне их значение приравнивалось к позолоченным алтарям эпохи барокко и роскошным буржуазным особнякам. Только при социализме большинство из памятных мест были впервые документированы надлежащим образом. Перемены, затрагивающие не только идеологическую парадигму и практики ввода памятников в эксплуатацию, но также профили класса и гендера героев памяти, привели к тому, что рабочие-металлисты и неграмотные крестьянские девушки впервые в истории стали законными субъектами коммеморации. Отлитые из бронзы, они были вознесены на пьедесталы, которые ранее были предназначены только для императоров, служителей церкви и высокопоставленных интеллектуалов. Первые правила по сохранению и реставрации культурного наследия были узаконены в Югославии уже

³ Интерпелляция (фр. *interpellation*) — термин, использованный Л. Альтюссером в статье «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970) для обозначения повседневной идеологической практики, обеспечивающей воспроизводство условий производства путем конституирования индивидов в качестве субъектов. Интерпелляция осуществляется разнообразными идеологическими аппаратами (образовательными, политическими, культурными и т. д.) и принимает форму своеобразного «оклика», откликаясь на который индивид становится субъектом, признавая себя в качестве адресата этого оклика и занимая соответствующую «позицию субъекта» (ученика, гражданина, зрителя и т. д.). В результате интерпелляции происходит добровольное подчинение субъекта идеологическим аппаратам и признание «естественности» наличного социального порядка.

в 1944 и 1945 гг. Критерии и методологии оценки систематически вводились и последовательно применялись с учетом новых международных стандартов и соглашений. Разумеется, эти критерии устанавливались — и это ни в коем случае не было спецификой социалистической Югославии — экспертами, погруженными в культурную гегемонию, которая в свою очередь определяла политику культурного наследия. Все, что на местах относят к «мемориальному наследию», всегда обнаруживает двойное — обычно взаимодополняющее и взаимоусиливающее — «бремя» политик памяти и наследия. Это станет очевидным, если мы обратим внимание на то, каким было отношение к этой специфической сфере культурного наследия на заре политических изменений 1990-х. С тех пор, особенно в Хорватии, мы наблюдаем постоянную, более или менее жестокую и насильственную борьбу за политическое наследие, которая запечатлена в этих местах и объектах. Поэтому я отвечаю на ваш вопрос, исходя из специфической перспективы своей дисциплины, каким образом изменения политики культурного наследия в Хорватии отражают официальную политику памяти или как они используются с целью ее поддержки и как они до сих пор привлекаются в процессе пересмотра прошлого в соответствии с господствующими политическими интересами.

Примечательно, что потребовалось почти два десятилетия после обретения Хорватией независимости, прежде чем памятники, посвященные национально-освободительной борьбе, революционному и рабочему

движениям (*spomenici NOB*), были подвергнуты официальной экспертизе. За это время многие памятники были разрушены, повреждены, переделаны или перемещены, и во многих случаях — вопреки репортажам медиа и протестам местных жителей и экспертов — никто не был привлечен к ответственности за осквернение и нанесение ущерба памятникам культурного наследия и общественной собственности, охраняемым законом. Возможно, это был и не самый разрушительный аспект истории 1990-х, но он показал, насколько избирательно новое государство соблюдало собственные законы. Если, по утверждениям ряда экспертов, данные памятники являются исключительно «типизированными отвратительными артефактами, с отчетливой функцией службы коммунистическому режиму» (*Jerковић 2017*), тогда почему после 1991 г. их продолжают включать в списки хорватского национального наследия? Причина прагматична: формально их охрана гарантирована Конституцией Республики Хорватия. Глава Конституции, посвященная историческим основам, утверждает, что «идея государственного строительства основана на историческом праве хорватского народа обладать полным суверенитетом», который был провозглашен «во время Второй мировой войны и был сформулирован решением Территориального антифашистского совета национального освобождения Хорватии (1943) в противоположность декларации о создании т.н. Независимого государства Хорватия (1941), а затем провозглашался в Конституции Народной республики Хорватия (1947) и во всех последующих

конституциях Социалистической республики Хорватия (1963–1990), в исторический поворотный момент, характеризующийся отвержением коммунистической системы и международного порядка в Европе, в результате демократических выборов 1990» (Narodne novine: 56/90). В то время как Территориальный антифашистский совет национального освобождения Хорватии был главным политическим органом коммунистического движения в Хорватии и частью общегославского коммунистического движения сопротивления, которое новой конституцией вроде бы отвергалось, возникало внутреннее противоречие: это предотвратило официальное отречение от антифашистского и коммунистического наследия и его символов, хотя де-факто происходило перемещение и разрушение этого наследия.

Ящик Пандоры исторического ревизионизма открылся, где раньше, где позже, во всех бывших югославских республиках. Это происходило в разные политические моменты с разным размахом и интенсивностью, на разных уровнях (от ведущих СМИ до законодательства) и осуществлялось на разном институциональном уровне (от национальных институтов до безвестных «экспертов»). Новая фаза исторического ревизионизма в Хорватии была достигнута после вступления в ЕС: число деклараций, принятых Европейской комиссией после 1996 г., сделало возможным осуждение коммунистического наследия, которое просто «клеялось» в качестве «тоталитарного». Я вернусь к этому специфическому вопросу в ходе нашего интервью.

Печальный процесс внутренней экспертной ревизии «памятников национально-освободительной борьбы» растянулся на десятилетия и, насколько я знаю, до сих пор не закончен. Возникает впечатление, что эта ревизия является «засекреченным» (classified) государственным проектом, осуществляемым силами профессионально неадекватного и слишком узкого экспертного комитета, и — что намного важнее — без обращения к стандартным демократическим процедурам, что не позволяет организовать открытые общественные дебаты, особенно в отношении той части мемориального наследия, которая затрагивает множество сторон.

М. П. Как вы оцениваете разрушение и пренебрежение антифашистскими памятниками в Хорватии в свете главных направлений политики памяти в вашей стране? Какова динамика этого процесса, и как происходящее с памятниками воздействует на политику памяти? Чем объясняются местные инициативы, например, в поселке Писак (Pisak), когда жители самостоятельно восстанавливают разрушенные и заброшенные антифашистские памятники?

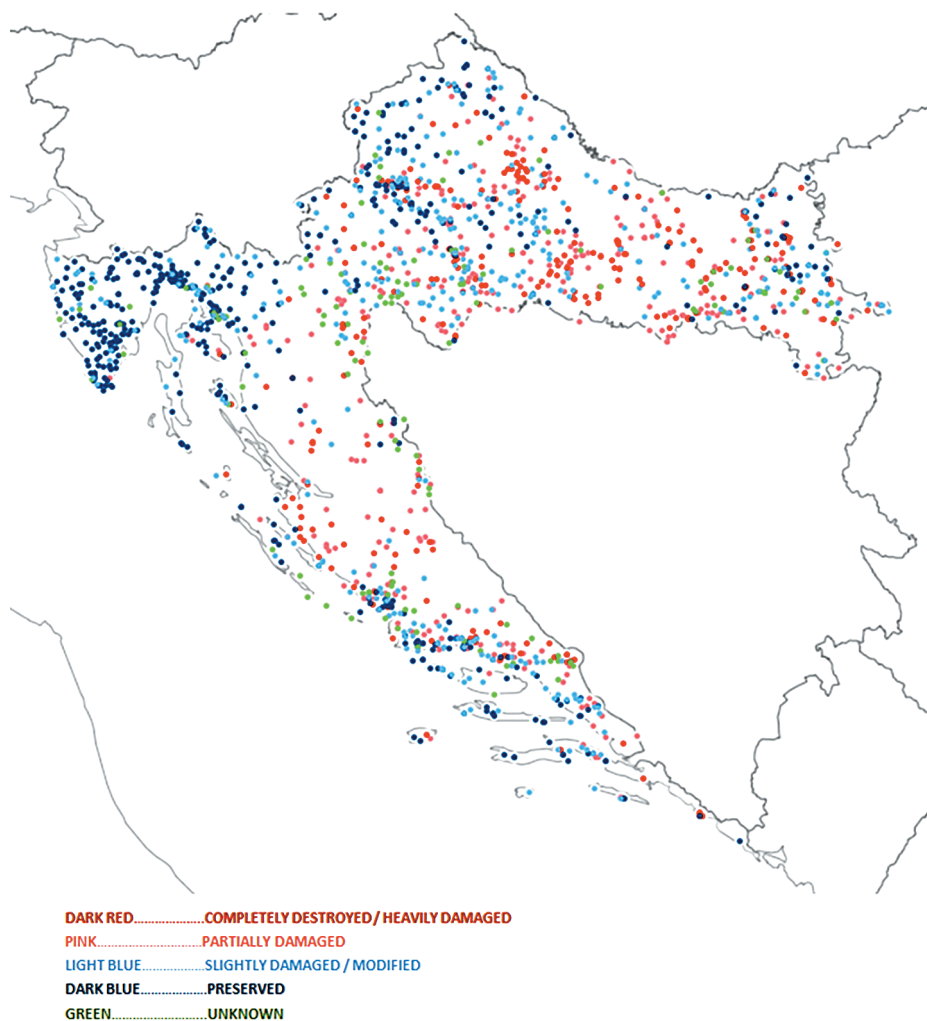
С. Х. Уже говорилось, что начиная со времен Войны за независимость (1991–1995) и по сегодняшний день большая часть мемориалов была разрушена, повреждена, «исправлена» или перемещена, К сожалению, у нас нет методологически обоснованного всестороннего исследования этого феномена, которое включало бы архивные разыскания и анализировало бы механизмы и динамику разру-

шения. Первый обстоятельный обзор, осуществленный Союзом антифашистских ассоциаций Хорватии в 2000 г. (*Hrženjak* 2002), показал, что из примерно 5500 памятников и мемориалов, включенных в указатели в конце 1980-х, примерно 3500, включая памятные доски, бюсты и другие типы мемориальных объектов, были разрушены или повреждены в первые 10 лет после распада Югославии. Темой моей докторской диссертации, которую я писала с 2011 до 2017 г., были процессы создания скульптурных и архитектурных мемориальных сооружений, а не их уничтожения, тем не менее я картографировала и фиксировала, в тех случаях, когда это было возможно, их текущее состояние и сравнивала с исходными проектами. Необходимо отметить, что многие памятники пережили несколько этапов реконструкции в социалистический период. Причины были разные: ветхое состояние, необходимость поднять их *высь* или *модернизировать*, а также добавить либо исправить надписи на памятных досках. Хотя мое исследование было сосредоточено на обособленных в пространстве структурах и комплексах и поэтому не включало памятные доски и бюсты, которые наиболее пострадали в ходе перемен, тем не менее оно показало, что полная статистика состояния этих памятников в стране намного хуже, чем указано выше. В результате утомительной архивной и полевой работы удалось картографировать⁴ 1700 памятников. Из них полностью разрушены при-

мерно 30%, частично повреждены 40% и находятся в относительно нетронутым состоянии примерно 30%. (*Фото 1*) Заметно, что доля разрушенных памятников существенно отличается в различных регионах страны. Важно отметить, что в тех местах, где военные столкновения 1990-х носили более жестокий характер, памятники разрушались в гораздо большей мере, не только в годы войны, но и по ее окончании. Регионы, наиболее пострадавшие от Войны за независимость, где масштабы разрушения памятников часто были наиболее высокими, во многих случаях были территориями с высокой долей этнических меньшинств. В годы Второй мировой войны жители именно этих территорий были подвергнуты величайшим страданиям. После 1990-х на месте старых памятников часто воздвигались памятники Войне за независимость. Прежние надгробные надписи, имена и символы заменялись. Эти акты забвения и атаки на охраняемое культурное наследие и общественную собственность почти ни разу не преследовались по закону и редко освещались ведущими СМИ. Ситуация с освещением этих событий стала изменяться только с появлением социальных сетей, через которые осуществляется, в той мере, в которой это позволяют возможности данных медиа-ресурсов, публичное давление. (*Фото 2a-b*)

В последнее время я тесно сотрудничаю с археологами современности,

⁴ Карта состояния и степени разрушения памятников в Хорватии. Данные собраны в ходе полевых исследований (2011–2016) или письменных источников и литературы. Программа «Общественное табло: программное обеспечение для бесплатной визуализации данных» (Tableau Public: Free Data Visualization Software). См. интерактивную карту: URL: public.tableau.com/views/SpomenpodrujaABkategorija/Sheet1?:embed=y&:display_count=yes.

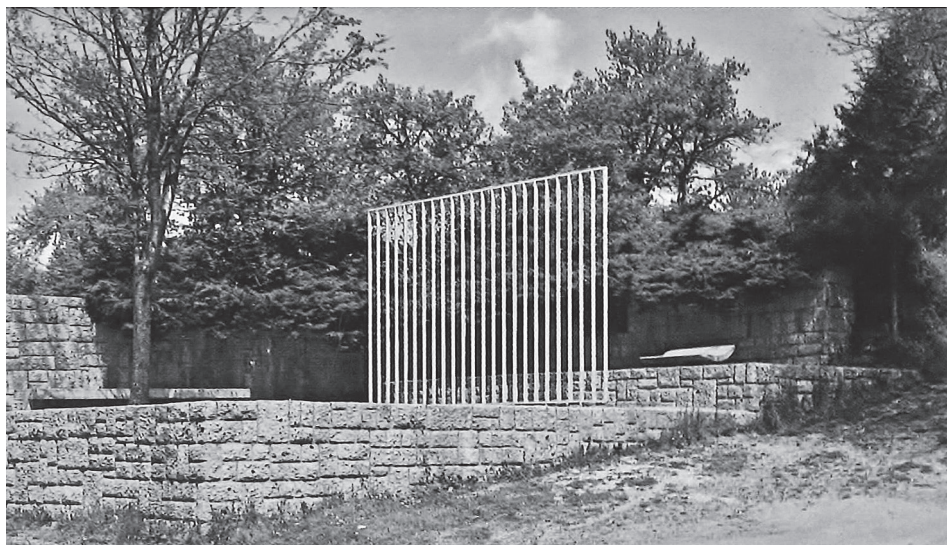
1. Карта воздвигнутых на территории Хорватии памятников народно-освободительной борьбе (с указанием степени повреждения). HORVATINČIĆ, Memorials from the Socialist Era, 2017, p. 154.

не по вопросам раскопок и вскрытия массовых погребений, но по совершенно другой повестке. Изучая материальные «следы» и памяти, мы, прежде всего, сосредоточились на том, что происходило на «обочинах» или за пределами одобренного различными влиятельными инстанциями дискурса и законодательных рамок

культурного наследия. Я заинтересовалась тем, как наследие антифашизма и прогрессивных социальных движений, постоянно оспариваемое и обрекаемое на забывание в этом углу Европы, востребовано «снизу», вне рамок официальной политики памяти или в противостоянии ей. Поэтому я обращала внимание на то, каким

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

2.а, б. Памятник в пригороде Загреба Врпаче (Vrпaче), установленный на месте массовых публичных повешений антифашистов и коммунистов в годы Второй мировой войны. В начале девяностых памятник был разрушен и заменен крестом с надписью: «В память всех жертв, кто погиб за свободу и существование (continuity) хорватского народа». Фото: Горан Коров (Goran Koroв), 2014.

3. Импровизированная (pop-up) археологическая выставка вещей, найденных в пещере, которая служила тайным партизанским госпиталем в годы Второй мировой войны. Часть международного междисциплинарного проекта «Память снизу. Дрежница: Памяти и следы». Фото: Шуршу Айан Вила (Xurxo Ayán Vila), сентябрь 2019.

образом, с одной стороны, формальные аспекты памятников, посвященных таким историческим событиям, с другой — их нарративы используются в качестве инструментов несогласия с официозом. Говоря другими словами, каким образом материальные, структурные и концептуальные черты социалистических памятников позволяют использовать их качестве «означающих» (символов) современных социальных и политических кризисов, таких как, например, подъем неонацизма и продолжающийся кризис мигрантов в Европе. (Фото 3) Инициатива жителей поселка Писак, расположенного в Далмации, по реставрации и возвращению на пьедестал бронзового Памятника партиза-

ну (2015) является частью растущего движения «низовых» инициатив по восстановлению, поддержанию и охране мемориалов. Они не просто носят контргегемонистскую направленность, но, что особенно важно, публично заявляют об антагонистическом характере социальной памяти этих сообществ. (Фото 4) Методология полевых исследований позволила мне убедиться в том, что эти важные практики заботы о памятниках, вопреки замалчиванию подобных инициатив, широко распространены. (Фото 5 a,b,c)

М.П. Вы критически оцениваете так называемый западный взгляд на антифашистские памятники

4. Церемония открытия восстановленного памятника Погибшим партизанам и жертвам фашистского террора в далматинском городе Писак. 2015. Фото: <http://hr.n1info.com/Vijesti/a51420/Partizan-ribar-vracen-gdje-mu-je-mjesto.html>

Югославии. В то же самое время в нью-йоркском Музее современного искусства (New York Museum of Modern Art or MoMA) проходит выставка «В направлении бетонной утопии: Югославская архитектура, 1948–1980», которая многими была признана успешной демонстрацией противоречивых и тщательно подобранных критических взглядов на эпоху социалистической Югославии. Как эти зарубежные взгляды вступают в диалог друг с другом, как они воспринимаются извне и изнутри (пост)югославского пространства?

С.Х. Я считаю, что широкая популярность югославских монументов и выставка в Музее современного искусства выступают не в качестве противостоящих феноменов, но в виде

различающихся (уровнями, участниками и медиа) манифестаций новой волны увлечения социалистической Югославией как политическим и культурным концептом. Я говорю о «новой волне», потому что восхищение и идеализация режима социалистического самоуправления, установившегося в Югославии после 1948 г., существовала в кругах международных левых уже в 1960-е гг. Временные рамки выставки (1948–1980) носили отчетливо политический характер, хотя их также можно обосновать, исходя исключительно из формальных критериев, а именно как эпоху манифестации модернизма в архитектуре, дизайне и урбанистическом планировании. История постсталинистской и докризисной Югославии используется как урок о возможности преодолеть «крайности» биполярного

5.а, б, с. Татьяна Влаич Вуичич (Tatjana Vlačić Vujičić) восстанавливает по собственной инициативе памятник Павшим солдатам и жертвам фашизма в Бандино Село (Bandino Selo). Фото: Ядранка Радатович (Jadranka Radatović), сентябрь 2019

разделения мира во времена холодной войны и создать приемлемую версию социализма без его «отрицательных сторон». С одной стороны, подчеркивание роли модернизма как универсального западного концепта, проникшего в это «промежуточное» пространство, позволяет «приручить» и «гуманизировать» отрицательный образ Балкан, воспринимаемых как конфликтная полиэтничная территория, расположенная на границах Европы, и тем самым представить балканские страны в качестве места, где возможен прогресс и усвоение «западных ценностей». Вместе с тем акцент на разрушенном модернистском пейзаже снова демонстрирует «истинное лицо» Балкан, т.к. демонстрирует озабоченность по поводу утраты или недооценки этих самых ценностей. Этот аспект подразумевается, прежде всего, когда речь заходит о проблемах, усматриваемых «западным взглядом». Такой подход можно назвать патерналистским или «инфантилизирующим», поскольку он сосредоточен на отсутствии и не преследует цель утвердить новые формы деятельности в «пустыне постсоциализма» (*Štiks, Horvat 2015*). Иногда у меня возникает жуткое чувство, что эти образы или разрушенные архитектурные шедевры ждут представителей Запада, единственно способных их «починить». При этом скрытая, может и непреднамеренная, критика нового политического и экономического порядка, установившегося после падения Берлинской стены, в «западном взгляде» также присутствует, оппонируя триумфальному образу «объединенной Европы». Неудивительно, что выставка, состоявшаяся в такой авторитетной мировой институции, как Музей современного

искусства, была практически проигнорирована антикоммунистически настроенным политическим истеблишментом Хорватии.

Хотя я в качестве эксперта была привлечена к подготовке этой выставки, тем не менее осмелюсь в данных обстоятельствах заявить, что кураторы и команда, готовившие выставку, приложили все усилия, чтобы продемонстрировать наиболее репрезентативные и канонические материалы, относящиеся к социалистической архитектуре, дизайну и урбанистическому планированию, которые укрепляют или по меньшей мере не ведут к пересмотру «большого нарратива» Югославии в годы правления Тито. Насколько позволяли рамки популярного коммерческого музея, организаторы старались избегать тех типов воображения и нарративов, способных питать воображение аудитории, состоящей из представителей виртуальной хипстерской культуры, которые наслаждаются «руинофилией» и эстетикой «брутализма». Более того, делая акцент не на политической и социальной истории, а на шедеврах архитектуры, выставка избежала типичной для Центрально- и Восточно-европейских выставок, посвященных этому периоду, «стратегии баланса», которая требует демонстрации долго скрывааемых «темных сторон социализма».

Несмотря на это, вопрос остается: почему Музей современного искусства решил в данный исторический момент продемонстрировать позитивные стороны наследия социализма? Действительно ли, как предполагали многие, что за этим стояло стремление повысить цену недвижимости и тем

самым способствовать будущим инвестициям в модернистские гостиницы на побережье Адриатики? Или была необходимость освежить тенденцию успешных выставок этого музея, посвященных эпохе после окончания холодной войны, заглядывая на этот раз не *за*, а *между* створок железного занавеса? А может, усердные ученые и эксперты сумели пролить новый свет на Югославию, «доказав», что она не просто достойна изучения, но что современные общества могут «учиться» и «заимствовать» ее опыт для решения современных глобальных экономических и социальных проблем? Вопреки международному признанию «ценности» югославской модернистской архитектуры и урбанистического планирования, а также дискурса югославского культурного пространства и югославских исследований, вопреки доброжелательным откликам по поводу выставки в американских СМИ, в Хорватии продуктивной реакции заинтересованных сторон пока не последовало. Большая часть памятников и мемориальных комплексов, представленных на выставке, до сих пор пребывают в разрушенном виде, и их состояние продолжает ухудшаться, их приватизируют или сдают в аренду в качестве декораций телевизионных сериалов и рекламных роликов. При таких обстоятельствах идущие «снизу» инициативы по восстановлению этих памятников вопреки политическим и коммерческим интересам особенно важны для исследования.

М.П. Как вы оцениваете ревизионистскую политику памяти в Хорватии в свете европейской политики па-

мяти, которая стремится приравнять коммунизм и нацизм с помощью целого ряда официальных деклараций?

С. Х. Важным следствием включения Хорватии в законодательное пространство ЕС стал принятый в 2012 г. «Закон об исследовании, обустройстве и поддержание военных захоронений и захоронений жертв Второй мировой войны и послевоенного периода». На практике он применяется почти исключительно к местам «коммунистических преступлений», к индивидуальным и массовым погребениям хорватских (усташи и домобранцы (Domobrani)⁵) и немецких (вермахт и СС) солдат. СМИ широко освещают акты эксгумации и коммеморации в этих местах, в то время как места военных преступлений, совершенных в годы войны нацистами и их хорватскими коллаборационистами, могилы солдат Народно-освободительной армии, сражавшихся против германских вооруженных сил и коллаборационистов, которые после 1990 г. были разрушены либо осквернены, занимают либо маргинальное положение в информационном пространстве, либо полностью игнорируются. Несмотря на то, что памятники партизанам были воздвигнуты в большом количестве, многие места преступлений нацистов и их союзников не были исследованы должным образом в эпоху социалистической Югославии, их поддержанием сейчас занимаются исключительно представители этнических меньшинств, неправительственные организации и активисты. Так, на месте первого и наиболее жесткого концентраци-

⁵ Хорватское домобранство (1941–1944) — вооруженные силы так называемого Независимого государства Хорватия, марионеточного образования пронацистских коллаборационистов.

онного лагеря на острове Паг (Pag), который предшествовал лагерю в Ясеноваце, развалины и ямы с возможными человеческими останками никогда не исследовались. Памятная доска — единственный знак мемориального характера на этом месте жесточайших насильственных работ, массовых истязаний и убийств — дважды восстанавливалась Сербским национальным советом, но сейчас она вновь разрушена. Не зная о жутком прошлом этого места, туристы развлекаются и загорают на территории мемориала.

Очевидным примером намерения буквально уравнивать жертв войны и послевоенного времени, что равносильно приравниванию участников фашистских и антифашистских военных формирований, а также жертв фашистов с военными и послевоенными жертвами коммунистических репрессий, являются новые практики создания памятников жертвам и их коммеморации. За последние 10 лет дважды (в 2013 и 2019 гг.) проводился конкурс проектов мемориала «Жертвам Второй мировой войны и послевоенного периода». Первый конкурс завершился строительством мемориала на месте, относящемся только к послевоенным репрессиям. Второй конкурс привел к скандалу, когда выяснилось, что победитель скопировал скульптуру, уже установленную в Нью-Йорке. Таким образом, публичный дискурс жертв Второй мировой войне почти полностью ушел в тень послевоенного периода или так называемых «жертв коммунистического террора».

местами контрпамяти, на которых собирались крайне правые. В нынешней Хорватии они стали местами официальной коммеморации. Недавний Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов был с энтузиазмом встречен центристскими и правыми политическими партиями Хорватии, которые либо выражают согласие с антикоммунистической политикой памяти ЕС, либо даже проталкивают крайне правую повестку по реабилитации фашистского режима так называемого Независимого государства Хорватия.

Нынешнее стечение геополитических обстоятельств и идеологическое использование прошлого в бывших социалистических странах накладывают новые политические рамки на интерпретацию и управление мемориальным наследием социалистического периода. Термин «тоталитарный» стал общепринятым для определения и переформатирования материального и нематериального наследия социалистических стран Европы. Проследивая использование этого, возникшего в 1920-х гг. термина на протяжении XX в., с учетом всех изменений значений и интерпретаций, а также скрытых причин его внедрения в различные типы официального дискурса (политического, юридического, социокультурного), мы ясно видим, что использование термина «тоталитарный», в том смысле, в каком он употребляется в документах политики наследия ЕС и в таких программах Совета Европы, как «Культурные корни» (Cultural Routes) и «Европа для граждан» (Europe for Citizens) и т.д., преследует недвусмысленную политическую цель вызвать

Последние не имели официального статуса в социалистической Югославии. Их захоронения выступали

отрицательное отношение к обозначаемому этим термином наследию со стороны его «наследников». Сам термин широко используется с середины девяностых, когда лоббисты из Совета Европы и Европейского парламента «начали использовать тоталитарные интерпретации коммунизма в ходе своих мероприятий, что напрямую формировало политику памяти ЕС» (Neumayer 2018).

Для этого был выпущен ряд документов под наименованиями «демонтаж» и «осуждение» всех тоталитарных режимов. За ними последовали три документа: резолюции Совета Европы (ПАСЕ) № 1096 «О мерах по борьбе с наследием бывших коммунистических тоталитарных режимов» (1996 г.) и № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006 г.); а также резолюция Европейского парламента «О европейском сознании и тоталитаризме» (2009 г.). Среди «мер», предлагаемых первым из этих документов, я обычно отмечаю следующий абзац: «Этот процесс должен включать изменение менталитета (изменение сердец и умов), и главная цель должна состоять в том, чтобы устранить страх перед принятием на себя ответственности, а также устранить неуважение к культурному разнообразию, крайний национализм, нетерпимость, расизм и ксенофобию — которые являются частью наследия старых режимов» (Resolution 1096/1996). В контексте подобных интерпретаций термин «тоталитарный» используется для банализации и *ревизию* политической истории прошлого века, представляемой в виде оппозиции

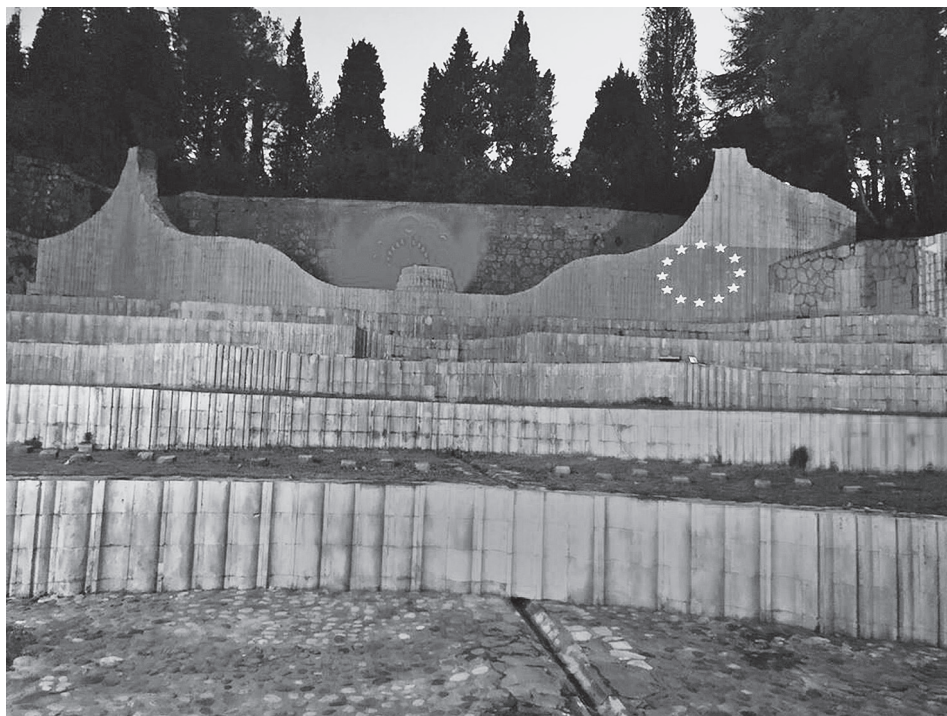
демократических и недемократических режимов. Цель такого упрощения — уравнивать противоположные идеологические системы — фашизм и коммунизм. Политический дискурс, базирующийся на этой бинарной схеме, служит одновременно двум целям: он принципиально игнорирует любую возможную связь доминирующей идеологии — нелиберального капитализма — с фашизмом и ставит вне закона коммунизм и марксизм.

Внедрение «антитоталитарного» дискурса в официальную политику наследия ЕС нацелено на усиление с его помощью идентификации граждан с политической системой ЕС через формирование общего «антинаследия». Я доказываю, что определяемые подобным образом «общие» черты отрицательным образом характеризуют наследия невозможно обнаружить посредством ни формального, ни эстетического, ни функционального методов анализа. Сам термин «тоталитарное наследие» функционирует по преимуществу как пример использования наследия в качестве метакультурной практики. Так, одна из продолжающихся программ Совета Европы «АТРИУМ европейский культурный путь — Архитектура тоталитарных режимов» (ATRIUM European Cultural Route — Architecture of Totalitarian Regimes) использует ненаучную, неустоявшуюся и противоречивую терминологию, способную нанести ущерб переосмыслению и формированию идентичности через приобщение к культурному наследию (heritisation), а также социальному использованию указанного архитектурного и скульптурного наследия.

Такая терминология также провоцирует нарастание культурного и экономического разрыва между Западом и Востоком Европы. Еще одна из финансируемых ЕС программ — проводимый недавно созданным Советом регионального сотрудничества (Regional Cooperation Council) отбор проектов по теме: «Культурный и занимательный туризм: развитие и продвижение» (Culture and Adventure Tourism Development and Promotion), включает подраздел «Балканская монументальная тропа» (Balkan Monumental Trail), который описывается как «новый совместный региональный маршрут, нишевый продукт, сосредоточенный на привлекательности искусства, дизайна, архитектурной ценности и, особенно, на локальном проектировании памятников и сооружений, посвященных Второй мировой войне, которые являются уникальным наследием специфического периода». Прямо отсылая к «привлекательности для международных рынков, <...> нашедшей наилучшее воплощение в выставке “В направлении бетонной утопии” в Музее современного искусства», авторы проекта сообщают, что «цель Балканской монументальной тропы создать маршрут, который позволит показать в выигрышном свете и исследовать часто забытое и маргинализированное наследие абстрактных и модернистских памятников, посвященных Второй мировой войне, в шести экономиках Западных Балкан (кандидатах на вступление в ЕС): Албании, Боснии и Герцеговине, Косово, Черногории, Республике Северная Македония и Сербии». Довольно парадоксальным образом югославские памятники не рассматриваются как

общая принадлежность бывших республик, а распределяются согласно текущим геополитическим отношениям и экономическим интересам. (Фото 6)

Нечего и говорить, что это означает дальнейшее отчуждение югославского мемориального наследия от исходного политического и культурного контекста и идеологическое злоупотребление им в сиюминутных политических целях. Тем не менее общий опыт югославского антифашистского вооруженного сопротивления выработал собственную концепцию «общих мест» югославской памяти, все еще весьма привлекательных для посетителей, в значительной мере «наследников» из всех уголков бывшей страны. Нынешние культурные и коммеморативные практики часто осуществляются вопреки изменившимся политическим обстоятельствам. Они до сих пор формируют общее культурное и языковое пространство, предоставляя, таким образом, сильный аргумент в пользу моделей управления наследием, способных объединять и создавать культурные и мемориальные маршруты, в основе которых лежит либо территория бывшей Югославии, либо, в качестве альтернативы, общий опыт борьбы в годы Второй мировой войны в средиземноморском, европейском и даже глобальном масштабах. Такие модели, очевидно, противостоят или даже подрывают гегемонистскую политическую повестку, будь это неолиберальный/антикоммунистический уровень ЕС, либо националистический уровень местных политических сил в государствах бывшей Югославии. В то же время заметно стремление ориентированного

6. Световое шоу в ходе церемонии открытия реконструированного Партизанского кладбища в Мостаре в 2018. Фото: <http://ba.n1info.com/Foto/a259496/Nocni-sjaj-Partizanskog-groblja.html>

на туризм менеджмента памятников и мемориалов, особенно нацеленного на международную аудиторию, опираться либо на «руинофилию», либо на упомянутую экзотизацию «бывшего Восточного блока».

Хотя концепт «мемориального туризма» получил развитие в Югославии в рамках социалистического самоуправления начиная со второй половины 1960-х, он опирался на тщательно обоснованные демографические и экономические оценки и детальное планирование пространств охраняемых мемориальных зон. Идея внедрения новых режимов охраны мемориалов, природных ландшафтов и материальной объектов истории и культуры,

используемых с развлекательными и образовательными целями, состояла тогда в принесении прибыли жителям самоорганизующихся коммун. Экономическая прибыль местных сообществ была важным результатом, но не ведущим принципом такой модели управления наследием. В изменившихся политических и экономических обстоятельствах отсутствие какого-либо профессионального вовлечения и диалога с местными сообществами, коммерциализация недавнего наследия через брендинг его «трудного» или «темного» прошлого может вести к сценариям, где на «открытом рынке» свободно конкурируют исторические нарративы о фашизме и антифашизме.

М. П. В чем вы усматриваете специфику политики памяти в Хорватии относительно остального (пост) югославского пространства? Играет ли католическая церковь особую роль в формировании основных нарративов памяти?

С. Х. К несчастью, католическая церковь является важным союзником ревизионистской, антикоммунистической политики, но я не думаю, что это исключительное свойство Хорватии, хотя, может быть, здесь оно выражено сильнее, чем в других (пост) югославских государствах. Никто из лидеров церкви не выступал в защиту необходимости коммеморации жертв нацистов и их союзников. Не высказывались они и в пользу восстановления сотен памятников и мест коммеморации мирных жертв Второй мировой войны, а также кладбищ и мест захоронения партизан, даже если они были этническими хорватами. В то же время деятели церкви играют видную роль в организации коммемораций на местах погребения так называемых «жертв коммунистического террора», под которыми подразумеваются «хорватские солдаты», а на самом деле усташы и военнослужащие СС. Почитание их памяти придает им статус мучеников и приводит к нормализации фашистского режима. Богатая католическая церковь получает наибольшее в Европе государственное финансирование и, опираясь на могущественную и широкую инфраструктуру пропаганды, выступает главным созидателем и распространителем официального нарратива памяти в Хорватии. Представители церкви редко или никогда не используют возможности, чтобы осудить шовинистические выступле-

ния крайне правых. Напротив, церковь предоставляет существенную поддержку самым известным «отрицателям» реальной истории, давая им возможность выступлений в своих медиа. Надо уточнить, что то же самое происходит и в СМИ, и в таких государственных институтах, как архивы и библиотеки.

М. П. Существуют ли в хорватских СМИ, политических элитах и академических сообществах различные интерпретации Второй мировой войны, или антиревизионистский дискурс является маргинальным? Что бы вы могли бы сказать об академическом сообществе, которое в свете нынешнего бурного роста югославских исследований является главным «возмутителем спокойствия», «подрывающим» официальные диалоги памяти в Хорватии?

С. Х. Когда в начале 2010-х я начала свои исследования, лишь несколько ученых, преимущественно социологов, философов и историков, затрагивали проблему югославских памятников. Практически не было историков искусства, которые бы специально занимались этой темой. При этом коммеморативные скульптуры и архитектура выступали прекрасным объектом специфического, обычно маргинального и проблематичного, сегмента индивидуального художественного творчества и были признаны в качестве важной, но недостаточно изученной части социалистической культурной продукции. Я рада, что десять лет спустя подобные исследования осуществляются в изобилии в рамках самых различных дисциплин и вне их, во многих случаях силами ученых,

не занимающих привилегированных позиций в академических структурах. Парадоксальным образом эта тема, благодаря обсуждавшемуся выше «западному взгляду», стала приемлемой в академии, хотя обычно игнорируется в рамках обязательных учебных курсов истории искусства. В данном случае «западный взгляд» пришелся весьма кстати, т.к. стал инструментом «легитимации», позволяющим молодым исследователям изучать данный востребованный и имеющий большое общественное значение вопрос, который отвергается или порождает недовольство во многих местных академических контекстах. В то же время многочисленные зарубежные исследователи успешно утверждают югославские исследования как отдельную дисциплину, имеющую международное значение. Хотя подобные исследования ставят под вопрос, бросают вызов и прямо противостоят и критикуют господствующую политическую риторику, включая политику памяти, я бы не назвала их «подрывными», поскольку в большинстве случаев ученые неспособны или не желают вторгаться в сферу политики. К тому же возможность безоглядно высказываться в ходе академической, культурной и художественной работы ограничивается методологически и структурно требованиями в высшей мере конкурентного академического и культурного рынков. «Подрывной» эффект в академическом пространстве я усматриваю в том, чтобы бросить вызов и разрушить эти ограничения, чтобы ученые не боялись активно вступать в социальную и политическую борьбу, в том числе и за свои трудовые права. К «подрывным» я отношу ученых, которые

борются за равенство и разнообразие в рамках академии, за бесплатное образование, гендерное равенство, против того, чтобы академия была местом классовых привилегий и институтом по производству культурной гегемонии.

М. П. Вы в том числе исследуете югославские памятники людям труда. Не припомню, чтобы кроме вас кто-то обращался к этой теме. Какое место эти памятники занимали в официальной государственной политике социалистической Югославии и занимают в нынешних битвах памяти?

С. Х. Эта тема позволяет с точностью установить, чье наследие признается и одобряется, и каким образом происходит его оценивание и пересмотр при различных политических системах. В социалистический период открыто утверждались и разными путями продвигались нарративы об освободительной борьбе рабочего класса. Во многих случаях трудовые коллективы активно включались в процессы принятия решений и многие памятники, воздвигнутые по соседству с заводами, являлись символическими местами, которые порождали чувство единства в рамках политического сообщества, объединенного вокруг позитивной традиции общей борьбы в прошлом. В Хорватии такие мемориалы почти полностью либо перемещены, либо разрушены в ходе приватизации и физического вытеснения заводов за пределы городской черты. Сегодня «красная нить» памяти рабочего класса практически «отрезана», в связи с разрушением классового сознания. Даже протосоциалисти-

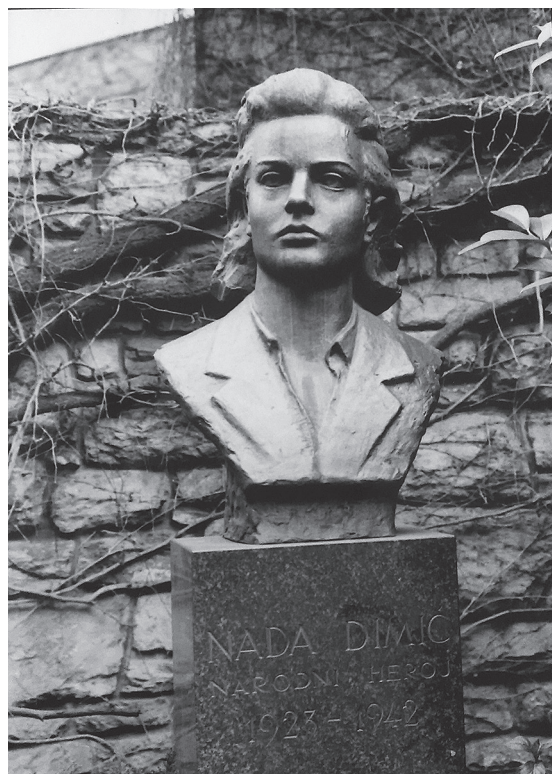
ческие нарративы, вроде крестьянского восстания 1573 г. в Северной Хорватии и Словении, которые из-за популярности стереть было невозможно, были переосмыслены. Вождь этого восстания Матия Губец (Matija Gubec), выступавший прежде героическим лидером классовой борьбы, сегодня уже не символ угнетенного крестьянства, восставшего против феодальной эксплуатации. Его коммеморация постепенно была трансформирована в романтический, деполитизированный туристический фестиваль в средневековом стиле. В Хорватии Губец представляется сегодня национальным символом хорватского крестьянства, а в Словении — словенского.

Я бы хотела отметить гендерный аспект социальной памяти рабочего класса. С начала 1990-х мы были свидетелями систематического удаления мужских и женских бюстов в рамках политического проекта идеологических «чисток». В связи с тем, что число женских бюстов уступало в численности мужским, женщины и женская история стали наиболее пострадавшими «жертвами» ревизии публичного пространства. В Загребе были разрушены либо перемещены более половины из 432 мемориальных объектов (памятников, мемориальных досок и бюстов). Кроме того, были переименованы 125 общественных учреждений (87,57%) и 238 улиц, скверов и других публичных мест (70,62%), которые служили символическими носителями публичной памяти социалистического режима (*Šimunković, Delač* 2013). Сегодня в Загребе сохранились лишь семь памятников женщинам, что является

одним из многих симптомов возвращения к патриархальному традиционализму в публичной и частной сферах. Этот процесс идет рука об руку с реставрацией капитализма и поруганием социалистического режима.

Текстильные фабрики, такие как «Нада Димич» (Nada Dimić) в Загребе и «Неда Книфич» (Neda Knifić) в городе Сень (Senj), часто носили имена женщин-партизанок и героинь рабочего класса. Памятники им, обычно портретные бюсты, как правило, ставились перед входом в фабричные комплексы. Сегодня осталось лишь фото от впечатляющего памятника в форме промышленной швейной иглы, что стояла у входа в текстильную фабрику «Победа» (Pobjeda) в Загребе. На постаменте памятника была помещена мемориальная доска с именами работников фабрики — антифашистов и жертв фашизма, погибших в годы Второй мировой войны. Фабрика и место, где был расположен памятник, сегодня ожидают нового этапа благоустройства этого района Загреба. Кроме фото, архивов или редких материальных следов подобных объектов, сохраняется память тех, кто здесь работал, а также членов их семей, унаследовавших маргинализированные и замалчиваемые повествования. В них сохраняется потенциал для развития подхода «наследие снизу». (*Фото 7. a,b,c,d*)

М. П. Как вы оцениваете тот факт, что этнические меньшинства Хорватии, именно сербская община, развивают собственные стратегии контрпамяти, отвечающие их нынешнему положению меньшинства и по-своему читающие прошлое?

7. а, b, с, d. В Загребе с начала 1990-х разрушены либо удалены из публичного пространства более 55% памятников и мемориалов, посвященных Второй мировой войне. В их числе скульптурные бюсты героям антифашистского сопротивления, списки имен рабочих, погибших в концентрационных лагерях или же на поле боя в составе партизанских отрядов, мемориальные доски внутри публичных зданий, установленные в честь бывших сотрудников, учащихся и пр. Фото: Альянс антифашистских бойцов и антифашистов Хорватии (Alliance of Anti-Fascist Fighters and Anti-Fascists of Croatia)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

U POVODU ŠEZDESETGODIŠNJICE
OSNUTKA I RADA PRVE DRŽAVNE ŽEN-
SKE SREDNJE ŠKOLE U HRVATSKOJ
PODIŽEMO OVU SPOMEN PLOČU
MARIJI JAMBRIŠAK, KOJA JE
ZASLUŽNA ZA OSNIVANJE OVE
ŠKOLE. ŽRTVAMA USTAŠKOG TERORA
PROFESORICAMA I UČENICAMA
OVE ŠKOLE: JOVANKI POPOVIĆ,
PROFESOR, IVANI HIRŠMAN, PROFE-
SOR, OLGI MILČINOVIĆ-CLEMENT
RAJKI BAKOVIĆ RAJNI KRAVAR
OVO NEKA BUDE NJIMA PRIZNANJE, A
DANAŠNJIM I BUDUĆIM GENERACIJAMA
PRIMJEĀ SAMOPRIJECORA I ŽRTVE
ZA SLOBODU I NAPREDAK ČOVJE-
ČANSTVA.

ZAGREB, AUGUSTA 1953.

NASTAVNIČKI ZBOR,
VI. GIMNAZIJE (ŽENSKE)

NA SPOMEN HILJADAMA RO-
DOLJUBA, KOJI SU U OVOJ
ZGRADI BILI MUČENI OD KRV-
NIKA GESTAPOA I USTAŠKE PO-
LICIJE PODIŽE OVU SPOMEN-
PLOČU NA DAN BORCA 4. VII. 1956. G.

ORGANIZACIJA SAVEZA BORACA
" TRGA ŽRTAVA FAŠIZMA "

С. Х. Это одна из сфер, где меньшинства используют свои конституционные права чрезвычайно продуктивным способом. Мы даже можем сказать, что они заполняют бреши в Конституции, о которых я говорила выше, а именно отсутствие признания и охраны антифашистского наследия со стороны государственных органов. Если мы взглянем на инициативы, осуществленные на институциональном уровне, то увидим, что большинство из них были воплощены силами культурных организаций этнических меньшинств или неправительственными организациями, прежде всего ветеранов партизанского движения, а также группами и индивидуальными активистами. Имеются в виду, прежде всего, инициативы по обновлению памятников или разрешению новых общественных и художественных высказываний по вопросам памяти с помощью современных инструментов.

Постоянно раздаются жалобы экспертов и особенно историков искусства по поводу того, что в эстетическом смысле памятники, построенные в последние десятилетия, сильно деградировали. При этом интерес современных художников к различным аспектам культурной памяти достаточно высок. Работы таких международно признанных хорватских мастеров, как Саня Ивекович (Sanja Iveković), Игорь Грубич (Igor Grubić), Синиша Лабрович (Siniša Labrović), Фокус Группа (Fokus Grupa), Кристина Лeko (Kristina Leko), и это лишь самые громкие имена, постоянно обращаются к этой теме. Не желая или не будучи способными (если мы посмотрим, что предлагает власть в мемориальной сфере

и какие задачи ставит перед художниками) вносить вклад и оказывать поддержку официальной политике памяти, они создают достойные работы, которые можно рассматривать, согласно вашему определению, в качестве контрмемориалов. Более того, я думаю, что в будущем именно их работы будут считаться главными памятниками, рассказывающими о нашем времени. Среди их акций: демонстративное восстановление поврежденного памятника партизанам в городе Синь (Sinj), осуществленное Лабрович, или перформанс Грубича, повязавшего бюсты партизан-героев красными банданами. Неспособность или нежелание представителей культурного мейнстрима признать эти работы в качестве современных памятников, прежде всего, говорит об их ограниченном или пристрастном понимании современного искусства и художественной активности. Это еще один случай, когда мы ясно видим, что создание памятников и культурной продукции никогда не бывает «политически невинным автономным художественным высказыванием». Вовлеченность в мемориальные практики требует политической грамотности и бдительности, и она в огромной мере сопряжена с этической ответственностью художников, архитекторов и всех остальных, причастных к процессу культурной работы.

М. П. В связи с тем, что это интервью будет опубликовано в русском журнале, уместно спросить, каковы сегодня публичные дискурсы в отношении Российской Федерации, а также СССР? Существуют ли в хорватской памяти заметные русские фигуры, кроме Сталина?

С. Х. В связи со специфической историей политических отношений между Югославией и СССР, а также с тем, что в Хорватии захоронения бойцов Красной армии не так масштабны, как, скажем, в Сербии, центральным местом хорватско-русской памяти является мемориал Батинской битве⁶, воздвигнутый на берегу Дуная на границе с Сербией. Несколько меньших по размеру монументов советским солдатам воздвигнуты в Славонии и большинство из них находится под опекой Российской Федерации. Хотя памятник в Батине — главный мемориальный проект скульптора Антуна Августинчича (Antun Augustinčić) и скульптора Драга Галича (Drago Galić) — был открыт без особой помпы как раз перед Делом Информбюро (1948), тем не менее он сохранил свой «иконический» статус в пантеоне югославских памятников. Сохранилась ценная кинохроника усилий по строительству этого памятника в пропагандистском фильме 1947–1948 гг.⁷, где задокументированы все стадии строительства памятника, задуманного в качестве дара Югославии Советскому Союзу в честь 1297 солдат Красной армии, погибших в этой битве, и в ознаменование совместной борьбы советских и югославских партизан. По причине внезапных политических перемен в советско-югославских отношениях фильм никогда не демонстрировался публично. К сожалению, если

бы Российская Федерация не приняла бы мер по восстановлению мемориала в Батине, парадоксальным образом — это редчайший случай полной реставрации памятника, посвященного Второй мировой войне, я сомневаюсь, что этот памятник был бы когда-то восстановлен и сохранен.

Насколько я знаю, памятники Сталину, как и Ленину, Марксу и Энгельсу, до 1948 г. поставить не успели, хотя было несколько замыслов и проводились публичные федеральные конкурсы масштабных монументов. Одним из предложений на конкурсе 1968 г. проектов памятника Ленину, который должен был стоять перед зданием Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, был вдохновленный русским конструктивизмом проект загребских архитектора Андрие Мутняковича (Andrija Mutnjaković) и художника Александара Срнеца (Aleksandar Srnec), представлявший вертикальную движущуюся скульптуру. Этот проект вместе с другими был признан неудовлетворительным, и памятник так и не был воздвигнут. Насколько я знаю, единственный ростовой памятник Ленину в Хорватии стоял в эпоху социализма в жилом квартале работников металлургического комбината в городе Сисаке (Sisak), но исчез в 1990-е. То же самое произошло с бюстами Ленина,

⁶ Батинская битва (Batinska bitka), или Батинская операция (11–29 ноября 1944 г.) развернулась возле хорватского села Батина в области Баранья (Baranja) на правом берегу Дуная. Красная армия вместе с Народно-освободительной армией Югославии атаковали силы вермахта и союзников нацистов. По ряду оценок — это было самое крупное сражение Второй мировой войны на территории Югославии. В результате битвы сложились благоприятные перспективы для развертывания советского наступления на Вену и Будапешт, в то время как положение германских войск на Сремском фронте (Sremski front), проходившем на участке Среднедунайской низменности между реками Дунай и Сава, было существенно ослаблено.

⁷ Памятник благодарности Красной армии (Spomenik zahvalnosti Crvenoj armiji), автор сценария и режиссер Милан Катич (Milan Katić), Ядран фильм (Jadran film), 1948.

Памятник Батинской битве. Фото: URL: www.gov.kz/memleket/entities/mfa-zagreb/press/news/details/v-horvatii-pochtili-pamyat-voinov-pavshih-v-boyah-s-fashizmom?lang=ru

которые стояли в некоторых публичных зданиях. Приверженность своим местным героям и тот факт, что основатели коммунистического движения не были заметной частью монументальной пропаганды — это

югославская специфика, которую сейчас часто оценивают как «политическое преимущество» нашей страны. Это небесспорное заявление основано на ревизионистской и романтической идее, которая не принимает

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

во внимание прагматические политические причины и долгосрочные последствия геополитического позиционирования социалистической Югославии в направлении капиталистического Запада.

ЛИТЕРАТУРА

Banjeglav 2012 — Banjeglav Tamara in Darko Karačić, Tamara Banjeglav, Nataša Govedarica (eds.). *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije — Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012.

Calic 2013 — Čalić Marie-Janine. *Istorija Jugoslavije u 20. veku*. Belgrade: Clio, 2013.

Djureinović 2018 — Djureinović Jelena. *Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia* // *Review of Central and East European Law*. 2018. 43 (2). P. 232–251.

Djurašković 2016 — Djurašković Stevo. *National identity building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass* // *Nationalities Papers*. 2016. 44 (5). P. 772–788.

Herscher 2011 — Herscher Andrew. *Points of No Return: Cultural Heritage and Counter-Memory in Post-Yugoslavia* // Erica Lehrer, Cynthia E. Milton and Monica Eileen Patterson (eds.) *Curating Difficult Knowledge, Violent Pasts in Public Places*. London: Palgrave Macmillan, 2011.

Hrženjak 2002 — Hrženjak Juraj (ed.). *Rušenje antifašističkih spomenika u Hrvatskoj*

1990-2000. Zagreb: Savez antifašističkih boraca Hrvatske, 2002.

Jović 2017 — Jović Dejan. *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj*. Zaprešić: Fraktura, 2017.

Milekić 2020 — Milekić Sven. *Of Course We Don't Deny the Holocaust: Holocaust Distortion in Contemporary Croatia* // *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*. New York: Yeshiva University, 2020.

Neumayer 2018 — Neumayer Laure. *The Criminalisation of Communism in the European Political Space after the Cold War*. London: Routledge, 2018.

Narodne novine — *Constitution of the Republic of Croatia*. *Narodne novine* 56/90, 135/97, 8/98, 113/00, 124/00, 28/01, 41/01 i 55/01.

Pavlaković 2016 — Pavlaković Vjeran and Goran Korov (eds.). *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope*. Zagreb: Srednja Europa 2016..

Resolution 1096/1996 — Council of Europe Parliamentary Assembly. *Resolution 1096 (1996): Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems*, URL: assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16507 (last accessed June 25th 2020).

Šimunković, Delač 2013 — Šimunković Mario, Domagoj Delač. *Sjećanje je borba: spomen obilježja Narodnooslobodilačke borbe i revolucionarnog pokreta na području grada Zagreba*. Zagreb: Savez antifašističkih boraca i antifašista Republike Hrvatske, 2013.

Štiks, Horvat 2015 — Štiks Igor, Srećko Horvat. *Welcome to the Desert of Post-Socialism: Radical Politics After Yugoslavia*. London: Verso, 2015.

"THE STORY OF YUGOSLAVIA IS USED AS A LESSON ON THE ACCEPTABLE VERSION OF SOCIALISM WITHOUT ITS 'NEGATIVE SIDES'".

Interview with Sanja Horvatinčić

Horvatinčić Sanja — Dr., postdoctoral researcher, Institute of Art History, Zagreb (Croatia)

Key words: memory politics; monuments; heritage studies; (post)Yugoslav space.

Abstract. As the Republic of Croatia is considered today to be the stronghold of anti-Yugoslav sentiments among (post)Yugoslav states, we look into the complexities and nuances of memory politics in this newest EU member state. Mainstream narratives are embedded in the national reconciliation policies and anti-communism emanating from Franjo Tuđman's politics in the 1990s and the Homeland war. Through historical revisionism of World War Two and the role of Ustasha movement, they profoundly influence Croatian approaches to socialist heritage. Dr Sanja Horvatinčić further elucidates the key mnemonic actors in Croatia and how the destruction and the dereliction of the monuments from the socialist Yugoslavia have been an important element in Croatian nation-building, encouraged by "anti-totalitarian" European memory activism.

4. РЕСПУБЛИКА БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА — ГОРОД МОСТАР.

«ПРАКТИКИ “ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦ” И ПРОЯВЛЕНИЯ СОЛИДАРНОСТИ СУЩЕСТВОВАЛИ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ».

Интервью с М. Палмбергер

Ключевые слова: политика памяти, поколения, «югоностальгия», разделенные города, этническое разделение.

Аннотация. Поскольку Босния и Герцеговина остается страной, разделенной по этнонациональному признаку между тремя народами — босняками¹, хорватами и сербами, политика памяти «сверху» содействует этому разделению. Доктор Моника Палмбергер рассматривает все еще разделенный город Мостар как пример дискурсивных тактик, которые противостоят господствующим нарративам памяти. Для этого она использует поколенческий подход и уделяет особое внимание памяти поколения «последних югославов», подчеркивая тем самым важную роль исследований, нацеленных на выявление объединительного потенциала позитивной памяти о довоенном периоде.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-125-135

Не многие государства разделены в той же степени, что Босния и Герцеговина — страна разобщенных людей и разделенных городов. В 1991 г. в процессе изменений всего югославского общества были приняты поправки Конституции, согласно которым эта югославская республика объявлялась плюралистической демократией с рыночной экономикой. 20 декабря того же года Босния

и Герцеговина объявила о независимости от социалистической Югославии. В 1992 г. она была признана мировым сообществом в качестве суверенного государства. В этом же году началась война, длившаяся три года. Дейтонское мирное соглашение, подписанное в Париже 14 декабря 1995 г., положило конец войне и установило новые конституционные рамки. Сегодня Босния и Герцеговина

© Историческая Экспертиза, 2020

Палмбергер Моника — стипендиат программы Элизе Рихтер, Департамент социальной и культурной антропологии Венского университета (Австрия)

¹ Босняки — этническая группа, боснийцы — граждане Боснии и Герцеговины.

состоит из двух основных образований — Республики Сербской, с преимущественно сербским населением, и Федерации Боснии и Герцеговины, разделенной на десять кантонов, где босняки и хорваты составляют большинство. Кроме того, существует независимый округ Брчко, находящийся под международным управлением. Сложное устройство боснийской государственности, до сих пор находящейся в зависимости от внешних сил, воспринимается как серьезное, порой даже непреодолимое препятствие для развития страны.

Три государствообразующих народа — босняки, хорваты и сербы — представлены тремя господствующими партиями, образованными по этническому признаку. Вопреки решению Европейского суда по правам человека относительно дела Сейдич — Финци (Sejdić — Finić)², все остальные этнические общины в стране подвергаются дискриминации в качестве «Других». Политические партии за редкими исключениями представляют «главные этнические группы, подчеркивая свою ответственность только перед членами своего этноса, а не перед всеми гражданами страны» (Kapidžić 2020: 82). Такая политическая среда, в которой преобладают националистические дискурсы, создала партийные подсистемы, выстроенные по этническому принципу. Поэтому голосование за представителей другого этноса (cross-ethnic voting) не-

возможно даже вообразить (Kapidžić 2017). В ситуации, когда 60% молодых людей остаются безработными (Turčilo et al. 2019: 11), этническое разделение общественного организма и этнически ориентированная партийная политика «просачиваются» в политику памяти.

По справедливому утверждению Никласа Молла (Nicolas Moll), ландшафт памяти Боснии и Герцеговины характеризуется «фрагментацией, сосуществованием и соревнованием различных нарративов и политик памяти» (Moll 2013: 911). Каждый из трех государствообразующих народов создает свою политику памяти, вне зависимости от того, о каких исторических событиях идет речь: о средневековой Боснии либо о войне 1990-х. Повествование о государственном континуитете ведется с разных «укрепленных позиций» (anchoring points), антифашистская традиция Второй мировой войны «этнизирется» и присваивается, общегосударственный нарратив отсутствует.

Город Мостар является центром одного из десяти кантонов Федерации Боснии и Герцеговины. Он считался одним из наиболее полиэтничных городов социалистической Югославии. После войны город остается строго разделенным по этническим линиям. Граница между общинами босняков и хорватов проходит по реке Неретве, ставшей границей

² Дерво Сейдичу и Якобу Финци, имеющим, соответственно, цыганское и еврейское происхождение, было запрещено участвовать в президентских выборах, поскольку они не идентифицировали себя ни с одной из «общин». Accessed 13 May 2020. См.: Sejdić and Finić — After 10 years of absence of progress, new hopes for a solution for the 2022 elections // Council of Europe. 22.12.2019. URL: www.coe.int/en/web/execution/-/sejdic-and-finci-after10-years-of-absence-of-progress-new-hopes-for-a-solution-for-the-2022-elections.

между двумя господствующими политиками памяти. Этнонационалистические нарративы памяти носят конфликтный и антиюгославский характер. Последний инцидент — разрушение надгробных памятников Мемориального кладбища партизанам — произошел в Мостаре в апреле 2020 г. Даже режим изоляции, установленный в связи эпидемией Ковид-19, не остановил войны памяти³. Фашистские граффити и разрушение памятников событиям Второй мировой войны — не редкость для постсоциалистического времени и пространства. При этом идет процесс реабилитации так называемого Независимого хорватского государства, улицы в западной (хорватской) части Мостара переименовываются в честь лидеров режима усташей⁴ (Ibid.: 920).

Попытка создать универсальный символ, а именно установка в 2005 г. памятника Брюсу Ли, указывающему рукой на линию, разделяющую город, не увенчалась успехом. Монумент был вскоре разрушен и с тех пор не восстановлен (Ibid.: 925). Тем не менее остается надежда, что, вопреки разделяющим нарративам, совместными усилиями удастся создать мнемоническую солидарность.

В данном интервью доктор Моника Палмбергер представляет свой взгляд на происхождение и смысл вышеобозначенных проблем, прежде всего, применительно к Мостару.

Палмбергер получила степень доктора Оксфордского университета за работу, основанную на долгосрочных полевых исследованиях памяти и поколенческой проблематики не только в послевоенном Мостаре, но и в Боснии и Герцеговине в целом. В настоящее время она является стипендиатом фонда Элизы Рихтер в Венском университете и научным сотрудником в Центре исследований межкультурных связей, миграций и меньшинств в университете Лёвена (Бельгия). Она является главным исследователем (principal investigator) в «Многофункциональном центре заботы и обучения мигрантов информационным и коммуникационным технологиям (REFUGEEICT — Multi-local Care and the Use of Information and Communication Technologies Among Refugees), проекте, поддержанном Австрийским научным фондом (FWF). Ранее доктор Палмбергер была стипендиатом фонда Герты Фирнберг (Hertha Firnberg Fellow) и главным исследователем проекта «Расставляя памяти по местам: пожилые трудовые мигранты в Вене» (Placing Memories: Ageing Labour Migrants in Vienna), также поддержанном Австрийским научным фондом; научным исследователем Института по изучению религиозного и этнического разнообразия в Гёттингене при Обществе Макса Планка; а также приглашенным профессором в Центре исследований межкультурных связей, миграций и меньшинств в университете Лёвена.

³ Partizansko groblje u Mostaru ponovo meta vandala // BHRT. 10.04.2020. URL: bhrt.ba/1128974/partizansko-groblje-u-mostaru-ponovo-meta-vandala/ Accessed 13.05.2020.

⁴ Хорватское фашистское движение, основанное в 1929 г. Анте Павеличем при поддержке итальянских фашистов. Во время Второй мировой войны усташа создали так называемое Независимое хорватское государство, находившееся в полной зависимости от нацистов.

Исследования Палмбергер опубликованы во многих международных рецензируемых журналах: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, *International Journal of Comparative Sociology*, *Space and Polity*, *Identities and Focaal*. Кроме того, она является автором и соредактором следующих книг: *How Generations Remember: Conflicting Histories and Shared*

Memories in Post-War Bosnia and Herzegovina (Palgrave Macmillan, 2016); *Memories on the Move: Experiencing Mobility, Rethinking the Past* (Palgrave Macmillan, 2016, with Jelena Tasic); *Care Across Distance: Ethnographic Explorations of Aging and Migration* (Berghahn, 2018, with Azra Hromadzic).

Вопросы и введение Милицы Попович. Париж — Вена, 01.08.2020.

М.П. В вашей книге «*How Generations Remember: Conflicting Histories and Shared Memories in Post-War Bosnia and Herzegovina*» («Как поколения помнят: Конфликтующие истории и общие памяти в послевоенной Боснии и Герцеговине»), вышедшей в издательстве Палгрэйв Макмиллан в 2016 г., вы используете поколенческий подход к обсуждению стратегий и тактик памяти, которые вы понимаете в духе Мишеля де Серто как индивидуальные усилия жителей разделенного города Мостар придать смысл своим идентификациям и повествованиям. В своей работе вы доказываете, что память невозможно свести к процессам, идущим сверху вниз. Как бы вы описали нарративы индивидуальной и коллективной памяти в сегодняшней Боснии и Герцеговине? Как они взаимодействуют, и каков вклад индивидов в «тканье» публичных нарративов памяти? Конфликтуют ли личные памяти о социалистической Югославии с государственной политикой памяти?

Мон.П. Большинство научных и медиа-дискуссий по поводу памяти

в государствах-наследниках Югославии сосредоточены на том, что мы называем «публичной памятью», которая активно пропагандируется в том числе политиками, журналистами и историками. Поэтому многообразие индивидуальных позиций по отношению к прошлому исследовано в незначительной мере. Этот односторонний взгляд рисует картину политики памяти как процесс, идущий сверху вниз. В процессе полевых исследований в Мостаре я заметила, что люди не просто противостоят изменениям политического контекста и политики памяти, но они таким образом стремятся согласовать их со своим личным опытом прошлого. Поэтому их реконструкции прошлого более изменчивы, чем созданные профессионалами, пишущими официальную национальную историю. Для того чтобы «уловить» эти нюансы, я применила к своей работе различия между стратегией и тактикой, предложенные Мишелем де Серто (*de Certeau* 1984). Я показываю, какие дискурсивные стратегии применяются теми, кто объявляет себя представителями нации, чтобы проповедывать «правильную» (легитимную) версию национальной исто-

рии. Дискурсивные тактики используются индивидами, чтобы создать собственное пространство в поле власти. В конечном счете индивидуальные памяти должны оставаться более гибкими, чем публичные нарративы прошлого. Тогда как последние являются стратегическими, то первые могут быть описаны как ориентированные на конкретные задачи (target-seeking). Это прекрасно видно в случае памяти о социалистической Югославии. Персональные памяти намного более двусмысленны и порой конфликтуют с публичными нарративами социалистической Югославии. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, да — персональные памяти о социалистической Югославии временами конфликтуют с государственной политикой памяти. Это особенно справедливо для поколения, которое я именую «последние югославы».

В ходе полевых исследований в Мостаре (2005–2008) я поняла, что «последние югославы» — это поколение, которое обнаруживает, что находится в промежуточном положении между старыми и новыми политическими воззрениями, и которое весьма своеобразно действует, когда сталкивается с противоречиями по поводу собственного прошлого и прошлого родных городов. Так, война 1992–1995 гг. всеми моими респондентами воспринималась как биографический разрыв, но данное поколение ощущало этот разрыв в гораздо большей мере (*Palmberger* 2013b). Сравнивая «первых югославов», переживших Вторую мировую войну и трудности послевоенного периода, и «постъюгославов», которые были детьми во время войн 1990-х

и не обладали личным опытом жизни в Югославии, с «последними югославами», необходимо сказать, что это поколение выросло в сравнительно стабильных условиях. Когда началась война, «последние югославы» либо уже обладали собственным жильем и делали карьеры, либо были на пороге этого. Реальные жизненные ситуации, в которых представители этого поколения находились к началу войны, играют ключевую роль в понимании их дискурсивных тактик. Война и кардинальные социальные преобразования сыграли решающую роль в биографиях представителей всех поколений, но «последние югославы» рассматривали эти события как глубочайший перелом их жизнью.

Тактики этого поколения переключаются между двумя дискурсами: первый — яркие позитивные воспоминания о жизни в Югославии, второй — защита того пути «развития нации», который привел к разделению Мостара. Разрыв, причиненный войной и концом социалистической Югославии, не только разделил жизни «последних югославов» на до и после войны, но и проник в совокупность их нарративов, спецификой которых является недостаток убежденности (*lack of conclusiveness*).

Интересный вопрос: как интегрировать хорошие памяти о (довоенном) прошлом с памятьми о конфликтах и войне? Это тот вопрос, с которым наверняка сталкиваются все люди, живущие в Боснии и Герцеговине. Иногда они приходят к выводу, что не могут доверять собственной памяти об югославском прошлом. Таков случай молодой женщины

из Мостара, которая недвусмысленно охарактеризовала себя как хорватку, изучавшую хорватский язык в университете, расположенном в хорватской части города. Ее детство пришлось на последние годы Югославии. Этот период жизни она вспоминала с заметной ностальгией. В центре ее памяти были многоквартирный дом, где она выросла, и добрососедские отношения жильцов (*komšiluk*). Соседи различного этнического происхождения жили дружно, ходили друг к другу в гости, а их дети играли вместе. Эти воспоминания были не только дороги ей, но и представляли вызов. Время от времени она переставала доверять собственной памяти и начинала думать, что взрослые только притворялись друзьями и лишь дети дружили искренне, поскольку не знали о своих этнических различиях.

Публичное выражение ностальгических чувств по поводу Югославии можно также увидеть в дискуссиях по переименованию улиц. Так, жители Сараево активно протестовали против переименования улицы Маршала Тито в честь первого президента Боснии и Герцеговины Алии Изитбеговича. Это один из случаев, когда решение культурных, академических и политических элит относительно того, что надо вспоминать публично, а по поводу чего следует хранить молчание, не нашло отклика у значительной части жителей Сараево (*Palmberger 2018*).

М. П. Каким образом, если перейти на локальный уровень, различные нарративы памяти взаимодействуют в разделенных городах? Вы исследовали практики по созданию

городских «мест памяти». Как вы считаете, они усиливают или ослабляют разделение городов по этническому принципу?

Мон.П. Для ответа мне необходимо вернуться к молодой хорватке, о которой я уже говорила. Она и другая молодая женщина, которая определяла себя в качестве боснячки, часто навещали меня. Однажды, когда мы вдвоем встретились у меня дома, боснячка соблюдала пост, т.к. было время Рамадана. Хорватка не знала об этом и спросила вторую мою гостью, почему она не хочет отведать с нами кофе с тортом. Когда она узнала причину, наступила неловкая тишина. Потом они прервали молчание и начали делиться детскими воспоминаниями об Югославии, о том, какие сладости им тогда нравились и с каким восторгом они вступали в ряды юных пионеров Тито. Это был не единственный случай из моего опыта, когда общая память об Югославии помогала преодолеть нынешние этнонациональные расхождения (*Palmberger 2008*).

Надо сказать, что в городе существует всего несколько мест, где босняки и хорваты могут встречаться, и еще меньше, где они могут обмениваться различными точками зрения по поводу опыта прошлого. Босняки и хорваты обучаются отдельно по различным школьным и университетским программам. Им предлагаются противостоящие нарративы истории их родных мест, особенно повествования о Второй мировой войне, об Югославии эпохи Тито и о войне 1990-х. Существуют инициативы по созданию учебников, представляющих разные точки зрения.

Есть несколько публичных мест, которые позиционируются как места для встреч всех горожан Мостара, но это большая редкость.

Тем не менее не стоит недооценивать силу позитивных памятей о довоенном периоде. Мои работы демонстрируют, что позитивные памяти о довоенных межэтнических отношениях обладают мощным интеграционным потенциалом. Я имею в виду не только физическое пересечение границ, но и более метафорические значения, например вопрошание по поводу «примата» национальной идентификации. Подобные акты пересечения границ в столь значительной мере опираются на позитивные памяти о довоенных межэтнических отношениях, что в послевоенные годы их постоянно воскрешают, с целью восстановить эти отношения. Моя работа содержит предложения по усилению интегративного потенциала таких памятей. Для этого требуется уделять им большее внимание, рассматривая их не только как правдивую и ценную интерпретацию прошлого, но и как часть местного наследия, обладающую объединительным потенциалом (PalMBERGER 2013a).

М.П. Как различаются реакции основных религиозно-этнических общин Боснии и Герцеговины на события Второй мировой войны и создание социалистической Югославии?

Мон.П. Господствующий дискурс босняков — представление себя в качестве жертв — прежде всего связан с событиями 1992–1995 гг., а потом уже с периодом Второй мировой

войны. Господствующий дискурс хорватов сосредоточен в первую очередь на памяти о титовском периоде подавления как хорватской нации, так и католической религии, а также на памяти о многовековой борьбе хорватов за национальное освобождение. На мой взгляд, боснийский и хорватский дискурсы концентрируются на разных исторических периодах.

В господствующем боснийском дискурсе война 1990-х представлена исключительно как время страданий мирных жертв. В этом нарративе хорваты и сербы воспринимаются как угроза боснийской нации, т.к. два этих народа отрицают право босняков на государственную независимость. Себя же босняки изображают как нацию, которая уважает права других народов. Необходимо отметить, что Вторая мировая война рассматривается, в том числе и в школьных учебниках, в «связке» с недавней войной. Авторы учебников внушают, что война 1990-х может быть объяснена и, может быть, даже была предвосхищена событиями прошлого, а именно длящейся десятилетиями, если не столетиями, враждебностью хорватов и сербов по отношению к боснякам.

В господствующем хорватском нарративе социалистическая Югославия представлена как темное прошлое, которое было необходимо преодолеть в целях национального освобождения. Эпоха Тито выступает как время подавления хорватской нации, а война 1990-х — как время окончательного освобождения. Этот нарратив не привлекает во внимание участие хорватов в социалистическом

проекте Тито. Война за независимость 1991–1995 гг. (*domovinski rat*), согласно данному нарративу, принесла освобождение. При этом полная независимость была достигнута только хорватами Хорватии, но не хорватами, проживающими в Боснии и Герцеговине. В дискурсе освободительной борьбы хорватской нации преступления так называемого Независимого хорватского государства в годы Второй мировой войны замалчиваются, или им отводится незначительная роль.

М.П. В чем, по вашему мнению, состоит специфика памяти Боснии и Герцеговины?

Мон.П. Из-за войны мы как-то забыли, что народ Боснии и Герцеговины пережил еще и глубочайшие социальные и экономические перемены. Даже специалисты в области социальных наук чаще всего не учитывают этот аспект. В моей работе о памяти поколений различный жизненный опыт, который охватывает более ранние, чем война 1992–1995 гг., периоды и основанные на этом опыте различия памяти играют решающую роль в том, что я именую «поколенческим позиционированием». Если вернуться к поколению «последних югославов», то, как я уже говорила, они выросли в относительно стабильной, по сравнению с предшествующим и последующим поколениями, политико-экономической ситуации. Для «последних югославов» одной из главных, если не важнейшей, из сегодняшних забот является чрезвычайно ограниченный рынок рабочих мест в Мостаре. Многие общественные предприятия обанкротились из-за войны, утраты

рынков и отъезда многих квалифицированных работников. Переход от югославской экономики с ее социалистическим рынком к неолиберальной капиталистической экономике безжалостно ударил по жизненному укладу «последних югославов». Утрата социальных гарантий и экономического благосостояния прямо сказались не только на их быте, но и на том, как они вспоминают более ранние времена. Память об Югославии жестко увязана с опытом безопасности. Говоря о сегодняшней необеспеченной жизни в Мостаре, некоторые даже утверждают, что в годы недавней войны проблем было меньше, хотя подобные утверждения и отдают цинизмом. Один из «последних югославов» сказал мне, что во время войны было легче, поскольку тогда люди думали лишь о выживании, а не о том, как оплатить счета за электричество.

М.П. Исходя из долговременной исторической перспективы, могли бы вы сказать, насколько актуальны и (или) уместны в современной Боснии и Герцеговине колониальные нарративы об Австро-Венгерской и Османской империях? Существует ли то, что Боян Баскар (Bojan Baskar) назвал «австроностальгией», хотя бы среди старших поколений?

Мон.П. Да, я встречала несколько человек, в основном преклонного возраста, с глубокой ностальгией вспоминавших империю Габсбургов. Особенно запомнились двое.

Одного из них — глубокого старика — я встретила в Сараево. Он родился на исходе оккупации Боснии

Габсбургами, и, когда он был ребенком, отец каждое лето отправлял его в Австрию практиковаться в немецком. Мы встретились в историческом центре Сараево в кафе, именуемом *Wiener Café*, где он смаковал венский *Sachertorte* (типичный венский шоколадный торт) и делился своими воспоминаниями. Мне как австрийке было любопытно встретиться с австроностальгией старого босняка, который вспоминал далекие времена, разговаривая на австрийском диалекте немецкого, и чьи манеры вызывали в памяти так называемую венскую школу.

С другим пожилым босняком я познакомилась в Мостаре и тесно общалась с ним в течение нескольких лет. Он был учителем немецкого языка на пенсии, и у него часто квартировали немецкоязычные студенты. Его тесная связь с немецким языком включала и причастность к истории Габсбургов, о которой он «вспоминал» как хорошем периоде в жизни не только Мостара, но и Боснии и Герцеговины в целом. В отличие от сараевского старца, у него не было непосредственной памяти о том времени, но он приводил рассказы старших членов семьи. Несколько раз мне посчастливилось прогуляться с ним по Мостару. В ходе этих прогулок он показывал мне общественные здания эпохи Габсбургов и хвалил инфраструктуру, созданную в тот период. Он уверял меня, что жители Мостара отговаривали эрцгерцога Франца Фердинанда от поездки в Сараево, но тот не прислушался к ним.

М. П. Увы, Франц Фердинанд поехал в Сараево, где был убит Гаврило Принципом. Принципа считают

то террористом, то борцом с колониализмом. Как эти нарративы пересекаются в контексте Первой мировой войны и сараевских событий 1914 г.?

Мон.П. С учетом рассказов двух пожилых людей, которые ностальгировали по империи Габсбургов, неудивительно, что существуют те, кто видит в Принципе скорее террориста, чем борца за свободу. Наиболее интересным здесь, на мой взгляд, является переосмысление его покушения под влиянием постъюгославского контекста политики памяти. Я хорошо помню беседу с женщиной, родившейся в конце 1960-х. Однажды, когда мы сидели с ней в кафе, она совершенно серьезно сказала, что сожалеет о прежнем согласии с версией своего школьного учебника истории, прославлявшего убийцу Франца Фердинанда. Теперь, сказала она, ей жалко и эрцгерцога, и его супругу Софию.

М. П. Обратимся от прошлого к будущему, в какой мере городские нарративы памяти отражают надежды жителей Мостара?

Мон.П. Мои основные полевые исследования проводились с 2005 по 2008 г., т.е. я начала их десять лет спустя после войны. Сейчас прошло уже двадцать пять лет после ее окончания. В ходе моих недавних посещений я обратила внимание, что негативный взгляд на будущее Мостара чрезвычайно усилился. Если в 2005 г. экономические и политические проблемы можно было списать на войну, то в 2020 г. ситуация воспринимается как тупиковая. Даже те несколько знакомых мне молодых

людей, которые клялись, что никогда не покинут обожаемый город Мостар, уехали из страны, потому что не усматривают более здесь надежд на успешное будущее.

Тем не менее было бы ошибкой исследовать только то, что сегодня не работает, и обращать внимание исключительно на обстоятельства, создающие социальное напряжение и разделяющие город. Существуют акты сопротивления государственной политике памяти, практики «переченения границ» и солидарности, основанные на общих идентификациях, которые существовали до нынешнего разделения по этнонациональному принципу. Из историй, которые мне рассказывали люди, я узнала, что эти практики не исчезали даже во время войны, а я их наблюдала десять лет спустя после войны. И я счастлива, что возникло новое поколение исследователей, которые движутся в этом направлении. Их работы показывают, что Мостар, подобно другим «разделенным» городам, это много больше, чем конфликт, национализм и в конечном счете этническое разделение (см. специальный выпуск о Мостаре в *Space and Polity*, edited by Carabelli et al., 2019, Issue 2).

ЛИТЕРАТУРА

de Certeau 1984 — *De Certeau Michel*. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Kapidžić 2017 — *Kapidžić Damir*. Segmentirani stranački sustav Bosne i Hercegovine // *Političke perspektive: časopis za istraživanje politike*. 2017. Vol. 7. № 1-2. P. 71–201.

Kapidžić 2020 — *Kapidžić Damir*. Subnational competitive authoritarianism and power sharing in Bosnia and Herzegovina // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2020. 20:1. P. 81–101.

Moll 2013 — *Moll Nicolas*. Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 6. P. 910–935.

Palmberger 2008 — *Palmberger Monika*. Nostalgia Matters: Nostalgia for Yugoslavia as Potential Vision for a Better Future // *Sociologija*. 2008. Vol. 50. № 4. P. 355–370. O MLADIM JUGOISTOČNE EVROPE

Palmberger 2013a — *Palmberger Monika*. Practices of Border Crossing in Post-War Bosnia and Herzegovina: The Case of Mostar // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2013. Vol. 20. № 5. P. 544–560.

Palmberger 2013b — *Palmberger Monika*. Ruptured Pasts and Captured Futures: Life Narratives in Post-War Mostar // *Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology*. 2013. №. 66. P. 14–24.

Palmberger 2018 — *Palmberger Monika*. Renaming Streets and Nationalizing Public Space: The Case of Mostar, Bosnia-Herzegovina // R. Rose-Redwood, D. Alderman, and M. Azaryahu (eds.) *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place*. London: Routledge, 2018. P. 168–184.

Turčilo et al. 2019 — *Turčilo et al.* *Studija o mladima — Bosna i Hercegovina 2018/2019*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung, 2019.

“THERE ARE PRACTICES OF ‘BORDER CROSSING’ AND ACTS OF SOLIDARITIES BEFORE, DURING AND AFTER THE WAR”.

Interview with Monika Palmberger

Palmberger Monika – Elise Richter Research Fellow and Lecturer, Department of Social and Cultural Anthropology, University of Vienna (Austria)

Key words: memory politics; generations; Yugonostalgia; divided cities; ethnic divisions.

Abstract. Monika Palmberger: “There are practices of ‘border crossing’ and acts of solidarities before, during and after the war”. As Bosnia and Herzegovina remains a country institutionally-divided on an ethno-national basis between its three constituent peoples – Bosniaks, Croats and Serbs, top-down memory politics encourage these divisions. Using the still divided city of Mostar as an example, Dr. Monika Palmberger gives insight into the discursive tactics opposing hegemonic memory narratives, through a generational approach and focusing on the generation of the Last Yugoslavs, thus underlining the importance of studying the integrative potential of positive memories of the pre-war period.

5. РЕСПУБЛИКА ЧЕРНОГОРИЯ.

«В 1960–1980-е ДУХОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ЧЕРНОГОРСКИХ ЧЕТНИКОВ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ СУГУБО ПРОАМЕРИКАНСКИХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ. СЕЙЧАС ОНИ С ТОЙ ЖЕ СТРАСТЬЮ ПОДДЕРЖИВАЮТ РОССИЮ КАК БАСТИОН ПРАВОСЛАВИЯ И АНТИГЛОБАЛИЗМА».

Интервью с М. Вукановичем

Ключевые слова: политика памяти, Черногория, ревизионизм, учебники, музеи, архивы.

Аннотация. Недавняя историческая победа трех оппозиционных блоков в ходе парламентских выборов в Черногории отражает многолетнюю историю растущего недовольства правлением Мило Джукановича и его Демократической партией социалистов, которое вылилось в требования отставки. Более трех десятилетий этот режим продвигал неолиберальную рыночную экономику, «зачумленную» вопиющей коррупцией, в сочетании с амбивалентной национальной идеей, построенной на таких несовместимых идеалах, как романтический черногорский национализм и государство гражданской нации. В своем интервью магистр Милош Вуканович (Miloš Vukanović) обсуждает дискуссии в сфере политики памяти, порожденные данной политикой социального разобщения. Прежде всего, речь идет о месте, занимаемом коллективной памятью в структурах среднего и высшего образования, музеологии и архивного дела.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-136-158

© Историческая Экспертиза, 2020

Вуканович Милош — бывший исп. директор Национального музея Черногории, советник Центра гражданского образования Черногории, координатор Ассоциации преподавателей истории Черногории, Подгорица (Черногория)

Черногория объявила о независимости 3 июня 2006 г., после того, как в пользу этого решения высказались 55% участников национального референдума (Morisson 2018: 130). Референдум стал итогом постоянно ухудшавшихся отношений между правительствами Черногории и Сербии, которые после распада в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославия составляли союзное государство. В период 1992–2003 гг. оно именовалось «Федеративная Республика Югославия», а в 2003–2006 гг. — «Сербия и Черногория». Декларация о независимости Черногории сопровождалась обещаниями правительства продвигаться по пути демократизации, либерализации экономики, вступления в НАТО и европейской интеграции. К 2006 г. такие планы не были новостью для международного сообщества, т. к. нынешний президент страны, ветеран черногорской политики Мило Джуканович, который является одним из главных защитников идей черногорской государственности, постоянно делал подобные заявления с 1996 г. (Gallagher 2003).

Отношение Черногории к дезинтеграции социалистической Югославии решительно изменилось на протяжении последнего десятилетия XX в. В начале 1990-х черногорское правительство поддерживало Сербию, стремившуюся сохранить целостность Югославии. Одним из проявлений этого стала активная роль черногорцев в военной операции в Дубровнике в 1991 г. (Lukic 2001; Gallagher 2003). В последующие годы агрессивная националистическая повестка президента Сербии (1989–1992) и Федеративной

Республики Югославия (1992–1997) Слободана Милошевича столкнулась с нарастающим неприятием международного сообщества, что низвело истощенную войной страну до положения пария. Чрезвычайно непривлекательный образ «обкромсанной» (gump) Югославии открыл путь черногорскому национальному проекту (Gallagher 2003). Этой возможностью воспользовалась часть черногорских элит во главе с Джукановичем, который за три десятилетия политической карьеры «из самого молодого европейского премьер-министра и коммуниста превратился вначале в сербского националиста и союзника Слободана Милошевича, а потом стал поборником независимой Черногории и гарантом как европейской интеграции страны, так и региональной стабильности» (Marović 2019)

После финансового кризиса 1993 г. протее Милошевича Джуканович начал критиковать экономическую и международную политику своего покровителя. К 1997 г. их разногласия привели к решительному расколу. Этот конфликт совпал по времени с размежеванием внутри партии Джукановича (Демократическая партия социалистов (ДПС) Черногории, преобразованная из Союза коммунистов Черногории), что привело к преобладанию возглавляемой им фракции и его победе на президентских выборах (Džankić, Keil 2017). Первый президентский срок Джукановича был отмечен стремлением получить поддержку независимости Черногории со стороны международного сообщества и (пост)югославских республик. С этой целью было заявлено, что черногорцы имеют

иную, чем сербы, национальную идентичность. Прагматические шаги включали переговоры с правительством США, занятие направленной против Милошевича отчетливо пронаатовской позиции во время войны в Косово в 1999 г. и такие экономические меры, предпринятые в том же году, как учреждение собственной таможни и введение немецкой марки в качестве официальной валюты Черногории. Джуканович не только объявил себя «модернизатором» и «технократом», который стремится демократизировать Черногорию по западным образцам, в 2000 г. он стал первым (пост)югославским политиком, который принес официальные извинения Хорватии за злодеяния, которые черногорские солдаты и резервисты совершили в этой стране во время югославских войн (*Gallagher 2003; Morrison 2018: Chapter 7*).

К концу 1990-х на международном уровне признавалось, что Черногория подвержена «словенскому синдрому» (*Gallagher 2003*), под которым понималось стремление к выходу из федерации с Сербией, которая все больше теряла свою привлекательность и эффективность. Кроме того, доводы Черногории в пользу независимости опирались на основанную в XVII в. династией Петровичей-Негошей традицию государственности, которая получила международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г. (*Saggau 2017*). Тем не менее международное сообщество долго воздерживалось от поддержки распада Федеративной

Республики Югославии, особенно после падения режима Милошевича в 2000 г., когда возникла надежда на возобновление сербско-черногорских отношений в рамках федерации, т.к. существовали опасения, что распад может осложнить ситуацию в Косово, которое после войны 1999 г. стало протекторатом ООН (*Morrison 2018: 119*).

Падение режима Милошевича в 2000 г. не привело к улучшению отношений внутри федерации, которая с 1999 г. де-факто разделилась на два параллельных государства. В 2003 г. она изменила название на «С Сербию и Черногорию». Результаты референдума о независимости 2006 г. открыли двери будущему, о котором Джуканович вещал с середины 1990-х. В 2017 г. Черногория присоединилась к НАТО, выполнив одну из задач по обретению независимости, но процесс присоединения к ЕС, начавшийся в 2006 г.¹, сегодня находится под угрозой в связи с озабоченностью международных структур состоянием государственного управления.

ДПС Джукановича, которую Флориан Бибер охарактеризовал как «партию без отчетливого идеологического лица» (*Bieber 2010*), правила со времени учреждения многопартийной системы в 1990 г. и впервые потерпела поражение в ходе одиннадцатых парламентских выборов, состоявшихся 30 августа 2020 г. ДПС была побеждена альянсом трех оппозиционных формирований (консервативный просербский блок «За

¹ Переговоры по поводу Соглашения о стабилизации и ассоциации (Stabilisation and Association Agreement) начались в 2006, соглашение было подписано в 2007 и вступило в силу в 2010.

будущее Черногории», центристский блок «Мир — это наша нация» и коалиция социального прогресса «Черное на белом») в результате более чем десятилетней обоснованной критики «непрозрачного» управления страной, основанного на вопиющей экономической коррупции. Правительство Джукановича упорно игнорировало эти обвинения, раздававшиеся со стороны не только оппозиции, но и международного сообщества.

Черногорские власти официально всегда заявляли о своей приверженности к полиэтничности и религиозному плюрализму. Эти модные словечки (buzzwords) преследовали цель интегрировать этнические меньшинства (албанцев, босняков, черногорцев-мусульман и сербов) в черногорский национальный проект, поэтому ими пронизаны заявления правящих политических элит Черногории (Pavlović 2016). На основании этих туманных слов невозможно прийти к ясным выводам о содержании государственной политики в этом направлении, но ими постоянно щеголяют в ходе долгих и напряженных дискуссий. Вопреки формальным заявлениям Джукановича о приверженности демократии, технократии и модернизации, вопреки тому, что Черногория в Конституции объявлена «государством всех ее граждан», различные политические силы (stakeholders) постоянно продвигают свои повестки, используя националистическую риторику (Vachudova 2019; Morrison 2018: Chapter 10), подражая тем самым националистическим тенденциям ДПС.

Общественное мнение Черногории отличает трепетное отношение к эпо-

хе социалистической Югославии, которая воспринимается как время экономического развития и прогресса (Stojanović 2016). Об этом напоминают не только неизменные названия улиц и охраняемые памятники, но также ностальгические отсылки к социалистическому наследию. Одна из них — использование социалистического названия столицы (Титоград) в наименовании продуктов различного рода (Morrison 2018: Chapter 10). С позитивными оценками социализма соседствуют «подводные течения» национализма. Зарождавшийся черногорский национализм, продвигавшийся политическими элитами с середины 1990-х, (пере)изобрел себя на перекрестке романтической мифологии XIX в. и избирательных воспоминаний об югославском периоде истории страны, которые широко использовались государственными СМИ для укрепления режима Джукановича. Однако результаты недавних выборов показывают, что раздающиеся годами громкие обвинения режима в преступной деятельности (Marović 2019; Džankić, Keil 2017) не могут быть полностью нейтрализованы медийной политикой.

Трудно предсказать, каким образом новая идеологически разнородная оппозиция сможет повлиять на дальнейшее развитие национального воображения в Черногории, но необходимо отметить, что националистические настроения присущи всему политическому спектру. Популистский Демократический фронт, тесно связанный с Сербской православной церковью (СПЦ), который в качестве главной силы блока «За будущее Черногории» будет

играть важную роль в правящей коалиции, представляет один из наиболее очевидных примеров подобных тенденций.

В настоящем интервью магистр Милош Вуканович обсуждает намеченные здесь темы в широком историческом контексте и проливает свет на то, как они отзываются в повседневной практике среднего и высшего образования и в научной среде. Вуканович является советником Центра гражданского образования Черногории и одним из основателей Ассоциации преподавателей истории Черногории. Он является историком со степенью магистра в области международных отношений, полученной в 2016 г. в Черногорском университете (Подгорица), а также обучался музеологии в 2017 г. в Европейском колледже Йенского университета (Германия). Его работа в области исторического образования сосредоточена на вопросах музеологии, преподавания и выставочной деятельности применительно к процессам познания истории XX в. в постконфликтных обществах. В 2011–2018 гг. Вуканович был куратором Исторического музея в составе Национального музея Черногории и внес большой вклад в создание новой постоянной экспозиции. Он также сотрудничал

с Европейской ассоциацией преподавателей (EUROCLIO) в качестве координатора и редактора от Черногории и был послом этой ассоциации в своей стране. В качестве эксперта и консультанта он участвует в проектах, поддерживаемых такими межправительственными и неправительственными организациями, как Совет Европы, Совет регионального сотрудничества (Regional Cooperation Council), Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов в Гааге (International Residual Mechanism for Criminal Tribunals in the Hague), Международный совет музеев (International Council of Museums, ICOM), Историческая мастерская Европы (Geschichtswerkstatt Europa), Документа (Documenta), Топография террора (Topography of Terror), Яхад ин Унум (Yahad in Unum), Центр демократии и примирения в Юго-Восточной Европе (Center for Democracy and Reconciliation in Southeast Europe, CDRSEE). Его размышления по поводу исторического образования в Черногории регулярно публикуются в учебных изданиях Центра аттестации и образования (The Center for Credentialing & Education) и других медиа, в том числе в онлайн-журнале «Европиан палс» (European Pulse).

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Брюссель — Любляна — Подгорица, 03.04.2020.

Н. М. Ваша деятельность имеет большое социальное значение, т. к. нацелена на внедрение находок, сделанных современными исследователями памяти, в образовательные программы. Ваши публикации вызывают

серьезные дискуссии среди черногорских историков и представителей институтов, причастных к политике памяти, одна из них — СЦП. Каковы, по вашему мнению, главные цели черногорских учебников истории для

начальной и средней школы и какого рода культуру национальной памяти они поощряют?

М. В. Согласно стандартам, которые были установлены примерно 15 лет назад в соответствии с рекомендациями Совета Европы, черногорские учебники должны сочетать международные и национальные сюжеты, что повлекло разделение учебных программ на национальную, региональную и глобальную истории. Кроме того, школьные учебники на протяжении этих 15 лет руководствуются указаниями Совета Европы по развитию умений и других качеств, приобретаемых в процессе обучения. Наряду с этим Министерство образования Черногории ставит условием воспитание национальной гордости, вместе с тем поощряя толерантность, полиэтничность и веротерпимость в рамках черногорской гражданской нации. Такой подход соответствует полиэтничному составу Черногории, где, согласно последней переписи, проживают черногорцы (45%), сербы (29%) и другие этнические группы, например босняки².

В то же время черногорские учебники истории не чужды и национали-

стической культуры памяти. Ранняя версия национального нарратива была построена на сопротивлении Османской империи, культура которой характеризовалась при помощи негативных стереотипов. При этом подчеркивалось, что черногорская нация — это один этнос, исповедующий одну религию.

В связи с тем, что создание черногорского государства и его борьба за независимость во многом связаны с отношениями с Османской империей (с XV в. до 1913 г.), важная роль нарратива об османском владычестве на территории Черногории вполне объяснима. Но в XXI ст. возникло общее чувство, что культура османов не должна изображаться в качестве враждебной. Это отразилось и в содержании школьных учебников. Например, термин «турок», который во время югославских войн 1990-х использовался для уничижительного именованья местных мусульман, был заменен термином «осман» (Osman/Otoman). Османская империя по-прежнему рассматривается в качестве захватчика, но современные учебники также признают многостороннее влияние османской культуры на черногорское общество.

² Процентное соотношение сербов и черногорцев, согласно данным переписей (см. таблицу) после 1991 г. радикально изменилось, прежде всего, за счет того, что порядка 20% граждан, которые в эпоху социализма идентифицировали себя в качестве черногорцев, стали именовать себя сербами (прим. редакторов).

Этническая группа	Перепись 1948		Перепись 1953		Перепись 1961		Перепись 1971	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Черногорцы	342,009	90.7	363,686	86.6	383,988	81.4	355,632	67.2
Сербы	6,707	1.8	13,864	3.3	14,087	3.0	39,512	7.5

Этническая группа	Перепись 1981		Перепись 1991		Перепись 2003		Перепись 2011	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Черногорцы	400,488	68.5	380,647	61.9	267,669	43.2	278,865	45.0
Сербы	19,407	3.3	57,453	9.3	198,414	32.0	178,110	28.7

В этом же русле следует воспринимать заметные усилия рассматривать албанскую культуру как часть официальных дискурсов черногорской идентичности. За несколько последних десятилетий произошел сдвиг от одностороннего описания Османской империи в качестве исторического врага к более сложному описанию, в котором историческая ответственность имперских властей и местной администрации отделяется от значительного влияния, которое османская политика и культура оказали на региональную и всемирную историю.

Несмотря на усилия сделать культуру национальной памяти более инклюзивной, ряд вопросов истории XX в. недостаточно прояснен в учебных программах и учебниках. К первому блоку тем, по которым у историков существуют разногласия, относятся Первая мировая война и создание Королевства Югославии в 1918 г. В Черногории внимание к событиям этого периода сосредоточено вокруг Подгорицкой ассамблеи 1918 г., которая де-факто упразднила Королевство Черногорию, включив его весьма неоднозначным способом в состав Королевства Югославии. Второй блок разногласий вращается вокруг Второй мировой войны,

злодеяний, совершенных в ее годы всеми сторонами, и особенно вокруг послевоенных преступлений. Третий блок вопросов, которым не уделяют должного внимания, относится к эпохе распада Югославии (1991–1995) и роли Черногории в югославских войнах. Учебники для начальной и средней школы сходным образом обращаются с этими тремя блоками вопросов, избегая разногласий и представляя лишь тот нарратив, который подкрепляет господствующую линию черногорской историографии.

Возьмем для примера события 1918 г. и Первой мировой войны, когда в дебаты о будущем Черногории были вовлечены две стороны — «зеленые» и «белые». Современная историография больше расположена к «зеленым», в ней отсутствует взвешенная оценка той роли, которую сыграли «белые»³. События, относящиеся к упразднению Королевства Черногория в 1918 г., а также роль, которую играли представители черногорской династии Петровичей-Негошей, рассматриваются без должной критики, они просто описываются как «плохие». Злодеяния времен Второй мировой войны просто не рассматриваются. Никаких следов признания ответственности

³ Великое национальное собрание сербского народа Черногории (Podgorica Assembly) завершилось 29 ноября 1918 г. Странники объединения с Сербией напечатали лист кандидатов и повестку на белой бумаге, тогда как сторонники независимой Черногории напечатали свои предложения на зеленой бумаге. С тех пор под «белыми» понимают сторонников объединения с Сербией, а под «зелеными» сторонников независимой Черногории, состоящей в тесном союзе с Сербией, или по меньшей мере сохранения автономии Черногории в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев. Незначительное большинство высказалось за вхождение в состав Сербии, управляемой династией Карагеоргиевичей и отстранения от власти Николы I Петровича-Негоша и его династии. После Подгорицкой ассамблеи Великое национальное собрание объявило об объединении Сербии и Черногории. Им последовали Босния и Герцеговина и Хорватия. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) было провозглашено 1 декабря 1918 г. (Morrison 2018: 26–27) (прим. редакторов).

Черногории в югославских войнах 1991–1995 гг. и описаний роли, которую она в них сыграла, в учебниках обнаружить невозможно⁴.

Н. М. Какие исторические нарративы и периоды представляются в школьных учебниках в качестве наиболее важных? Каким образом учебники позиционируют Черногорию относительно Европы и ее ближайших соседей?

М. В. Ядро нацистроительного нарратива образует государственная преемственность трех политических образований: княжества и позже королевства Дукли (X–XI вв.), княжества Зеты (XIV–XV вв.) и княжества (с 1910 г. — королевство) Черногории, управляемого династией Петровичей-Негошей (1696–1918). Согласно современному господствующему нарративу эти три образования имели общую политическую идею, следовательно, речь идет о долговременной государственной традиции. Поэтому в 2016 г., в ходе празднований первого десятилетия независимой Черногории, усиленно подчеркивалась идея тысячилетней государственности, а именно издание первого официального черногорского документа, подписанного князем Дукли в 1016 г. В современных учебниках истории прописан этот

«всеобъемлющий» нарратив: 10 лет независимости и 1000 лет государственности.

Этот национальный миф прекрасно иллюстрирует идею «воображаемого сообщества» (Бенедикт Андерсон). Действительно, почти все европейские нации, (пост)югославские нации здесь не являются исключением, стремятся сконструировать свою связь и преемственность с политическими образованиями, которые располагались на тех же территориях в прошлом. В Черногории миф тысячилетней государственности отмечен в том числе спорами государства с СПЦ. В то время как церковь утверждала, что ее традиция насчитывает «восемь столетий», прежнее правительство ДПС не стеснялось соревноваться с церковью, подчеркивая, что черногорская государственность обладает более древней тысячилетней традицией⁵.

Более того, история Дукли и Зеты не является исключительно историей православия. Княжество Зета, которое существовало в 1220–1421 гг., в связи с экспансией Венецианской республики в этот прибрежный регион, испытало серьезные католические влияния. Когда об этой особенности религиозной идентичности Черногории упоминается

⁴ Подробнее см. публикации Центра гражданского обучения. По поводу учебников истории: Montenegro Textbooks: What Do They Conceal and Reveal about the Contemporary History of Montenegro? Centar za građansko obrazovanje: Podgorica, 2016. URL: media.cgo-cce.org/2016/07/cgo-cce-montenegrin-textbooks.pdf. О современных вызовах обучения антифашистским ценностям: Antifascism in Montenegro. Between political trend and educational policy. Centar za građansko obrazovanje: Podgorica, 2018. URL: media.cgo-cce.org/2019/07/Antifaszizam-u-CG-ENG.pdf (прим. М. Вукановича).

⁵ Эти споры, о которых будет подробнее рассказано ниже, вращаются вокруг вопросов собственности и культурного наследия. СПЦ настаивает, что ее права распространяются на такие религиозные здания, как средневековые церкви и монастыри, которые государство считает своим имуществом (прим. М. Вукановича).

в школьных учебниках, а это новый конструкт в черногорском контексте, то ученикам не так просто это уразуметь. В Черногории отсутствуют официальные опросы по поводу религиозной самоидентификации, но современные этнологические исследования показывают, что религиозные взгляды и идентификации черногорцев весьма разнообразны, и православие, в отличие от утверждений СПЦ, вовсе не занимает доминирующее положение. Путаница по поводу отношений между черногорскими государственными образованиями и СПЦ сохраняется в связи с тем, что школьные учебники не обращают внимания на то, что правители династии Петровичей-Негошей (1696–1918) традиционно проводили скорее светскую политику, не особенно озабочиваясь вопросами религии.

Кроме всеобъемлющего мифа преемственности тысячелетней государственности Черногории, нарратив подпитывает и другие мифы, относящиеся ко времени до образования Югославии. Во-первых, это возникшая в XIX в. идея, что черногорская нация никогда не была полностью завоевана османами. Во-вторых, это идея о так называемых исторических «чистках исламского населения». Этот миф был сотворен Петром II

Петровичем-Негошем в середине XIX в. В конце 1990-х в учебники истории были внесены изменения и эти прежде широко пропагандировавшиеся мифы были удалены. В 1995 г. в Черногории вышли первые (пост)югославские учебники истории, в которых представлялась история Сербии и Черногории. Частично они разобрались с давними национальными мифами, но гораздо больший разрыв с прежним нарративом произошел в 2003 г., когда в Черногории было издано новое поколение исторических учебников без сотрудничества с Сербией (MPN RCG 2003: 47).

В нынешних учебниках, созданных и одобренных Департаментом школьного образования (*Zavod za školstvo Crne Gore*) и Департаментом учебников (*Zavod za udžbenike*) Министерства образования⁶, нарратив нациестроительства запечатлен с помощью подчеркивания важности правления династии Петровичей и антифашистской национально-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. Символы черногорской монархии, такие как Петр II Петрович Негош⁷, стали частью иконографии сразу после Второй мировой войны в годы социалистической Югославии. Югославские власти рассматривали эти аспекты

⁶ В Черногории по каждому предмету официально утвержден только один учебник (прим. М. Вукановича).

⁷ Поэт-романтик Петр II (1813–1851) был пятым владыкой (наименование светского и церковного правителя) из династии Петровичей-Негошей и правил в 1830–1851 гг. В центре эпических произведений Негоша стоит героический и поэтический образ черногорского вождя, сражающегося, подобно фольклорным мифам о православном средневековом Сербском царстве, против османов. Негош также связывает героических представителей своей династии и их борьбу с событиями своего времени, в первую очередь изображая в эпическом ключе лидеров Сербского восстания 1815–1817 гг. против османского владычества. Негош, по всей видимости, не делает в своих произведениях четких различий между понятиями «черногорский» (Crnogorski) и «сербский» (Srpski), оставляя место для интерпретаций. Его эпическое наследие и его конструкция национальной

истории Черногории в качестве важных элементов национального строительства. Как показал социологический опрос 2016 г., большинство населения Черногории демонстрирует почти полное невежество в отношении ранних периодов истории, не только ранее правления династии Петровичей-Негошей, но и более того, до правления Петра II Петровича-Негоша (1830–1851).

Эти нарративы позиционируют Черногорию как нацию, которая благодаря славным победам на протяжении длительной вооруженной борьбы вступила в международные отношения с великими державами (Россией, Францией и Италией) и добилась международного признания своей независимости в 1878 г., а также была на стороне союзников в двух мировых войнах.

Н. М. Какие интерпретации периода социалистической Югославии поддерживаются государством?

М. В. Благодаря активному участию местных жителей в партизанской национально-освободительной борьбе в годы Второй мировой войны, Черногория вошла в состав новой социалистической Югославии на правах республики. Это было важное политическое решение, т.к. Черногория была лишена независимости в 1918–1941 гг. В годы социализма ее экономика развивалась высокими темпами, были осуществлены реконструкция и индустриализация, после землетрясения 1979 г. Черногория получила большую помощь от других

членов федерации. До 1945 г. в стране существовало менее 10 промышленных предприятий. После 1945 г. была осуществлена электрификация и открылось более 50 фабрик. Были основаны две судоходных компании, насчитывающие 76 торговых судов. По их тоннажу на душу населения Черногория занимала первое место в мире. Эти перемены сопровождались быстрой урбанизацией, строительством сетей канализации и созданием эффективной системы медицинского обслуживания. Кроме того, власти Югославии внесли большой вклад в формирование национальной идентичности Черногории, учредив, в частности, университет и Академию наук и искусств. Это помогает объяснить, почему поддерживаемая государством интерпретация социалистического периода истории Черногории до сих пор носит преимущественно положительный характер. По причине отсталости Черногории в период до 1945 г. здесь в намного меньшей степени проявились антагонизмы в отношении национализации и денационализации по сравнению, скажем, с Хорватией и Сербией. Конец Королевства Югославия сопровождался исчезновением местной буржуазии и экономических элит. Ряд источников, например историк Бранимир Ковачевич (Branimir Kovačević), подчеркивают, что после 1945 г. несколько крупных предприятий, которые пережили разрушения Второй мировой войны, были конфискованы государством. Их собственники, тесно связанные с прежним режимом, либо не пережили войну, либо были оттеснены

идентичности были востребованы как черногорскими, так и сербскими и югославскими националистами (Saggau 2017: 15) (прим. редакторов).

на обочину и бежали из страны вскоре после 1945 г. Поскольку число таких предпринимателей, а также политиков и государственных служащих было невелико, их послевоенное исчезновение ознаменовало конец класса, который сформировался в Королевстве Югославия и был ему лоялен в 1918–1945 гг. (Kovačević 1993)⁸.

Даже широкие дискуссии по поводу противоречивых аспектов социалистического режима, включая чистки, последовавшие за диспутом 1948 г. по поводу Информбюро и разрывом советско-югославских отношений, когда югославские коммунисты просталинской ориентации были отправлены на принудительные работы на остров Голи Оток (Goli Otok), не изменяют общую картину интерпретации прошлого. Эти дискуссии вошли в состав учебников в 1990-е и стали общим достоянием. Тем не менее недавняя инициатива провести закон о компенсации жертвам коммунистических преступлений была отклонена правительством ДПС, что вызвало жаркие дискуссии. Это, действительно, самый обсуждаемый вопрос истории Черногории. Кроме всего остального, Лига коммунистов Черногории была в целом просталинской, и поэтому процент представителей Черногории, за-

ключенных в лагере Голи Оток, был наибольшим в сравнении с другими республиками СФРЮ.

Когда в 2019 г. в Подгорице был воздвигнут памятник Иосипу Броз Тито, журналист «Голоса Америки» спросил меня: «Почему вы ставите памятник столь авторитарной личности?» Американскому корреспонденту не просто было понять, что, по мнению многих, Тито был лучшим из всех авторитарных фигур прошлого и настоящего Черногории. Возможно, это трудно осознать тем, кто живет в стабильном демократическом обществе, но Черногория вступила на путь демократии только в 1991 г., и ее уровень демократии все еще является предметом дискуссий.

Нарративы репрессий ограничены преобладающим восприятием социалистического югославского прошлого в качестве эпохи, которая обеспечила высочайшее экономическое развитие Черногории, значительно улучшила качество жизни, существенно снизила социальное неравенство и внесла большой вклад в формирование национальной идентичности. Кроме того, преступления сторонников социализма, совершенные в 1941–1945 гг., и преступления социалистического режима в первые послевоенные годы практически

⁸ Национализация частной собственности, однако, не приводила к тому, что семьи обрекались на голодную смерть, о чем пишет и сам Ковачевич в своей книге, подчеркивая, что четники распространяли ложную информацию о коммунистических репрессиях. Подробнее о заключительных сражениях Второй мировой войны в Черногории см.: Milan Radanović's "Kazna i zločin. Snage kolaboracije u Srbiji: odgovornost za ratne zločine (1941–1944) i vojni gubici (1944–1945)" (Наказание и преступление. Сербские коллаборационисты: ответственность за военные преступления (1941–1944) и военные потери (1944–1945)) Rosa Luxemburg Stiftung, Beograd, 2016. Черногорские элиты, о которых упоминает здесь Вуканович, активно, не всегда напрямую участвовали в движении четников-коллаборационистов. О движении четников см.: Radoje Pajović "Kontrarevolucija u Crnoj Gori – Četnički i federalistički pokret 1941–1945" (Контрреволюция в Черногории – Четники и федералистское движение 1941–1945 гг.) Obod, Cetinje, 1977 (прим. редакторов).

не обсуждаются. Спецификой Черногории является отсутствие широких дискуссий по поводу внутренних конфликтов во время и после Второй мировой войны. Тем не менее идеи, возникшие в националистической среде Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии, проникают и в Черногорию. Имеются в виду неспособность югославского государства рассмотреть такие вопросы, как концентрационный лагерь Ясеновац⁹ и преступления усташей против сербов в районе Дрины в 1941–1945 гг. В противоположность боснийской, сербской и хорватской национальным идентичностям нынешняя черногорская национальная идея не основана на идеях невинных жертв и конфликтов с соседями, т.е. она основана не на «преступлениях против нас», а на том, что Черногория вышла победительницей из противостояния с османами и из Второй мировой войны. Однако набор идей, сосредоточенных на таких преступлениях, как Ясеновац, набирает обороты и вовлекает некоторые части черногорского общества в усиление националистических трендов и в националистическое понимание национальной идентичности. К сожалению, ревизионистский подход к социалистическому периоду связан с идеями возмездия, цель которого односторонняя криминализация социалистического периода в пользу националистических нарративов.

Это относится не только к наследию Второй мировой войны, но и к дис-

куссиям по поводу югославских войн 1990-х. Например, в отличие от черногорской общины, сербская община Черногории отрицает геноцид 1995 г. в Сребренице, приводя в оправдание исторические обиды на злодеяния мусульман в отношении православного населения. Если говорить о мусульманской общине Черногории, то чувство невинной жертвы, о котором я упомянул ранее, в большей мере характеризует общину босняков, проживающих на севере страны и тесно связанных с сербской областью Санджак, а также с Боснией и Герцеговиной, чем у тех мусульман, которые идентифицируют себя в качестве черногорцев.

Н.М. Какие источники (личные воспоминания, литературные произведения, фильмы и т.д.) наиболее важны, по вашему мнению, для того, чтобы нюансировать нарративы учебников, и как эти источники используются институтами сохранения культурного наследия и музеями? Каково может быть общественное воздействие таких источников (могли бы вы дать примеры особенно удачных проектов, выставок и т.д.)?

М.В. Лучшими источниками являются те, которые способны передать общую атмосферу того или иного периода. Практика показала, что наибольшее воздействие оказывают личные воспоминания. Недостаток подобных материалов в Черногории, где антропологические исследования

⁹ Лагерь уничтожения Ясеновац был создан в годы Второй мировой войны на территории Славонии (историческая область на востоке Хорватии) властями так называемого Независимого государства Хорватия. Это был один из десяти крупнейших концентрационных лагерей Европы. Режим усташей был единственным из «квислинговских» режимов, который самостоятельно занимался уничтожением евреев, сербов, цыган и других этнических групп (прим. редакторов).

в данной сфере все еще весьма ограничены, можно возместить опубликованными воспоминаниями или предметами личного пользования, которые позволяют передать персональные истории. Эти простые принципы: нечто личное, позволяющее рассказывать о большой истории, и нечто общее, пробуждающее личные воспоминания, — используются далеко не всеми школьными учителями в Черногории, но постепенно усваиваются молодыми учителями, которые стремятся приблизить прошлое к ученикам. Увы, остро не хватает систематических исследований, выполненных на основе устной истории и методов этнографии. Подобные проекты все еще являются личными инициативами, и их рамки ограничены. В академической среде Черногории лишь недавно, по сравнению с такими (пост)югославскими странами, как Сербия, Хорватия и Словения, начали создаваться возможности для исследования недавнего прошлого. Черногорская академия наук и искусств только начала публиковать обстоятельные словари, посвященные национальной дипломатии, писателям и поэтам и т. д. Такой уровень государственного понимания, что из прошлого должно вызывать интерес, не предусматривает внимания к вышеупомянутым источникам не «элитного» происхождения. К 2011 г., когда я начал работать Национальном музее Черногории, были оцифрованы архивные коллекции, относящиеся к периоду после 1998 г. При этом было оцифровано лишь 5% коллекций более раннего времени. С тех пор был продемонстрирован заметный прогресс. Я покинул музей в 2017 г., но к сегодняшнему дню команда более молодых экспертов

почти полностью завершила проект. Тем не менее проблемы остаются. Отсутствие в Черногории программ музейного образования приводит к тому, что кураторами становятся профессионалы из других областей, являющиеся самоучками в музейном деле, либо, как было в моем случае, получившие образование за рубежом. Другая проблема — это отсутствие в музеях специалистов, способных привлекать финансирование из европейских структур через механизмы, подобные Творческой Европе (Creative Europe), поскольку институты культуры, кроме Министерства, сосредоточены на решении долгосрочных проблем, этот аспект музейного менеджмента остается «недокормленным».

Описанная ситуация создает проблемы для музейных кураторов. Музейная политика в Черногории большей частью все еще предпочитает концентрироваться на том, что рассматривается в качестве позитивных аспектов прошлого. Например, в 2014–2015 гг. Национальный музей получил щедрое финансирование для организации выставки бальных платьев черногорских принцесс, считается, что подобные темы способны вызвать интерес публики.

Тем не менее нам удалось обновить постоянные экспозиции Национального музея, относящиеся к современной истории, в соответствии с решениями, основанными на современных музейных стандартах. Так, для того, чтобы сделать для школьников более «осязаемым» так называемый «Период Информбуро», последовавший за разрывом советско-югославских отношений в 1948 г.,

в качестве опорного элемента мы использовали кожаные пальто офицеров полиции, которые отправляли людей в лагерь на остров Голи Оток. Благодаря прежним знакомствам мы получили два личных свидетельства — дочери одного из узников Голи Отока и внучки одного из офицеров секретных служб, отправлявших людей на этот остров. Такие пальто, как показывают исследования, символизировали уныние и страх узников, но для их преследователей они выступали символом патриотизма, принадлежности к элите и современности. Необходимо отметить, что и отец первой дамы, и дед второй — оба были участниками партизанского движения в годы Второй мировой войны. Эти свидетельства использовались для затравки дискуссии с группами 14-летних школьников и 18-летних студентов. Не берусь утверждать, что в результате их мнение об этом историческом периоде полностью переменялось, но это, несомненно, подтолкнуло их к рассмотрению прошлого в качестве более сложного, чем им представлялось прежде, явления. Мы также хотели экспонировать знаменитый югославский автомобиль Застава 750, в просторечии именуемый Фичо (Fičo, Zastava 750), чтобы продемонстрировать многоаспектность памяти, но, к сожалению, были вынуждены отказаться от этой затеи, т. к. музейный пол мог не выдержать веса машины¹⁰. Присутствие такого экспоната явилось бы весьма значимой частью экспозиции, поскольку Застава 750, как один из первых массовых автомобилей, сообщает многое о жизни юго-

славских рабочих и среднего класса того времени. Особенности его производства, дизайна и т. д. дают понятие об югославской экономике того времени, вызывают личные воспоминания и вызывают к тем или иным моментам истории югославского рабочего класса. С автомобилем также связаны воспоминания о начале эры массового туризма, который югославское население рассматривало в качестве одного из символов национального процветания.

Новая команда кураторов музея также организовала несколько успешных выставок, посвященных важным социальным аспектам истории, в том числе истории системы здравоохранения, сочетавшейся с массовым социальным обеспечением, оформление которой в Черногории пришлось на 1950-е. В экспозиции отмечалось искоренение малярии и холеры, пришедшееся на 1950-е, с целью представить аргументы для споров с представителями нынешних антипрививочных движений, ставящих под сомнение необходимость национальной системы здравоохранения.

Кроме того, в 2018 г. Национальный музей провел серию лекций по поводу «годовщин», выдвигая на первый план такие важные события, как упразднение Черногорского королевства и конец Первой мировой войны в 1918 г., последствия Второй мировой войны и разрыв советско-югославских отношений в 1948 г., студенческие протесты 1968 г. Такие инициативы позволяют привлечь в музей публику в условиях, когда

¹⁰ Такое решение было использовано Музеем современной истории в Любляне для экспозиции, посвященной югославскому периоду словенской истории (прим. М. Вукановича).

финансирование, необходимое для организации технологически продвинутых выставок, отсутствует.

В 2019 г. музей организовал достаточно успешную выставку, посвященную столетию Коммунистической партии Югославии. Как и все музейные проекты, эта выставка была подготовлена местной командой из четырех кураторов и двух исследователей. Кроме того, часть текстов предоставили ряд региональных исследователей. Национальный музей постоянно обращается к Институту истории в составе Университета Черногории, но не всегда встречает положительный отклик, т.к. историки часто предпочитают оставаться внутри привычных каналов академической коммуникации. Я постоянно высказываюсь по поводу необходимости распространения результатов научных исследований. Наука сейчас часто находится вдали от общества, требуются десятилетия для того, чтобы научные находки попали в школьные учебники.

Н.М. Государственные архивы — важный институт исследований памяти. Как организована архивная система Черногории? Отражается ли в ней специфика политики памяти?

М.В. Система черногорских архивов включает центральный Национальный архив в Цетинье¹¹ и подчиненные ему подразделения в муниципальных центрах, среди которых важнейшим является архив Под-

горицы. При этом не все архивные коллекции включены в архивную систему и частично находятся в составе Национальной библиотеки и в библиотеках Национального музея и Института истории.

Цетинье являлся административным центром области (banovina) Черногория в составе Королевства Югославия (1918–1941). После 1945 г. административная инфраструктура постепенно переместилась в Подгорицу, а культурные институты остались в Цетинье, включая многие музеи, академии искусств и музыки, Национальную библиотеку и Национальный музей. В то же время Институт истории при Университете Черногории был учрежден в Подгорице. В связи с этим в местном филиале Национального архива содержатся коллекции, особенно важные для историков, такие как коллекции источников по истории рабочего движения (собирались начиная с 1918) и местного партизанского движения, собиравшиеся с 1945 г. Таким образом, большое количество материалов по политической, экономической и социальной истории социалистической Югославии содержатся в архиве Подгорицы. Существуют проблемы с архивами таких медиа, как фильмы и фотографии. Например, Синеотека Черногории отвечает за хранение фильмов, но она была учреждена только в 2000 г., до этого все фильмы хранились в Синеотеке Югославии в Белграде¹². Большая коллекция фотографий, относящихся к периоду после 1945 г., в резуль-

¹¹ Столица Черногории до 1918, после чего она была перенесена в Подгорицу (в СФРЮ именовалась Титоград). (Примечание М. Вукановича).

¹² Югославская синеотека в Белграде была ответственна за сохранение всей кинопродукции СФРЮ (прим. редакторов).

тате преобразований государственных институтов забавным образом оказалась в президентской администрации. Сейчас идет процесс их оцифровки, но оригиналы остаются под управлением администрации.

Другое примечательное подразделение Национального архива находится в приморском городе Котор, некогда бывшем важным политическим и торговым центром, который соперничал с Дубровником. В отличие от других приморских городов Черногории, он никогда не был под властью османов и в нем не было значительных разрушений. Благодаря этой специфике Которский архив содержит богатую средневековую коллекцию.

Эти особенности архивов Черногории демонстрируют, каким образом одни материалы сохраняются и исследуются в преимущественном порядке, благодаря особенностям политики памяти и интересов исследователей. Так, существует значительный государственный интерес к изучению династии Петровичей, в том числе к дипломатической и военной истории Королевства Черногории. Один из недавних интересных проектов был посвящен системе образования того времени. Но другие важные социально-исторические темы, такие как здравоохранение, банковская система, почтовая служба и т.д., могут быть изучены только после того, как будут отсортированы и описаны архивные коллекции. Я столкнулся с подобным случаем, когда работал в Национальном музее и возникла необходимость привести

в порядок коллекцию из примерно 10 000 фотографий, относящихся ко Второй мировой войне. Главная проблема состояла в том, что материалы (фотографии и сопроводительные документы к ним) не были оформлены по единой системе и часть информации об этих фотографиях было практически невозможно установить.

Н. М. С учетом этих различающихся интерпретаций могли бы вы отметить, чем различаются нарративы о королевском периоде истории Югославии? Как эти различия подпитывают современные нарративы памяти Черногории?

М. В. Нарратив югославской монархии, первой Югославии всегда был в тени истории Королевства Черногории и социалистической Черногории. Главная причина этого состоит в том, что в составе Королевства Югославия Черногория не была самостоятельной политической единицей. Период 1918–1941 гг. почти полностью игнорируется в публичном дискурсе, потому что потеря независимости в 1918 г. оценивается отрицательно. Включение в состав Югославии сопровождалось Рождественским восстанием 7 января 1919 г., поднятым сторонниками независимости, но было подавлено сербской армией. При этом Черногория оставалась международно признанным государством, ее представители были приглашены на Версальскую конференцию. Но там участие черногорских представителей было заблокировано¹³. До сих пор

¹³ В январе было сформировано правительство Черногории в изгнании. Главными целями этого правительства были: постановка вопроса о Черногории на международной арене, в том числе путем обращения к великим державам во время Парижской мирной конференции 1919 г.;

в Черногории это событие расценивают как предательство союзников. Страна была стерта с лица земли, поскольку кто-то из собравшихся во Франции представителей великих держав решил учредить Королевство Югославия, в составе которого Черногории не было места как политической единице.

В этом контексте возникли три интерпретации. В национальном нарративе Черногории этот период рассматривается исключительно в негативном ключе. Отрицательная оценка Королевства Югославия была принята еще в социалистический период. Это упрощение приводит к тому, что местные историки игнорируют данный сюжет, предпочитая ему османский период и эпоху социалистической Югославии. Один из немногих сюжетов истории королевской Югославии, включенных в школьные учебники, — это борьба Коммунистической лиги. Сегодня, когда в Черногории прилагаются усилия писать историю, исходя исключительно из националистической перспективы, этот период остается проблемным и малоизученным. Для того чтобы преодолеть недостаток исследований, важных с точки зрения целей школьного образования, необходимо прекратить рассматривать этот период как полностью отрицательный. Но это сделать не просто в связи с тем, что политические события, происходившие в Чер-

ногории с 1918 до конца 1920-х гг., сопровождались и ужесточались общим экономическим кризисом, поразившим Королевство Югославия, и сопутствующим кризису голодом. Кроме того, 1930-е были отмечены массовыми преследованиями членов Коммунистической партии. Это приводит к тому, что простейшим решением, которое пользуется общественной поддержкой, становится дискредитация периода в целом.

В то же время существует сербский националистический нарратив, в котором Королевство Югославия рассматривается как процветающее государство, принесшее капиталистический и культурный ренессанс. Действительно, в 1930-е Черногория пережила период беспрецедентного развития гражданского общества, включая открытие большого числа кинотеатров и книжных клубов, проведение политических кампаний и осуществление строительных проектов. Эта интерпретация последнее время получает возрастающую поддержку в сербских СМИ.

Недавно возникла третья волна интерпретаций, которая уделяет внимание политическим и экономическим проблемам этого периода, но при этом обращает внимание на рождение и развитие новых политических идей и гражданских движений. В целом господствующий современный нарратив этого периода в Черно-

---

поддержание связей с группами вооруженного сопротивления на территории Черногории и создание армейских формирований в изгнании. Но международная конъюнктура обрекла эти планы на неудачу. В ходе Парижской мирной конференции место представителя Черногории оставалось пустым поскольку, согласно Уоррену Уитни (Warren Whitney), ее рассматривали скорее как «завоеванную нацию, а не как союзника, который во время войны понес жертвы в ходе борьбы за общее дело». Поэтому черногорское правительство в изгнании, располагавшееся в Италии, следило за событиями издали (прим. редакторов).

рии колеблется между первыми (негативистскими) и третьими (рефлексивными) интерпретациями.

Н. М. Какие моменты истории Черногории в годы Второй мировой войны и создания социалистической Югославии вызывают наибольшие дискуссии? Как эти спорные вопросы интерпретируются в академической и политической среде, а также в массовом сознании?

М. В. Эти дебаты в основном вращаются вокруг обвинений, оправдания (validation) и критики или недостатка критики по отношению к преступлениям, совершенным разными местными вооруженными группировками в 1941–1945 гг. Национально-освободительная борьба партизан Черногории в годы Второй мировой войны включала также борьбу с местными четниками, чей экстремизм превосходил их коллег из Сербии, с мусульманской милицией, албанскими баллистами¹⁴ и черногорскими зелеными, формированием местных националистов. Кроме партизан, все вышеперечисленные формирования были коллаборационистами и антикоммунистами, получавшими помощь от итальянцев и, позже, от немцев. Вместе с тем все они враждовали между собой, а также с партизанами. Все стороны, вовлеченные в войну, совершали злодеяния. Тем не менее Комиссия по военным преступлениям (1945–1947) расследовала только преступления коллаборационистов. Поскольку преступления партизан документированы в незначительной мере, дебатов по этому поводу

не возникает. Отсутствие прозрачности и верифицированной научно установленной информации создает пространство для манипуляций. Тем не менее правительство Черногории не инициирует никаких исследований по вопросам военных и послевоенных злодеяний. В то же время местные сербские националисты при поддержке СПЦ постоянно поднимают вопрос о преступлениях партизан, в то время как правительство их игнорирует, надеясь на то, что поскольку преступления националистических группировок носили гораздо более масштабный характер, то это должно в итоге положить конец подобным обвинениям.

Более того, сейчас идет дискуссия между гражданским обществом и правительством. Такие организации, как Действие в защиту прав человека (Human Rights Action NGO), выступают за введение закона о компенсациях жертвам коммунистических преступлений, в том числе преследованиям коммунистов-сталинистов на острове Голи Оток после дела Информбюро. Принятие этого закона должно будет привести к тщательному изучению архивов югославских секретных служб в Черногории. Нынешнее правительство стремится это предотвратить, предпочитая не создавать новых исторических споров. Их главный аргумент состоит в том, что факт совершения этих преступлений был признан, и в память об этих жертвах, подавляющего большинства которых уже нет в живых, была названа площадь в Подгорице.

¹⁴ Балли Комбетар (алб. Balli Kombëtar — Национальный фронт) — созданная в 1939 г. албанская националистическая и антикоммунистическая организация (прим. редакторов).

Н. М. Какова специфика черногорской югоностальгии? Как она отражается в личных нарративах, инициативах активистов и официальных интерпретациях югославского прошлого?

М. В. Важнейшая особенность черногорской югоностальгии — это постоянное тихое сопротивление агрессивному ревизионизму националистов, который просачивается из соседних Сербии и Боснии и Герцеговины. Оценки социалистической Югославии в Черногории сосредоточены, прежде всего, на позитивном воздействии на местное социальное и экономическое развитие. Националистическая ревизия этого нарратива происходит в результате не критического усвоения националистических поветрий из вышеупомянутых соседних стран и приводит к росту национализма в общинах сербского, боснийского и албанского меньшинств. В настоящее время эти нарративы не вызывают заметного политического отклика. Скорее порой они приводят к парадоксальным результатам. Так, правые сербские националисты могут критиковать партизан, но при этом посещать парад победы 9 мая в Москве. В 1960–1980-е духовные наследники черногорских четников придерживались сугубо проамериканских антикоммунистических позиций. Сейчас они с той же страстью поддерживают Россию как бастион православия и антиглобализма. Эти примеры показывают, что в политике историче-

ская и научная аргументация часто уступает дорогу националистическим и религиозным идеям.

Конечно, мы можем говорить и о черногорском национализме, но он чрезвычайно слаб в сравнении сербским, боснийским и албанским национализмами и не находится в антагонистических отношениях с коммунизмом. В связи с этим большинство из 600 монументов, посвященных национально-освободительному партизанскому движению, сохраняются в хорошем состоянии, 13 июля остается главным национальным праздником¹⁵, школы и улицы продолжают, за редкими исключениями, носить имена героев-партизан. Партизанское наследие занимает важное место в официальной интерпретации югославского прошлого в связи с постоянным продвижением антифашистской традиции Черногории в качестве основы мультикультурализма и межэтнической терпимости. В то же время на уровне популярной культуры югоностальгия формируется под влиянием персональных нарративов и инициатив, коллективов хоровой музыки и популярных музыкальных групп, таких как Кидс Поп Квайр (Kids' Pop Choir), популярных песен партизан, субкультуры социалистического стиля жизни, в смысле эстетизации югославской популярной культуры 1960–1980 гг. Не случайно одна из ведущих коммерческих радиостанций все еще называется Радио Титоград.

¹⁵ 13 июля является символической датой истории Черногории по двум поводам. Это годовщина восстания против итальянских фашистов, поднятого Коммунистической партией Югославии 13 июля 1941 г. Это еще и день Черногорской государственности, т. е. 13 июля 1878 г. на Берлинском конгрессе Черногория была признана 27-м независимым государством в мире (прим. редакторов).

Н. М. Какие социальные группы вы бы назвали агентами или даже активистами памяти?

М. В. Идущая сверху вниз поддерживаемая правительством политика памяти в Черногории все еще находится в состоянии саморазвития. Она все еще колеблется между двумя концепциями государственности: нарративом этнической нации Королевства Черногория и нарративом гражданской нации (как заявлено в Конституции), основанном на антифашистском наследии 1941–1945 гг. Хотя оба нарратива частично разделяют сходные ценности, между ними тем не менее возникает диссонанс.

Доморощенная черногорская националистическая политика памяти начала набирать обороты совсем недавно, благодаря нарастающей государственной поддержке. В связи с тем, что провозглашение независимости в 2006 г. не сопровождалось значительным ростом уровня жизни, правительство, чтобы сохранить свой авторитет, постепенно начало поддерживать националистические интерпретации прошлого, в том числе рассматривая события 1918 г. с позиции невинной жертвы, как год международного предательства Королевства Черногории. Такой подход противоречит изначальной национальной идентичности Черногории, основанной на идее мультикультурализма и терпимости ко всем этническим идентификациям, и сопровождается все более громкими заявлениями: «Никогда больше 1918! Никогда больше мы не падем жертвами сербского национализма!» Это — тревожная тенденция. Нар-

ратив «одна страна — одна нация» не только неприемлем в нашем контексте, он также противоречит Конституции.

Националистические нарративы черногорской идентичности приводят к умножению подобных нарративов других этнических групп Черногории, что подрывает модель гражданской нации. Кроме того, политические силы часто извращают нарративы черногорской идентичности и истории для достижения краткосрочных политических целей. Так, два года назад возник спор между правительствами Хорватии и Черногории по вопросу нематериального наследия Которской бухты, в связи с тем, что правительство Черногории подало заявку на включение Бокельского флота (*Bokeljska mornarica*) — старейшей морской организации мира — в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. В заявке игнорировалась роль хорватской общины, которая играла важную роль в местной традиции мореплавания, что вызвало возмущение не только хорватов Черногории, но и правительства Хорватии. В 2018 г. проводились черногорско-хорватские переговоры о подаче совместной заявки, но они не увенчались успехом, и Черногория подала заявку в первоначально задуманном виде.

СПЦ выступает противников обоих вышеописанных нарративов, т.к. рассматривает Черногорию в качестве одной из «сербских земель», а черногорцев как часть сербского национального тела. В этом смысле СПЦ представляет главную угрозу

развитию нарративов идентичности обеих (как этнической, так и гражданской, включающей все этнические группы и религии) форм черногорской нации. СПЦ также является главным агентом памяти в Черногории, предпринимающим огромные усилия по продвижению националистического просербского исторического ревизионизма. В последнее десятилетие церковь признала, что Черногория стала независимым государством, но по-прежнему относится к христианскому населению как части сербской нации. Это последний идеологический, социальный и экономический бастион просербской национальной идеи в Черногории, который в ходе различных видов своей деятельности, от проповедей до публичных мероприятий, настойчиво внедряет описанные выше утверждения о близости Сербии и Черногории. Более того, в связи с тем, что СПЦ владеет и управляет всеми монастырями на территории страны, она рассматривает черногорское христианское культурное наследие в качестве сербского культурного наследия. Последние три десятилетия церковь активно преобразует культурное наследие Черногории, приспособляя церкви и монастыри к стандартам просербского нарратива. Дизайн православных церквей всегда отражает местные особенности. Вопреки этому, Сербская православная церковь не соблюдает международные и национальные нормы сохранения культурного наследия и меняет внешний вид

и интерьеры православных церквей Черногории, чтобы они походили на церкви в Сербии. Все новые церкви строятся по сербским образцам. Несмотря на возмущение дизайнеров, архитекторов и историков, правительство Черногории терпимо относится к таким практикам, не желая потревожить общественное спокойствие. Все-таки в 2019 г. новый закон о религиозной свободе был принят парламентом Черногории, который запрещает подобные вмешательства в культурное наследие, что вызвало громкие протесты СПЦ¹⁶.

Н. М. Так как это интервью будет опубликовано в русском журнале, то уместен еще один вопрос. Как вы сегодня дискурсы Российской Федерации и СССР? Существуют ли в черногорских нарративах памяти какие-либо выдающиеся русские фигуры, такие как Сталин и, может, кто-нибудь еще?

М. В. Россия всегда рассматривалась как долговременный политический, военный и культурный союзник. В 2011 г. в Черногории праздновали 300-летие установления отношений с Россией. С этой точки зрения правительство подчеркивало важность доброжелательных отношений между самой большой и самой маленькой славянскими нациями. После того как Черногория сразу после обретения независимости объявила о стремлении вступить в НАТО, отношения ухудшились, что повлияло на общее отношение к России, ко-

¹⁶ Данный закон вступил в силу 8 января 2020 г. Согласно ст. 62, религиозные общины Черногории должны доказать права собственности на религиозные объекты, построенные ранее 1918 г. В противном случае право собственности переходит к государству. Поэтому СПЦ должна доказать свои права на все сооружения, построенные до 1 декабря 1918 г., когда Черногория стала частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (Maksimović 2020) (прим. редакторов).

торое начиная с правления Петра Великого в начале XVIII в. было преимущественно положительным и было связано с идеей, что Россия щедро помогала Черногории в ходе ее сопротивления османскому владычеству. Такое отношение отзывалось и в культурной сфере. Примеры из русской культуры, прежде всего из русских литературных произведений, обильно включались в программы начальной и средней школы.

Сегодня официальное отношение и отношение публики к России остается в целом благоприятным, но прилагаются усилия по детализации прежних упрощенных представлений. Заметны попытки показать нарратив трех столетий доброжелательных отношений в более сложном свете. Русская помощь Черногории в XVIII–XIX вв. сейчас все больше интерпретируется скорее как политический бизнес России, чем безусловная поддержка, основанная на братской любви, как изображалось до объявления Черногорией о своей независимости.

Советский Союз до сих пор рассматривается как страна, внесшая главный вклад в победу и как главная жертва Второй мировой войны. В Черногории продолжает существовать всеобщее восхищение Россией и русской культурой. В 2019 г. во время 80-й годовщины начала Второй мировой войны президент Черногории открыто высказал свое возмущение тем, что президент России Путин не был приглашен на международную церемонию памяти об этом событии. В то же время нарастают критические оценки сталинизма и постсталинской эпохи.

Положительные чувства по отношению к России находятся сегодня под угрозой из-за того, что Россия оказывает безусловную поддержку просербским и другим крайне консервативным группам.

ЛИТЕРАТУРА

Bieber 2010 — *Bieber Florian*. The party system of Montenegro // V. Stojarova and P. Emerson (eds.) *Party Politics in the Western Balkans*. Abingdon: Routledge, 2010. P. 119–130.

Džankić, Keil 2017 — *Džankić Jelena, Soeren Keil*. State-sponsored Populism and the Rise of Populist Governance: The Case of Montenegro // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2017. 19 (4): 403–418. DOI:10.1080/19448953.2017.1280981.

Gallagher 2003 — *Gallagher Tom*. Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro during and after the Yugoslav Wars // *International Journal of Politics, Culture, and Society* 17 (1), *Studies in the Social History of Destruction: The Case of Yugoslavia* (Fall, 2003). 2003. 53–71.

Kovačević 1993 — *Kovačević Branislav*. Od vezirovog do zidanog mosta — Tragična sudbina crnogorskih četnika u završnoj fazi rata 1944–1945. Beograd: Službeni list SRJ, 1993.

Lukic 2001 — *Lukic Reneo*. The Withering Away of the Federal Republic of Yugoslavia. *Nato Academic Forum*. 2001. Available at: URL: www.nato.int/acad/fellow/99-01/lukic.pdf (15.06.2020).

Maksimović 2020 — *Maksimović Sandra*. Montenegrin Law on Religious Freedom: Polarization that benefits the government(s)? *European Western Balkans*, 13.01.2020. Available at: URL: europeanwesternbalkans.com/2020/01/13/montenegrin-law-on-religious-freedom-polarization-that-benefits-the-governments/ (20.07.2020).

Marović 2019 — *Marović Jovana*. Déjà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović

wins Montenegro's presidential election. LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog (2019). Available at: URL: eprints.lse.ac.uk/89525/1/europpblog-2018-04-18-deja-vu-montenegrin-style-milo-dukanovic-wins.pdf (15.06.2020).

Morisson 2018 — *Morisson Kenneth*. Nationalism, Identity and Statehood in Post-Yugoslav Montenegro. London, New York: Bloomsbury Academic, 2018.

MPN RCG 2003 — *Ministarstvo prosvjete i nauke Crna Gora*. Strateški plan reforme obrazovanja 2002-2004. Podgorica: MPN RCG. 2003. Available at: URL: www.mpin.gov.me/files/1054202517.pdf (25.08.2020).

Pavlović 2016 — *Pavlović Srđa*. Montenegro's 'stabilitocracy': The West's support of Đukanović is damaging the prospects of democratic change. LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog (2016). Available at: URL: eprints.lse.ac.uk/69998/1/

[blogs.lse.ac.uk-Montenegros%20stabilitocracy%20The%20West%20support%20of%20Đukanović%20is%20damaging%20the%20prospects%20of%20democratic%20cha.pdf](https://blogs.lse.ac.uk/Montenegros%20stabilitocracy%20The%20West%20support%20of%20Đukanović%20is%20damaging%20the%20prospects%20of%20democratic%20cha.pdf) (15.06.2020).

Saggau 2017 — *Saggau Emil Hilton*. A Shrine for the Nation: The Material Transformation of the Lovćen Site in Montenegro // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2017. DOI: 10.1080/19448953.2018.1385934.

Stojanović 2016 — *Stojanović Dubravka*. The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states // *European Politics and Society*. 2016. DOI: 10.1080/23745118.2016.1269440.

Vachudova 2019 — *Vachudova Milada Anna*. From Competition to Polarization in Central Europe: How Populists Change Party Systems and the European Union // *Polity*. 2019. 51 (4): 689–706.

"THE DESCENDANTS OF MONTENEGRIN CHETNIKS WERE EXTREMELY PRO-AMERICAN IN THE 1960S-1980S. NOW, THEY ARE PRO-RUSSIAN WITH EQUAL VIGOUR, EMPHASIZING RUSSIA'S STATUS AS A BASTION OF ORTHODOX CHRISTIANITY AND ANTI-GLOBALISM".

Interview with Miloš Vukanović

Vukanović Miloš — mag. sc., former Deputy Director of the National Museum of Montenegro, advisor at the Center for Civic Education (CCE) in Montenegro and coordinator of the Association of History Educators of Montenegro, Podgorica (Montenegro)

Key words: memory politics, Montenegro, revisionism, textbooks, museums, archives.

Abstract. The recent historical victory of an alliance of three oppositional blocs in the Montenegrin parliamentary elections echoes a long history of growing disapproval of the contested rule of President Milo Đukanović and his Democratic Party of Socialists (DPS). Over three decades in power, this regime has advanced a combination of a markedly neoliberal economic model, plagued by outrageous levels of corruption, and an ambivalent national idea, built around the incompatible ideals of a romantic Montenegrin nationalism and the citizen-based model of statehood. In this interview, mag. Miloš Vukanović discusses the socially-divisive reverberations of these policies in memory politics, particularly focusing on the place of collective memory in secondary and tertiary education, museology and archive management.

6. Косово.

«ИСТОРИОГРАФИЯ АЛБАНСКИХ КОСОВАРОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОПИСАНИЕ ДОЛГОЙ ИСТОРИИ УГНЕТЕНИЯ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ОНА СОСРЕДОТОЧЕНА НА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ».

Интервью с Э. Красничи

Ключевые слова: Косово, политика памяти, гендерные исследования, разделенные общества, мифостроительство.

Аннотация. Косово является самым юным из (пост)югославских государств. Поэтому борьба за наследие, память и видение будущего часто представляется здесь слишком прямолинейно и низводится до побочного продукта векового конфликта представителей сербской и албанской общин и наследия Косовской войны 1998–1999 гг. Тем не менее в каждой из общин также присутствуют несовпадающие друг с другом нарративы, в которых отражаются сложные моменты как местной истории и историографии, так и процесса примирения в Косово. В данном интервью доктор Элифе Красничи рассматривает современные дебаты по поводу коллективной памяти и идентичности косовских албанцев (косоваров) и истории Косово. Особое внимание уделяется пересмотру местных истории и памяти с точек зрения антропологии, гендерных исследований и устной истории. DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-159-185

Два десятилетия спустя после Косовской войны (1998–1999), которая завершилась иностранной интервенцией и учреждением Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово в бывшей югославской автономии, Косово является частично

признанным государством, и эксперты подчеркивают, что долгий процесс примирения между Косово и Сербией хоть и далек от завершения, но не является безнадежным (Baliqi 2017; Miletić 2019). В самом деле, после провозглашения независимости в 2008 г. число случаев

сербско-албанского этнического насилия резко снизилось, в то время как переходная экономика Косово медленно растет (*Tërstena et al.* 2019). Вместе с тем Косово остается непростым случаем для исследователей — экспертов в области миротворчества и специалистов других социальных дисциплин, чьи исследования свидетельствуют о тяжелых последствиях языковых конфликтов и затруднениях, возникающих в международных отношениях.

В отличие от других (пост)югославских государств, Косово не имело статуса республики в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия. До националистического вмешательства под руководством Слободана Милошевича, начавшегося в 1989 г., Косово, как и Воеводина, имело статус автономного края (1945–1963) и социалистического автономного края (1963–1990). Согласно югославской конституции 1974 г. права краев были близки к правам республик, но конституционные поправки 1989 г., инициированные Милошевичем, ограничили эти права.

Ответом косовских албанцев на это изменение статуса стало провозглашение суверенитета в сентябре 1992 г. Новая республика была признана только Албанией. Избранный только косоварами в мае 1992 г. президент Ибрагим Ругова был сторонником ненасильственного сопротивления Сербии. Армия освобождения Косова (АОК), ставившая задачей обеспечение безопасности, имела

преимущество перед сербской¹ полицией. Ответом сербской полиции и армии стали этнические чистки, включая убийство семьи Яшари (Jashari). Убийство примерно 60 членов семьи одного из создателей АОК Адема Яшари привело к формированию вокруг его имени культа мученика.

Косовская война закончилась в результате трехмесячных бомбардировок Республики Югославия силами НАТО в 1999 г. Резолюция 1244 Совета безопасности ООН от 10 июня 1999 г., принятая после вывода сербских войск, гарантировала автономию Косово в рамках Республики Югославия в качестве временного состояния на пути к независимости. При этом Косово было превращено в международный протекторат. Была учреждена Временная администрация ООН и введены руководимые НАТО миротворческие силы (КФОР). Международные гаранты настаивали на том, что будущий статус Косово будет определен в соответствии со «стандартами до статуса». Под этим подразумевалось, что Косово может получить суверенитет после того, как в стране будут установлены межэтнический мир, демократия и рыночная экономика (*Ingimundarson* 2007: 95).

Многочисленные исследователи отмечают, что подобные ожидания в постконфликтном регионе, где противостоящие стороны руководствуются несовместимыми интерпретациями прошлого и будущего, были проявлением идеализма

¹ В 1992–2003 гг. Федеральная Республика Югославия состояла из Сербии и Черногории. В 2003 г. Федеральная Республика была переименована в Сербию и Черногорию. В 2006 г. Черногория провозгласила независимость.

(*Ingimundarson 2007; Zupančič, Pejić 2018*). Жестокие преступления армии и полиции, а также парамилитарных структур, совершенные в годы войны, привели к этническому противостоянию косовских албанцев и сербов. Это привело к насилию в отношении сербского населения, к эмиграции тысяч сербов, а также к разрушению косоварами сербских мемориалов и памятников культурного наследия (*Bieber 2002: 105*).

Этнические конфликты послевоенного периода были усугублены неспособностью международного сообщества найти дипломатически нейтральное решение по поводу статуса Косова, способное удовлетворить все стороны. Это привело к одностороннему провозглашению независимости от Сербии в 2008 г., признанному на сегодня 116 членами ООН². Международные институты, включая ООН, НАТО, ЕС и ОБСЕ, сохранили свои миссии в новом государства с целью обеспечить мир, развитие демократических институтов и гражданского общества, а также в связи с тем, что отношения между албанским большинством и сербским меньшинством, в основном проживающим в северной части Косово, остаются напряженными и обе стороны продолжают бороться за собственное параллельное управление, играя на противоречиях международных игроков.

«Согласно опросу по поводу восприятия переходной юстиции в Косово, проведенном Программой развития ООН (United Nations Development Programme), большинство респондентов считают свою этническую группу главной жертвой преступлений и нарушений прав человека во время войны. Хотя большинство представителей всех этнических общин считают, что все военные преступники должны быть наказаны, при этом более 70% косоваров и более 40% косовских сербов не склонны думать, что представители их этноса совершали военные преступления» (*Baliqi 2017: 12*).

Косово остается спорным символом, восходящим к мифам о битве на Косовом поле 1389 г., которая знаменует историческую преемственность сербского государства и духовного наследия сербского народа³. В то время как итоги и последствия этой битвы остаются предметом сомнительных интерпретаций, ее символическое значение продолжает играть важную роль в национальной истории сербов и косоваров и по сей день эксплуатируется политиками с обеих сторон (*Di Lellio 2009; Ejđus, Subotić 2014; Kočan 2019*).

Недавние, прагматические по большей мере, усилия двух сторон двигаться в сторону примирения, воплощенные в том числе в Брюссель-

² 16 государств отозвали свое признание независимости Косова: Сан-Томе и Принсипи, Суринам, Бурунди, Папуа — Новая Гвинея, Лесото, Коморы, Доминика, Гренада, Соломоновы Острова, Мадагаскар, Палау, ЦАР, Того, Гана, Науру, Сьерра-Леоне.

³ Битва на Косовом поле является одним из основных мифов сербского национализма. Битва между коалицией сербских князей и Османской империей состоялась в день святого Вита 15 (по принятому сейчас григорианскому календарю 28) июня 1389 г. В надежных исторических источниках содержатся скудные сведения об этой битве, означавшей конец средневекового Сербского царства.

ском соглашении 2013 г., привели к тому, что Сербия признала власти и администрацию (но не суверенитет) Косова, с целью обеспечить позицию Сербии в процессе вступления в ЕС. В то же самое время противоположные мнения о прошлом, настоящем и будущем Косова продолжают высказываться в ходе горячих дискуссий, идущих под прикрытием политического прогресса. Наследие Армии Освобождения Косова продолжает процветать в косо­варской политике в рамках Демократической партии Косова (*Partia Demokratike e Kosovës — PDK*) и Альянса за будущее Косова (*Aleanca për Ardhmërinë e Kosovës — AAK*). Оценка двусмысленного социально-политического климата, данная Ингимундарсоном в 2007 г., не утратила своей актуальности: «С одной стороны, этнонационалистический дискурс, разделяемый и декларируемый политической элитой косоваров, в значительной мере зиждется на понятиях национального строительства, возникших в девятнадцатом веке. Среди них: претворение мифов славного прошлого и продолжающаяся борьба за независимость, подчеркивание героизма, самопожертвования, мученичества и травмы. С другой стороны, албанский национализм включен в пост­модерное видение гражданской нации, основанное на идее о том, что независимость Косова может быть надежно обеспечена только наднациональными “Евроатлантическими структурами”, т. е. Европейским союзом и НАТО» (*Ingimundarson 2007: 95*).

Подобно всему (пост)югославскому пространству, этнонационалистиче-

ские нарративы, которые подчеркивают многовековую национальную идентичность косоваров и сопровождаются тропами самопожертвования, мученичества и страдания, процветают в учебниках, государственной практике коммемораций и политическом дискурсе (*Baliqi 2017*). Лишенные в стратегических целях ссылок на культурное и религиозное исламское наследие (*Ingimundarson 2007: 101*), они подпитывают неолиберальную экономическую модель, отвечающую прагматическим интересам политических элит, которые негласно отказываются от усилий по построению более прозрачной и прочной социальной модели. Подчеркивание этнических конфликтов и национальной борьбы скрывает глубокие и давние исторические проблемы, связанные с классовым и гендерным неравенством (*Baliqi 2017; Zdravković-Zonta 2009*).

Косово является самой молодой (средний возраст согласно переписи 2011 г. — 27 лет) страной Европы с высочайшим уровнем безработицы среди молодежи: «По причинам длительной межэтнической вражды, опыта военной травмы, отсутствия переходной юстиции и неумения работать с прошлым, современной молодежи присущи этнонационалистические тенденции и высокая политизация» (*Baliqi 2017: 11*).

Поэтому борьба за наследие, память и видение будущего не является исключительно конфликтом между сербской и албанской общинами; несовместимые нарративы, которые расцветают внутри данных общин, образуют клубок противоречий, от-

зывающихся в настоящем. Совместные инициативы исследователей, такие как «Книга памяти Косова»⁴, играют в этом смысле чрезвычайно важную роль. Используя методы устной и визуальной истории, исследовательские организации стремятся документировать и сохранить знание о местной истории во всей ее сложности. Использование критических теоретических подходов, от идеологической критики до гендерных исследований, позволяет обнаружить и сделать общим достоянием альтернативные нарративы, которые могут внести вклад во все вышеназванные аспекты кропотливого процесса приречения.

В данном интервью доктор Элифе Красничи сосредоточена на этих потенциальных нарративах. Она включает их в исторический и институциональный контекст, тем самым расширяя понятия национальной идентичности и идентификации.

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Люблина — Грац, 22.05.2020.

Н. М. Как писатель, активист и исследователь вы выдвигаете на первый план важные и глубоко укоренившиеся формы неравенства, в том числе гендер, и их не бросающиеся в глаза, но ощутимое воздействие. Говоря о Косове как молодом государстве, вы отмечаете, что его историография и политика памяти основаны на обосновании длительного проживания албанцев на данной территории и их права на государственность.

Красничи является антропологом, активистом женского движения и писателем. С 2018 г. она преподает и проводит исследования в Институте истории и антропологии Юго-Восточной Европы Грацкого университета. Она является сооснователем и бывшим главой «Альтер Хабитус» — Института феминистских исследований общества и культуры в Приштине (2009–2010; 2016–2018). В центре ее научных интересов социальная и визуальная антропология и социальная история. Ее докторская диссертация посвящена изучению семьи и патриархальных отношений в Косово с середины XX до начала XXI в. Ее нынешний исследовательский проект посвящен вопросам расы, власти и семьи на Балканах, в рамках которого она проследживает жизнь чернокожих в различных местностях Балкан в конце XIX — начале XX в., уделяя особое внимание жизни домашней прислуги и нянек.

Какие неравенства скрыты в этом нарративе?

Э. К. Ведущие направления косоварской историографии в целом игнорируют гендер и стараются не замечать вопросы классового неравенства. Подобные умолчания и их причины могут сообщить нам много важного. Прежде всего, это говорит нам о контексте, в котором работают албанские исследователи. Например, Институт албанистики был открыт

⁴ «Книга памяти Косова» — совместная работа косовского и белградского Центров гуманитарного права, перечисляет представителей всех этнических групп, убитых, пропавших без вести и исчезнувших в период 1998–2000 гг. Шеститомный труд был издан на албанском, сербском и английском языках (*Baliqu* 2017: 15).

в 1953 г., закрыт в 1955 г. и вновь открыт год спустя после отставки Александра Ранковича в 1966 г.⁵ Тогда же в 1967 г. был открыт местный Институт истории. В 1969 г. был открыт Университет Приштины, который до 1999 г. был единственным университетом на территории Косова, а также единственным в Югославии, где преподавание велось на албанском языке. Необходимо помнить, что до отставки Ранковича Косово жило в состоянии жесткого политического угнетения и нищеты. После Второй мировой войны югославские власти, в разные периоды разными способами, осуществляли давление на косоваров. Экономические меры, например, включали *принудительные* поставки продовольствия. Правда, такая экономическая политика до 1952 г. проводилась на всей территории Югославии (Horvat 1970). В рамках этой политики крестьяне вне зависимости от уровня их достатка должны были сдавать весь урожай местным властям для последующего равного распределения. В коллективной памяти Косова этот период отмечен как время голода и насилия (Krasniqi et al. 2016). Среди репрессивных мер, которые до сих пор вызывают болезненные воспоминания,

выделяется акция по сдаче властям оружия. Хорватский экономист ссылается на доклад Комиссии по реорганизации Службы государственной безопасности, где описываются методы, которыми отбиралось оружие: людям угрожали, избивали, загоняли зимой в воду, держали в холодных помещениях, калечили и даже убивали. Часто албанцы были вынуждены покупать оружие и сдавать властям в надежде, что это избавит их от насилия. Доклад также сообщает, что эти акции были направлены преимущественно против албанцев, многие из которых были вынуждены бежать в Турцию, но они также не обошли стороной сербов и черногорцев (Horvat 1989: 92).

Давление на албанцев, вынуждавшее их бежать в Турцию (или Албанию), наиболее прямолинейно и жестоко осуществлялось в ходе аграрных реформ и колонизации Косова еще в межвоенный период⁶. Миграция/перемещение югославских мусульман в Турцию регулировалась соглашением между Тито и турецким министром иностранных дел Мехметом Фуатом Кёпрюлю (Mehmet Fuat Köprüllü) и действовало по меньшей мере до отставки Ранковича.

⁵ В 1945–1966 гг. член Политбюро Югославской коммунистической партии Александр Ранкович (1909–1983) обеспечивал контроль сербского меньшинства над албанским населением Косова с помощью репрессивных мер тайной полиции. Подобные кампании также проводились, хотя и с меньшей жесткостью, против венгров Воеводины и мусульман Санджака. Ранкович был противником признания боснийской нации (прим. редактора).

⁶ Обрадович выделяет три волны сербской колонизации: 1920, 1921–1923 и 1931–1941 гг. По его мнению, целью колонизации было изменение этнической структуры Косова посредством принуждения албанцев к эмиграции в Турцию и Албанию. Эти мероприятия проводились государством при поддержке большинства представителей интеллектуальной элиты, включая ученых. Наиболее примечателен «Меморандум для изгнания албанцев», подготовленный историком из Белградского университета Васей Чубриловичем (Vasa Čubrilović) и представленный им в 1937 г. правительству Югославии (Malcolm 1998: 284). Чубрилович доказывал, что албанский вопрос в Косово должен быть решен раз и навсегда и предлагал различные насильственные меры для массового изгнания албанцев. См. полный текст меморандума на английском: URL: albanianhistory.net/1937_CubriloVIC/index.html.

В период, когда должность руководителя Государственной секретной службы (Uprava državne bezbednosti — UDB) занимал Ранкович, эта служба занималась надзором за повседневной жизнью албанцев. Например, если косовар покупал албанскую ежедневную газету «Рилиндья» (Rilindja), этот факт заносился в его досье, которое вели сотрудники секретной полиции (Reuter 1982: 44–45. Цит по: Malcolm 1998: 327).

В то время как современные исследователи обращают внимание преимущественно на историю политических преследований косоваров в период социалистической Югославии, необходимо отметить также и экономическое давление, прежде всего с точек зрения гендерного и классового неравенства. Несмотря на то, что со второй половины 1960-х в Косово направлялись значительные инвестиции, уровень жизни в Косово во весь период после Второй мировой войны был ниже, чем в других частях Югославии. Так, после окончания войны лишь 2,6% косовских семей снабжались электричеством. Но и в середине 1960-х более 70% территории Косова оставалось без электричества (Maxharri 1985: 3–4). Уровень здравоохранения также был чрезвычайно низок. По данным журнала социального обеспечения «Трибуна», в 1974 г. один врач общей практики приходился на 10 589 жителей и один фельдшер на 15 702 жителя. На все Косово были два эпидемиолога. В 1975 г. лишь 225 населенных пунктов, где проживало 46,3% населения, располагали центрами здравоохранения, остальные жители должны

были обращаться за медицинской помощью за пределами их поселений (Трибуна. 15 декабря 1977 г.). В так называемый «золотой период» 1970-х происходило значительное развитие провинции, но процесс этот был неравномерным и поэтому положительно влиял на жизненные траектории далеко не всех косоваров и углублял классовое расслоение. Большинство обитателей сельских районов Косова были лишены тех возможностей, которые были доступны людям, находившимся на более высоких уровнях классовой иерархии, например жителям Приштины. Дети образованных родителей, служивших в государственных учреждениях Приштины, имели большие жизненные возможности в сравнении с остальными. С середины 1960-х денежные переводы также становились важным источником доходов тех, кто имел родственников-мигрантов.

В западной части Косова — Пежа (Peja), Гжакова (Gjakova), Призрен (Prizren) на юге и Митровица (Mitrovica) на севере — партизанское движение в годы Второй мировой войны было особенно активным (Ströhle 2016). После войны люди из этого региона имели больше возможностей занять должности в аппарате управления. Более того, в названные города и Приштину вкладывали больше средств, чем в другие населенные пункты, такие как Дреница (Drenica, в центральном Косове, где в 1998 г. началась Косовская война). В этом смысле социализм не вел к равному распределению благосостояния и возможностей⁷.

⁷ Первой после Второй мировой войны массовой реакцией на эти притеснения были демонстрации 1968 г. Большинство историков анализируют эти события сквозь линзы национализма, обращая внимание, прежде всего, на требования придать Косово статус республики. Вместе с тем речи

Все это влияет на восприятие прошлого разными людьми. Меньшинство албанцев, которые были облагодетельствованы социалистическим режимом, вспоминают об Югославии с ностальгией, т. к. это было время, когда они радовались тому потребительскому стилю жизни, который сложился в стране в 1970-х. Сельское население имеет другой опыт, их память не связана с государством и его благодеяниями. В этот период не только не возник средний класс, но даже более-менее обеспеченный нижний класс, который бы состоял из обитателей сельской местности (Ibid.).

Н. М. Вы упомянули об исходе тысяч косоваров в Турцию. В научной литературе этот процесс именуется и «изгнанием», и «миграцией». Эти понятия не являются синонимами. О чем все-таки, по вашему мнению, идет речь в данном случае?

Э. К. Большинство албанских историков и исследователей косовской коллективной памяти определяют этот тип миграции и как «перемещение» (shpërngulje), и как «изгнание» (dëbim)⁸. Контекст, в котором индивиды или семьи уезжали в Турцию, подобен опыту мусульман из Македонии, тщательно изученному Бурку Акан Эллис (Ellis 2003). Она не рассматривает волну миграции, начавшуюся в 1953 г., как принудительную миграцию. Тем не менее, пе-

речислив различные виды давления, вынуждавшие людей покинуть страну, она утверждает: «Все эти “сигналы”, посылаемые мусульманам, давали понять об уязвимости их положения в Югославии и усиливали их убеждение о необходимости эмигрировать в Турцию» (Ibid.: 54–55). Рассматривая положение косовских албанцев, Эдвин Пезо использует те же аргументы, доказывая, что эмиграция в этот период не может рассматриваться как организованная государством принудительная миграция. В то же время он признает, что существовали различные виды политического и экономического давления (Pezo 2018). Эти, используя термин Эллис, «сигналы», по воспоминаниям моих собеседников, с которыми я общалась в ходе написания диссертации, имели экономический, политический и психологический характер. Экономическое давление включало, в частности, закрытие магазинов, принадлежавших албанцам, а также лишение их других источников существования. Политическое давление включало похищения среди ночи, допросы, тюремное заключение, пытки и т. д. Психологическое запугивание со стороны властей приводило к созданию общей атмосферы страха и незащищенности.

Получить документы для миграции в Турцию не составляло труда. Надо было только подтвердить свою турецкую идентичность. Это было

организаторов демонстраций свидетельствуют, что речь также шла и о классовом неравенстве (Novosella 2008). В определенном смысле демонстрации 1968 г. в Косово отличались от демонстраций, состоявшихся в том же году в других регионах Югославии, поскольку албанцы в то время не обладали равными правами во многих сферах, в частности в праве на высшее образование на родном языке. Вместе с тем данные демонстрации имели много общего с выступлениями в других местах, т. к. были также направлены против привилегий правящей элиты.

⁸ См. об этом: (Pezo 2018).

несложно для *шехирли* (*şehirli* — по-турецки городские жители), тех, кто жил в городах долгое время и использовал османский турецкий язык в повседневной жизни⁹. В ряде случаев эти документы могли без особых проблем получить и сельские албанцы, которые не говорили по-турецки. Тут действовал принцип домино. Достаточно было одной влиятельной семье из какой-нибудь *махалле* (*mahalle* — сообщество соседей по-турецки) уехать, многие следовали этому примеру. Этот тренд соответствовал общей политике государства в отношении османского наследия. Коммунистические идеи модернизации, проводившейся под лозунгом: «Разрушай старое, чтобы расчистить место для нового», — содействовали разрушению многих зданий османский периода в старых частях городов, где жили *шехирли* (*Çarkagjii* 2011: 53–54). *Шехирли*, рассматриваемые государством в качестве нежелательных носителей османского наследия, наблюдали за разрушением привычной среды обитания и отъездом соседей, и также начинали собираться в дорогу, а за ними следовали многие сельские жители. В это время образованные люди, учителя и особенно политические активисты, которые требовали образования на албанском языке и права вывешивать албанский флаг, считались националистами. Они и члены различных подпольных движений подвергались преследованиям, тюремному заключению и насилию. В этих условиях, по моему мнению, соглашение Тито — Кёпрулю оставляло для косоваров единственный выход из ситуации

государственного угнетения и насилия. Я, наряду с Пезо, использую подход социолога Энтони Ричмонда, который утверждал, что решение покинуть свой дом может быть либо *проактивным*, принятым по экономическим или культурным мотивам, либо *реактивным* — последствием политического или социального угнетения, принятым в состоянии паники (*Richmond* 1988: 17). Я считаю, что решения отправиться из Косова в Турцию в большинстве случаев носили реактивный характер, хотя принимались и не столь многочисленные проактивные решения. Эти практики нельзя приравнять к изгнанию, т.е. принудительным перемещениям албанцев из Косова, которые имели место в 1999 г., тем не менее нельзя называть их свободными миграциями. Я склонна именовать этот процесс (за отсутствием лучшего понятия) *обусловленной миграцией* (*conditioned migration*).

Важным элементом обсуждаемого вопроса является межпоколенческая память. Историк Мемли Красничи, спросил Эмина Битичи (*Emin Butuçi*, 1930 г.р.), почему он уехал в Турцию в 1964 г., когда силовые государственные акции, например, по отъему оружия уже не проводились. Битичи ответил, что люди продолжали бояться, что нечто подобное может повториться, поскольку «они помнили недавний опыт» Под этим подразумевался страх повторения пыток, которым члены его семьи, наряду с другими албанцами, подвергались после Второй мировой войны (*Krasniqi et al.* 2016: 299, 304–307). Поэтому вопросы травмы и межпоколенческой

⁹ Подробнее см.: (Ellis 2003: 1–39; Pezo 2018).

памяти должны стать необходимой частью данной дискуссии. В марте 1999 г., когда почти миллион албанцев были депортированы сербскими силами в Македонию и Албанию, на почти обезлюдивших землях и в лагерях беженцев особую актуальность приобрела память о перемещениях и изгнании старших поколений албанских семей.

Н.М. Ваше исследование памяти оспаривает ряд устойчивых исторических тропов, относящихся к социальной организации и социальной динамике Косова. Каким образом антропология может внести вклад в корректировку исторических нарративов?

Э.К. Югославская историография и в какой-то мере другие дисциплины, изучающие албанцев, обращаясь к таким проблемам, как права и свободы, включение и исключение, центр и периферия и т.д., используют дискурсы колониализма и культурного расизма. В ходе исследования косовской семьи я внимательно читала работы известного хорватского антрополога Веры Эрлих, изучавшей причины, по которым албанская семья осталась последней *задругой*¹⁰ на территории Югославии (Erlich 1976). Опираясь на работы социолога Рудольфа Биканича (Rudolf Bičanić) и историка Траяна

Стояновича (Traian Stoianovich)¹¹, Эрлих доказывает, что на рубеже XIX и XX вв. политические и экономические перемены привели к фактическому исчезновению задруги в Югославии (Erlich 1966: 48–49, 153–154). Эрлих приводит следующие причины сохранения задруги среди албанцев: ислам, верность традициям, кровная месть и приверженность османскому наследию (Erlich 1976). Первым в данном случае возникает вопрос, почему экономические и политические факторы не сыграли в Косово той роли в разрушении задруги, которую они сыграли в других частях Югославии? Эрлих считает, что в Косово сказались неграмотность населения, вызванная «частично нехваткой школ, а также враждебностью [албанцев] к светскому школьному обучению. <...> Наряду с экономической отсталостью это грустное наследие Османской империи» (Erlich 1976: 248). Данное объяснение использует не только язык культурного расизма, но и не принимает в расчет ряд очевидных фактов. Албанские исследователи, в отличие от Эрлих, считают, что совместное ведение хозяйства албанцами было законсервировано, благодаря, прежде всего, экономическим и политическим факторам. При этом они согласны с ней, что традиции и обычаи также сыграли свою роль (Krasniqi 1979; Rrapi 1995).

¹⁰ Сельская община, считающаяся типичной для южных славян, обычно формировалась из членов большой семьи или группы родственных семей. Во владении задруги находились недвижимость, скот и деньги, которыми обычно распоряжался старейший мужчина. Со временем он мог передать свои права одному из своих сыновей. Мария Тодорова считает, что название «задруга» привело к созданию мифа о том, что это наследие первобытнообщинного строя. По ее мнению, задруга возникла на территории Османской империи в XVIII – начале XIX в. в составе товарного типа сельского хозяйства, имевшего название чифлик (çiflik), который пришел на смену натуральной спайхской военно-ленной системе (цит. по: Kaser 1994: 39–40).

¹¹ Рудольф Биканич (1905–1958), хорватский социолог и экономист; Траян Стоянович (1921–2005), американский историк (прим. редактора).

Мои этнографические наблюдения в области Опожа (Ороја), расположенной в южном Косове, свидетельствуют, что указанный Эрлих фактор кровной мести не свойствен местному населению. Ни один из стариков, которых я интервьюировала, не слышал, не говоря уже о личном участии, об этом обычае. Следовательно, стереотипное представление о том, что всем албанцам присуща традиция кровной мести, не получает эмпирического подтверждения. Относительно утверждения Эрлих: «Албанцы продемонстрировали, что ислам и задруга совместимы» (*Erlich* 1976: 246), — необходимо привести мнение албанского социолога Гьергя Ррапи, высказанное в 1970-х (опубликовано в 1995 г.), что задруга преобладает также среди албанцев-христиан и число членов общины в данном случае было обычно больше, чем у мусульман (*Rrapi* 1995: 88). По поводу образования необходимо сказать, что в 1970 г. албанские семьи, даже в таких удаленных районах, как Опожа, уделяли огромное внимание образованию своих детей. После открытия Университета Приштины туда записалось огромное число косоваров, включая женщин. Деян Йович показывает, что в конце 1970-х каждый третий косовар был охвачен университетскими программами (*Jović* 2009), что противоречит утверждению Эрлих о враждебности албанцев к обучению. Бурный рост образовательного уровня внес вклад в рост эмансипации, вовлечение молодежи и женщин в социальные, политические и культурные формы деятельности. Кроме того, Эрлих совершенно не уделяет внимания образованию албанцев в эпоху Королевства Югославии. Тогда албанские

школы, учрежденные в период австрийской оккупации (1915–1918), были закрыты (*Schmitt* 2012: 143) или переведены исключительно на сербский язык обучения (*Malcolm* 1998: 267). Лишь несколько начальных мусульманских школ (*Ramet* 2006: 47–48) и частных «турецких школ» получили разрешение на преподавание при условии, что оно будет вестись на турецком языке (*Malcolm* 1998: 267). Запрет албанских школ шел рука об руку с отрицанием этнической и национальной идентичности албанцев (*Ibid.*: 268–269).

Н. М. Какие изменения произошли в научных исследованиях косовской проблематики после Косовской войны? Каковы сегодня отношения между наукой и политическим активизмом?

Э. К. После войны 1998–1999 гг. историописание, а также различные манифестации коллективной памяти, такие как мемориалы и памятники, посвященные этой войне, приобрели популярность. После 1999 г. стало возможным свободно писать о притеснениях и жестокостях, совершенных югославскими и сербскими властями против албанцев. В то же время в Косово происходил бурный процесс воплощения разных видов коллективной памяти. Исторические исследования и историография в Косово продолжают рассматривать гендерные отношения с традиционной точки зрения. В этом смысле исторические нарративы позволяют увидеть, с помощью каких концепций и каким языком осмысливается гендер. Становится очевидным, что за пределами феминистских исследований женщины и мужчины

описываются по-разному. Женский активизм, вклад женщин в политику, историю и общественную жизнь практически не освещается, несмотря на недавний прилив общественного интереса к этой части истории.

В тех случаях, когда в исторических исследованиях и учебниках воздаётся должное роли отдельных женщин в национальном и государственном строительстве, нарратив остается в патриархальных рамках, где важную роль играет материнство. Письменные и телевизионные нарративы истории стремятся описывать женщин как «мать этого героя», «сестра этого видного политического заключенного» и т. д., не придавая значения тому, что многие матери и сестры сами были политическими активистами. Язык описания активизма женщин вращается либо вокруг их семейного статуса (мать, сестра), либо подчеркивается их «мужественный» характер, с помощью таких выражений, как «она сражалась как мужчина» и т. д.

В середине 2000-х я исследовала роль женщин в подпольном движении сопротивления 1960–1980-х, которое получило общее наименование «Илегалья» (Pegalja — нелегальность). Эти подпольные группы действовали по меньшей мере с 1950-х. Эти десятилетия отмечены несколькими волнами противостояния угнетению со стороны югославского и сербского режимов. Подпольный характер движения ставит серьезные эпистемологические, теоретические и методологические проблемы перед его исследователями. Женщины выполняли в составе Илегальи разные функции: от курьеров до членов ру-

ководства. Для того, чтобы оценить и изучить их вклад в национальное освобождение и в государственное строительство, необходимо осмыслить, какие последствия влекло участие в подпольном движении, каков был его характер и каким был опыт его участников. Исследования подобного рода должны сочетать различные методы и междисциплинарные подходы. В большинстве случаев до нас дошла скудная информация о роли женщин в подпольном движении. За пределами феминистских исследований, в большинстве работ по истории Косова обнаруживается недостаток нюансированного (критического) подхода к прошлому, к многообразию его измерений, включая гендер и класс.

Революционные для определенных исторических периодов поступки женщин, такие как отказ от замужества и решение учиться в школе, часто остаются за пределами внимания исследователей и сохраняются в памяти в виде анекдотов, пересказываемых родственниками и знакомыми. Малое внимание косовской историографии к социальной истории и преобладание истории политической обусловлены долгой историей угнетения, которая приводит к сосредоточению на политических нарративах. Такой подход к прошлому отражается на понимании гендера, согласно которому в трудах большинства историков женщины рассматриваются в рамках семьи и родственных отношений, а мужчинам приписываются героические качества. Сам язык описания красноречиво демонстрирует позицию исследователя. Включение феминистской точки зрения могло бы предоставить

иные подходы к производству знания о власти и позиционировании относительно власти. Проблема такого включения не является особенностью Косова и Балкан. Это гораздо более широкая проблема, как нам уже более ста лет постоянно напоминают международные феминистские (особенно постколониальные) исследования.

Феминистские группы и неправительственные организации Косова, такие как Центр косоварских гендерных исследований и Косовская женская сеть, уже поднимали вопросы, связанные с гендерным перекосом в текстах, предназначенных для школьного обучения, а также с дискриминацией женщин в общественной и семейной жизни. Летняя школа Университета Приштины, проводимая в рамках программы Центра гендерных исследований (основанного и руководимого исследователями феминизма Нитой Лучи (Nita Luci), Линдой Гусия (Linda Gusia), Вжоллкой Красничи (Vjollca Krasniqi)), включает методологические курсы по этой проблеме. Как и везде, огромные усилия приводят лишь к медленному прогрессу, и исследователи феминизма пока редко занимают ключевые позиции в научных институтах. Деятельность Центра гендерных исследований как инновационного пространства для междисциплинарных и гендерных исследований сопряжена с постоянной борьбой и переговорами. Необходимо отметить, что возможность преподавать и исследовать гендерные и феминистские проблемы обеспечивается тем, что исследователи феминизма являются сотрудниками таких кафедр, как социология и антропология.

Н.М. В чем, по вашему мнению, состоит специфика современной политики памяти в Косово в сравнении с остальным (пост)югославским пространством?

Э.К. По мнению Флориана Бибера, ключевой вопрос состоит в том, что «герои одного народа являются врагами» или военными преступниками в глазах представителей другого народа (Bieber 2014). Несколько инцидентов в Сербии и в Косово в 2013 г. обнаружили незатухающие постконфликтные противоречия, порожденные войной 1998–1999 гг. В январе 2013 г. сербская полиция демонтировала памятник албанским мученикам — членам парамилитарного формирования Освободительная армия Прешева, Медведжи и Буянока (алб.) / Буяноваца(серб.) (Ushtria Çlirimtare për Preshevë, Medvegjë dhe Vujanoc — UÇPMB), установленный в ноябре 2012 г. в сербском городе Прешева. Уже на следующий день Косовская ассоциация ветеранов войны снесла в ответ памятник социалистического периода в городе Витине (Viti) в восточном Косово. Данный случай нельзя назвать типичным для Косова, тем не менее многие памятники периода социализма разрушены, порой исключительно потому, что они были заброшены и пришли в негодность. Этот пример указывает на то, что в представлениях албанцев сербский национализм и югославский федеративный социализм сливаются в процессе построения образа «врага». Месяцем позже албанцы Буянока/Буяноваца, расположенного в Южной Сербии, протестовали против установки памятника сербскому полицейскому, который погиб в Косово

в 1999 г. Эти случаи показывают, что напряженные отношения между двумя странами распространяются и на памятники¹². Коллективная память поляризуется не только вовне, но и внутри Косова, выражением чего являются выступления членов гражданского общества и художников, которые выступают против разрушения и политизации памятников социалистического периода, представляющих художественную ценность. Так, в 2017 г. муниципалитет Гилана (Gjilan), расположенного в Восточном Косове, при поддержке Лиги историков Косово «Али Хадри» (Ali Hadri), решил переместить памятник социалистического периода¹³, чтобы на его прежнем месте воздвигнуть памятник национальному герою Идризу Сефери (Idriz Seferi, 1847–1927). Организации гражданского общества и художники Гилана организовали протест и подписали петицию против этого решения. Они аргументировали это тем, что памятник социалистического периода является частью городской коллективной памяти и обладает художественной ценностью. Протестующие также призвали муниципалитет привлекать общественность к широким дискуссиям по подобным вопросам¹⁴.

Цифровая эпоха приводит к появлению различных конкурирующих нарративов и голосов. Несмотря на это, коллективная память Косова формируется, прежде всего,

правительством и другими представителями власти, а также силами международного сообщества. Международное сообщество без особого успеха стремится денационализировать коллективную память Косова (*Ingimundarson 2007*). День албанского флага, например, не является государственным праздником Косово. Тем не менее люди его широко отмечают, усматривая в нем символ широкой албанской этнической и национальной идентичности. На официальных церемониях используется сине-желтый косовский флаг с шестью звездами, символизирующими различные этнические группы, проживающие в Косове. Он был специально разработан с целью исключить любые этнические интерпретации. В этом смысле он напоминает флаг Боснии и Герцеговины.

Государственное угнетение со стороны югославского и сербского государств и война не оставляют заметного места для ненационалистической памяти. Албанская политическая элита Косова сформировала откровенно националистическую память, в которой мученики и герои поминаются в гораздо большей мере, чем, скажем, жертвы войны (*Weller 2009*). Вопреки высокой степени вовлеченности государства в процессы мемориализации и формирования коллективной памяти, существуют и независимые инициативы. Примером этому служит Музей Фер-

¹² См. также: Shkëlzen Maliqi. The War of Symbols: Remembrance in Kosovo. URL: kosovomemory.org/wp-content/uploads/2017/03/MOnuMENTI_shqip_eng-1.pdf.

¹³ См. о памятнике в Гилане: Nošenje Ranjenika – Ante Gržetića. URL: skulptura-hronologijaizlaganja.rs/spomenik-nosenje-ranjenika-gnjilane/.

¹⁴ См. также: Dorentina Kastrati & Taulant Osmani. ‘Gjilanit i zhvendoset “Panorama” gjysmë shekullore’, 10.11. 2017, Kallxo, URL: kallxo.com/gjate/analize/gjilanit-zhvendoset-panorama-gjysmë-shekullore/.

дони Черкези (Ferdonije Qerkezi) в Джяковице (Gjakovë), расположенном на Юго-Западе Косова. 27 марта 1999 г. полиция похитила мужа и четырех сыновей Фердонии, двое из которых считаются пропавшими без вести. Черкези не хотела ничего менять в доме и в конечном счете превратила его в музей, открытый для посетителей. 14 июня 2016 г. муниципалитет Джяковицы, который в тот момент возглавляла женщина-мэр Мимоза Кусари (Mimoza Kusari), объявил дом Фердонии домом-музеем (shtëpi muze) и установил на нем мемориальную доску с надписью: «Традиционный дом семьи Черкези, исторический музей событий 1999»¹⁵. С прошлого года негосударственные аспекты мемориализации, включая семейную память, оказались в центре моих научных интересов. Меня интересует глубинный уровень «морального обмена» между государством и семьями (например, мучеников) и как это взаимодействие проявляется в публичном пространстве.

В 2009 г. Институт исследований общества и культуры «Альтер Хабитус» (Alter Habitus)¹⁶ провел исследование фокус-групп в семи различных муниципалитетах Косова, опрашивая граждан, как они понимают коллективную память и переходную юстицию. Другой нашей це-

лью было создание базы памятников и мемориалов Косова, содержащей сведения о местонахождении, заказчиках, скульпторах и архитекторах, о мучениках и жертвах, которым памятники посвящены, их происхождении и т.д. Наши наблюдения показали, что эстетика памятников и мемориалов основана, прежде всего, на национальных символах, таких как флаг, белая албанская шапка, двуглавый орел и т.д. В городской местности заказчиками этих памятников выступали в первую очередь ветеранские организации и друзья мучеников, которые получили разрешение местных властей на строительство мемориалов¹⁷. После 2009 г., благодаря поддержке муниципалитетов, появилось больше памятников женщинам — участникам войны 1998–1999 гг., среди которых памятники Хирё Эмини (Hygë Emini) в городе Феризай (Ferizaj) и Джевё Лладровчи (Xhevë Lladrovci) в городе Дренас (Drenas). Мемориал «Героиня» (Heroinat), который был создан в 2015 г. по инициативе бывшего члена парламента Альмы Лама (Alma Lama), представляет женское лицо, собранное из более чем 20 000 медальонов, что символизирует примерное число женщин, изнасилованных в ходе войны 1998–1999 гг. сербскими военными и участниками парамилитарных формирований¹⁸.

¹⁵ Në ditën e Çlirimit përurohet shtëpia-muze e familjes Qerkezi, Lajmi.net, 14 June 2016. URL: <https://lajmi.net/ne-diten-e-çlirimit-perurohet-shtepia-muze-e-familjes-qerkezi/>.

¹⁶ «Альтер Хабитус» — Институт изучения общества и культуры, неправительственная организация в Косове, основанная в августе 2005 г. группой социологов, антропологов, лингвистов и активистов феминистского движения (прим. редактора).

¹⁷ См. обзор мнений об этом с точки зрения экономики и гендера, которые были получены в ходе работы с фокус-группами в 2009 и 2010 гг.: URL: www.alterhabitus.org/wp-content/uploads/2017/10/Report-of-findings-from-focus-groups_CM-TJ.pdf.

¹⁸ Надпись на мемориале: «Мемориал создан из 20 145 медальонов, символизирующих многообразный вклад и жертвы всех албанских женщин в ходе войны 1998–1999 в Косово. Вместе с тем мемориал создан в память порядка 20 000 албанских женщин, изнасилованных представителями

Этот памятник, или, точнее, то, как он описывается, прежде всего, политиками, не изменяет романтический дискурс вовлечения женщин в войну в терминах материнства и самопожертвования ради нации. Важно подчеркнуть, что даже в период мира и свободы эти жертвы никогда не осмысливаются в терминах, выходящих за пределы биологии.

Кроме мемориалов, разработаны ритуалы коммеморации и возникли песни, посвященные мученикам, которые становятся частью албанского фольклора. Названия улиц переименованы в третий раз в течение XX в. Последнее переименование стало ответом на деалбанизацию 1990-х. После отмены автономии Косова при режиме Милошевича в 1989 г. только в Приштине были переименованы более 7000 улиц, школ, организаций. Даже названия памятников были изменены с отсылками к культурным и религиозным сербским «иконам» памяти. После войны 1999 г. сербские названия были частично заменены старыми, а частично переименованы в честь косоварских героев и мучеников, прежде всего войны 1998–1999 гг. и в меньшей степени в честь политиков, ученых и т. д. более ранних исторических периодов. В 2014 г. «Альтер Хабитус» совместно с Программой гендерных исследований Университета Приштины и Форумом служения гражданскому миру¹⁹ провел мемориальную мастерскую для студентов, в рамках

которой проводилось изучение базовых понятий коллективной памяти, гендерных исследований и феминистской эпистемологии.

Новые памятники, построенные в Косово, прежде всего, подчеркивают этнический элемент войны, развернутой против косоваров. Большинство этих памятников выполнены в стиле социалистического реализма, заимствованного главным образом из Албании, поскольку заказчики поручали избранным ими скульпторам создавать памятники в близкой им эстетике, возможно, даже несмотря на то, что они ощущали, что молодым поколениям она чужда. Эта эстетика действительно не близка многим участникам фокус-групп, с которыми работали сотрудники «Альтер Хабитус», в ходе исследования 2009 г. Часть наших собеседников ставила под сомнение милитаристский характер памятников, часто представляющих вооруженных людей. По их мнению, несмотря на то, что речь идет о памятниках, посвященных боевым действиям, они должны способствовать миру, а не пропагандировать войну.

В политическом дискурсе Косова политика памяти формируется таким образом, чтобы капитализировать итоги войны за независимость 1998–1999 гг. Под этим понимаются шаги по обеспечению проектов будущего политических партий, построенных вокруг интерпретаций прошлого, ко-

---

сербских вооруженных формирований во время этой войны. Совместными усилиями всех женщин создан собирательный портрет косоварской героини. В нем воплощены ценности достоинства, преданности, воспитания, заботы, смелости и выносливости».

¹⁹ Форум является неправительственной организацией, занимающейся, прежде всего, исследованием прошлого на Западных Балканах, в том числе и поощрением критики господствующих нарративов (прим. редактора).

торые осуществляются нынешними политическими элитами. Эти образы будущего должны дать политические преимущества победителям в войне. В случае Косова речь идет о создании преимуществ для тех, кто обеспечил независимость страны. Руководимая Руговой Демократическая лига Косова (Lidhja Demokratike e Kosovës — LDK), которая выступала за мирное сопротивление, ставила себе в заслугу способность сделать косовский вопрос проблемой международного сообщества. Однако с середины 1990-х Косово в международном масштабе находилось в тени Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине. После войны 1998–1999 гг. политический ландшафт Косово определялся соревнованием Демократической партии Косово (Partia Demokratike e Kosovës — PDK) и Демократической лиги Косова, в чем отражалась определенная региональная динамика. Эти политические силы используют коллективную память как инструмент для утверждения в общественном сознании своей роли в достижении независимости с целью убедить граждан голосовать за них и позволить им оставаться у власти.

Н. М. Как эти изменения политического дискурса коллективной памяти и их разнообразные «преломления» сосуществуют в местах памяти?

Э. К. На мой взгляд, мемориал в Веланье (Velanija) примечателен тем, что показывает, каким образом мемориализация может содействовать, по меньшей мере в физическом пространстве, примирению различных идеологий и тех времен, когда эти идеологии доминировали. Мемо-

риал, названный по расположению в пригороде Приштины Веланье, изначально был мемориальным кладбищем солдат, погибших во Второй мировой войне. Необходимо сказать, что большинство этих солдат были сербами, т. к. лишь немногие албанцы сражались против нацистского режима. Эта часть истории стала частью общественных дискуссий лишь недавно, благодаря таким историкам, как Мрика Лимани Миртай, которые обратились к этому вопросу. По их мнению, роль косоваров во Второй мировой войне была не столь однозначной, как ее описывали ряд представителей югославской историографии, а именно как главным образом союзников нацистской Германии. Оливер Йенс Шмитт пишет по этому поводу: «На самом деле косовары не хотели создать фашистское государство, но и коммунистическая идеология не была близка их традиционным представлениям. Албанцы приняли помощь от тех сил, которые предлагали им покровительство и оружие, для того, чтобы они могли сражаться против возвращения сербской администрации, и этими силами были державы Оси. Понятно, что не только во время войны, но и после ее окончания такое поведение косоваров не нашло понимания в западных столицах» (Schmitt 2012: 171). В свою очередь косовары-коммунисты присоединились к антифашистской борьбе по той же причине, они надеялись, что после освобождения получат право на самоопределение. Об этом было сказано в резолюции Совецания коммунистов Косова и Албании (среди участников были 43 албанца, 3 серба и 3 черногорца), которое состоялось в селе Буян (Vuçjan) в Албании 31 декабря 1943 —

2 января 1944 г.: «Косово — это территория, населенная преимущественно албанцами (Shqiptar), которые всегда стремились объединиться с Албанией (Shqipëri). Поэтому мы видим свой долг в том, чтобы содействовать реализации этих стремлений албанского народа» (*Ramet 2006: 155–156*).

Часть членов Коммунистической партии Югославии (КПЮ) согласились с этой резолюцией, имея в виду, что после войны Албания станет частью Югославии (*Ibid.: 156*). Рамет считает, что КПЮ «дважды высказалась за передачу Косова Албании: в 1928, когда Тито еще не был руководителем партии, и в 1940 на съезде партии в Загребе, когда Тито был генеральным секретарем» (*Ibid.: 155*). В 1942 г. КПЮ искала поддержки этнических меньшинств и напоминала им об угнетении, которому они подвергались в составе Королевства Югославии. В декабре 1942 г. в партийной газете «Пролетер» (*Proleter*) Тито писал: «Мы никогда не откажемся от принципа права наций на самоопределение вплоть до отделения, провозглашенного нашими великими учителями и руководителями Лениным и Сталиным. Вопрос Македонии, Косова и Метохии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины будет легко разрешен к общему удовлетворению, когда его возьмется решать сам народ, вступивший в борьбу с оружием в руках» (*Magas 1993: 28*). Коммунисты-косовары были убеждены, что им будет предоставлено право на самоопределение. В тот период КПЮ

действительно критиковала идеи унификации, но решение по этому вопросу было отложено до окончания войны (*Ibid: 33–34*). Хорват считает, что эти события должны рассматриваться в контексте того периода и его динамики. Он утверждает, ссылаясь на обмен письмами между КПЮ и косовским комитетом Коммунистической партии: «Из этого становится очевидным, что КПЮ не отвергло идеи, сформулированные в резолюции совещания в Буяне, потому что она открывала путь для совместной борьбы. Принцип самоопределения был подтвержден, но решение принято не было. Подчеркивалось, что законность любого политического запроса зависит от участия в общей борьбе. Важно отметить, что этот обмен письмами состоялся еще до совещания в Буяне» (*Horvat 1989: 85*). Впоследствии эта «открытая возможность» была «закрыта» в том смысле, что любой, кто был заподозрен в нелояльности идее унификации, сурово наказывался югославскими властями.

Возвращаясь к мемориалу в Веланье²⁰, где рядом с мучениками Второй мировой войны лежат мученики Армии освобождения Косова, погибшие в ходе войны 1998–1999 гг. В 2006 г. здесь был установлен мавзолей для погребения первого президента Косова Ибрагима Руговы. В 2016 г. вечный покой на этом кладбище нашел Адем Демачи (*Adem Demaçi*), который провел 28 лет в югославских тюрьмах. В этом смысле холм Веланья примирил под общим «зонтиком» освободительной борьбы, неза-

²⁰ См. дискуссию об этом мемориале: Isabel Ströhle, “Prishtina’s Martyr’s Cemetery: Conflicting Commemorations” (2006).

висимости и государственности сторонников различных политических идей: сторонника мирного сопротивления Ругову, участников вооруженной борьбы из Армии освобождения Косова и представителя подпольного движения Демачи.

Н. М. Какие аспекты истории Югославии вызывают повышенный интерес косовских историков и исследователей памяти?

Э. К. В центре внимания большинства косовских историков по-прежнему находится политическая история Косово. Особо подчеркивается угнетение албанцев в Королевстве Югославия, в Социалистической Федеративной Республике Югославия и в Сербии. Рассматриваются многочисленные заявления и планы сербского руководства, направленные против косоваров. Среди других исторических событий, которым в официальной историографии уделяется особое внимание, те, что усиливают албанскую национальную идентичность косоваров, и те, что рассматриваются как шаги по обретению государственности, независимости: подпольное движение, студенческие демонстрации 1968 г., демонстрации 1981 г., студенческие демонстрации конца 1990-х, война 1998–1999 гг., Армия освобождения Косово и т. д.

Эти сюжеты находятся в центре внимания таких финансируемых государством исследовательских организаций, как Институт истории Университета Приштины. В то же время ряд исследователей из Университета Приштины, а также независимые историки и интеллектуалы обратились

в последнее время к периоду 1990-х. Этот период характеризовался мирным сопротивлением сербским властям, которое велось под руководством первого президента Косова Ибрагима Руговы (1944–2006) и созданной им Демократической лиги Косова. Эта первая независимая партия, созданная после 1989 г., стала основой так называемой «параллельной системы» самоуправления, возникшей после ликвидации косовской автономии в рамках Сербии в 1989 г. (*Hockenos* 2003: 185–187). Албанцы, изгнанные тогда с государственной службы, создали параллельные структуры образования и медицинской помощи, которые располагались в частных домах, гаражах и подвальных помещениях. До этого в ходе выступлений 1988 г. албанцы пытались сохранить автономию Косова в соответствии с принципами Конституции 1973 г. (*Pula* 2004: 803). Тем не менее в 1989 г. Милошевич отменил косовскую автономию, после чего наступило десятилетие государственного насилия и убийств албанцев. Этот период демонстрирует, каким образом в процессе мирного сопротивления албанцев частное и публичное переплеталось между собой, когда различные сферы общественной жизни работали в обход сербских институтов. Этот период также отмечен рождением нового чувства национальной идентичности и национальной гордости албанцев. В это время в рамках национальной борьбы также оформилось женское движение (*Mertus* 1999). Тогда объединили свои усилия женщины, участвовавшие в подпольном движении 1960–1980-х, сотрудницы местной администрации периода социализма и те, кто состоял на государственной службе в начале 1990-х.

При этом не все участницы мирного сопротивления были членами Демократической лиги Косова. Часть феминисток того времени не была согласна с тем, чтобы их рассматривали как часть ДЛК. Это привело к возникновению первых женских общественных организаций Косова, которые при этом продолжали сотрудничать с женщинами, входившими в структуры ДЛК (*Farnsworth 2008; Gusia 2016*). При этом в центре глорификации по-прежнему находятся те группы, которые состояли в рядах Армии освобождения Косова. Контр-нарративы, или, точнее, индивидуальные голоса представителей гражданского общества и независимых интеллектуалов, бросающие вызов господствующим представлениям, встречают жесткую критику политических элит и дискредитируются медиа, которые работают на политические элиты.

Н. М. Как и с каким успехом группы активистов, такие как «Альтер Хабитус», полемизируют с этими нарративами?

Э. К. Я считаю, что провозглашение независимости Косова в 2008 г. стало поворотным моментом для расширения пространства, в котором как новые исторические нарративы, так и новые интерпретации старых нарративов получили возможность бросать вызов господствующим представлениям. Работы исследователей феминизма и представителей феминистского искусства наметили новое измерение истории женщин, которое открывает путь для нового

взгляда на историю Косова, включающего проблемы класса и гендера. Я отношу этот поворот к 2008 г., потому что в 1990-х задачи национального освобождения и государственного строительства отодвинули в тень инициативы феминисток и женских организаций. Тогда подразумевалось, что гендерное равенство по умолчанию является частью борьбы за независимость. После 2008 г., когда приоритеты национального освобождения стали историей, феминистки смогли создать собственное пространство для радикального протеста и теоретической контекстуализации. Это особенно заметно изнутри феминистского движения, где были созданы новые лояльности, основанные скорее на политических и идеологических убеждениях, чем на таких понятиях, как нация, государство, семья и т. д. В этом смысле я признательна тому вкладу, который «Альтер Хабитус» внес в привлечение внимания академического сообщества к множеству критических подходов при обсуждении проблем политики коллективной памяти (2009–2010, 2014–2017)²¹. Кроме того, в 2017 г. «Альтер Хабитус» стал организатором конференции, где обсуждались вопросы классовой и феминистской эпистемологии социальных движений. Это мероприятие собрало исследователей из Косова и их зарубежных коллег, чтобы впервые за многие годы обсудить различные стороны общественных движений Косова в периоды социализма и 1990-х²².

Общественные движения традиционно рассматривались с точки зрения

²¹ О деятельности «Альтер Хабитус» см. на сайте: www.alterhabitus.org.

²² См. URL: alterhabitus.org; и статью: (Archer 2016).

национальной идентичности и политических прав албанцев. Этот подход не является местной спецификой и присущ многим исследователям за пределами Косова. С помощью конференций, дебатов и других видов активизма памяти, документированных на сайте организации, «Альтер Хабитус» создала пространство, в котором ученые могут представлять и проверять на практике новые темы и направления исследования, а также развивать эпистемологию критического подхода. Общественная организация «Устная история Косова» уделяет огромное внимание персональным нарративам и их общественному воздействию и рассматривает различные вопросы истории политики, общества, искусства и т.д. Эта организация создала цифровую платформу, на которой устные воспоминания доступны в форме видеointервью, которые транскрибированы на албанском. Кроме того, «Устная история Косова» много работает с визуальной историей. В частности, они курируют онлайн- и традиционные выставки, где многочисленные устные интервью проливают свет на различные исторические события, например, кампанию примирения сторон, вовлеченных в традицию кровной мести²³.

Н.М. Каковы функции гендерной политики в рамках коллективной памяти Косова? Какие изменения произошли в гендерной политике за последние два десятилетия и с какой целью они осуществлялись?

²³ Кампания примирения сторон, вовлеченных в традицию кровной мести (1990–1991), была направлена на объединение косоваров в начальный период репрессий, которые были развернуты режимом Милошевича (<https://oralhistorykosovo.org/research/blood-feuds-reconciliations/>) (прим. редактора).

²⁴ URL: kosovotwopointzero.com/en/exhibition-brings-back-1998-womens-activism-at-national-museum/.

Э.К. Активисты и исследователи феминизма изменили способы обсуждения коллективной памяти, что повлияло на формирование активизма памяти. Одним из примеров этого является акция, осуществленная активистами феминизма 8 марта 2016 г. под лозунгом: «Мы маршируем, мы не празднуем». В этот день активисты, одетые в белые маски, самовольно переименовали названия ряда улиц, назвав их именами женщин — учителей, деятелей искусства, национальных героинь и т.д. В частности, бульвар, названный в честь албанского национального героя Скандербег, был ими переименован в «Площадь женского сопротивления». Годом позже Программа гендерных исследований Университета Приштины и Форум служения гражданскому миру организовали обсуждение марша, который состоялся в марте 1999 г., когда примерно двенадцать тысяч женщин с хлебом в руках отправились в путь, чтобы оказать помощь женщинам и детям Дреницы, после убийства семьи Яшари, состоявшегося 5–7 марта 1999 г. В 2018 г. те же организации организовали памятные мероприятия по поводу годовщины женских демонстраций 1998 г., в том числе мультимедийную выставку «Данные: Марш, забытый женский активизм — Косово, март 1998»²⁴. Для социолога Линды Гусии, которая проводила обширное диссертационное исследование о Косово 1990-х и была инициатором этой выставки,

это была, кроме всего, еще и практика в сфере организации широкого обсуждения актуальных тем памяти. Подобные мероприятия важны не только в плане активизма памяти. Они также помогают исследователям наблюдать, как изменяется производство знания о прошлом. Эти мероприятия не только представляют материал для исторических исследований, в том смысле, что они заполняют пробелы знания, добавляя новый материал для современного этапа историописания в Косово, начавшегося после 1999 г. Они также проблематизируют и нюансируют дискуссии по истории и коллективной памяти албанской нации, а также по истории женщин, не только как представительниц албанского народа, но и в феминистском ключе. Это приводит к тому, что политическая власть, которая легитимизирует как историю, так и коллективную память, вынуждена отвечать на вызовы, которые освобождают историю и память от подчинения политикам.

Н.М. Косово должно вызывать особый интерес со стороны исследователей, занимающихся так называемой югоностальгией. Могли бы вы рассказать о специфике югоностальгии в современном Косове?

Э.К. Этот феномен не присутствует в Косово в том смысле, в каком он проявляется в других бывших республиках Югославии. Как пишут многие авторы, югоностальгия вызвана преимущественно экономическими и политическими проблемами, с которыми столкнулись бывшие

югославские республики. В Косово лишь 5% участников опроса, проводившегося международной компанией маркетинговых исследований ИПСОС (IPSOS) в рамках проекта «Стратегии символического национализма в западнобалканских государствах: намерения и результаты», выразили сожаление по поводу распада Югославии. Среди причин свою роль играют такие факторы, как поколение и класс. Бедные слои населения, в большинстве своем проживающие в сельской местности, не испытывают ностальгии по поводу Югославии. Для большинства Югославия является напоминанием о том, как им было плохо тогда и как могло быть плохо сейчас. У молодежи образы Югославии формируются на основе рассказов их родителей, и большинство этих историй повествуют не о больших жизненных успехах, а о больших трудностях, таких как преследования стремившихся обучаться на родном языке, безработица и т. д.

Тем не менее югоностальгия иногда возникает в ходе публичных дискуссий. Таков, например, был диспут деятелей искусств по поводу бывшего торгового центра Гёрмия (Gërmia), построенного в начале 1970-х²⁵. После 1999 г. в этом здании располагаются различные министерства и ведомства. Музыкантам была обещана поддержка Европейской комиссии в осуществлении проекта по переоборудованию здания в концертный зал классической музыки. Художники возражают против разрушения или модернизации здания и предлагают превратить его в му-

²⁵ См. иллюстрации Гермии: а) исходный дизайн: URL: www.ecmandryshe.org/?page=1,17,565#.X4NvApMzau4; б) современный вид: URL: zeri.info/kultura/218197/me-peticion-kundershtohet-renimi-i-ish-germise/.

зей современного искусства. В ходе этих дебатов оппоненты именовали защитников Гёрмии сторонниками югоностальгии, и это именование носило совсем не положительные коннотации.

Другим конфликтом, в ходе которого использовался термин «югоностальгирующий» (*jugonostalgjik*), были дебаты о необходимости переноса социалистического мемориала «Единство и братство» (*Bashkim Vllazërim*). Ассоциация ветеранов войны требует переместить мемориал и на его месте воздвигнуть памятник национальному герою войны 1998–1999 гг. Адему Яшари. Часть жителей Приштины, в основном гражданские активисты, возражают против этой инициативы и обосновывают свое несогласие тем, что им дороги их детские воспоминания, когда они играли по соседству с мемориалом. Этим людям также было присвоено негативно понимаемое звание югоностальгирующих. Дискуссии по этому вопросу в социальных сетях показали, что югоностальгирующими именуют выходцев из слоя албанских функционеров периода социализма, которые озабочены лишь своими личными и семейными интересами и далеки от политических задач, стоящих перед албанцами. Считается, что это те люди, которые были благодетельствованы, прежде всего, в период потребительского бума 1970-х.

Н. М. Что означает политика памяти для вас как писателя, и как литература, наука и активизм соотносятся в вашей деятельности?

Э. К. В моей литературной работе женские жизни, город и семья соеди-

нены общей нитью, именуемой памятью. Я изучаю литературные нарративы, особенно принадлежащие женщинам, которые писали в период социализма и в 1990-х, таким как Фехиме Селими (*Fehime Selimi*), Шукрие Гаши (*Shukrije Gashi*), Факете Рекша (*Fakete Rexha*) и т. д. Для меня они имеют значение не только с точки зрения истории литературы Косова, но также в антропологическом и феминистском смысле. Для меня литература является местом, где работа памяти происходит через переработку личного опыта. В истории Косова опыт в значительной мере формировался под влиянием политического угнетения, войны и принуждений, ощущаемых индивидами (особенно женщинами) в тесной связи со своей национальной идентичностью. В недавнем прошлом, особенно после войны 1998–1999 гг., в Косово возникло большое число работ, основанных на воспоминаниях. Об этом, например, свидетельствует интерес людей к своему семейному прошлому, обращающихся с этой целью к изобразительным материалам. Один из методов, который я использовала при работе над докторской диссертацией, основывался на работе с фотографиями. Я просила интервьюируемых показывать свои семейные фотоальбомы. Параллельно я работала с коллекциями фотографий из Косовского управления государственных архивов. Фото из семейных альбомов и из архива рассказывают истории разного типа. В письменных материалах, как и в литературных произведениях, истории тоже рассказываются по-разному. Так, при чтении сочинений, созданных активистами подпольного движения сопротивления Косово,

особенно поколения 1980–1990-х, понимаешь, что эти произведения дают много сведений для научного исследования, особенно о включении женщин в политическую деятельность и их идеологических представлениях. Тем не менее очень трудно балансировать между наукой, литературой и активизмом. В то время как антропология предлагает писателю множество источников для творчества, для ученого возможность писать, не отрываясь, — это роскошь, которая ему не часто доступна. Разумеется — это очень субъективно. Иногда я мучаюсь тем, что три моих роли взаимно саботируют друг друга, а иногда я чувствую себя богаче благодаря их взаимодействию. Я считаю, что наука неотделима от общественного активизма, особенно тогда, когда первая служит последнему.

Н. М. Последний вопрос обусловлен тем, что это интервью будет опубликовано в русском журнале. Каков сегодня публичный дискурс по отношению к Российской Федерации?

Э. К. Россия чаще всего упоминается в политическом контексте, особенно в связи с поддержкой, которую она оказывает Сербии. Тем не менее в дискуссиях об искусстве, прежде всего о литературе, русская литература остается незаменимой, особенно для моего поколения и людей более старшего возраста. К сожалению, даже люди моего поколения гораздо лучше знают русскую литературу XIX и начала XX в., чем произведения современных авторов. Тарковский по-прежнему сохраняет первостепенное значение для местных кинематографистов. Феминистки

Косово следили за развитием дела Пусси Райот. Для немногочисленной группы местных анархистов важной точкой отсчета являются русские анархисты XIX и начала XX в. К сожалению, в период после 1999 г. мне неизвестны какие-либо инициативы по культурному обмену между нашими странами, т. к. участие косоваров в международных мероприятиях, в частности в спортивных соревнованиях, является проблематичным, в том числе, как сообщает пресса, по причине визовой политики России в отношении косоваров.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

Baliqi 2017 — *Baliqi Bekim*. The Aftermath of War Experiences on Kosovo's Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo // *Zeitgeschichte* — Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017. P. 6–19.

Bieber 2002 — *Bieber Florian*. Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The Kosovo Myth From 600th Anniversary to the present // *Rethinking History*. 2002. (6) 1: 95–110.

Di Lellio 2009 — *Di Lellio Anna*. The Missing Democratic Revolution and Serbia's Anti-European Choice: 1989–2008 // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2009. (22) 3: 373–384.

Ejduš, Subotić 2014 — *Ejduš Filip, Subotić Jelena*. Kosovo as Serbia's Sacred Place: Governmentality, Pastoral Power and Sacralization of Territories // G. Ognjenović and J. Jozelić (eds.) *Politicization of Religion, The Power of Symbolism: The Case of Former Yugoslavia and its Successor States*. Palgrave Macmillan. Basingstoke, 2014: 159–184.

Ingimundarson 2007 — *Ingimundarson Valur*. The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity

in Postwar Kosovo // History and Memory. Vol. 19, No. 1 (Spring/Summer 2007). P. 95–123.

Kočan 2019 — *Kočan Faris*. Collective Memory and an Interpretative Approach: The Struggle over Kosovo's Independence as an Ideational Background for Contemporary Serbia's Foreign Policy Choices // *Politička misao: časopis za politologiju*. 2019. Vol. 56. No. 3–4. P. 200–2017.

Miletić 2019 — *Miletić Natalija*. Kosovo: A hostage crisis. Perspectives: Southeastern 5 (2019): 3.

Tërstena et al. 2019 — *Tërstena A., Mehmeti I., Krasniqi S.* Fiscal policy and foreign trade as a determinant of economic development — focus Kosovo // *International Journal of Finance & Banking Studies* (2147-4486). 2019. 8(3), 77–87.

Zdravković-Zonta 2009 — *Zdravković-Zonta Helena*. Narratives of Victims and Villains in Kosovo // *Nationalities Papers*. 2009. 37 (5): 665–692. DOI: 10.1080/00905990903122891.

Zupančič, Pejić 2018 — *Zupančič Rok, Nina Pejić*. Limits to the European Union's Normative Power in a Post-conflict Society: EULEX and Peacebuilding in Kosovo. Springer, 2018.

Интервью

Archer 2016 — *Archer Rory*. “Kosovo” on the Rakovica shop-floor (and on getting beyond the shop-floor and into the field). Between Class and Nation. 2016. Available at: <https://yulabour.wordpress.com/author/roryarcher/> (27.11.2020).

Bieber 2014 — *Bieber Florian*. Monumental Exchange. My hero, your terrorist. Florian Bieber's notes from Syldavia. 2014. Available at <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (27.11.2020).

Çarkagjiu 2011 — *Çarkagjiu Petrit*. Dealing with the past and Identity // *Karmit Zysman and Ballsor Hoxha* (eds.) Considering the Future: Perspectives on Dealing with the Past in Kosovo. Prishtina: Forum ZFD, 2011.

Ellis 2003 — *Ellis Burcu Akan*. Shadow genealogies // *Memory and identity among urban Muslims in Macedonia*. Boulder, CO, New York: East European Monographs, 2003.

Erlich 1966 — *Erlich Vera*. Family in transition: a study of 300 Yugoslav villages. Princeton: Princeton University Press, 1966.

Erlich 1976 — *Erlich Vera*. The last big zadrugas: Albanian extended families in the Kosovo Region // *Communal Families in the Balkans*. Essays by Philip E. Mosely and in his Honor. 1976: 244–251.

Farnsworth 2008 — *Farnsworth Nicole*. History is herstory too. The History of Women in Civil Society in Kosovo 1980–2004. Prishtinë: Kosovar Gender Study Centre, 2008.

Gusia 2016 — *Gusia Linda*. Gjinia, Reprezentimi dhe Sfera Publike. Prishtina: PhD Dissertation, University of Prishtina “Hasan Prishtina”, 2016.

Hockenos 2003 — *Hockenos Paul*. Homeland calling: Exile patriotism & the Balkan wars. Cornell University Press, 2003.

Horvat 1970 — *Horvat Branko*. Privredni sistem i ekonomska politika Jugoslavije: problemi, teorije, ostvarenja, propusti. Belgrade: Institut ekonomskih nauka, 1970.

Horvat 1989 — *Horvat Branko*. Kosovsko Pitanje. Zagreb: Globus, 1989.

Jović 2009 — *Jović Dejan*. Yugoslavia: a state that withered away. Purdue University Press, 2009.

Kaser 1994 — *Kaser Karl*. The Balkan joint family household: seeking its origins // *Continuity and Change*. 1994. 9, no. 1: 45–68.

Krasniqi 1979 — *Krasniqi Mark*. Gjurmë e Gjurmime: studime etnografike [Traces and Tracing: ethnographic studies]. Prishtina: Instituti Albanologjik, 1979.

Krasniqi et al. 2016 — *Krasniqi et al.* Kujtesa Kolektive: Dëshmi dhe Ngjarje 1944–1966 [Collective Memory: Testimonies and Events]. Prishtinë: Instituti Albanologjik, 2016.

Magas 1993 — *Magas Branka*. The destruction of Yugoslavia: Tracking the break-up 1980–92. London: Verso, 1993.

Malcolm 1998 — *Malcolm Noel*. Kosovo: A short history. London: Papermac and University Press New York, 1998.

Maxharri 1985 — *Maxharri Binak*. Ekonomia e Kosovës në periudhën e ndërtimit socialist [Kosovo's economy in the period of socialist development]. Kosova Kosovo. 13/14, 3–6. Prishtinë: Instituti i Historisë së Kosovës, 1985.

Mertus 1999 — *Mertus Julie*. Kosovo: How myths and truths started a war. Berkeley: University of California Press, 1999.

Novosella 2008 — *Novosella Selatin*. Demonstrata e gjashtëdhjetetës [Demonstrations of sixtyeight], Vol. 2 Dokumente. Prishtinë: Shoqata e të burgosurve politikë të Kosovës. 2008.

Pezo 2018 — *Pezo Edvin*. Emigration and Policy in Yugoslavia: Dynamics and Constraints within the Process of Muslim Emigration to Turkey during the 1950s // European History Quarterly. 2018. 48, no 2: 283–313.

Pula 2004 — *Pula Besnik*. The emergence of the Kosovo “parallel state”, 1988–1992 // Nationalities Papers. 2004. 32, no. 4: 797–826.

Ramet 2006 — *Ramet Sabrina P*. The three Yugoslavias: state-building and legitimation, 1918–2005. Indianapolis: Indiana University Press, 2006.

Richmond 1988 — *Richmond Anthony H*. Sociological Theories of International Migration: The Case of Refugees // Current Sociology. 36, no 2, 7–25. Immigration and ethnic conflict. New York, London: Springer, 1988.

Rrapi 1995 — *Rrapi Gjergj*. Savremene albanske zadružne porodice na Kosovu. Beograd: Inst. za Sociološka Istraživanja Filozofskog Fak. u Beogradu, 1995.

Schmitt 2012 — *Schmitt Oliver Jens*. Kosova: Histori e shkurtë e një treve qëndrore ballkanike. Prishtinë: Koha. Die Albaner: Eine Geschichte zwischen Orient und Okzident. Vol. 6031. Munich: CH Beck, [2008] 2012.

Ströhle 2016 — *Ströhle Isabel*. The creation of a rural underclass in Yugoslav Kosovo1 // Social inequalities and discontent in Yugoslav socialism. 2016: 112.

Weller 2009 — *Weller Nora*. The uneven commemorative landscapes of Kosovo // Prishtina Insights. 02.12.2019. Available it: https://prishtinainsight.com/the-uneven-commemorative-landscape-of-kosovo/?fbclid=IwAR0QiI4gJruyhi20Y4O_mffLRx5SDkW7PAS01CL9y-5w3agVMPqXOBEEDU0E.

“KOSOVAR ALBANIAN HISTORIOGRAPHY REFLECTS A LONG HISTORY OF OPPRESSION, WHICH CONDITIONED THIS FOCUS ON POLITICAL NARRATIVES”.

Interview with Dr. Elife Krasniqi

Krasniqi Elife — Dr., University of Graz (Austria)

Key words: Kosovo, memory politics, gender studies, divided societies, myth-building.

Abstract. In Kosovo, the youngest (post-)Yugoslav state, the struggle over heritage, memory, and visions of the future is often simplified into the byproduct of centuries of conflict between the Serbian and Albanian communities and the legacy of the Kosovo war of 1998–1999. However, divergent narratives thrive in each of these communities too, reflecting the complexities of local history

and historiography, and complicating the reconciliation process. In the following interview, anthropologist Dr Elife Krasniqi discusses the current debates on Albanian collective memory, identity, and history in Kosovo with a special focus on the potentialities of re-assessing the history and memory of Kosovo within the frameworks of anthropology, gender studies, and oral history.

7. СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ.

«ПРАКТИКИ ПРЕДЧУВСТВУЮЩЕЙ ПАМЯТИ МОГУТ СТАТЬ МОЩНЫМ ОРУЖИЕМ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМ КАПИТАЛИЗМОМ».

Интервью с С. Анастасовой

Ключевые слова: политика памяти, политическая философия, имагология (изучение образа «другого»), югостальгия, социалистическая феминизация труда, популярная культура, искусство.

Аннотация. В очередной раз столкнувшись с вето, наложенным, на этот раз Болгарией, на вступление в ЕС, Северная Македония ощущает себя местом столкновения различных внешних и внутренних политических сил, обусловленных различными политиками памяти. Профессор Сенка Анастасова размышляет об отношениях между историей, историографией и, используя ее термин, нарративными идентичности и том, как они преломляются в политике памяти. Особое внимание она уделяет ландшафту памяти Северной Македонии в контексте давления, которое в процессе вступления этой страны в Европейский союз оказывают члены ЕС Греция и Болгария. Отмечая важное место югостальгии, а также наследия гендерной политики периода социалистической Югославии, Анастасова демонстрирует разнообразные стратегии политики памяти, используемые местными политическими элитами, и показывает, как они влияют на сближение и разделение двух крупнейших общин страны — македонской и албанской. Ее анализ проекта Скопье 2014, который является одним из показательных ревизионистских проектов, осуществляемых политическими элитами, дает нам представление о напряженной войне памяти, которая ведется внутри и извне Северной Македонии.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-186-209

Северная Македония самым непосредственным образом страдает от политики памяти и уже долгое время борется за признание своей идентичности. Несмотря на то, что страна

является кандидатом на вступление в ЕС с 2005 г., она не раз встречалась с препятствиями на этом пути, порожденными спорами по поводу идентичности и исторического прошлого

© Историческая Экспертиза, 2020

Сенка Анастасова — профессор философии, приглашенный научный сотрудник Исследовательской группы имени Беатрис Байн Департамента гендерных и женских исследований Калифорнийского университета в Беркли (США)

го. В 2008 г. Греция наложила вето на заявку Македонии о вступлении в НАТО и в 2009 г. заблокировала начало переговоров о вступлении в ЕС, апеллируя в обоих случаях к названию страны, которое сходно с названием одной из греческих провинций. В 2018 г. правительство Зорана Заева урегулировало этот спор. Страна, которая прежде официально именовалась Бывшая Югославская Республика Македония, была переименована в Северную Македонию, а главный аэропорт страны утратил имя Александра Великого и вернул давнее наименование Международный аэропорт Скопье.

Однако на этом борьба Македонии за международное признание своей идентичности не закончилась. Со всем недавно, в ноябре 2020 г. Болгария заблокировала процесс вхождения Северной Македонии в ЕС на том основании, что не признает существования македонского этноса и языка (Crowther 2017). Министр иностранных дел Болгарии Екатерина Захарьева заявила, что к этому вопросу можно будет вернуться только после того, как две стороны «проведут дискуссии по поводу истории и языка»¹. В Болгарии принято считать, что Македония — это не более чем изобретение социалистического режима Югославии, которое подпитывает националистическую ревизию истории со стороны постсоциалистических македонских режимов. Так, премьер-министр Болгарии

Бойко Борисов недавно заявил, что необходимо отметить 150-ю годовщину революционера Георгия (Гоце) Делчева², который, по мнению премьера, является «общим героем» Болгарии и Северной Македонии (N. A. 2021).

На Балканах этнонациональные идентичности в том смысле, в котором они понимаются в современном научном и публичном дискурсе, стали внедряться в массовое сознание только в начале XX в. Скорее этнические наименования соседствовали с религиозными, классовыми, сословными и профессиональными идентичностями (Detrez 2015). Территория нынешней Северной Македонии до 1913 г. входила в состав Османской империи. Здесь в непрерывно изменяющейся пропорции существовали общины греков, болгар и македонцев, к которым прилагались разные этнонимы, в большей мере основанные на религиозной принадлежности. Поэтому попытки создать образы стабильных на протяжении веков этнонациональных идентичностей вступают в противоречие с историческими обстоятельствами. Единственно для чего они пригодны — для современных упражнений в нацистроительстве.

Территория нынешней Северной Македонии была аннексирована Королевством сербов, хорватов и словенцев в 1919 г. В 1945 г. Македония была провозглашена одной из шести

¹ Интервью имело место во второй половине 2020 г., до болгарского вето на вступление Северной Македонии в ЕС. Перед публикацией текста Анастасова сделала некоторые дополнения.

² Георгий Делчев (1872–1903) боролся против османского ига, отстаивая принцип «Македония для македонцев», который он понимал скорее в региональном, чем в этнонациональном смысле. Сегодня Делчев рассматривается как главный борец за македонскую этнонациональную идентичность.

республик социалистической Югославии. В 1991 г. в результате развала Югославии Македония стала независимой.

Битвы памяти и идентичности между македонским, греческим и болгарским дискурсами охватывают период до VI в. включительно, когда славянские племена проникли в эту часть Византийской империи (*Eminoglu, Bugrahan 2020: 211*). Политические элиты, которые ведут битвы памяти с целью повлиять на представления граждан современной Македонии, не в состоянии принять множественность изменчивых идентичностей, исторически присущих региону.

По итогам породившего множество экономических проблем переходного периода 1990-х Македония в 2001 г. столкнулась с этническим конфликтом. После шести месяцев противостояния он закончился подписанием Охридского рамочного соглашения, по которому права албанского меньшинства были расширены. Это привело к усилению этноклиентелистских тенденций в македонской политике (*Piacentini 2019: 274*). В результате в 2006 г. к власти надолго пришла Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство, националистическая партия с элементами христианской демократии, входящая в Европейскую народную партию (*Crowther 2017*).

«Социалистическое наследие усиленно выдавливалось из публичного пространства, прежние нарративы общей антифашистской борьбы были оттеснены на второй план и пере-

смотрены» (*Spaskovska 2014*). Правительство бывшего премьер-министра Николы Груевского приняло Закон о люстрациях, согласно которому «социалистический период» был расширен до 2006 г. Закон обязывает «священников, журналистов, членов неправительственных организаций, адвокатов, ученых» уведомлять о возможном сотрудничестве с секретными службами (*Piacentini 2019*). Дистанцирование от прошлого социалистической Югославии сопровождалось усилиями по консолидации македонской идентичности. Одним из правительственных мероприятий, задуманных с этой целью, стал проект архитектурной и пространственной перестройки столицы страны — Скопье.

В 2010 г. правительство Груевского в целях переучреждения македонской национальной идентичности инициировало проект Скопье 2014 по полной перестройке столицы со всеми признаками мегаломании. На центральной площади Скопье была сооружена гигантская (22 метра высотой) статуя Александра Великого. План включал строительство новых сооружений: филармонии, национального театра, трех правительственных зданий, бизнес-центра, церкви, трех музеев, двух гостиниц, триумфальной арки, двух мостов и более двадцати бронзовых и мраморных скульптур исторических деятелей (*Graan 2013*). Все это было спроектировано в стилях барокко и неоклассики ради того, чтобы затмить социалистическое наследие и архитектуру эпохи османского владычества. Целью было сотворить «европейскую» столицу путем придания ей «античного» и исключи-

тельно моноэтнического облика (Ibid.: 169–170). Эта попытка переизобрести культурное наследие и переучредить национальную идентичность (Janev 2015) преследовала цели десманизации и деюгославизации прошлого, а также усиления македонского моноэтнического нарратива, восходящего к незапамятным временам. Проект вызвал многочисленные протесты общественности, архитектурных и научных кругов и простых граждан. С другой стороны, значительная албанская община также консолидировалась в националистическом порыве, и в результате в одном из районов Скопье в 2007 г. был установлен памятник албанскому национальному герою Скандербегу. Антинационалистические чувства населения с особой силой проявились в ходе антиправительственных протестов 2016 г., когда памятники и фасады зданий, воздвигнутых в рамках проекта Скопье 2014, были измазаны краской (Janev 2017: 165).

Вскоре после того, как проект Скопье 2014 изменил имидж столицы и ее нарратив памяти, последовал политический кризис, включая скандал с прослушкой телефонов, который сильно скомпрометировал правительство Груевского. Кульминацией протестов стала так называемая Красочная революция 2016 г. Переговоры политических сил привели к выборам 2016 г., приведшим к формированию нового коалиционного правительства Социал-демократической партии Македонии и Демократического союза за интеграцию во главе с премьер-министром Зораном Заевым. Его усилия позволили разрешить конфликт с Грецией по поводу наименования страны.

Но тут Болгария вновь поставила процесс интеграции Северной Македонии в ЕС под угрозу. Начиная с 2018 г. правительство демонтировало памятники, установленные в рамках проекта Скопье 2014, что явилось новым поворотом политики памяти в стране. Поскольку Болгария зашла столь далеко, что требует изменить македонские учебники истории, то политика памяти до сих пор является повседневной реальностью Северной Македонии.

В своем интервью профессор Сенка Анастасова предлагает философское видение происхождения и последствий проблем, обозначенных выше. Она является профессором философии и эстетики в Университете Св. Кирилла и Мефодия и исследует философские проблемы феминизма. Анастасова — один из редакторов Международного журнала философии феминизма «Ипатия» (Hapatia) и автор книг «Наративни идентитети: Криста Вольф и Дубравка Угрешиќ» (Нарративные идентичности и политические концепции: Криста Вольф и Дубравка Угрешич). Темплум, Скопје, 2007 и «Современа популарна култура: теорија, културни студии, женска популарна култура» (Теория популярной культуры: теория, исследования культуры, женская популярная культура). Центрифуга, Скопје, 2012. Она руководила многими исследовательскими проектами, относящимися к политическим наукам, проблемам женского труда, марксистским подходам к феминизму, постколониальной критике и феминистской политической теории. Основала и возглавляет Феминистский исследовательский центр в Скопье, в котором ведется

работа над концепциями демократии, популизма, социализма, сопротивления, субкультур, исследований культуры, современной экономики, заботы о женщинах, интерсекционального феминизма (изучение проблем политического и социального угнетения женщин не только по гендерному принципу, но и по признакам нации, расы, религии и т. д.). Анастасова была приглашенным сотрудником Департамента политических, гуманитарных наук и искусствоведения в Университете

Аристотеля (Фессалоники, Греция). Она читала лекции в университетах, музеях и культурных центрах по всему миру: в Варшаве, Праге, Белграде, Берлине, Сиднее, Гааге, Амстердаме, Женеве, Севилье, Хельсинки, Монсе, Атланте, Париже. С 2019 г. Анастасова занимает должность делегированного исследователя социальных проблем здоровья в Национальном институте здоровья (Бетесда, Мэриленд, США). Сейчас она пишет новую теоретическую книгу в Калифорнийском университете в Беркли.

Вопросы, резюме и введение Милицы Попович. Вена — Сан-Франциско. 29.12.2020.

Посвящаю это интервью моей тетушке Ники из Загреба. Я не видела ее уже более 10 лет. В эпоху социалистической Югославии я приезжала к ней в гости на ночном поезде Скопье — Белград — Загреб. Она активно присутствует в социальных сетях и будет счастлива читать это.

Сенка Анастасова

М. П. В числе ваших научных интересов находятся нарративные идентичности и отношения между нарративами и историей. Ваша книга «Нарративные идентичности и политические концепции: Криста Вольф и Дубравка Угрешич» (2007) посвящена отношениям между текстом и культурой. Вы рассматриваете, каким образом индивидуальные и коллективные идентичности представлены в публичном дискурсе и эстетических практиках и, в более широком смысле, их взаимодействие с историей и политической памяти. Как господствующие нарративы, производимые политическими элитами Северной Маке-

донии, влияют на политику национального строительства, в том числе на недавнее изменение официального названия страны?

С. А. Я родилась и выросла в СФРЮ. Ребенком, до тех пор пока в 1990 г. не началась война, я жила между Скопье, Загребом и Любляной. После распада Югославии все изменилось. Длительное время я не могла навещать своих родственников, проживающих в Загребе. Позже я в своих исследованиях сосредоточилась на этом историческом периоде и занялась разработкой теоретических понятий, преследуя цель понять, почему вымер этот мамонт. Я рассматриваю дискуссии по поводу исторической методологии как эпистемологическую критику, как «эпистемокритический пролог» по разработке теоретических понятий, способных дать нам нечто большее, чем просто новое прочтение прошлого с точки зрения исторической науки. В данном случае мой дискурс основан не на диахронии, а на синхрон-

ном аспекте осмысления прошлого. Когда вы рассуждаете о нарративах, идентичности и истории, то основываетесь на диалектическом методе Гегеля, согласно которому настоящее и прошлое находятся в диалектических отношениях, когда они постоянно взаимно влияют и формируют друг друга. Понятие «история» означает событие, которое реально произошло, и историография (*récit historique*) является текстом, в котором эта реальность материализована. История является двусмысленным понятием, в котором соединены объективная и субъективная стороны повествования, и одновременно обозначает как *historia rerum gestarum* (история как наука) и *res gestae* (история в смысле совокупности событий прошлого), это значит, что историческое повествование о событиях возникает *уже в тот момент, когда эти события происходят.*

Понятие «нарративной идентичности» подразумевает философское осмысление нацистроительства через нарратив, память и язык, которое начинается с теории и потом продолжается на практике. Я разработала эту концепцию в книге «Нарративные идентичности», в которой рассматриваю понятие нации с «авторской» (auctorial) позиции повествования. При этом рассказчик помещается в историю, которая понимается как явление не только «объективного», но и одновременно «личного» характера. Различие между этими сторонами истории объясняется спецификой пересказывания прошлого, присущего памяти. Каждая нация является конструктом истории. Каждая нация имеет возможность растянуть общепринятое

понятие нации и ее определение. Расширение практик памяти нации зависит от того, что понимается под исторической травмой, культурной политикой и культурными нормами. Кто-то представляет смысл истории через то, как она выражается средствами языка. Жак Деррида доказывает, что полнота смысла возникает из способности языка различать значения и бесконечно откладывать на будущее исчерпывающее определение этих значений. Для выражения этой двойственности Деррида изобрел неологизм *différance*, чтобы выразить природу языка как системы различий (*difference*) и бесконечной отсрочки (*deferral*) полного понимания явлений реальности. Понимая это, мы сможем понять память культурной традиции в жестком контексте месторасположения (*geolocation*) артефактов, материализованных в дискурсе и практике, из которых возникает сюжет «пьесы» для каждой нации, который потом реализуется на практике. Следовательно, рассказы о памяти нации дают понимание о том объяснительном потенциале, который заложен в той или иной политике памяти. Это своеобразный механизм амортизации жесткого отрицания нарративов памяти со стороны истории и встраивания их в историографию.

В македонском контексте это был процесс идеологической трансформации и отказа от социалистического понятия «юг», которое обозначало сущностное единство народов Югославии, несмотря на различия в культуре, историческом опыте и движении в направлении современного контекста памяти. Если, согласно Бенедикту Андерсону, каждая

нация является воображаемым сообществом, то чувство национальной идентичности доступно каждому. Парадоксальным образом, пишет Андерсон, национальная идентичность задумывалась как глубокое чувство «горизонтального» братства всех членов нации (*Anderson 1983*). Элиты, формирующие нацию, обязаны постоянно утверждать, что их нация — это не конструкт, а, напротив, выражение уже существующего единства ее граждан. Строительство нации происходит с помощью практик общей коллективной памяти, которая создает идеологическую основу национального единства. Память учреждает демократию не только когда создает новую нацию, но и когда разрушает старую, воспринимаемую в качестве «тюрьмы народов». Вальтер Бенжамин в «Тезисах о философии истории» утверждает, что будущее никогда не задумывается в качестве цели истории, достижение которой приводит к исполнению обещаний (*Benjamin 1999*). Он не согласен с идеей беспмятного субъекта, воплощающего будущее, т.е. с полным противопоставлением прошлого будущему, с приостановкой прошлого, чтобы сохранить его обещания и возможности. Необходима тщательная проработка существенной связи между двумя подходами: тем, который отказывается понимать будущее как цель истории, и тем, который «спасает» память и обещания, унаследованные из прошлого. Политическое господство приводит к производству националистических реакций, которые откровенно демонстрируются авторитарными режимами. В этом смысле данная теория позволяет считать, что «имя» не тождественно «идентичности»,

что значение не ограничено знаком, значение невозможно сковать цепями языка.

Республика Македония провозгласила независимость от Югославии 8 сентября 1991 г. В 1993 г. страна по предписанию ООН была названа Бывшей Югославской Республикой Македонией по причине возражений Греции, которые были сняты только в 2019 г. В политическом дискурсе название Бывшая Югославская Республика Македония рассматривалось как временное, имевшее целью нормализовать отношения с Грецией и создать условия для переговоров по поводу названия под наблюдением ООН. В принятом в то время названии была отсылка к югославскому прошлому как исходной точке (все еще) бесконечного процесса движения в сторону ЕС. Вдохновляющий поначалу процесс европейской интеграции обернулся страшной сказкой о бессмысленной агонии страны, которая в числе первых постъюгославских стран (2001) была приглашена подписать Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС. В настоящий момент страна затерялась в «приемной» ЕС среди Сербии, Албании и Боснии и Герцеговины. Страна изменила название на Северную Македонию в соответствии с соглашением, заключенным на озере Преспа в июне 2018 г. После его ратификации парламентами Греции и Македонии в конце 2018 г. оно вступил в силу в феврале 2019 г. Греческий парламент не только ратифицировал договор с Македонией по поводу переименования, но и протокол об ее вступлении в НАТО. Официально наша страна называется Северной Македонией с 12 февра-

ля 2019 г. Изменение названия было условием запуска процесса вступления в ЕС.

Я говорю с точки зрения политического философа, поскольку не являюсь историком. Под термином «политический» я понимаю постоянные взаимодействия между философскими понятиями и политическими событиями, которые время от времени нуждаются в подрывных концептуальных изобретениях, способных влиять на современные процессы политического урегулирования. Перемена названия с Македонии на Северную Македония явилась хирургическим актом, который показывает, что процесс идентификации зависит от исключения различий из практики и, к сожалению, от иерархической оппозиции при принятии решений. Изменение названия, принятое политическими элитами, стало успешным для македонцев завершением мучительного диспута с Грецией по этому вопросу. Но вместе с тем у многих македонцев такое переименование вызвало неприятные чувства (Ngai 2005). Они особенно усилились в связи с блокадой вступления нашей страны в ЕС, предпринятой Болгарией в конце 2020 г. Это случилось после долгих лет пребывания в «подвешенном» состоянии у входа в ЕС. Поскольку существуют условия для «вычисления», сколь вероятны те или иные исторические возможности, я рассматриваю интерпретации политики памяти как прямую задачу политической философии. Она не совпадает с политической теорией и политическим комментированием, но является способом соотнесения интерпретаций, предлагаемых властью, с интерпре-

тациями других общественных сил. Македонский случай показывает, что изменение названия страны случилось только ради практики предвосхищения, имеющей целью вступление в ЕС. Это значит, что данное решение не может рассматриваться вне политического контекста драмы настоящего.

М. П. Каким образом политика памяти Северной Македонии обусловлена ее периферийным положением, а также политикой памяти ЕС? Как вы оцениваете вето на вступление вашей страны в ЕС, наложенное Болгарией?

С. А. В македонском контексте политический дискурс ревизионизма реализуется с помощью переходных практик, направленных на вхождение в ЕС, действие которых можно сравнить с палимпсестом. Эти практики демонстрируют те же невидимые процессы обращения с наследием прошлого, которые присущи Греции, Болгарии, Албании, Сербии и другим странам, относящимся к дикой «серой зоне» глобального капитализма. Здесь существуют напряженные отношения между памятью как различающей силой и памятью как сущностью, обладающей способностью не только к интеграции, но и к предвосхищению будущего. Греческое вето на название «Македония» длилось много лет. В октябре 2019 г. Франция наложила вето на вступление Северной Македонии в ЕС, поскольку, по мнению Франсуа Макрона, сейчас не время для расширения Евросоюза. В ноябре 2020 г. Болгария заблокировала процесс переговоров по интеграции Македонии в ЕС, поставив под вопрос македонскую

нацию, ее идентичность, язык и историю. Болгария потребовала обсуждения этих вопросов как условия для возобновления процесса интеграции.

ЕС имеет возможность «исключить» вопросы двухсторонних отношений соседних стран из своей повестки, указав, что эти вопросы можно будет обсудить в будущем, и продолжить процесс приема Северной Македонии в свою организацию. Вопреки этому я вижу, что в данный момент ЕС молча демонстрирует нам свою силу. Создается впечатление, что мы находимся на открытом показе порнофильма. Они требуют патетических речей, или Македония должна просить пощады? Или их цели принудить нацию к самоликвидации, чтобы потом пригласить на ужин? Нет, спасибо. Я рассматриваю подобный процесс «европеизации» как демонстрацию силы по отношению к «поколению переходного состояния». Болгарии с ее пустой риторикой позволено поразвлечься таким весьма непристойным образом.

Ваш вопрос требует обстоятельного ответа по поводу темной периферии Европы XXI в. Политика культурной памяти периферии оказалась способной преобразовать Европу изнутри. Согласно демократической перспективе культурные различия, которыми обладают малые страны, должны иметь право на существование в Европе. С левого фланга открывается другой взгляд на новую периферию стран Юго-Восточной Европы и других «переходных» государств. Один из вопросов, который меня особенно волнует: можно ли говорить о практиках глобальной памяти, пока мы осведомлены о том,

что постколониализм еще не стал только прошлым? Мария Тодорова в книге «Воображение Балкан» (Imagining the Balkans) рассуждает об имагологии, дисциплине, изучающей образы и память о «Другом». Вето, наложенные Францией и Болгарией, не просто являются свидетельством господства и силы Европейского союза. В понятиях символических условностей и семантики политического дискурса под этими решениями подразумевается, что Македония «не готова», как прямо заявила министр иностранных дел Болгарии Екатерина Захарьева. В контексте практик памяти сам процесс «европеизации» подразумевает существенное отличие от европейской «семьи народов». ЕС должен найти более прагматические способы интеграции «остатков» Юго-Восточной Европы с ее периферийными памятьми и периферийным положением этих памятей: места, где прошлое находится в настоящем, пространства, где прошлый опыт и еще-не-наступившее и еще-не-испытанное будущее вступают во взаимодействие друг с другом. Бесконечное подвешенное состояние Македонии хуже, чем ее «колонизация». Когда ЕС смотрит на некоторые части Европы «балканизированным» взглядом, создается впечатление, что они населены низжестоящими существами и что, следовательно, не все европейцы равны, одни более европейцы, в сравнении с другими. Эдвард Саид говорит, что быть колонизированным это значит быть сильно ниже во многих отношениях во времени и в пространстве.

С помощью болгарского вето Европа говорит без слов о своем господстве.

Это господство проявляется даже в требованиях сменить церковный календарь с юлианского на григорианский, как это сделали Греция, Румыния и Болгария. Для большинства македонских православных этот вопрос остается весьма чувствительным. Все это происходит в контексте стратегий демократизации с намерением создать однородных «европейских» граждан. В память закладывается запрос на унификацию. Другими словами, унификация влияет на производство памяти на разных уровнях, и глобальная арена в этом смысле не является единственной. С помощью риторики болгарского вето ЕС настаивает на формировании и преобразовании всех местных национальных памятней в соответствии с вызовами однородного «европейского» гражданина и колонизации культур памяти и политик памяти. Что следует делать в этой ситуации? Является ли официальным требованием ЕС, чтобы все различия (язык, культура, история, нация) будущих членов ЕС были «унифицированными»? Если это так, то Македония должна перестать слушать европейскую сказку и пытаться найти другие альтернативные пути развития.

М. П. Какие мифы основания играют основную роль в господствующих нарративах памяти Северной Македонии? Подхватываются ли эти мифологии популярной культурой, и каким образом они воплощаются? Установка памятников в рамках проекта Скопье 2014 может рассматриваться как главный пример конструирования наследия в Северной Македонии. Чтобы вы могли сказать по этому поводу?

С. А. Переход, который пережили бывшие республики Югославии, осуществлялся на основе идеологических парадигм и политических практик, которые в случае Македонии привели к созданию серых зон капиталистической экономики и этнонационализма, включая патриархальные практики, ксенофобию, национализм и традиционализм. Господствующие нарративы воссозданного исторического наследия были особенно заметны в 2006–2016 гг., когда премьер-министр Никола Груевский установил авторитарный режим, в рамках которого поощрялись оголтелый ревизионизм и антикоммунистические интерпретации прошлого, переписывание истории вплоть до древнейших времен.

Ревизия истории, предпринятая правительством Груевского, стартовала с признания античности в качестве исходной точки нашего культурного наследия. Из-за этого обострился и вышел на дипломатический уровень конфликт с Грецией. Проект Скопье 2014, приведший к массовому строительству памятников, административных зданий, исторических музеев, придал столице страны сходство с Диснейлендом. Это был, согласно терминологии Бодриера (*Baudrillard* 1981), поп-проект по созданию симуляционной гиперреальности, которая должна была стимулировать построение македонского национализма. Происходила семантическая «диснеефикация» Скопье, в котором до этого преобладала архитектура брутального модерна (вроде здания Главпочтамта архитектора Янко Константинова), созданного за годы коммунистического периода. Диснейленд здесь представлен как воображаемый,

Главпочтамт. Скопье. Автор фотографии: Сенка Анастасова

Центральная площадь. Скопье. 2014. Источник фотоматериала: foto Flickr: «Skopje, Macedonia»

чтобы заставить нас поверить, что все остальное реально, тогда как весь Лос-Анджелес и Америка, которые его окружают, больше не реальны, но принадлежат к гиперреальному порядку и порядку симуляции, ассоциированному в нашем случае с ан-

тичной Македонией. Благодаря ассоциациям с античным Македонским царством Скопье 2014 стал проектом пустых значений и пустых идентификаций в полном соответствии с теорией шизоанализа Жюль Делеза и Феликса Гваттари, которая вносит

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

поправки в концепцию Фрейда по поводу либидо, основанного на травме времен античности. Реализация проекта Скопье 2014 никак не цивилизовала травматический опыт, напротив, только привела к искажению представлений об античности. Согласно прочтению Фрейда, предпринятому Делезом и Гваттари, то, что раньше репрессировалось сознанием, сейчас выступает наружу в виде массовой визуализации (*Deleuze, Guattari 1994*). Согласно терминологии Фрейда, это происходит там, где имеет место деятельность бессознательного, где производится идеология и где регулирование экономики сексуальных влечений сказывается на людях в виде тенденций фашистского характера. Этот запретительный набор практик травматической памяти действует на воображаемом и символическом уровнях. Славой Жижек установил это в своих размышлениях об идеологической гегемонии: это не случай особого содержания, прямо ощущающего свою пустоту, а, скорее, сама форма идеологической универсальности, которая свидетельствует о борьбе между (по крайней мере) двумя частными содержаниями: «популярным» содержанием, выражающим тайные стремления угнетаемого большинства, и конкретным содержанием, выражающим силы господства (*Žižek 1989*). Все формы фашистского, империалистического и диктаторского мистицизма могут быть выведены из искажающей перспективы, порожденной патриархальной и авторитарной формами государственной организации.

Проект Скопье 2014 свидетельствует о кризисе идентичности и также о кризисе интерпретации идентично-

сти. Этот проект исходил из принципа сведения к абсурду, где лозунг «организации» общества «нарциссическим» (авторитарным) лидером имел именно тот характер, который придается ему в либидозной экономике значений Фрейда. Античность никогда не занимала первостепенное значение в македонской истории. Македонцы являются славянским народом, что выражается в языке, культуре и православной религии. Процесс внедрения античности в коллективную память начался с переименования улиц и возведения гигантского памятника Александру Великому в центре Скопье. Таким образом, используя терминологию Лакана, объекту было придано достоинство Вещи. Следовательно, объект гегемонистских инвестиций — это просто имя, которое ценится в пределах определенного исторического горизонта; это политически мотивированный подход. Это был проект правых и националистических партий по достижению националистической однородности. Вместо того, чтобы найти решение «кризиса идентичности» с Грецией, эти силы «назло» грекам возвели национальную идентичность к античной эпохе, что привело к охлаждению отношений двух соседних стран.

В рамках проекта Скопье 2014 были также демонтированы некоторые памятники социалистического периода. Один из этих памятников «Обелиск», который более сорока лет являлся символом памяти о нацистской оккупации, был заменен памятником отцу Александра Македонского Филиппу и его семье. Эта смена памятников никак не объяснялась общественности. Официально это было вызвано необходимостью

реконструировать центр города. Реально правительство Груевского стремилось нажиться на дополнительных строительных работах. Недавно левое правительство приняло решение разрушить памятники, возведенные в рамках проекта Скопье 2014. Перед нами новый виток политики по стиранию прошлого, бессмысленной трате общественных средств, но уже на основе новой идеологии.

Не бывает гегемонии без конструирования популярной (великой) идентичности вне многообразного комплекса отношений, который бы объяснял, почему низы должны подчиняться верхам. Гегемония это просто придание позитивного смысла ситуации, ощущаемой как «неполноценное существование». В терминологии Лакана логика *objet petit a* (пустого обозначающего) и логика гегемонии не просто сходны, но идентичны. В политической философии существуют попытки противопоставить революцию и реформирование, но от представителей этой линии мышления ускользает альтернативная логика *objet petit a* — так сказать, возможность, которая может стать невозможной тотальностью (другими словами, гегемонией). Представитель марксистской традиции Грамши представлял гегемонию как решающий эпистемологический разрыв. Единственно возможный горизонт тотальности задается гегемонистской силой, которая разыгрывает представление мифической тотальности. Как объясняет Эрнесто Лакло в своей книге «О популистском разуме», популярный символ или идентичность (выраженная как античность в случае

Македонии), будучи поверхностью надписи, не пассивно выражает то, что в нее вписано, а фактически составляет то, что она выражает через сам процесс его выражения (Laclau 2005). Другими словами, выражение «единства нации» через античность и памятники — решающий момент в установлении этого единства; через процесс добавления античности в переплетение исторических слоев, прежде существовавших в коллективной памяти.

М. П. Как ваши исследования и преподавательская деятельность вступают в диалог с памятью о социалистической Югославии, прежде всего в области гендерной политики и в отношении к женскому вопросу?

С. А. Недавно мне довелось участвовать в обсуждении третьего тома серии «Интеллектуальные горизонты двадцатого века» издательства Рутледж под названием «Учебная книга по истории Центральной и Восточной Европы» (The Routledge History Handbook of Central and Eastern Europe in the 20th Century, Vol. 3 (Intellectual Horizons of the 20th Century)). Во время дискуссии с американским исследователем Холли Кейс (Holly Case), которая специализируется на взаимосвязи внешней и социальной политики в Европе XX в., мы обсуждали затронутые вами вопросы. В попытке преодолеть травматичную историю постъюгославские страны создают гиперполитизированную память. Формирование коллективной памяти нации зависит от того, с какой точки зрения мы рассказываем об интеллектуальной истории, гегемонии, маргинальных и господствующих

культурах. По моему мнению, дискуссии о ревизионистской политике по поводу культурной памяти требуют признать существование подавленных памятей и рассматривать их отношение к политическим и экономическим силам государственной гегемонии. В Югославии социалистическое общество исчезло в ходе приватизации общественной собственности, сопровождавшейся коррупцией, присущей дикому капитализму. В процессе дезинтеграции Югославии промышленные предприятия Македонии были закрыты и уничтожены в результате приватизации. Прежде всего, это коснулось текстильной и швейной промышленности, где преобладал женский труд. После обретения независимости при правительстве Бранко Црвенковского (1992–1998) средний класс в стране практически исчез. Приватизация в Македонии носила едва ли не наиболее разрушительный характер в сравнении с другими странами Центральной и Восточной Европы.

В апреле 1949 г. представители 12 стран собрались в Вашингтоне, чтобы создать блок НАТО. Одной из задач блока было противодействовать коммунистической угрозе и остановить распространение коммунизма в Европе. Термин «Восточная Европа» использовался тогда как эвфемизм реального социализма. Под реальным социализмом советские и другие восточноевропейские теоретики вначале понимали реализацию идей марксизма-ленинизма в Югославии, Китае, а также в странах третьего мира, именовавших себя «социалистическими». Существовало даже неявное различие этих социалистических стран как проти-

воядия коммунистическим (революционным) тоталитарным режимам. Построение долгосрочной гегемонии — это процесс опустошения культурных и исторических обозначений при построении исторической сингулярности доминирующего нарратива, и это структурное давление сил в обществе. Таковы исторические тенденции сегодняшнего популизма властей; с точки зрения того, чего ему не хватает: его идеологической пустоты, пустых означающих и гегемонии, его антиинтеллектуализма, преходящего характера и обобщенной риторики. Официальная политика в бывшей Югославии была основана на «интернационализме», т.е. дружеских отношениях с антиимпериалистическими общественными и политическими движениями, борющимися за солидарность; а также на борьбе по всему миру за социализм, самоуправление, свободу и демократию.

В университете я преподаю женские исследования и постсоциалистические феминистские теории, смещая фокус с институциональной и политической сфер ко внутренней динамике самоуправления, основанной на югославской модели 1980-х. После Второй мировой войны политические, экономические и социальные права женщин были записаны в Федеральной конституции, в том числе права женщин на образование и общественный труд. Это был процесс интеграции женщин из наиболее бедных частей Югославии, сопровождавшийся болезненной памятью о непростой женской доле, в процессе индустриализации. Балканские и постъюгославские исследования являются широким направлением

исследований, которые выходят за пределы парадигмы этнонационализма и включают литературу, музыку, память, коллективную память, популярную культуру, народную культуру, альтернативную культуру, искусство, медиа, политический активизм, культуру диссидентства, экономику, социальную организацию в бывших югославских республиках.

Современный взгляд на прошлое через призму политической и культурной памяти позволяет изучать контекст догматического социализма и социальный смысл гражданства в социалистической Югославии и в нынешних постъюгославских государствах. Социалистический извод феминистской политической теории обнаруживает память о женском труде, рассматривает устройство общества, гендерные режимы и современный переход от женского промышленного труда к работе в обслуживании и в домашней сфере. В случае Македонии насильственная приватизация привела к такому преобразованию гендерных отношений и гендерных режимов, когда женский труд переместился в сектор услуг и в сферу неоплачиваемой домашней работы (Federici 2012). Следовательно, память о практиках женского труда никогда не была статичной. В бывшей Югославии женщины и их трудовая деятельность были составной частью социально-политического устройства общественной жизни, в рамках которой они обладали равными социальными правами и были надежно защищены от проявлений гендерного неравенства. Во время Второй мировой войны они активно участвовали в войне в качестве

основной трудовой силы, а также учителей и медсестер. После освобождения от нацистов трудовая деятельность в годы войны стала образцом ударного участия в общем труде не только для македонских, но и всех югославских женщин. В октябре 1978 г. в Студенческом культурном центре Белграда проходила конференция под названием «Товарищ женщина. Женский вопрос: новый подход?» (Drug-ari-ca žena, Žensko pitanje: novi pristup?), где обсуждались вопросы неравенства и обеспечения гендерного равенства в социалистическом самоуправлении. Это было уникальное для Восточной Европы проявление второй волны движения феминизма (Bonfiglioli 2013). Балканские феминистские исследования должны заниматься изучением подобных тем истории.

Борьба за память в условиях нынешнего гендерного режима приводит к новому прочтению наследия и практик памяти, относящихся к понятию «труда» и его пониманию, как в период социализма, так и в современной Македонии. Я считаю необходимым сосредоточиться на исследовании тех аспектов теории социального производства времен социалистической Югославии, которые могут стать исходным понятием для осмысления нынешней демократии. Для этого стоит обратить внимание на социальные эффекты низкооплачиваемого труда, «женского» труда, безопасного/опасного труда, труда по гибкому графику, труда социальных работников, феминизацию труда, что подразумевает рассмотрение политических, социальных и экономических аспектов вовлечения женщин в трудовые отношения.

Следовательно, предвосхищающие аспекты практик памяти или «память пробуждения» должны стать мощным инструментом борьбы с современным капитализмом.

М. П. Как бы вы описали индивидуальные и коллективные нарративы югославской памяти применительно к сегодняшней Северной Македонии? В каком смысле и в какой степени персональная память о социалистической Югославии противоречит государственной политике памяти? Замечаете ли вы примеры того, что можно назвать югоностальгией?

С. А. Несколько лет назад я посетила Музей коммунизма в Праге. При входе на экспозицию я оказалась в почти пустой красной комнате. В углу был стол с телефоном старой модели, который, предполагалось, звонил когда-то в учреждениях коммунистической власти. Посткоммунистическая ностальгия является напоминанием о временах социализма как целостной символической системе, которая была разрушена капитализмом.

Для меня югоностальгия — это тоска по системе здравоохранения, разрушенной капитализмом, по социальному обеспечению, по высоким стандартам и ценностям образования. Людям постъюгославских стран не достает социалистического общества. Югоностальгия стала символом эпохи социализма в современной народной культуре. Сюда включаются: семейные поездки на «Фиате» или «Ладе» в Дубровник или Черногорию, братство и единство (*bratstvo i jedinstvo*), социалистическая охрана труда, оплачиваемый летний отпуск,

оплачиваемый больничный, бесплатные медобслуживание и обучение, дух товарищества, солидарность и маргинализация национализма, достойный уровень жизни, а также югославская система самоуправления как альтернатива советской модели коммунизма. Югославская система самоуправления дала рабочим право демократического контроля своих фабрик и рабочих мест. Югославская модель, сочетавшая социалистический труд и самоуправление, занимала выдающееся место во всей Восточной Европе.

Мария Годорова отмечает, что в общепринятых дискурсах ностальгия представляет анахронизм и является идеологией рабов или людей, оставленных без общественного признания (*Todorova 2009b*). Но это не относится к югоностальгии. Мы обсуждаем сейчас эту тему с американскими коллегами и приходим к выводу, что югоностальгия — это воспоминание об общественном строе, который занимает промежуточное положение между американским капитализмом и советским коммунизмом. Югоностальгия строится на памяти об югославской модели общественного благосостояния: услуги здравоохранения и права на медицинское обслуживание, включая государственную медицинскую страховку; социальное страхование и обеспечение, право на оплачиваемый отпуск, прямая связь между ростом расходов на здравоохранение и зарплатой медиков, децентрализация посредством процессов самоуправления, экономическая стабильность, участие рабочих в управлении производством, мир, отсутствие границ, путешествия без виз и т. д.

В этом интервью я ограничусь культурной памятью. Теория различает индивидуальную и коллективные памяти (Assmann 2010). В связи с этим я понимаю под культурной памятью ее экстернализацию и объективизацию в виде индивидуальных образов и других *мест памяти*. Согласно теориям политики и культуры, если образ прошлого не признается в настоящем заслуживающим внимания, он обречен исчезнуть безвозвратно. Человеческая память всегда относится ко времени и идентичности. Каждая форма памяти имеет свои специфические временные рамки. Различие между формами памяти связано с особенностями их структуры и обнаруживается прежде всего в динамике, создавая напряжения и переходы между различными точками зрения участников дискуссии. Лично мне в детстве было неприятно видеть портрет Тито над холодильником. Мне не нравилось, что он смотрел, как мы с сестрой едим клубничное мороженое. Меня также травмировала синяя школьная форма. У меня присутствовало анархическое стремление преобразовать эту скучную одежду в короткую юбку, сшить синий флаг, покрасить губы синей помадой и выкрасить волосы в синий цвет.

Современная македонская ностальгия — это социалистическая ностальгия, выражающая неприятие капитализма. Когда-то на первом свидании я подарила своему парню «Лексикон югославской мифологии» (Leksikon YU mitologije)³. Но я

не единственная, у кого был роман с коммунизмом. Автор книги «Товарищ» (Comrade) профессор и один из ведущих голосов левого крыла литературной критики Джоди Дин (Dean 2019) упоминает в разговоре по поводу книги Вивиан Горник «Романтическая история американского коммунизма» (Vivian Gornick. Romance of American Communism, first published in 1977), что американский коммунизм — это скорее «долговременное человеческое чувство», чем набор определенных принципов. Джоди Дин не согласна с Густавом Стадлером, который в своем замечательном эссе «Коммунизм чувств» (A Communism of Feelings) утверждает, что это был язык идентичности и самореализации (Stadler 2020). Почему это важно для моего понимания югоностальгии? Политическая память выражается посредством культурной памяти, но она зависит от политического контекста, который ее учреждает. Культурная память развивается как процесс взаимодействия ностальгии, общественного строя и политических действий. Югоностальгия не сводится к коммунизму, это, прежде всего, тоска по утраченной человечности. Вместе с тем югоностальгия приводит к коммерциализации югославского прошлого, путем превращения его в китч. В результате мы потребляем сакрализованное прошлое: в наших домах воскресают своего рода музеи винтажных югославских книг, виниловых пластинок, обуви, культуры повседневной жизни, памяти о социалистическом прошлом,

³ Совместный проект издательств «Постскриптум» (Загреб) и Ренде (Белград), основанный на концепции Дубравки Угрешич, Дежана Кршича (Dejan Kršić) и Ивановой Молека (Ivana Moleka), разработанной в 1989 г. Первое издание вышло в 2004 г. под редакцией Владимира Арсеньевича (Vladimir Arsenjević), Джордже Матича (Đorđe Matić) и Ирис Адрич (Iris Adrić).

о качестве жизни и солидарности. Все это пропускается через фильтры соцреализма и окрашивается в цвет сепии в современных постсоциалистических нарративах: все эти дедушкины и тетушкины «Фико» и «Юго» производства автомобильного завода «Застава», старые видео и рок-клубы, ностальгические кафе, фильмы о партизанах, футбольные клубы «Црвена звезда» и «Партизан», чтение на кириллице и латинице. Линда Хатчеон подчеркивает, что ностальгия всегда носит «трансидеологический» характер (*Hutcheon* 1988). Это то, что можно описать как тоску по «иллюзии идентичности» (*Sen* 2006).

В моей первой теоретической книге «Нарративы идентичности» я пишу о музее памяти, путешествии по социалистической повседневной жизни, воссозданном в нарративах постъюгославской писательницы Дубравки Угрешич и немецкой писательницы Кристи Вольф. Я пишу о политике памяти не как о представлении памяти, а скорее как о придании законной силы операциям с памятью, в том духе, в каком Рената Лахман читает колониальные и постколониальные дискурсы и культурные артефакты (*Lachmann* 1997). Я подчеркиваю отличие историографии от реальной истории, а также отмечаю, что прошлое, которое «не признается» настоящим, будет утрачено. Присущая памяти функция идентичности всегда подразумевает различие «наших» и «других». В этом смысле современная югостальгия представляет систему верований в определенную эпоху, т.е. разговор об этом времени через практики сохранения памяти.

Несколько недель назад в социальных сетях возник разговор об эссе А. Барича «Конец Югославии научил меня осознавать мою принадлежность» (*What the end of Yugoslavia taught me about belonging*) (*Baric* 2020), в ходе которого исполнительный директор Альянса семи немецких университетов прикладных наук (UAS7) Патриция Ноббе (*Patrizia Nobbe*) отметила, что жители Восточной Германии испытывают подобные болезненные чувства. Она права. Легко испытывать романтические чувства к государству, которое больше не существует. Пример ГДР демонстрирует микроуровень общественных отношений, на основе которых существовали подневольные «рабочие бригады» или «общественные организации», лишённые права на свободные высказывания. Современная тоталитарная риторика антикоммунизма стремится заставить людей поверить, что при социализме они жили в нищете, что указывает на противоречие между свободой и угнетением. Глобальное левое движение наших дней должно строить экономику на основе демократического социализма. Я могу привести единственный пример, где уже реализуется эта идея, это кампания американского социалистического активиста Глории Ла Рива (*Gloria La Riva*), направленная на охрану мировой периферии от давления глобального рынка, на укрепление солидарности женщин в рамках постсоциалистического гендерного режима на рынке женского труда, на борьбу с безработицей и социальной незащищенностью, на создание сильного массового левого движения. Этот широкий план требует обновления тесного сотрудничества

постъюгославских стран, не ограниченного рамками Евросоюза.

М.П. В чем, по вашему мнению, состоит специфика политики памяти Северной Македонии в сравнении с другими (пост)югославскими странами? Насколько вероятно, что албанское меньшинство Северной Македонии сумеет выработать собственные стратегии контрнарративов памяти и собственное прочтение прошлого, которые бы отражали их положение этнического меньшинства?

С.А. Я интересовалась динамикой социальной памяти. В южной части Югославии память о социализме была фрагментирована и приведена в разрозненное состояние в результате переходных процессов. В Югославии менее развитые южные республики финансировались за счет более развитых северных. Экономическая стратегия Югославии была в значительной мере основана на иностранных займах, что привело к нестабильности и росту международного давления. Это приводило к формированию двухсторонних отношений между югославскими республиками. С точки зрения политики памяти в Северной Македонии наблюдается процесс преобразования укорененной памяти о социализме в долговременную культурную память, зависящую от драматических изменений переходного периода. В своих рассуждениях о мнемоистории я должна обратиться к последнему премьер-министру Югославии Анте Марко-

вичу, чье правительство (1989–1991) отменило самоуправление. Это привело к обострению экономических проблем, что стало причиной развала Югославии. Может существовать память рискованного (precarious) существования? Мне могут возражать, что при капитализме «переход» и «стабильная занятость» являются *contradictio in adjecto* (противоречием в определении). Я уже объясняла, что памяти всегда связаны с идентичностью, что они поддерживают представление сообществ о себе самом (self-image of communities). Приспособление самоуправления к требованиям рыночных реформ и рыночной конкуренции противоречило целям и обязательствам социалистической системы. Следовательно, коллективные памяти всегда ограничены и связаны с классом. Свойства социальной памяти ограничены коллективной памятью и трудовыми отношениями⁴.

Кроме экономического и политического кризисов Северная Македония также переживает многосторонний «кризис поколения», который включает:

- споры с Грецией по поводу идентичности, связанные с «геолокацией» и символической географией;
- лингвистические и исторические споры с Болгарией;
- церковные споры с Сербией;
- этнические трения с македонскими албанцами;

⁴ Это результат высокого уровня неравенства и безработицы. В 1980-х официальная безработица варьировала от 1,5% в Словении до более 30% в Македонии. В сферах промышленности, экономики и воспроизводства Македония сталкивается с теми же проблемами, что и другие постъюгославские страны. Из «серого пошивочного цеха для нужд ЕС» Македония после кризиса

— кризис присоединения к Европейскому союзу, который является важнейшим среди перечисленных с точки зрения политической онтологии, которая позволяет описать силы и процессы современных трансформационных процессов.

В 1920-е Морис Хальбвакс указал, что историография (история) может рассматриваться как общая память человечества, которая отличается от пристрастной и ограниченной коллективной памяти отдельных групп (*Halbwachs* 1992). Позже Пьер Нора подчеркнул различие истории и памяти, которые противостоят друг другу во многих отношениях. Память создается группой в целях повысить групповую сплоченность. Поэтому число несовпадающих между собой памятей равно числу групп. Память по своей природе многообразна и при этом специфична, носит коллективный, но при этом индивидуальный характер. История, напротив, принадлежит всем и никому и поэтому носит универсальный характер (*Nora* 1996). Помня, что история носит универсальный характер, а память является «частной собственностью» группы, необходимо сказать, что отношения Македонии с Сербией ухудшились после того, как наша страна признала независимость Косова в октябре 2008 г. Но несколько месяцев спустя добрососедские отношения были восстановлены. Напряженными остаются отношения с Сербской православной церковью. С канонической точ-

ки зрения Сербская церковь должна дать разрешение на существование независимой Македонской церкви, которая неканонически отделилась в 1967 г. При встрече 9 мая 2015 г. патриарха Русской православной церкви Кирилла с президентом Македонии Георге Ивановым говорилось о необходимости найти решение этой проблемы, насчитывающей уже более чем полувекую историю, на основе положений канонического права.

Кроме того, существует вопрос самовосприятия и самоколонизации с целью продать образ экзотический и уникальный страны зарубежному потребителю, как это было сделано в македонском документальном фильме «Земля меда» (*Honeyland* 2019), выдвигавшемся на «Оскар». Образный ряд этого фильма соткан из кошмаров капитализма. Главной героине по имени Атидзе нелегко живется в родном селе, превращенном в аттракцион для туристов. Мнемоническое пространство фильма разделено между прошлым и будущим, свидетельствуя тем самым, что в социальной и культурной памяти, с одной стороны, настоящее может исчезнуть из репрессированной памяти, а с другой — проспективная, предсказывающая память о том, что мы ожидаем в будущем, может столкнуться с нашей современной культурой.

В политической теории общественное развитие рассматривается как

2008/2009 превратилась в избегаемую «черную дыру». На всем постъюгославском пространстве отмечен высокий уровень инфляции. Уровень безработицы в Хорватии 22%, в Сербии 27% и в Македонии 33%. Особенно пострадала созданная при социализме текстильная промышленность и связанная с ней промышленная инфраструктура, в результате чего пострадали в первую очередь женщины. Рабочие также пострадали в наибольшей степени от Covid-19.

долговременная работа, которая требует постоянной критики политических институтов и переосмысления процессов трансформации политической мысли. После обретения независимости в 1991 г. Македония оказалась на тот момент единственной из бывших югославских республик, не затронутых войной и боевыми столкновениями. Парадигма этноцентризма стала нашей реальностью. Албанцы, которые составляют треть населения, в результате дискриминационной политики ощущают пренебрежительное отношение к себе и албанофобию. В 2001 г., после того как полицейский застрелил албанского юношу, это этническое напряжение привело к вооруженному конфликту. Эти волнения многие поторопились назвать «отложенным маем 1968-го» (*Sadiku* 2016). Но это не привело к принципиальным изменениям внутренней политики, в которой отсутствовало связанное видение будущего и представление о достижении более высоких жизненных стандартов. После прихода к власти социал-демократов межэтнические отношения улучшились. С 2019 г. албанский язык стал вторым официальным языком страны. В терминах мнемотехнического представления нарративов за последние десять лет этнические отношения между македонцами и македонскими албанцами изменились благодаря попыткам преодолеть историческую травму. В современной политике предусмотрено достижение общих социальных целей силами всех граждан страны вне зависимости от их этнического происхождения. Так, министром иностранных дел сейчас является представитель одной из партий македонских албанцев. Разумеется, опыт

мнемоистории показывает, что надо суметь дистанцироваться от своей боли, чтобы суметь говорить о современном состоянии памяти своего сообщества с целью улучшить ее в будущем. Македонцы и македонские албанцы обладают тем, что мы можем назвать «общей географической памятью», которая структурирует сообщество памяти как целое и основана на мультикультурном фоне социальной и политической реальности. В микрополитической теории культурной памяти я буду ссылаться на Вальтера Бенжамина, который считал, что история распадается скорее на образы, чем связанные рассказы (*Benjamin* 1999). Следовательно, когда вы хотите высказаться по поводу «исторической памяти», относящейся к этнонационализму, это всегда приводит к конденсации и интенсификации образов. Исходя из политической перспективы, и я говорю это вовсе не в декларативном смысле, мы должны сосредоточиться на будущем, на правах человека, на поддержании культурных различий на микроуровне единого национального сообщества и также Евросоюза.

М. П. Следующий вопрос обусловлен тем, что ваше интервью будет опубликовано в русском журнале. Каков сегодня публичный дискурс о Российской Федерации и также об СССР? Занимает ли Сталин или другие деятели русской истории заметное место в нарративах памяти Северной Македонии?

С. А. Есть мрачная шутка. В 1933 г. некий комический актер выступал на сцене одного из берлинских кабаре. Он выбросил руку в нацистском

приветствии. Но вместо того, чтобы воскликнуть «Хайль Гитлер!», он спросил «Хайль? Как его зовут на этот раз?» и начал отпускать издевательские шуточки по поводу Национал-социалистической партии. Через несколько секунд офицеры гестапо бросились на сцену и вышвырнули его вон. Каким-то чудом он выжил в лагерях и в 1945 г. оказался на свободе. Первым делом он отправился в то самое кабаре, поднялся на сцену и снова выбросил руку в нацистском приветствии. Денацифицированная толпа ахнула в изумлении. Через несколько мгновений он разрядил напряженное ожидание зала язвительным заявлением: «Когда я сделал это в прошлый раз, я был очень грубо прерван...» (Rosen 2008). Эта шутка и городской миф по ее поводу возникли на обломках Третьего рейха. Здесь воплотился общепринятый образ современных диктаторских режимов как грубого прерывания мрачной комедии истории.

Эта история перекликается как с тиранией Сталина, так и с кошмарами оруэлловского романа «1984». Общественное устройство Югославии было близко к так называемому «демократическому социализму». Перенос из Белграда в 1948 г. главного офиса Коммунистического информбюро был связан с тем, что Тито не хотел подчиняться диктату Москвы. Тито заявлял, что внешней политике СССР недостает «демократии».

На самом деле причина конфликта состояла в том, что Сталин отказался от плана Балканской федерации (Югославия, Албания, Болгария, Румыния и, возможно, Греция), который вначале поддерживал. Кроме того, Тито был недоволен неравноправными экономическими отношениями между Югославией и СССР⁵.

В ходе этого конфликта Тито сослал в страшный лагерь Голи-Оток всех сторонников Сталина, а также македонских националистов (Koteska 2010).

На национальном уровне память о России выражается, прежде всего, в форме культурной памяти в литературе и образовании, но не в спонтанной памяти людей. Память всегда является пространством политических интерпретаций. В период правления Николы Груевского крайне правые силы тяготели к тесным дипломатическим отношениям с Россией. В настоящий момент отношения памяти между Россией и Северной Македонией либо излишне включаются, либо, напротив, полностью извлекаются из исторического контекста. В смысле политики памяти влияние России на Македонию осуществляется преимущественно через Сербскую православную церковь. С тех пор как Северная Македония ориентируется на НАТО и ЕС, стремление проводить политику открытых дверей по отношению к России отсутствует.

⁵ При Сталине СССР превратился в бюрократическую деспотию. Все ленинские проекты управления были в высшей степени централизованы, поэтому в ходе ускоренной централизации были уничтожены миллионы людей, которые мыслили несогласно линии партии. Трения между Югославией и СССР возникли сразу после того, как наша страна продемонстрировала, что она может сражаться с нацизмом, не дожидаясь, когда советская армия придет ей на помощь.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson 1983 — *Anderson B.* Imagined Communities. London: Verso, 1983.

Assmann 2010 — *Assman A., Conrad S., Eds S.* Memory in a Global Age. Discourses, Practices, and Trajectories. London: Palgrave, 2010.

Baker C. The Yugoslav Wars of the 1990s. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Baric 2020 — *Baric A.* What the end of Yugoslavia taught me about belonging // *Calvert Journal*. 2020. Available at <https://www.calvertjournal.com/articles/show/11883/yugoslavia-wars-belonging-personal-essay-family-croatia>.

Baudrillard 1981 — *Baudrillard J.* Critique of the Political Economy of the Sign. St Louis: Telos Press, 1981.

Benjamin 1999 — *Benjamin W.* Theses on the Philosophy of History, from Illuminations. Translated by Harry Zohn, Edited (& Introduction Hannah Arendt). New York: Schocken Books, 1999.

Bonfiglioli 2013 — *Bonfiglioli C.* Gendering Social Citizenship: Textile Workers in post Yugoslav States // *Working Paper Series*. Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2013.

Crowther 2017 — *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia // *East European Politics and Societies*. 2017. 31:4. P. 739–761.

Dean 2019 — *Dean J.* Comrade. An Essay of Political Belonging. London: Verso, 2019.

Deleuze, Guattari 1994 — *Deleuze G., Guattari F.* What is Philosophy?. Trans. Graham Burchell and Hugh Tomlinson. London and New York: Verso, 1994.

Detrez 2015 — *Detrez R.* Ethnonyms in the Pre-National Era: What's in a Name? // *Couroucli M. and Marinov T. (eds.) Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. London: Routledge, 2015.

Eminoglu, Bugrahan 2020 — *Eminoglu A., Bugrahan E.* Main dynamics of name dispute: Northern Macedonia and Greece //

Codrul Cosminului. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 207–224.

Federici 2012 — *Federici S.* Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle. Oakland, CA: PM Press, 2012.

Graan 2013 — *Graan A.* Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia // *Cultural Anthropology*. 2013. 28:1. P. 161–179.

Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* On Collective Memory. Chicago: Chicago University Press, 1992.

Honeyland 2019 — *Honeyland*. 2019. Directed by Tamara Kotevska, Ljubomir Stefanov.

Hutcheon 1988 — *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism History, Theory, Fiction. New York: Routledge, 1988.

Janev 2015 — *Janev G.* 'Skopje 2014': Erasing Memories, Building History // *Couroucli M. and Marinov T. (eds.) Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. London: Routledge, 2015.

Janev 2017 — *Janev G.* Burdensome past: Challenging the socialist heritage in Macedonia // *Stud. Ethnol. Croat*. 2017. Vol. 29. P. 149–170.

Koteska 2010 — *Koteska J.* Komunistička intima. Skopje: Templum, 2010.

Lachmann 1997 — *Lachmann R.* Memory and Literature, Intertextuality in Russian modernism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

Laclau 2005 — *Laclau E.* On Populist Reason. London, New York: Verso, 2005.

N.A. 2021 — N.A. (04 February 2021). "Borisov: Nadam se da ćemo se Makedoncima proslaviti 150 godina rođenja Delčeva". Available at: <https://rs.n1info.com/region/borisov-nadam-se-da-emo-sa-makedoncima-proslaviti-150-godina-rodjenja-delceva/>.

Ngai 2005 — *Ngai S.* Ugly Feelings. Cambridge: Harvard University Press, 2005.

Nora 1996 — *Nora P.* Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol. 1. Con-

flicts and Divisions. New York: Columbia University Press, 1996.

Piacentini 2019 — *Piacentini A.* Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. 25:3. P. 273–291.

Rosen 2008 — *Rosen Michael.* Laughter Close to Tears // BBC Radio 4, 26 Jan. 2008.

Sadiku 2016 — *Sadiku A.* “Why is History Not Repeating In Macedonia”. Kosovo 2.0. 2016. Available at <https://kosovotwopointzero.com/en/pse-nuk-po-e-per-serit-historia-veten-ne-maqedoni/>.

Sen 2006 — *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. New York: W.W. Norton, 2006.

Spaskovska 2014 — *Spaskovska Lj.* From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugo-

slav Republic of Macedonia // Blog. Open-democracy. 2014. Available at <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/ljubica-spaskovska/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-andtribulati>.

Stadler 2020 — *Stadler G.* A Communism of Feelings // Publicbooks.org. 2020. Available at <https://www.publicbooks.org/a-communism-of-feelings/>.

Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Todorova 2009b — Todorova M. Remembering Communism, Genres of Representation. New York: Social Science Research Council, 2009.

Todorova M., Zs. Gille. Post-Communist Nostalgia. New York: Berghahn Books, 2010.

Žižek 1989 — *Žižek S.* The Sublime Object of Ideology. New York, London: Verso, 1989.

“ANTICIPATORY MEMORY PRACTICES WOULD HAVE THE POTENTIAL TO EMERGE AS A POTENT TOOL IN THE FIGHT AGAINST CAPITALISM TODAY”.

Interview with Senka Anastasova

Senka Anastasova — Prof. Dr., University Professor of Philosophy, Visiting Fellow Beatrice Bain Research Group at Gender and Women’s Studies Department, University of California Berkeley (USA)

Key words: memory politics, political philosophy, imagology, Yugonostalgia, socialist feminization of labor, popular culture, art.

Abstract. Having faced a veto by Bulgaria in its EU accession process for the third time, North Macedonia finds itself at the crossroads of various power interplays that are strongly embedded in memory politics. University Professor Dr. Senka Anastasova theorizes relations between history, historiography and narrative identities, and their ramifications in the context of memory politics. Specifically, she analyzes the memoryscape of North Macedonia, contextualizing the external pressures to North Macedonia’s EU accession process, implemented by EU member states Greece and Bulgaria. Reflecting on the importance of the socialist Yugoslav heritage of gender politics and Yugonostalgia, Anastasova outlines the numerous memory strategies used by the Macedonian political elites. In doing so, she accounts for the convergences and divergences between the two largest (Macedonian and Albanian) communities of North Macedonia. Her analysis of the project Skopje 2014, just one of the revisionist projects of the political elites, gives us an insight into the complicated memory struggles within and outside of North Macedonia.

А. А. Тесля

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. П. ОГАРЕВА¹

Ключевые слова: анархизм, история понятий, народничество, радикализм XIX в., русский социализм, русская общественная мысль XIX в..

Аннотация. Понятие «народа» является одним из ключевых в политической философии и политической теории с Древнего Рима и вплоть до наших дней. Являясь в высшей степени неопределенным, оно в то же время оказывается если не неизбежным, то трудноустраняемым. Устраняемое в теории, оно регулярно возвращается в политической практике. XIX в. с точки зрения истории мысли стал одним из ключевых в истории осмысления и переосмысления данного политического понятия. В этот период оно становится предметом не только актуальных политических призывов, но и целых трактатов — вместе с тем именно как понятие оно не проблематизируется. Переосмысление происходит за счет сопоставления с иными понятиями (такими как «нация», «класс»), которые являются предметом специальных теоретических усилий. Отечественная политическая мысль демонстрирует общеевропейские черты, в том числе и потому, что работает во многом в едином с европейской мыслью понятийном поле. Однако специальное обращение к публицистике русских радикалов, в частности Н. П. Огарева, демонстрирует, во-первых, исторически контекстуальные особенности, что совершенно предсказуемо, и, во-вторых, связанный с локальным контекстом ответ на общую повестку европейской политической теории. Демонстрируя теоретическое напряжение, присущее используемому Огаревым пониманию «народа», мы фиксируем его контекстуальную связь с теорией анархии М. А. Бакунина, одновременно отмечая в стремлении к конкретизации, эмпирической фиксации «народа» результат фундаментального противоречия политической теории зрелого модерна — одной из попыток разрешения которого и выступает бакунинская теория анархии.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-210-223

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

¹ Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Николай Платонович Огарев (1813–1877) — фигура одновременно и заметная, и трудно характеризуемая в ландшафте русской общественной мысли 1840–1870-х гг.² Трудность характеристики вытекает из его положения — с одной стороны, он «фигура второго плана», эхо чужих идей, тем, подходов. Это относится и к нему как к поэту, и как к публицисту — причем данная характеристика возникла еще при жизни — так, в стихах его находили однотемье, голос интересный, но достаточно приглушенный (а попытки к концу жизни найти себя в ином поэтическом пространстве, освоить гражданскую лирику и поэтические призывы, обращен-

ные к крестьянству на его собственном языке, даже благожелательный Рейснер квалифицировал как явную неудачу (см.: *Рейснер* 1937: XX–XXI, XXII)). Как публицист он практически отсутствует вплоть до второй половины 1850-х; к 1840-м — 1-й половине 1850-х относятся лишь незначительные опыты в сфере публицистики, к которым, правда, сам автор относился вполне серьезно³. Его публицистическая активность почти целиком укладывается в период 1856–1870 гг., с того момента, как он вместе со своей второй женой, Н. А. Тучковой-Огаревой, весной 1856 г. уехал в Лондон и присоединился к А. И. Герцену в его

² Об Огареве существует весьма обильная исследовательская литература, начало которой положено М. Н. Гершензоном, получившим в 1903 г. доступ к огаревскому архиву. Интересуясь в первую очередь Герценом, Гершензон тем не менее развернутого исследования о Герцене так и не написал (за исключением очерка его зарубежных связей), а об Огареве подготовил две обстоятельные статьи (*Гершензон* 2000; 2000а) и выпустил на материалах архива два тома «Русских Прописей» (1915, 1917). Подготовленный им третий том вышел уже после его смерти, в 1930 г., под заголовком «Архив Н. П. Огарева», другие материалы вошли в созданный его учеником, Я. З. Черняком, труд «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве» (*Черняк* 1933). Черняк внес большой вклад в изучение Огарева, в том числе подготовив двухтомное собрание его публицистических работ, вышедшее в 1952 и 1956 гг.

Смена политических режимов привела к резкому падению научного интереса ко всей русской «революционной» интеллектуальной проблематике XIX в. — только в 1999 г. вышел в двух книгах давно подготовленный том «Литературного наследства», посвященный Герцену и Огареву, а также их окружению. Значительная часть его авторов и публикаторов к тому времени уже скончалась — так, например, том открывала обширная статья Л. Я. Гинзбург, скончавшейся в 1991 г., посвященная автобиографической прозе Герцена. Возрождение интереса, уже с существенно изменившимися теоретическими рамками, наблюдается в последние годы — так, несколько лет назад вышла довольно обстоятельная биография Н. П. Огарева (*Волошина* 2016).

³ Так, о своем «Письме из провинции», предназначавшемся для «Современника», Огарев писал Герцену в это время путешествовавшему по Европе (в дальнейшем оказалось, что это стало началом его эмиграции) 20.IV.1847: «<...> написана статья для «Современника», которой я весьма доволен» (*Огарев* 1953: 758); Грановскому 25.IV.1847 Огарев сообщил: «Послал в «Современник» статью (вероятно, в смесь) — Письма из провинции (pseudonym). Не совершенно удовлетворен художественной отделкой, но ручаюсь за меткость и достоинство статьи, если ее не испортят» (*Огарев* 1932: 127). Хотя И. И. Панаев и настаивал перед Огаревым — «напрасно сомневаешься ты в том, что письма твои не будут напечатаны в «Соврем<еннике>». Они превосходны и будут служить украшением, так сказать, нашего журнала» (письмо от 6.X.1847, цит. по: *Огарев* 1953: 761, прим. 2), однако в «Современнике» «Письмо...» так и не появилось. Герцену Огарев сообщил 20.X.1847: «Письмо мое поместится в XI книге «Современника». Каково! Письмо от марта — в ноябре. Я бы с тех пор десять написал, если бы оно в свое время было напечатано, а теперь с трудом надо наладиться опять на тот же весьма полезный тон» (*Огарев* 1953: 770). Примечательно, что это «Письмо...» в итоге было опубликовано Огаревым десять лет спустя, в «Полярной звезде» в Лондоне (кн. 3, с. 158–182).

деятельности в «Вольной русской типографии», и вплоть до короткого «нечаевского» эпилога, последовавшего после смерти Герцена в январе 1870 г. — когда Огарев вместе с М. А. Бакуниным и С. Г. Нечаевым «возродили» «Колокол», теперь уже как пропагандистский орган воображаемой нечаевской революционной организации. При этом Герцен даже от довольно близких ему людей получал советы-рекомендации ограничить участие в своих изданиях Огарева, чьи статьи воспринимались этими советчиками как своеобразный «балласт», не только скучные, но и теоретически запутанные, неясные — словом, читаемые публикой лишь благодаря авторитету герценовских изданий в 1856 — начале 1860-х гг.

С другой стороны, Огареву принадлежит, например, инициатива издания «Колокола», перехода от альманахов «Полярной звезды» и отдельных изданий — к регулярной неподцензурной русской газете. Он выступал в «Полярной звезде» и «Колоколе» теоретиком по крестьянскому вопросу в 1856–1862 гг., придавая кратким замечаниям и призывам Герцена плотность конкретной — пусть и критикуемой в своей конкретике — мысли, выводя публицистику «Вольной русской типографии» за границы «лирической», по определению Л. Я. Гинзбург (*Гинзбург* 1957). При этом, в отличие как от своих единомышленников, принадлежавших к одному с ним поколению, так и от младших — в первую очередь тех, кто с легкой руки Герцена известен в истории как «молодая эмиграция», — Огарев отличался тем, что у него не только был

большой личный опыт взаимодействия с крестьянами (и в меньшей степени с купцами), за ним стояли также и многолетние эксперименты перестройки крепостного хозяйства, реальный опыт освобождения собственных крестьян — огромного имения Белоомут, в котором числилось более 1800 душ.

Можно предположить, что в том числе и поэтому в текстах Огарева понятие «народ» встречается, за пределами повседневного, непонятного словопотребления, весьма редко — его видение социальной реальности не предполагало простого, недифференцированного взгляда на некий «народ», находящийся по ту сторону «общества» и «правительства», — т. е. фактического расхожего обозначения, минуя выделение всех конкретных групп, чистого «другого», который возникает как остаточное понятие.

В данной работе мы лишь эскизно обозначим теоретические контуры, в которых разворачивается присущее Огареву понимание «народа». При этом сразу же оговоримся — речь не идет о том, что Огарев последовательно рефлексировал теоретическую рамку и логические варианты операций с данным понятием — но, скорее, о той общей теоретической рамке, в которой разворачивалась политическая мысль 1840–1860-х гг. В этом контексте интерес к наследию Огарева обусловлен относительной «типичностью», вторичностью его рассуждений — он демонстрирует именно наличное понимание проблем, заключающихся в используемом им понятии, и возможных путей их решения.

«Народ» в понимании Огарева — это, собственно, крестьянство. Здесь можно увидеть отражение сразу *двух факторов*: во-первых, объективной социальной ситуации России середины XIX в. Так, в 1860-е гг. общая численность городских жителей Российской империи составляла 8157 тысяч ((Арсеньев 1991: 81) — с учетом гораздо более урбанизированных западных имперских владений — и с поправкой на то, что значительная часть городских жителей *de facto* вела образ жизни, мало отличный от сельского).

В логике представлений о «народе» как о политической и социальной общности, восходящей к Руссо — т.е. мыслящей «народ» носителем суверенной власти, — попытка эмпирически фиксировать данный политический субъект, т.е. осуществить соотнесение абстрактной политико-юридической конструкции с какими-то человеческими совокупностями почти автоматически вела к отождествлению народа с «крестьянством», «простым народом» («простонародьем»).

Собственно, и Руссо (Руссо 1998) дает основания для подобной трактовки. Ведь противопоставив «общую волю» воле «всеобщей» (количественной) и трактуя первую как волю субъекта, «народа», тогда как вторую как именно результат соединения воли, остающихся индивидуальными, т.е. как волю множества (*multitude*), он (Руссо) затем в качестве способа обнаружения первой рассматривает голосование, т.е. воле-

изъявление индивидов. Вместе с тем в рамках концепции Руссо по поводу голосования есть два ключевых уточнения. Одно заключается в том, что голосование, волеизъявление является не обнаружением «общей воли», а способом, через который она может быть опознана — при этом каждыйотирующий подает голос не о своей воле, а о том, какова, на его взгляд, «общая воля». Второе уточнение гораздо более существенно — Руссо, идя в русле классических политико-правовых представлений, настаивает на том, что республика может быть только небольшой, буквально — территориально небольшим образованием, в рамках которого граждане могут не только более или менее знать друг друга, но и сходиться вместе для решения общих дел.

То есть перед нами прямая отсылка к полисной/цивитатной традиции — опирающейся на конкретное, отнюдь не теоретическое положение — возможность воспринять *demos/populus/popolo* как нечто конкретное, как субъекта в его коллективном действии и коллективной явленности.

В этой связи как античные, так и последующие теоретики — вплоть до XIX в. — вполне последовательно утверждали невозможность или, по крайней мере, проблематичность республиканской формы устройства («общего дела», буквально: «общей вещи») для большого⁴ политического целого, которому соответствует монархическая форма правления (или аристократическая).

⁴ В первую очередь большого в пространственном отношении, но также и по численности населения — достаточно вспомнить утверждение Аристотеля об Афинах, которые при своем многолюдстве уже перестают быть *polis*'ом.

Попыткой решить проблему совмещения большого пространства и республиканской политической формы стала федеративная конструкция США — однако в рамках теории народного суверенитета ключевой оставалась проблема репрезентации. Отсюда в политической теории XIX в. существуют две базовые концепции народного представительства, в равной степени пытающиеся решить проблему соотношения представителей и представляемых (см., в частности: *Новгородцев 2000*). Согласно первой — представитель является именно представляющим избравших его, отсюда идея отзываемого мандата — права избирателей на отзыв своего представителя. В этом случае цель — сохранить как можно более тесное взаимодействие представителя и представляемых. Во втором случае — представители мыслятся представляющими не избирателей (конкретных), свой округ или нечто подобное, но представителями нации. Соответственно, каждый из них представляет нацию в целом (как и все они вместе) и избрание палаты представителей здесь выступает лишь одним из возможных способов обеспечения представительства нации (наряду с выборами главы государства, референдумами и т. д.). Проблема, в любом

случае возникающая, — это превращение «народа» в умозрительную конструкцию, которая в реальности заменяется совокупностью избирателей. Либо народ мог выступать как реальность только в непосредственном (прямом) действии, в том самом «революционном движении масс», явлении «народа» как субъекта политических перемен⁵.

Тем самым в политической повседневности «народ» — мерцающий субъект, к нему апеллируют разные участники политического процесса, но однако сама эта апелляция остается проблематичной. Наличная власть утверждает за собой «народное признание» через фактичность — а именно через то очевидное обстоятельство, что данная власть признается в качестве власти рутинным повиновением ее велениям, ее способностью эффективно реализовывать себя на определенной территории (если мы говорим о современном государстве, т. е. политическом режиме, имеющем свое территориальное измерение). Напротив, оппоненты наличной власти апеллируют к актам неповиновения, демонстрирующим проблематичность рутины, и к их частоте, к расхождениям общественных настроений с реализуемой политикой и т. д.

⁵ Разумеется, вопрос о том, чем было конкретное событие — появлением «народа» или действиями «мятежной толпы» — решается *post factum*, по результатам действия. Происходят споры, кем, например, были люди на июльских баррикадах в Париже в 1830 г. Только победа восставших приводит к видению в них «французского народа».

^{Здесь} примечательно замечание Огарева (1858) об описании приветствующих Николая 14 декабря 1825 г. как «народа», а толпящихся вокруг вышедших на Сенатскую площадь полков — как «черни» и «фризовых шинелей». Огарев следующим образом деполитизирует, снимает противопоставление, существующее между Николаем I и декабристами: «Мы нисколько не сомневаемся, что народ на дворцовой площади принимал Николая с теми же криками “ура”, как на Сенатской площади кричал “ура” Константину. Народ в этом случае не имел никакого мнения; законность присяги интересовала только войско, для которого идея присяги и знамени имеет значение. Народу было совершенно все равно, кто будет царем; он согласовался с тем, что было у него перед глазами: на Сенатской площади с заговорщиками, на дворцовой площади с Николаем» (*Огарев 1952: 241*).

Итак, завершая данный историко-теоретический экскурс, мы обнаруживаем ситуацию, в которой «народ» осмысливается как совокупность граждан⁶ относительно крупного территориально-политического образования, в любом случае намного превышающего размеры *polis*'а, городской коммуны или кантона. При этом в рамках руссоистской концептуальной рамки, ставшей практически безальтернативной, «народ» является носителем суверенитета — конечным источником и причиной всякой власти и всякого правового порядка в данном государстве.

Тем самым, переводя вопрос в эмпирическую плоскость — «народ» как таковой оказывался состоящим в российском случае (как, собственно, и в европейском мире тех десятилетий) преимущественно из крестьян. Проблематичность данного хода мысли, однако, осознавалась всеми, за исключением «радикальных демократов», готовых осуществить приравнение политического субъекта к количественно преобладающей социальной группе.

Напомним попутно, что для либерализма подобного затруднения не воз-

никает — поскольку фактически он мыслит политическую реальность через субъектность «общества», т. е. более или менее многочисленного класса лиц, наделенных пассивным и активным избирательным правом, и по определению составляющего меньшинство по отношению ко всему населению страны. Это меньшинство обладает значимыми с точки зрения рассмотренной выше политической рамки характеристиками, а именно: оно способно к совместному, согласованному действию. Т. е. оно является способным действительно осуществлять коммуникацию между своими членами (примерами чему могут служить французские банкетные компании 1820–1840-х гг. — см.: (Робер 2019; Тесля 2020)) и выступает от лица «народа», репрезентируя его⁷.

Европейские политические баталии 1810–1840-х гг. будут первоначально столкновением консерватизма и либерализма, однако уже с 1830-х гг. политический либерализм, одержавший победу во Франции в 1830 г., сталкивается с другим оппонентом — демократией. Осознание того, что развертывание политических процессов в итоге приведет

⁶ Применительно к режимам, которые еще не являются гражданскими и действуют в модели «подданства», речь идет о «подданных», которые должны стать народом. И, собственно, апелляция к народу (в контексте производства политического действия) и должна осуществить данное преобразование.

⁷ Подобный ход мысли возникает сразу же в рамках современной логики «народа» — уже Сийес в 1789 г., сразу после утверждения единства «нации» и равенства «граждан», производит разделение граждан на обладающих избирательными правами и лишенных их — первые говорят не только от своего имени, но от лица всего «народа»/«нации» (Валлерстайн 2016: 171 и сл.). Напротив, у Мишле (Мишле 1965 [1846]) в 1840-х именно проблематика непреставленных будет вызывать опасение в связи с образованием двух «наций» в рамках одного «народа» (*le peuple*), поскольку «нация» предполагает политическую субъектность — тогда как «народ» понимается как субстанциональное единство, эмпирически данное во множестве групп и интересов. Идеальный (и одновременно нормативный) вариант предполагает максимальное сближение «нации» и «народа» (тождества не получается, поскольку «нация» есть собственно политическая и юридическая категория, в состав «нации» не входят, например, младенцы). И соответственно, предельный вариант разделения «народа» представляет собой гражданская война.

к демократической трансформации, побуждает Токвиля отправиться в Америку — изучать, как выглядит этот политический строй на практике, а де Кюстина толкнет в противоположную сторону — наблюдать за восхищавшим его «старым режимом» в действии.

События 1848–1852 гг. вновь принципиально изменяют рамку — при этом решающую роль сыграло не столько поражение революций 1848 г., сколько обнаружившийся кризис демократической республиканской доктрины — где ключевым требованием, выдвигавшимся против существующего строя, с которым связывалось в том числе осуществление социалистических идей, было введение всеобщего избирательного права. Если поражения революций в Италии, Германии, Венгрии можно было объяснить вмешательством внешних сил — то во Франции революция потерпела поражение в результате всеобщего голосования, равно как в дальнейшем II Империя возникла через референдум. Осмысление этих событий — как и понимание демократической природы цезарянских режимов, где демократия оказывается не тождественной ни прогрессу (в понимании радикалов и республиканцев), ни реализации социальных мечтаний, а становится опорой буржуазного порядка, приводит к глубокому кризису теоретиков-радикалов. В 1858 г. Огарев пишет, размышляя о декабристах:

«Мы не должны забывать, что поколение людей 14 Декабря не мог-

ло не верить в крутые перевороты; они еще не знали 1848 года» (Огарев 1994: 171).

Здесь и один из источников — и одна из ключевых составляющих — характерного для раннего социализма безразличия к «политическому». Напомним, что своеобразное безразличие оказывается свойственно и Герцену с Огаревым — в случае первого речь идет о повторяющихся время от времени открытых обращениях к императору, а со стороны Огарева — о готовности принять монархию как приемлемую политическую форму (при вражде к чиновничеству). При этом отсутствие в 60-е гг. каких-либо ярко выраженных республиканских симпатий как предмета актуальных политических стремлений — не ситуативно. Политическая республиканская форма оказывается не решающей для того вопроса, который в их оптике является ключевым — и отсюда вытекает готовность принять «правительство» как данность.

Второй фактор — принадлежность Огарева к «дворянским революционерам», по известной классификации В.И. Ленина. При всей условности данной классификации, она фиксирует не только то, что отмечал ее автор — осуществление революционных преобразований помимо народа, т.е. последний здесь не выступает субъектом революционного действия («крайне далеки они от народа»)⁸, но и оптику поместного дворянства — где основными субъектами выступают они сами, правительство, чиновничество и крестьяне. Причем

⁸ Применительно к Огареву, как и к Герцену, — данная оценка применима не вполне, как справедливо отмечалось в советской исследовательской традиции. М. В. Нечкина, стремящаяся максимально сблизить Герцена и Огарева с Чернышевским и кругом «Современника», различинским

последние и выступают в качестве «народа», в то время как чиновничество воспринимается как враждебная сила, нарушающая или не дающаяся сложиться должному порядку вещей. Если сам Огарев был, в отличие от Герцена (см.: *Тесля* 2013), в конце 1840-х и в 1850-е настроен враждебно к славянофилам и сохранял гораздо большее дистанцирование от их идей — то тем примечательнее, насколько он воспроизводит ту оптику, которая обычно ассоциируется с их представлениями. Причину этого сходства следует искать не в интеллектуальных влияниях, а в тождестве положения — как найдем мы аналогичный взгляд и у Толстого, в его неопубликованном при жизни предисловии к отдельному изданию «Войны и мира», направленном против разночинческой критики:

«<...> потому, что я никогда не мог понять, что думает будочник, стоя

у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи и галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т. п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку» (*Толстой* 1949: 239).

На наш взгляд, огаревское понимание «народа» демонстрирует теоретическое напряжение, возникающее между разными смысловыми наполнениями: во-первых, «народ» как политический субъект; во-вторых, как реальная совокупность лиц — в первую очередь крестьянства. Проблематичность, здесь возникающая, связана с тем, что переход на политический уровень предполагает говорение, действие от лица «народа» — при этом репрезентирующий неизбежно подменяет репрезентируемого. В связи с этим

революционным движением — при всей внешней заданности, умышленности своего подхода, диктуемого концептуальными положениями, а не материалом, тем не менее справедливо отмечает, что для Герцена и Огарева статус народа эволюционирует во второй половине 50-х — 60-е гг. (*Нечкина* 1980 [1963]). Если применительно ко второй половине 50-х речь идет именно о внешнем по отношению к народу действии, о «реформах сверху», то разочарование в правительственной политике ведет к поиску альтернатив. Речь идет и о разочаровании в «обществе», пережитом в 1862–1864 гг. — что не отразилось вполне в рассуждениях Нечкиной, но вносит существенное дополнение к рисуемой ею эволюции.

Эту динамику — и порожаемое ею концептуальное движение — хорошо отражает спор Герцена с Н. И. Утиным, молодым политэмигрантом из России, сыном банкира и шурином М. М. Стасюлевича, профессора Петербургского университета, преподавателя наследника престола и в дальнейшем — издателя и редактора «Вестника Европы». Утин рассматривает реакцию 1863 г. как всецело обусловленную правительством — что позволяет ему сохранять революционные надежды, строить планы, связанные с пропагандой, развитием общества «Земля и воля» и т. д. Напротив, Герцен исходит из того, что реакция, причем не только 1863 г., а обозначившаяся еще ранее, в связи с пожарами 1862 г., — именно общественная (*Утин* 1955).

Отсюда — с одной стороны, разочарование Герцена. Так, в письме Огареву от 22.XII.1867, говоря о положении дел, как личных, так и общественных, он заключает: «Выхода нет... Работа, работа... и тут загвоздка. Я свое сделал. Платонически заниматься наукой не хочется, реально не может. Наше слово сказано и даже услышано. Другого у нас нет. Мы, как Диккенс, повторяем одно и то же...» (*Герцен* 1923: 122). С другой — у Огарева, стремящегося к деятельности и обретению надежд — настойчивые подталкивания Герцена к взаимодействию с «молодой эмиграцией», повторяющиеся предложения издавать совместное с нею «Обозрение...» («Полярную звезду»), а в дальнейшем — сближение с Бакуниным, с его поисками опоры социалистических надежд в непосредственной активности масс (см., в частности: *Пирумова* 2017).

Огарев в 1856 г., в период самых радужных надежд на перемены, наступающие в Российской империи, ставит вопрос — кто способен выступать подобным образом. Сам от себя «народ» (в данном случае выступая именно в значении «простого народа») не способен к артикуляции собственных целей и задач:

«Народ плохо может высказать понятие, находящееся у него скорее в степени инстинкта, чутья, а не ясной мысли» (Огарев 1952: 111).

Иные наличные группы — «большие баре», «мелкопоместное дворянство», «купечество» и «чиновничество» — оказываются неспособны к этому, поскольку преследуют свой собственный интерес. Здесь возникает специфическая конструкция, близкая к мангеймовской концепции «интеллигенции», «свободно парящей», не связанной конкретными, классовыми интересами — такой группой выступает «отдел дворянства средней руки, который, с одной стороны, образовался в высших учебных заведениях и привык мыслить, а с другой стороны, жил в деревнях и знает народ и его потребности и между тем не предавал своей совести за места по службе» (Там же: 111). «В этих людях, — утверждает Огарев, — в настоящую эпоху выражается высшее развитие русской мысли; они могут быть советниками и помощниками» (Там же: 112) — имеется в виду «правительства».

Дихотомия, в рамках которой движется мысль Огарева во 2-й половине 50-х, и во многом будет сохраняться и в последующем⁹ — «правительство» и «народ». «Правительство» автономно от «народа», что позволяет оценивать его действия и намерения по отношению к народному благу. Проблема, однако, не только и не столько в стремлениях «правительства», сколько в его возможности действовать — поскольку «чиновничество» осмысляется как группа, имеющая собственные интересы и собственную логику действия, а «народ» не обладает политической субъектностью. Тем самым возникает вопрос — каким образом возможно действие правительства, преследующее интересы «народа», а не групп, из него выделенных, — и, что самое важное, каким образом правительство способно преодолеть, противодействовать логике собственного аппарата («чиновничества») — иными словами, как оно может сохранять политическую самостоятельность¹⁰.

Ответ, который будет давать Огарев в 1856 г. и который приведен выше, — в опоре на часть «среднего дворянства», как слоя образованного и проникнутого целями и стремлениями, выходящими за границу собственного интереса. Фактически речь будет идти о своем собственном круге — о таких, как Огарев, его тесть Тучков, его друг Герцен, приятели и знакомые — Грановский, Корш, Сатин (а с другой стороны — о тех же

⁹ Показателен поздний цикл статей «Частные письма об общем вопросе», напечатанный в «Колоколе» в 1866–1867 гг., — где воспроизводится та же дихотомия.

¹⁰ В 1858 г. Огарев писал: «Правительство и народ в Штатах движимы одинаким интересом и идут по одному прямолинейному пути. У нас правительство и народ отгорожены друг от друга бюрократией, чиновничеством, грабящим народ и обманывающим правительство» (Огарев 1952: 165).

московских славянофилах, целиком подпадающих под определение Огарева). Одиннадцать лет спустя Огарев совершенно разочарован в дворянстве, однако черты этого разочарования, отразившиеся, например, в заметке (оставшейся неопубликованной) 1867 г., отосланной Герцену письмом от 2.IX.1867, требуют особого внимания:

«Мы только одно думаем, что, начавшись с Западного края — *обездворяние* должно перейти в восточную Россию и дать земству бессловную постановку. <...>

Шляхта служит — и дворянство служит (да еще в лице представителей древнейших родов — служит по третьему отделению). Шляхта теснит крестьян — и дворянство теснит их, конечно, не меньше тяжеловесно. Шляхта верит в католичество — дворянство верит в православие; тут больше разницы обрядностей, чем различия понимания. Шляхта имеет идеал: национальность, и иногда умеет действовать в смысле своих совокупных побуждений и выгод; дворянство — самый идеал национальности *свело на службу* и никогда не умело действовать в смысле своих совокупных побуждений и выгод (в доказательство чего мы приведем, хотя бы, хромяющий взаимный поземельный кредит и даже то, что дворянство не выступало вперед на защиту земских учреждений от цензурных притязаний правительства

Александра II-го, руководимого Валуевым)» (Огарев 1941: 467).

Здесь дворянству адресуются два основных упрека: во-первых, «не-национальность» (невосприимчивость к национальному), во-вторых, неспособность к действию «в смысле своих совокупных побуждений и выгод»; второй упрек фактически является ключевым, поскольку не позволяет рассматривать дворянство как самостоятельную политическую силу¹¹. Вместо дворянства теперь предметом надежд для Огарева выступают «разночинцы», но одновременно возникает стремление опереться на другие группы, способные к самостоятельному действию — с этим связаны и усилия Огарева по изданию приложения к «Колоколу», «Народного веча», и по налаживанию связей со старообрядцами.

Теоретическое напряжение Огарев пытается решить переосмыслением народного волеизъявления и демократии, толкуя «мир», мирскую организацию крестьянской общины, как *suffrage universel* (Огарев 1952: 154), чтобы в следующей статье вернуться к этой трактовке и развернуть ее в целостное видение: «Если мир (*Suffrage universel*) ошибся во Франции выбором властителей для всей Франции, то мир всегда ошибется, если заставят выбирать чиновников надо всеми силами в государстве; но он никогда не ошибется в выборе для своего села; тут ему все известно, тут он

¹¹ Ср., например, замечание Огарева 1858 г.: «Помещик и чиновник составили два элемента, которые разом поставили границу развитию общинного начала и осудили его на пребывание в *statu quo*. Образование России пошло помимо общинного начала. Развивалась только администрация. Помещичество, по обязанности или обычаю служить, слилось с чиновничеством, а не с народом, даже утратило (а может, и не имело) характер наивной патриархальности, заменив его плантаторством» (Огарев 1952: 153).

дома и знает, что делает. Попробуйте забыть существование окружных и плат, исправников и помещиков; дайте общине спокойно выбирать своих сельских начальников и волости — своих волостных, требовать от них отчета на миру и отрешать от должности по мирскому усмотрению <...>. <...> Дайте те же права волости, те же права городу, те же права уезду» (Там же: 182). И далее он выстраивает общую конструкцию самоуправления (self government, одного из популярнейших понятий 1850–1860-х гг.), раскрывая конкретный смысл, вкладываемый в тезис:

«Будущность России — сгруппироваться в *конфедеративную империю*» (Там же: 114).

Для этого времени понятия «конфедеративности» и «федеративности» были во многом взаимозаменяемыми — но в данном случае отчетливо проявляются те теоретические основания, которые лежали в «федералистской» повестке политической теории с последних десятилетий XVIII в. И противоречия, заключенные здесь, между требованием политического целого, «народа» как политического субъекта и, с другой стороны, возможностью для его явления, присутствия как субъекта, в итоге найдут выход в «федералистской» теории Бакунина, снимающей саму проблему «народа» как целого за счет принципа суверенитета каждой конкретной личности. И тем самым избавляясь от проблематики источника власти путем ликвидации иерархического видения, «архэ» и попытки переменить оптику на правомочия, исходящие от субъектов без отчуждения от последних

(см. подробнее: Тесля 2015). У Бакунина, сильного теоретика и смелого мыслителя, мы видим попытку преодоления тех теоретических и практических затруднений, в которых оказывается Огарев в своем развертывании понятия «народ».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Герцен 1923 — *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. [В 22 т.] Т. XX: 1867–68 гг. (№ 3158–3343) / под ред. М. К. Лемке. М., Пг.: Государственное издательство, 1923.

Огарев 1994 — *Огарев Н. П.* Разбор книги Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / изд. подгот. Е. Л. Рудницкая, А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1994. С. 159–206.

Огарев 1953 — *Огарев Н. П.* Письма Огарева к Герцену. II. «Акшенский период» (1846–1851) / публ. Ю. Красовского // Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 719–796.

Огарев 1952 — *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова; вступ. ст. Н. Г. Тараканова; подбор, подгот. текста и примеч. Я. З. Черняка. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.

Огарев 1941 — *Огарев Н. П.* Письма Н. П. Огарева А. И. Герцену / публ. А. Аскарянц и З. Кеменово; предисл. и коммент. Ю. Красовского // Литературное наследство. Т. 39–40: А. И. Герцен. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 365–573.

Огарев 1932 — *Огарев Н. П.* Письма к Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и М. Ф. Корш / сообщил и комментировал Н. И. Мендельсон // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной

мысли XIX века / под ред. Влад. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского. Т. 1. М., Л.: Academia, 1932. С. 96–154.

Руссо 1998 — *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютина, коммент. В. С. Алессева-Попова, послесл. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.

Толстой 1949 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 13 / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсеньев 1991 — *Арсеньев К. К.*, ред. Россия. Энциклопедический словарь [54 и 55 полутома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона]. Л.: Лениздат, 1991.

Валлерстайн 2016 — *Валлерстайн И.* Мир-система модерна IV. Триумф централистского либерализма, 1789–1914 / пер. с англ., лит. ред. и коммент. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию, 2016.

Волошина 2016 — *Волошина С. М.* Утопия и жизнь: Биография Николая Огарева. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Гершензон 2000 — *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 2: Молодая Россия. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000.

Гершензон 2000а — *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 3: Образы прошлого. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000.

Гинзбург 1957 — *Гинзбург Л. Я.* «Былое и думы» Герцена. Л.: Гослитиздат, 1957.

Мишле 1965 [1846] — *Мишле Ж.* Народ / изд. подгот. В. Г. Дмитриев и Ф. А. Коан-Бернштейн. М.: Наука, 1965 [1846].

Нечкина 1980 [1963] — *Нечкина М. В.* Революционный путь А. И. Герцена // Встреча двух поколений: Из истории

русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. М.: Наука, 1980 [1963]. С. 422–436.

Новгородцев 2000 — *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000.

Пирумова 2017 — *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. 2-е изд. / отв. ред. акад. И. Д. Ковальченко; вступ. ст. П. В. Рябова. М.: ЛЕНАНД, 2017.

Рейснер 1937 — *Рейснер С. А.* Н. П. Огарев // Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 1 / вступ. ст. С. А. Рейснера и Б. П. Козьмина; ред. и примеч. С. А. Рейснера и Н. П. Суриной. М.: Советский писатель, 1937. С. V–XXV.

Робер 2019 — *Робер В.* Время банкетов. Политика и символика одного поколения (1818–1848) / пер. с фр. и вступ. заметка В. А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Тесля 2020 — *Тесля А. А.* Банкеты и французская политическая культура времен Реставрации и Июльской монархии // Новый мир. 2020, № 1. С. 214–216.

Тесля 2015 — *Тесля А. А.* О понятии «федерализм» в социально-политических теориях М. А. Бакунина // Социологическое обозрение. 2015, т. 14, № 3. С. 136–152.

Тесля 2013 — *Тесля А. А.* Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение. 2013, т. 12, № 1. С. 62–85.

Утин 1955 — *Утин Н. И.* [Письма] Герцену и Огареву. Приложение: письмо к А. Д. Трусову / публ. Б. П. Козьмина // Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. II.; М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 607–690.

Черняк 1933 — *Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. [Дело Огарева — Панаевой]. По архивным материалам. М., Л.: Academia, 1933.

THE CONCEPT OF "PEOPLE" IN THE PUBLICISM OF N. P. OGAREV

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: anarchism, history of concepts, populism, radicalism of 19th century, russian socialism, Russian social thought of 19th century.

Abstract. The concept of "people" is one of key in political philosophy and political theory from ancient Rome to present day. Being highly indefinite, it is at the same time if not inevitable, it is anyway difficult to eliminate it. If it is eliminated in theory, nevertheless it regularly returns in political practice. The 19th century from the point of view of history of thought, became one of key in history of thinking and rethinking of this political concept. During this period, it becomes the subject of not only topical political appeals, but also of entire tracts — at the same time, it is not problematized as the concept. Rethinking occurs due to comparison with other concepts (such as "nation", "class"), which are subject of special theoretical efforts. Domestic political thought demonstrates pan-European features, partly because it works in many ways in a single conceptual field with European thought. However, a special research of the journalism of Russian radicals, in particular N. P. Ogarev, demonstrates, firstly, historically contextual features, and this is completely predictable, and, secondly, response to general agenda of European political theory, connected with local context. Demonstrating theoretical tension inherent in Ogarev's understanding of the "people", we note its contextual connection with M. A. Bakunin's theory of anarchy. At the same time, in desire for concretization, empirical fixation of the "people", we see the result of fundamental contradiction of political theory of mature modernism — Bakunin theory of anarchy was one of attempts to solve it.

REFERENCES

Arsen'ev K.K., red. Rossiia. *Entsiklopedicheskii slovar'* [54 i 55 polutoma Entsiklopedicheskogo slovaria Brokgauza i Efrona]. Leningrad: Lenizdat, 1991.

Cherniak Ia.Z. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskii v spore ob ogarevskom nasledstve. [Delo Ogareva — Panaevoi]. Po arkhivnym materialam.* Moscow, Leningrad: Academia, 1933.

Gershenson M. O. *Izbrannoe.* Vol. 2: Molo-daia Rossiia. Moscow; Ierusalim: Universi-tetskaia kniga, Gesharim, 2000.

Gershenson M. O. *Izbrannoe.* Vol. 3: Obrazy proshlogo. Moscow; Ierusalim: Universi-tetskaia kniga, Gesharim, 2000.

Ginzburg L.Ia. *"Byloe i dumy' Gertsena.* Le-ningrad: Goslitizdat, 1957.

Mishle Zh. *Narod,* izd. podgot. V.G. Dmi-triev i F.A. Koan-Bernshtein. Moscow: Na-uka, 1965 [1846].

Nechkina M.V. *Revoliutsionnyi put' A.I. Gertsena. Vstrecha dvukh pokolenii: Iz isto-rii russkogo revoliutsionnogo dvizheniia kontsa 50-kh — nachala 60-kh godov XIX veka.* Mo-scov: Nauka, 1980 [1963], pp. 422–436.

Novgorodtsev P.I. *Vvedenie v filosofiiu pra-va. Krizis sovremennogo pravosoznaniia.* St. Petersburg: Lan', 2000.

Pirumova N.M. *Sotsial'naia doktrina M.A. Bakunina.* 2-e izd., otv. red. akad. I. D. Koval'chenko; vstup. st. P.V. Riabova. Moscow: LENAND, 2017.

Reisner S. A. N. P. Ogarev. Ogarev N. P. *Stikhotvoreniia i poemy*. V 2 t. Vol. 1, vstup. st. S. A. Reisnera i B. P. Koz'mina; red. i primech. S. A. Reisnera i N. P. Surinoi. Moscow: Sovetskii pisatel', 1937, pp. V–XXV.

Rober V. *Vremia banketov. Politika i simvolika odnogo pokoleniia (1818–1848)*, per. s fr. i vstup. zametka V. A. Mil'chinoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.

Teslia A. A. Bankety i frantsuzskaia politicheskaia kul'tura vremen Restavratsii i Iiul'skoi monarkhii. *Novyi mir*, 2020, no. 1, pp. 214–216.

Teslia A. A. Gertsen i slavianoily. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 62–85.

Teslia A. A. O poniatii “federalizm” v sotsial'no-politicheskikh teoriiakh M. A. Bakunina. *Sotsiologicheskoe obozrenie.*, 2015, vol. 14, no. 3, pp. 136–152.

Utin N. I. [Pis'ma] Gertsenu i Ogarevu. Prilozhenie: pis'mo k A. D. Trusovu / publ. B. P. Koz'mina. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 62: Gertsen i Ogarev. II.; Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, pp. 607–690.

Vallerstain I. *Mir-sistema moderna IV. Triumf tsentralistskogo liberalizma, 1789–1914*, per. s angl., lit. red. i komment. N. Protsenko. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu, 2016.

Voloshina S. M. *Utopiia i zhizn': Biografiia Nikolaia Ogareva*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016.

В. Жобер

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ, РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И СЕМЬЯ ВОЕЙКОВЫХ В 1930-е гг.

Ключевые слова: семейная память, освоение Арктики, Северный морской путь, Русское географическое общество, Воейковы, 1930-е гг.

Аннотация. В семейной переписке 1930-х гг. моей прабабушки Ольги Александровны Воейковой эзопов язык и автоцензура автора не позволяют до конца понять масштаб гонений на членов ее семьи. Четыре письма из архива РГО, адресованные ею же Юлию Михайловичу Шокальскому, проливают новый свет на профессиональные и бытовые притеснения, которым они подвергались, подтверждают и дополняют прежние догадки.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-224-236

Семь десятилетий коммунистической власти в СССР создали весьма одностороннюю историческую память, сформированную прежде всего на основе глубоко идеологизированной советской историографии. Белые пятна истории оказались подчас черными дырами. За все эти десятилетия, особенно в сталинское время, мало кто осмеливался вести дневники, то и дело уничтожались личные документы и частная переписка. Поэтому, за редкими исключениями, сохранилось так мало эго-документов. Только к концу 1980-х гг., благодаря гласности, появилось в России мно-

жество публикаций, раскрывающих дотоле неизвестные страницы истории страны. Среди них особое место занимают документы, относящиеся к семейной памяти и помогающие восстанавливать истинную картину повседневной жизни в стране. Особую ценность, на мой взгляд, имеют не воспоминания, мемуары (написанные через много лет), а именно письма как источник более аутентичный, глубже отражающий свою эпоху.

Мне посчастливилось унаследовать богатый семейный архив, состоящий главным образом из писем и днев-

© В. Жобер, 2020

Жобер Вероника — заслуженный профессор университета Париж-Сорбонна, доктор филологии (по славистике), главный редактор журнала *La Revue russe* (Франция); veronique.jobert@gmail.com

ников начиная с 1900-х гг. Среди них письма моей прабабушки Ольги Александровны Воейковой, освещающие перипетии освоения Арктики в 1930-е гг., представляют особый интерес. Как известно, в наше время Арктика снова встала в повестку дня, а кроме того, в России все чаще отмечаются тревожные признаки желая затушевать в официальной историографии ужасы сталинизма.

В письмах Ольги Александровны Толстой-Воейковой, которые уже опубликованы (Русская семья... 2009; Когда жизнь... 2012), не раз упоминается Русское географическое общество. Ольга Александровна родилась в 1858 г. в семье сызранского дворянина, нумизмата и коллекционера Александра Васильевича Толстого и Анны Павловны Тихменёвой, приемной дочери А. В. Бестужева. Она знала в совершенстве четыре иностранных языка и всю жизнь вела обширную многоязычную корреспонденцию в России и за границей. Она, в частности, писала очень регулярно родным, попавшим после революции в эмиграцию в Маньчжурии, описывая как можно подробнее жизнь семьи, оставшейся в СССР. Жила она у сына Дмитрия в Ленинграде, где и умерла в 1936 г.

Ее связь с Географическим обществом объясняется тем, что деверем Ольги Александровны был знаменитый географ, климатолог Александр Иванович Воейков. Профессор А. И. Воейков родился в Москве в 1842 г., учился в Гейдельберге и Геттингене. Он был членом Географического общества, входил в редакционную коллегию «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эф-

рона. А. И. был также редактором «Метеорологического вестника», издававшегося в Санкт-Петербурге Географическим обществом, начиная с января 1891 г. и до его смерти в Петрограде в 1916 г. Воейков предпринял ряд экспедиций в разные страны и на разные континенты, он автор около 1400 опубликованных работ. Главный его труд: «Климаты земного шара, в особенности России». В семье Воейковых его звали «дядюшка профессор». Он был вегетарианцем, слыл чудачком, обращая на себя внимание своим необычным внешним видом, одеждой. После смерти брата в 1896 г. он стал опекуном его детей, снял для них с матерью большую квартиру на Лиговке.

Почти все Воейковы были членами Географического общества, и в том числе Александр Дмитриевич (Шура), живший после революции в Маньчжурии. Старший сын Ольги Александровны родился в 1879 г. в родном имении в Самайкине, умер в одиночестве от сыпного тифа в городской больнице в Харбине в 1944 г. Он учился в частной гимназии Гуревича в Санкт-Петербурге, затем на естественном факультете Петербургского университета, год проучился в Берлине. Он женился на Надежде Александровне Башмаковой, которая ему родила сына Александра (Алек), но молодые родители вскоре развелись. До революции А. Д. был известным в России ученым-ботаником, плодоводом. В 1905 г. он организовал в Самайкине крупный научно-акклиматизационный помологический питомник, а при нем в начале 1906 г была им открыта на собственные деньги частная научная школа садоводства для 30 человек. Питомник

существует до сих пор. А. Д. издавал с 1905 по 1916 г. бесплатный каталог, по которому можно было заказывать саженцы из питомника. В 1910 г. он принимал участие в сельскохозяйственной выставке и съезде садоводов в Симбирске. С 1915 г. работал уполномоченным Департамента земледелия по изучению сбора и культуры лекарственных растений в России, в частности в Симбирской и Оренбургской губерниях. С 1919 по 1922 г. А. Д. находился на Дальнем Востоке, работал в Приморском областном земстве, преподавал в Дальневосточном пединституте. Затем он переехал в Маньчжурию. Работал семь лет заведующим опытным полем на станции Эхо, на КВЖД. Занимался изучением флоры этого региона. В 1938 г. организовал другой опытный сад и питомник, на станции Сяолин. Им написано около 70 научных книг и статей и опубликовано в различных ботанических изданиях (таких как «Плодоводство», «Прогрессивное садоводство и огородничество», «Сельское хозяйство в Маньчжурии», «Китайский экономический вестник»). Он автор книги «Климаты Маньчжурии». Александр Дмитриевич переписывался с крупными учеными И. В. Мичуриным и П. К. Козловым, а также с американцем по фамилии Burbank. Шура Воейков, как мы уже отметили, оставался членом Географического общества даже после революции, в 20-х и 30-х гг. Из писем Ольги Александровны как раз известно, что А. Д. пытался через Н. И. Вавилова печатать свои труды на родине, даже стремился в 1929 г. вернуться.

К Географическому обществу имела также отношение младшая дочь Ма-

рия Дмитриевна, агроном. М. Д. Денисова (1890–1977) окончила в 1908 г. частную гимназию Л. С. Таганцевой в Санкт-Петербурге и один год Бестужевских курсов. В 1910–1913 гг. она училась вместе с мужем, по происхождению крестьянином из села Томышево, Сызранский уезд Симбирской губернии, в Миннесотском агрономическом университете (США). В годы Первой мировой войны управляла имением Воейковых и школой садоводства своего брата Александра Воейкова. После революции работала в Первой гимназии в Самаре, затем с 1920 г. в Томышевской школе и стала ее заведующей в 1921 г. Во время голода на Волге была инспектором района АРА (American Relief Administration, Американская администрация помощи), а также членом уездного комитета АРА в 1921–1922 гг. С 1924 г. до 15 ноября 1927 г. заведовала Троицко-Богородской сельскохозяйственной школой. В 1927 г. назначена заведующей школой специальных с/х отраслей в Ульяновске (школа садоводства и огородничества имени Степана Разина), откуда была уволена в сентябре 1927 г. Преподавала затем в педагогическом техникуме. В 1930–1931 гг. работала на Ульяновской опытной станции лекарственных растений. В 1931 г. уехала в Москву и устроилась там на работу, после смерти матери (1936 г.) переехала в Ленинград, работала во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР). Арестована в 1951 г., освобождена в 1955 г. В письме своей племяннице Н. И. Ильиной от февраля 1966 г. Мария Дмитриевна эти годы называет «странствиями».

Наконец, младший сын Иван Дмитриевич (1889–1962) был ученым-

агрономом. Он окончил Петровскую сельскохозяйственную академию и Санкт-Петербургский университет. После разгрома Белой армии поселился на Кавказе (Тифлис), долгое время работал там в сельскохозяйственном управлении, преподавал в Политехникуме в Баку. В 1933 г. переехал в Ленинград. Последние годы своей жизни проживал в Москве.

А сама Ольга Александровна ходила, пока была в силах, на все мероприятия Географического общества. В январе 1929 г., например, она слушала доклад профессора Р.Л. Самойловича о путешествии ледокола «Красин».

Работая над предстоящей публикацией последних писем О.А. Воейковой за 1934–1936 гг., я нашла в архиве Географического общества четыре ее письма (Архив РГО), адресованные Шокальскому. Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) — географ, океанограф и картограф. Его домашнее прозвище у Воейковых: Жюль, Jules de, Jules. Юлий Михайлович — почетный член АН СССР (1938), президент Русского географического общества, а затем Географического общества СССР (1917–1931). Его капитальный труд — «Океанография». Он был близким другом Воейковых и их дальним родственником (через Полторацких). Всегда помогал семье. Внучка Ольги Александровны, Екатерина Дмитриевна Воейкова, вспоминала: «Хотя О.А. не была членом Географического общества, он присылал ей программы заседаний, и мы с бабушкой (я в качестве поводыря) ездили на заседания. До сих пор помню выступление Умберто Нобиле

после того как его снял ледокол “Красин” со льдины; помню Н.И. Вавилова. Через год после смерти бабушки арестовали папу. Мама обратилась к Юлию Михайловичу с просьбой купить для Географического Общества шкафы профессора Воейкова, которые стояли у нас. Он организовал это (это была помощь нашей нищете) и сказал маме: “Какое счастье, что Ольга Александровна не дожила до этого”. И был прав!»

В этих четырех письмах не всегда указан год, и в архив эти документы внесены как относящиеся все к 1933 г. На самом деле, как удалось установить, одно письмо, от 8 мая, относится к 1931 г.

С него и начнем.

8 мая
[1931 г.¹]

Дорогой Юлий Михайлович!

Буду рада Вас видеть в любой день, когда найдется у Вас свободный часок времени. Хочу повторить наш адрес, чтобы не пришлось искать дворника для пояснений. Суворовский пр. №48, вход с Кавалергардской 2 под ворота, и налево первая дверь по довольно неуклюжему входу на парадную. №23. Телефон 1-10-30. У меня к Вам маленькая просьба. Александр, из Харбина, просит ему прислать его прежние брошюры и словарь Боянуса англо-русский и русско-английский. Насколько я знаю, словари не разрешаются к высылке. Можно ли это как-нибудь сделать под флагом ученым? Мой внук, Алек, на III

¹ (Архив РГО: Л. 6, 7). В письме год не указан, но это 1931 г.

20 апреля 1933 г.

курсе идет по электрохимии. До сих пор у него еще не было ни одного отложенного зачета и он кажется на хорошем счету, но тень отца за границей дает трения в случаях практики на военных заводах. Если он не будет делать удушливых газов, я об этом плакать не буду; но вот, на последнем курсе, чтобы его не сняли за происхождение! Мой другой внук, сын Марии Дмитриевны, работает в физическом институте у изобретателя Улитовского² и получил уже премию в 300 р. за собственное изобретение, так что Юрий Денисов как будто на дороге к будущей работе по токам высокого напряжения. Ему теперь 20 лет, но членом радиосекции в Москве он уже числится лет пять.

Как мне всегда приятно бывать на заседаниях Географического общества! Боюсь только, что дух их, понемножку, теряет своей чистоты. Уже Николай Иванович Вавилов кивает в сторону. Влад. Леонт.³ уже давно *a été atteint de cette maladie morale, qui tend à déprécier les droits de la science devant les empiètements de la médiocrité. L'élite a été sacrifiée au pombre*⁴, тем более мы ценим оставшихся могикан, особенно тепло их приветствуем и низко кланяемся.

Жму вашу руку и прошу передать мой привет Зинаиде Юльевне⁵.

Искренне Вас уважающая
О. Воейкова

Многоуважаемый, дорогой Юлий Михайлович,

Я еще не поблагодарила Вас за дружеское участие, с которым Вы отозвались на мою просьбу насчет дочери. Николай Иванович Вавилов сделал все, что от него зависело, и паспорт она получила. Дальнейшая работа, пока, еще туманна, но навернется ближе к лету, когда все агрономы так нужны, тем более такие специалисты. Хочу присоединить и другую благодарность к моему письму и самым сердечным образом выразить Вам, как много Вы сделали для всех нас, когда, в 1928 году, вашим ходатайством в Москве состоялся прием в Электротехнический институт моего внука Александра. В прошлом декабре он кончил по электрохимическому отделу. Весь последний год служил в лаборатории, руководил опытами опреснения воды Балхаша и других озер Средней Азии. Кажется, его работа прошла не без успеха, во всяком случае он получил похвалу и благодарность от старых академиков. Теперь, так как работы лаборатории приостановлены, он перешел в Арктический Институт и едет с экспедицией в устье Лены и Хатанги. Также заведующий лабораторией по исследованию вод. По его возвращении наше Географическое общество получит еще одного Александра Воейкова, далекого путеше-

² Алексей Васильевич Улитовский (1893–1957) — ученый в области приборостроения, изобретатель.

³ Видимо, Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), ботаник и географ, вице-президент АН СССР с 1930 по 1936 г., а позже ее президент.

⁴ «Подхватил эту моральную болезнь, которая ставит интересы науки ниже наглых претензий посредственностей. Элиту приносят в жертву толпе» (фр.). Можно предположить, что под «посредственностями», о которых здесь идет речь, содержится намек на Трофима Лысенко.

⁵ Дочь Ю. М. Шокальского.

ственника, и дедушка профессор был бы доволен младшим отпрыском! Он дельный, усердный работник. Целое лето сидел над своими опытами без выходных дней и без отпуска. В экспедиции он будет драгоценным товарищем, всегда готовый сделать и чужую работу, механик и радио-слухач, ловит на слух морзевскую азбуку, имеет диплом на шофера, а главное, необыкновенно покладистый, применяющийся характер. Он будет в партии профессора Хмызникова. Если у Вас будет случай поговорить с Самойловичем, скажите доброе словечко за юного сотрудника экспедиции. Ему 25 лет, не избалован и вынослив. Только сегодня, к вечеру, выяснилось его окончательное утверждение, а послезавтра уже выезд. Кажется, фамилия имела несколько тормозящую роль. Последние две недели он носился по городу в поисках посуды, аппаратов и снадобий для будущей лаборатории и всю эту черную работу сделал, не имея еще уверенности в том, что его утвердят!

Пока он записался до декабря, но если работа приглядится, не отказывается и от зимовки. Если экспедиция благополучно доведет до конца свои задания и они вернутся целы и невредимы, Вы, дорогой Юлий Михайлович, будете творцом его научной карьеры, без Электротехнического института ничего не могло бы устроиться.

Шлю самый задушевный привет и благодарность, крепко жму вашу руку. Хотя слепая бабушка может и не дожить до возвращения внука, но с самым искренним чувством удо-

влетворения провожает его на новый путь широких исследований.

Сердечно уважающая Вас,
Ольга Воейкова

1933
1 июля

Ленинград 15
Советский проспект 48, кв. 23

Дорогой Юлий Михайлович!

Я глубоко тронута и сердечно благодарна за неизменно дружескую отзывчивость и участие, с которыми Вы относитесь к моим просьбам.

Это ничего, что Николай Иванович [Вавилов. — В.Ж.] ничего не может предложить сейчас. Мы все знаем, какая неблагоприятная конъюнктура в данную минуту. А l'impossible nul n'est tenu!⁶ Но к приезду Вани через месяц-два могут оказаться приемлемые комбинации, он ведь скромно будет искать не в высших административных должностях и не ставит условием городское место. Человек он уживчивый и немало трений перенес за 12 лет на Кавказе, который объездил довольно основательно. От Баку, Гянджи и до Эривани. С каждым годом там труднее живется. Я очень благодарю Николая Ивановича, очень постаравшегося укрепить положение моей дочери Марии Дмитриевны в Академии Сельских наук в Москве. Она там работает теперь экстерном, не берет штатного места.

Жму вашу руку. Еще раз искренне спасибо.

Уважающая Вас Ольга Воейкова

⁶ На нет и суда нет (фр.).

11 октября
[1933]

Дорогой Юлий Михайлович,

Судя по повестке, полученной сегодня на имя моего сына Дмитрия, Географическое общество завтра открывает свой зимний сезон весьма интересными сообщениями об Арктике, животрепещущий вопрос, в котором я особенно заинтересована теперь, участием моего внука Александра Воейкова в Лено-Хатангской экспедиции. Я хотела бы Вас попросить поговорить с Р.Л. Самойловичем по поводу тех затруднений, которые возникли для Алека во время пути. Его приняли в экспедицию заведующим гидротехнической лабораторией. Кончая электрохимический отдел института, он уже два года работал успешно на опреснении озер Средней Азии. Его отчет по работе был принят с большим одобрением. Академик Гребенчиков⁷ его поздравил с успешной разработкой темного вопроса! Перед отъездом, 27-го апреля, все кадры экспедиции получили одобрение Москвы. Проехали Иркутск благополучно, добрались до берегов Лены. Когда узнали, что Хмызников, их начальник, снят, и пришла из Москвы телеграмма «Вернуть Воейкова!». Его шефы протестовали, потому что он, действительно, редко применимый человек для далекого путешествия: опытный механик, прошел курсы шофера, слухач по радио, химик с дипломом. Новый их начальник Лаппо⁸ согласился на его предложение

остаться простым рабочим. Доехав до Якутска, решили не возвращать его и обещали в ноябре, когда уедет его заместитель, восстановить его заведующим лабораторией. Ему, конечно, это все равно, в дороге он исполнял безотказно всю физическую работу простых рабочих, но в его оплате это отразилось серьезно. Вместо 550 р., он получал меньше 200. Для инженера в тяжелых условиях такого пути, оплата несколько юмористична. Теперь, говорят, они затерты льдами в устьях Лены и вестей нет с июля. Не знает ли что-нибудь Р.Л. Самойлович об гидротехническом отделе Лено-Хатангской экспедиции за последние два месяца? И не может ли он нам объяснить причину такой свирепости Москвы? Я уверена, что все товарищи экспедиции хорошо отзовутся о работе Александра, всегда уходящего всей душой в свою работу и охотно помогающего другим. Когда не было лаборатории, он сделался старшим механиком строителем на барже.

Вот еще вопрос по повестке Дмитрия. Могут ли пройти его жена и дочка на заседание и могу ли я приехать? Я настолько слепа, что одна не решаюсь ездить, но очень хотелось бы Вас видеть. Жму Вашу руку.

Уважающая Вас
О. Воейкова

телефон 1-10-30
Кв. 23 Советский проспект 48/2
Красная конница
Почтовое отделение 15

⁷ Илья Васильевич Гребенчиков (1887–1953), химик.

⁸ Сергей Дмитриевич Лаппо (1895–1972), русский военный моряк, гидрограф, исследователь льда, исследователь Арктики.

Очень интересно и поучительно сопоставить эти письма из архива Географического общества с семейными письмами Ольги Александровны.

Несколько раз упоминается любимый внук Алек.

Александр Александрович Воейков, сын старшего сына Ольги Александровны, родился в 1908 г., но два года подряд, в 1926 и в 1927 гг., не смог попасть в институт. Это объясняется, как она сама писала дочери Кате в сентябре 1927 г., «нелепой преградой социального происхождения», а в письме отцу Алека, в котором она дает подробности конкурса, «27 чел. на каждое место», она добавляет: «Избиение младенцев жестокое». Отметим, что в письмах Шокальскому Ольга Александровна снова прибегает к разным литотесам, говоря о «тормозящей роли» фамилии, о «тени» отца.

В 1928 г. наконец социальное препятствие удалось преодолеть. В конце августа не было еще полной уверенности: «Алек как будто прошмыгнул. Завтра объявят результаты. За Алемом блестящий экзамен прошлого года и тень заслуженного деда». Речь идет о знаменитом географе Александре Ивановиче Воейкове. И в том же письме мы находим интересное добавление: «Посмотрим, вывезет ли хлопотами милого Жюля». Жюль — никто иной, как Юлий Михайлович Шокальский, которому адресованы те четыре письма, что находятся в архиве Географического общества. В письме от апреля 1933 г. Ольга Александровна его благодарит от всей души за то, что он помог в 1928 г. Алеку поступить в институт.

И поэтому письмо от 8 мая, в котором она пишет, что внук Алек на 3-м курсе, следует датировать 1931 г.

В мае 1932 г. Алек стал полноправным инженером, окончив Электротехнический институт, и стал ждать назначения на работу, но, как пишет О. А., оно «зависит от Института, и их дипломы и бумаги не выдаются им на руки, а посылаются туда, куда их закрепили». В последние месяцы Алек проходил очень успешно практику на заводе в Нижнем Новгороде, придумал какую-то машину и в итоге «получил благодарность и премию в 500 р.». Его бабушка не может нарадоваться его успехам, которые «сообщаются всем химическим заводам». И в августе она пишет его отцу в Харбин: «Алек выдвинулся в своих работах и пользуется некоторым авторитетом. Институт стремится его оставить у себя. Официально он назначен в Березники (Пермской). Его тоже тянет к себе один знакомый химик, читающий в их Институте. Пожалуй, первое время лучше остаться здесь, получать командировки в разные комбинаты, больше увидит». Итак, молодой человек продолжал все лето 1932 г. работать в институте, в лаборатории, вести исследования по опреснению, 12 декабря сдавал дипломную работу. В итоге институт собирался его оставить аспирантом и одновременно ему предлагали службу.

Но радость бабушки затемнялась пониманием проводимой в стране социальной дискриминации, серьезно грозившей Алеку. Чтобы намекнуть на это в письме дочери, находящейся в эмиграции в Харбине, она прибегает к английскому языку, и вообще

выражается весьма иносказательно: «Joura is not handicapped by a too insistent family name»⁹. Юра — другой внук, который тоже упоминается в письме Шокальскому, Юрий Васильевич Денисов, сын младшей дочери Марии Дмитриевны, и его отец был крестьянином.

Начиная с 1933 г. в письмах Ольги Александровны очень заметна автоцензура. Из сохранившихся за этот год 54 писем только два адресованы прямо сыну. И в марте О. А., снова прибегнув к английскому языку, объясняет дочери Кате, что лучше не писать отцу о работе его сына, и поэтому она просит дочь передавать ему новости. В данном случае о том, что Алек выступал перед маститыми учеными, докладывая о своих испытаниях, и заслужил одобрение и комплименты. Но Шуре «не следует узнать больше. Enough of storm clouds about¹⁰». А в другом письме О. А. пишет на французском и английском: «Il vaut mieux pour le garçon ne pas afficher his relationship»¹¹.

12 апреля, наконец, становится известно, что Алек собирается в далекое путешествие. Но более точных сведений О. А., видимо, опасаясь дать. Можно только догадаться о том, что его экспедиция состоится на Крайний Север, за Полярный круг, благодаря эзопову языку, который так часто использует автор писем. «Он едет до 1 декабря, а быть может, останется на зимовку, как приглядится. Теперь они увидят не-

заходящее солнце, интересно будет посмотреть и непрерывную ночь». Ни 19, ни 20 апреля еще не было подтверждения из Москвы, что Алек поедет, поэтому Ольга Александровна решила написать Шокальскому в тот же день! Молодой человек в конце концов отправится 27 апреля, но до Иркутска должен был сам себя обеспечить едой, а страшный дефицит продуктов того времени немало беспокоил его семью. Оказывается, Алек отказался от приглашения на работу, которое было сделано ему профессором Рабиновичем¹², уговаривавшим его не уезжать. Но бабушка поддерживает внука: «для бодрости духа и для расширения кругозора ничего не заменит путешествия».

3 мая Ольга Александровна все-таки не вытерпела, очень уж хотелось передать радостную новость сыну Шуре. Вместе с более развернутым письмом дочери Кате она пишет на отдельном листочке несколько строк сыну. Интересно отметить, что даже здесь она не дает никаких точных сведений об экспедиции, в которой примет участие Алек: «развернул свои крылышки наш сокол и улетел в страну льдов. И страшно за него, и радостно! <...> Отправили его с хорошим руководителем. <...> Ехал он радостный, с восторгом». Внук не назван по имени, расположение страны льдов не уточняется, и неизвестно, кто этот «хороший руководитель». Зато из письма Шокальскому мы узнаем, что речь идет о профессоре Хмызникове, известном советском

⁹ Юре не мешает слишком громкая фамилия (англ.).

¹⁰ Вокруг нас накопилось достаточно грозных туч (англ.).

¹¹ Для мальчика гораздо лучше не афишировать свои связи.

¹² Адольф Иосифович Рабинович, химик (1893–1942).

гидрографе, который получил орден Красной Звезды за участие в экспедиции на пароходе «Челюскин», совершил множество экспедиций в 1920-е и 1930-е гг.

Дочери Кате Ольга Александровна все-таки дает немало подробностей о маршруте Алека: Иркутск, Качук, Якутск, Булун в устье Лены, Мыс Нордвик, радуется тому, что «после Иркутска они на казенных пропитании и одеянии». Сыну Шуре она радостно сообщает, что участников экспедиции «кормят отлично, мясные обеды. Его участь лучше нашей». Последнее крамольное сравнение, правда, на французском¹³.

После отъезда Алека Воейковы с нетерпением стали ждать писем от него, а они шли долго, очень долго, больше двух месяцев, две сентябрьские **телеграммы** дошли только в октябре. Полуслепая Ольга Александровна часто не могла прочесть сама многие из писем, написанные карандашом, т.к. почта часто попадала в воду. Но все они обязательно переписывались и отправлялись в далекую Маньчжурию дочери Кате, которая должна была их передавать брату Шуре, отцу Алека.

Последнее письмо Шокальскому датировано 11 октября. Значит, семья Алека тогда уже знала о несчастье, случившемся в пути: снятии начальника Хмызникова и снижении в статусе Алека. Об этом эпизоде нет ни одного намека в письмах дочери Кате конца 1933 г. Но стоит обратить внимание на тот факт, что Ольга Александровна писала сыну Шуре

15 декабря, она это сообщает дочери, но вот письмо это не нашлось в семейном архиве. Можно полагать, что оно было задержано цензурой из-за подробностей, изложенных о ситуации внука.

Все члены семьи Воейковых постоянно проявляли интерес к вечерам, устроенным Географическим обществом, на которых звучали интереснейшие доклады. Но начиная с 1933 г. Арктика становится «животрепещущим» вопросом, как пишет сама Ольга Александровна, потому что внук Алек участвует в Лено-Хатангской экспедиции, которая должна была выбрать место и начать строительство порта в устье Лены. В результате на побережье моря Лаптевых был построен порт Тикси — морские ворота Якутии и форпост Северного морского пути. В злополучном октябре 1933 г. Ольга Александровна слушала в Географическом обществе интересные сообщения. Она не преминула подробно написать об этом. Но отметим, что ее адресат в этот раз не Катя, жившая в Харбине, а дочь Мара, которая была в Москве. Вообще начиная с 1933 г. все больше писем адресованы Маре. А в них весьма интересные описания и сведения, касающиеся освоения Арктики.

Вот письмо от 13 октября 1933.

Дорогая Мара, мы интересно провели вчера вечер. Надя, Алина, Катеринка и я слушали в Географическом Самойловича о походе Красина пять лет тому назад и Нобиле по-итальянски о своих полетах на злополучном дири-

¹³ Il est mieux partagé que nous (фр.).

жабле «Италия»¹⁴. (Переводила дочь Карпинского.) Сообщение итальянца больше отличалось великолепными картинками, в красках, с эффектными освещениями льдов и морей, светлыми небесами и яркими горизонтами. Сам Нобиле совсем не симпатичен, дикция его неровная и плохо слышимая, он начинает на высоких нотах и кончает фразу почти шепотом. Забавна была его собачка Титина, тоже одна из летчиц «Italia», которую он спас, улетая, бросив всех товарищей, из которых 8 погибли. Собачка чуть побольше Таниной Маскотки, белый фоксик, бегала по зале с погремушкой на ошейнике. Надя все-таки улавливала кое-что из итальянской речи, а Катя с большим интересом смотрела картинки, перенесшие нас за Полярный круг. После докладов мы поймали Самойловича с помощью Юлия Михайловича (Шокальского), с Надей забрались на эстраду и узнали, что экспедиция Алека добралась до Тикси, и если нет давно вестей, то больше от перегруженности почты в Якутске и буранов, которые там затрудняют сообщение. Ты видела в «Известиях» 10-го — 11-го X два фельетона Макса Зингера, вернувшегося с летчиком Леваневским через Якутск? Они летели с устьев Лены месяц тому назад, и уже тогда их преследовала снежная пурга. Его описание интересно, стоит прочесть.

В письмах Ольги Воейковой своим родным за 1934–1936 гг., которые еще ждут публикации, много внимания уделено дальнейшим перипетиям освоения Арктики. До возвращения Алека из Лено-Хатангской

экспедиции в декабре 1934 г. чуть ли не в каждом письме упоминаются заботы семьи о дальнейшем путешественнике. Его мать навещается, как только может, в Арктический институт, бабушка вырезает из газет разные статьи. В июне 1934 г. Ольга Александровна делится, снова с Марой, а не с Катей, приятной новостью о том, что Алек уже не чернорабочий, что он перешел в Гидрографический отдел с новым начальником Чирихиным. Юрий Дмитриевич Чирихин в 1930-е гг. жил в Якутске и работал в гидрографическом отделе Якутского территориального управления Главного управления Северного морского пути.

В те годы налицо повальное увлечение Арктикой советского народа, да и не только, вспомним стихотворение Марины Цветаевой «Челюскинцы». Все научные и технические советские достижения широко освещаются в стране и находят в населении горячий и восторженный отклик. Это можно, пожалуй, еще объяснить повседневными трудностями. Арктическая эпопея служит отдушиной. Люди с талантом, со способностями, стремятся что-нибудь совершить, чтобы вырваться из жуткой повседневности. Поэтому Ольга Александровна искренне счастлива за внука, что он уедет в экспедицию, потому что «Из нашей жизни вырваться — одно наслаждение».

Преступная советская власть, увы, погубила многих прославившихся героев освоения Арктики. Вообще-то говоря, не перестаешь думать о том,

¹⁴ Умберто Нобиле в 1932–1936 гг. работал в СССР ведущим конструктором на Дирижаблестрое в Долгопрудном под Москвой (прим. редколлегии).

какое происходило в сталинское время чудовищное разбазаривание талантов, умов, прекрасных личностей, оставшихся на родине, почему-то не эмигрировавших... К тому же не историков, литературоведов, гуманитариев, рискующих пронести крамольные мысли, но специалистов «твердых наук»: математиков, физиков, гидрологов...

Упомянем трех из знакомых нам по истории Алека лиц. Павел Константинович Хмызников, которого наградили орденом Красной Звезды за экспедицию на пароходе «Челюскин», был арестован в мае 1938 г., постановлением Особого совещания от 23 декабря 1939 г. осужден на пять лет лагерей за «участие в антисоветской организации» и умер в лагере в 1943 г.

Чирихин, который был помощником Хмызникова при закладке порта Тикси, был арестован вместе с ним по якобы японскому шпионскому делу, как и он, осужден на пять лет лагерей, где умер в 1943 г.

Другая знаменитость, не раз упоминаемая в письмах Ольги Александровны — профессор Рудольф Лазаревич Самойлович, советский полярный исследователь, который был заместителем директора Всесоюзного арктического института с 1932 до 1938 г. Он был также в 1928 г. начальником экспедиции на ледоколе «Красин» по спасению потерпевшего в Арктике аварию итальянского дирижабля «Италия», совершавшего полет к Северному полюсу под командованием Умберто Нобиле. Его тоже арестовали в мае 1938 г. и просто расстреляли в 1939 г.

Жертвами сталинского террора стали не только исследователи Арктики. Пострадал еще другой крупный ученый, Николай Иванович Вавилов, ботаник и генетик, который, оказывается, так часто помогал Воейковым. Он стал как раз президентом Всесоюзного географического общества после Шокальского (1931–1940) и был директором Всесоюзного института растениеводства (1930–1940), в котором работали и младшая дочь, и младший сын Ольги Александровны. Как мы узнаем из письма Шокальскому от 20 апреля 1933 г., он помог Марии Дмитриевне получить паспорт в Москве. Из писем Ольги Александровны 1933 г. мы знаем, сколько пришлось пережить родственникам и знакомым Воейковых в год всеобщей паспортизации страны. Одиноким женщины-иждивенки, каких было много среди подруг Ольги Александровны, высылались из Ленинграда. Мария Дмитриевна приехала в Москву из Ульяновска в 1931 г. после ареста своего начальника и поселилась к своему брату Павлу. Они жили в одной комнате, и Мария Дмитриевна не имела постоянной службы. Вавилов был арестован в 1940 г. и умер в 1943 г. от истощения в тюрьме в Саратове.

Что касается молодого Алека, не достигшего такого высокого статуса, дальнейшая его судьба тоже трагична. После его ареста в марте 1935 г. и ссылки в Астрахань вместе с матерью произошло еще какое-то чудо в 1936 г.: ему удалось приехать в Ленинград в командировку, т. к. он стал работать гидрологом в устье Волги. А дальше... После расстрела матери в Сталинграде в январе 1938 г. Алека и след простыл.

Летом 2020 г. была установлена в Санкт-Петербурге табличка «Последний адрес» по адресу 9-я линия В. О., д. 48, в память о Надежде Александровне Башмаковой. Она проживала там, в квартире Ивана Михайловича Гревса, вместе с сыном, когда их обоих арестовали и сослали в Астрахань. Не установлена еще табличка в память Алека. А следовало бы...

Ольга Александровна так мечтала о том, чтобы третий Александр Воейков прославился в Географическом обществе, после дядюшки Александра Ивановича метеоролога, после отца ботаника-плодовода Александра Дмитриевича... Так хотелось бы дополнить биографию «третьего» Воейкова, и для этого найти тетрадку, куда Надежда Башмакова записывала «в хронологическом порядке все письма Алека, чтобы к его возвращению ему представить верное

отражение его первых впечатлений и переживаний длинного пути...»

Может быть, тетрадка сохранилась? Сохранились же письма Ольги Александровны и дневники ее дочери Кати...

Париж, октябрь 2020 г.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РГО — Архив РГО. Ф. 44. Оп. 2. № 192. Воейкова О. 4 письма к Ю. М. Шокальскому 1933 года. 7 л.

Когда жизнь... 2012 — Когда жизнь так дешево стоит... Письма О. А. Толстой-Воейковой, 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В. П. Жобер. СПб.: Нестор-История, 2012.

Русская семья... 2009 — Русская семья «dans la tourmente déchaînée...»: Письма О. А. Толстой-Воейковой, 1927–1930 гг. / публ. и коммент. В. Жобер. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2009.

ARCTIC EXPLORATION, THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY AND VOEJKOV'S FAMILY IN THE 1930s

Jobert Veronique — professor emeritus of the University of Paris-Sorbonne, doctor of Slavic sciences, editor-in-chief of *La Revue russe* (France)

Key words: family memory, Arctic exploration, Northern Searoute, Russian Geographical Society, Voejkov family, the 1930s.

Abstract. During the 1930s, my great-grandmother Olga Alexandrovna Voejkov's letters to members of her family were written in coded language, with many understatements. Four letters written by her to Julii Mihailovich Shokalski, found in the archives of the Russian Geographical Society, shed light on the dismal conditions her children and grand-children had to endure under Stalin, because of their social background.

Г. А. Бордюгов

2020: ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ, ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ, МЕМОРИАЛЬНАЯ

Ключевые слова: Вторая мировая война; историческая память; юбилейная коммеморация; победа над нацизмом.

Аннотация. Статья подготовлена в рамках международного мониторинга Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) «Победа-75: реконструкция юбилея». Анализируются изменения, которые претерпело пространство памяти о Второй мировой войне и Великой Победе, проблематика дискуссий, вызвавших резонанс в обществе, прежде всего последствия отказа европейских государств от прежнего понимания генезиса войны и возложения ответственности за ее развязывание исключительно на германский и советский тоталитаризм. Специальное внимание уделяется имитации памяти, профанному к ней отношению, а также протесту против культовых черт, которыми обрастает праздник 9 мая.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253

Сразу после 70-летия Победы, когда были открыты возможности для различных сценариев памяти и нарушена монополия власти в ее пространстве, к старым проблемам стали добавляться новые, неожиданно попадающие в центр общественного внимания. Одна острая дискуссия о Великой Отечественной войне быстро сменялась другой, превращаясь в пробные шары выяснения актуального отношения людей к политике памяти.

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫЕ ДИСКУССИИ

Первым таким шаром стали выступления со своими короткими сочинениями немецких и российских юношей и девушек в ноябре 2017 г. в германском бундестаге. Школьник из Нового Уренгоя Николай Десятниченко с сочувствием рассказал историю 21-летнего солдата вермахта, взятого в плен под Сталинградом и вскоре умершего в лагере, а затем произнес такие слова: «Я увидел

© Г. А. Бордюгов, 2020

Бордюгов Геннадий Аркадьевич — кандидат исторических наук, профессор, руководитель Международного совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) (Москва); borddav@hotmail.com

могилы невинно погибших людей, среди которых многие хотели жить мирно и не хотели воевать». Германские школьники рассказали, в частности, об офицере Красной армии Иване Гусеве, который три года просидел в нацистском концлагере, а также о советской девушке Надежде Труфановой, угнанной на работы в Германию и умершей там в возрасте 17 лет. Этот контекст важен для того, чтобы понять слова российского гимназиста. Однако в социальных сетях и телевизионных ток-шоу «невинно погибшие люди» были подменены «невинными жертвами», смерть пленных, не выдержавших лагерного режима, — гибелью бойцов на фронте, а само выступление расценено как оправдание нацизма. Между тем гораздо важнее было не обвинять, а обсуждать действительно болезненные вопросы: существует ли понятие преступного приказа, можно ли осуждать солдата за то, что он пошел воевать по призыву и совершал преступления против человечности?

В декабре 2018 г. под резкую критику попали слова писателя Дмитрия Быкова на конференции «Дилетантские чтения». Он заявил:

«К сожалению, российская гражданская война сороковых годов включала в себя практически массовое истребление евреев. И те, кто собирался жить в свободной России, освобожденной гитлеровцами, вынужден был согласиться с тем, что на подконтрольной гитлеровцам территории полностью истребляли евреев. Такой ценой покупать российское счастье, я думаю, никто не был

готов... Гитлеровский зоологический, совершенно примитивный, чудищный антисемитизм, конечно, возбуждал недоверие и вражду среди русской интеллигенции. А тот, кто не дружит с интеллигенцией, в России не победит никогда. Это важный закон, и это так»¹.

Рассуждения Быкова были восприняты как оскорбление русского народа, который сражался прежде всего за себя и за свою родину. На этой же конференции прозвучало и обещание писателя написать книгу о командующем Русской освободительной армией генерале Андрее Власове, осужденном и казненном после войны в СССР по обвинению в госизмене. По словам писателя, «единственный настоящий патриот — это тот, кто находится в абсолютно ортогональном противоречии с сегодняшним российским патриотизмом. Сегодня быть патриотом — значит быть русофобом».

Патриотически настроенные блогеры сразу же обратились в Генпрокуратуру и Следственный комитет с просьбой провести проверку этих высказываний о Второй мировой войне и генерале Власове на предмет нарушения статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Похоже, Быков не ожидал такого резонанса, особенно со стороны историков, которые напомнили ему о том, как генерал сдался в плен и бросил погибающую в окружении армию, как он вел себя у немцев, а потом на советском суде. Поэтому любопытно было последующее разъяснение писателя о том, что он лишь вел речь о проблеме гражданской войны:

¹ См.: URL: ru-bykov.livejournal.com/3703672.html.

«Россия непрерывно возвращается к этому, непрерывно репетирует революцию, непрерывно находится в состоянии гражданской войны. И все время за собой переделывает. Давайте уже найдем тот способ жизни, при котором коллективный труд, а не коллективное истребление могло бы стать нашим главным делом. Для этого по каким-то базовым вещам надо договориться, и только»².

Буквально через месяц общественное внимание переключилось на блокадный Ленинград. Накануне 75-летия освобождения города под запрет попала сатирическая кинокартина режиссера Алексея Красовского «Праздник», в котором рассказывалось, как 31 декабря в загородном доме профессора Воскресенского, работающего в секретной лаборатории и имеющего наградной пистолет от самого товарища Сталина, встречают Новый год. На ужин избалованные взрослые дети приглашают голодающих молодых людей, которые неожиданно увидели дом с горячей водой, обслугой, стол с деликатесами. Во всем этом часть критиков и зрителей увидели «кощунство», «топтание на священной теме», «надругательство над памятью наших соотечественников и героической историей города-героя Ленинграда». Однако все-таки не это стало настоящей причиной нападок на фильм. Определенные круги возмутила поднятая тема разрыва между «прикрепленными к власти», избранными — и всеми остальными, особенно в экстремальных условиях. Как справедливо отметила Лариса Малюкова, за праздничным столом

встретились два мира — «свои» и «чужие», они презирают, ненавидят друг друга, а над этими мирами — третий, который периодически напоминает о себе стуком. Это лежащая бабушка гремит палкой, или «судьба стучится в дверь». Режиссер «не был намерен оскорблять ни святой горестной темы блокады, ни памяти погибших, он снял кино о болезненной границе, установленной самими людьми между собой» (Малюкова 2019).

В том же месяце газета *Sueddeutsche Zeitung* сообщила об отношении петербуржцев к военному параду, который иногда они называют «танцами на костях». Зильке Бигальке в статье «Москва злоупотребляет памятью о Ленинграде» высказалась против героизации блокады, цель которой, по ее мнению, состояла не в том, чтобы сломить сопротивление жителей, а в том, чтобы уморить их голодом. Автор утверждала:

«Блокада была геноцидом. Но после войны ни одна из сторон не позаботилась о том, чтобы произошедшее называли именно так. Правители в Москве до сих пор изображают осажденных героями, которые храбро сопротивлялись немцам. О том, что люди от голода едва держались на ногах, ели клейстер и кошек, а некоторые были осуждены за каннибализм, стало известно в основном лишь в 1990-е годы. Им бы вряд ли помогла и сдача города, но об этом сегодня едва упоминается или не упоминается вовсе. Вероятно, необходимо было значительно раньше спросить городские власти, почему они так мало делали для жителей

² См.: URL: www.svoboda.org/a/29708621.html.

города. А российские историки должны были значительно раньше начать споры о том, можно ли было вообще предотвратить катастрофу» (Bigalke 2019).

Статья вызвала бурные обсуждения. Российский сенатор Франц Клинецвич посчитал, что это тот случай, когда «лучше молчать, чем говорить или писать», потому что статья исходит от немецкой журналистки. Другой сенатор, Алексей Пушков, назвал критику парада неуместной и безнравственной, а депутат Государственной думы Сергей Боярский попросил немецких журналистов быть аккуратнее в своих высказываниях, «их мнение нас интересовать должно в последнюю очередь, когда речь идет о наших праздниках»³.

Не успели утихнуть споры о правде немецкой газеты высказываться о блокаде, как через несколько месяцев разразился скандал по поводу размышлений петербургского писателя, букеровского лауреата Елены Чижовой для швейцарской газеты *Neue Zürcher Zeitung*. В статье «Двойная запертая память» прозвучало суждение о том, что тема блокады долгое время была под запретом и поэтому нуждается в восстановлении и глубоком осмыслении. И хотя автор предупредила, что она не историк, дальше последовали обвинения в трагедии блокады не только Гитлера, но и Сталина, который якобы не любил Ленинград:

«В глазах Сталина Ленинград — объект кристальной, безо всяких посто-

ронных примесей ненависти. Думаю, что ее причина — чувство собственного достоинства ленинградцев, способность к самостоятельному мышлению, которые для укрепления своей богоподобной власти следует вырвать с корнем. Уничтожить раз и навсегда». Именно этой ненавистью объясняется факт, что в условиях, когда на Большую землю шли составы с военной техникой, которую выпускали ленинградские заводы, Сталин не организовал регулярного снабжения города продуктами питания (Chizhova 2019).

А затем наступила очередь еще одного знакового места войны. В июле 2019 г. журналист издания *Die Welt* Свен Феликс Келлерхофф призвал снести памятник под Прохоровкой, где в июле 1943-го произошло знаменитое танковое сражение. Сузив его время с 10 по 16 июля до одного дня 12 июля и опираясь на спорный анализ снимков аэрофотосъемки немецкой разведки британским ученым Беном Уитли, он пришел к выводу о поражении Красной армии. Подробное опровержение всему этому уже дано военными историками⁴, но важнее другое — немецкий автор указывал, что памятника у Прохоровки не должно быть, потому что не было победы. Известно, что под Прохоровкой есть и другой памятник, где советский танк давит немецкие, есть памятник командующим, но Келлерхофф настаивал на сносе именно часовни.

Краткий обзор тем предъюбилейных дискуссий — невинно погибшие

³ См.: URL: inosmi.ru/social/20190126/244458907.html.

⁴ См. подробнее: (Локалов, Яковлева 2019).

люди, гражданская война 40-х, избранные и остальные в экстремальных условиях, героизация блокады, памятники под Прохоровкой, а еще споры вокруг сноса монументов и запрета советских песен в Восточной Европе и др. — крайне важны для того, чтобы понять, на какие проблемы сегодня реагирует российское общество и почему так быстро сворачивается открытая полемика. Правда, на самом деле она продолжается, но только в других местах и с анонимными участниками — ведь статью УК «Реабилитация нацизма» никто не отменял. А другой причиной ухода от трудных вопросов прошлого стало резкое изменение пространства памяти о Победе. Оно снова было узурпировано властью, как в странах Запада, так и в России. Какие же политические и исторические основания радикально изменили бытовавшее ранее отношение к войне и Победе?

MEMORY ERASURE

Впервые Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась массивной дискредитации после распада СССР. Чем ближе было 50-летие, тем сильнее звучали голоса о выведении 9 мая из системы государственных праздников, а значит, кардинальном изменении пространства памяти о нем, с иными культурными героями. Однако по мере нарастания патриотической риторики (напомню, что в это время российские силовые структуры проводили военную операцию в Чечне) вал разоблачений под вывеской поиска «правды истории» стал спадать. Б.Н. Ельцин

поспешно возвращал прежние ритуалы и символы, превращал День Победы в масштабную акцию собственной презентации, в том числе из-за маячивших впереди очередных президентских выборов 1996 г. С прибытием в российскую столицу всех лидеров Запада, что выпячивало союзнический фактор, Москва стала центром буквально мирового празднования полувекового юбилея окончания Второй мировой войны.

И так продолжалось 15 лет. Еще в 2010 г. по Красной площади в едином строю с российскими военнослужащими и солдатами стран СНГ торжественным маршем прошли подразделения армий государств антигитлеровской коалиции — Великобритании, США, Франции. Но к этому времени уже развернулись «войны памятников», уже прозвучало заявление Джорджа Буша о пересмотре итогов Второй мировой войны, а Европейский парламент принял решение (2 апреля 2009 г.) отмечать 23 августа Европейский день памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов, что фактически приравнивало коммунизм к фашизму. Тогда и прозвучал серьезный упрек: «Это вы, историки, виноваты!» — а затем последовала первая в постсоветской истории чистка памяти. Для этого была создана комиссия «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

И действительно, обнародование секретных документов о пакте Молотова — Риббентропа, о катынской трагедии, о массовых депортациях по этническому признаку поначалу вызвало благодарность народов, стремившихся к национальному

самоопределению, но затем обернулось разжиганием ненависти к русским как предполагаемым виновникам национальных трагедий. Естественной реакцией на это уже тогда был вопрос: к чему же тогда раскрывать преступления прежних режимов власти, если они связываются исключительно с русскими? Проведение параллелей между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией, сравнение сходных тоталитарных режимов, способное много дать для понимания общества и воздействия идеологии на массы людей, все чаще стало завершаться полным их отождествлением и призывом покаяться по германскому образцу. И уже неважно, что основы нацистской и большевистской идеологий были принципиально разными. Во всяком случае, в советских программных документах никому не удалось обнаружить антисемитизм, установку на геноцид по принципу расовой, этнической и религиозной принадлежности, положения о превосходстве славянской расы над всеми остальными, презрении к другим народам и их культурам.

В это же время начинается принижение значения Восточного фронта как решающего во Второй мировой войне и одновременно возвеличивание значения других театров военных действий. Накануне шумного 60-летнего юбилея высадки союзнических войск в Нормандии американский историк Майк Дэвис призвал всех здравомыслящих людей «спасти рядового Ивана». Дэвис считал, что освобождение Европы началось летом 1944 г. отнюдь не в Нормандии, а там, где советские партизанские формирования вышли из белорусских лесов и болот

и нанесли смелый и внезапный удар в тыл могущественному вермахту. А спустя несколько дней началась операция «Багратион». Американец прямо противопоставил обе масштабные военные акции, начатые практически одновременно. «Но что рядовой американец слышал об операции “Багратион”?» — спрашивал Дэвис. И сам же отвечал: «Июнь 1944-го означал для него высадку на пляжи Нормандии, а не переправу через реку Двина. Однако наступление советских войск было в несколько раз значительнее, чем операция “Оверлорд” как по масштабам задействованных сил и средств, так и по урону, нанесенному Германии».

Дэвис призвал не забывать заслуг войск союзников в Северной Африке и в Нормандии, но также помнить, что в борьбе против нацизма именно СССР заплатил за Победу самую дорогую из всех союзников цену, «на каждого спилберговского “рядового Райана” приходилось примерно 40 русских Иванов», которым надо быть благодарными и чтить их память. Вместо этого советских солдат и офицеров на Западе в последнее время всячески пытаются представить в виде орды варваров, движимой только жаждой мести и примитивным русским национализмом. Между тем, считает профессор Дэвис, «несмотря на смертельные ошибки и преступления, совершенные Сталиным во время войны, и разгул НКВД», русские солдаты воевали за свободу, и именно «как освободителей их встречали рабы, освобожденные ими от гитлеровского ига, которые воспринимали Красную армию как самую великую освободительную армию в истории челове-

ства». Завоевания великой Америки не поблекнут, если признать ведущую роль Советского Союза в достижении эпохальной Победы прошлого века над фашизмом (Davis 2004).

Таких суждений на Западе теперь все меньше. Каждая дата Победы является поводом для конъюнктурных оценок действующей российской власти и проводимой ею политики. А с принятием Европарламентом в сентябре 2019 г., накануне года 75-летия Победы и завершения Второй мировой войны, резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» можно говорить о завершении радикального переформатирования пространства памяти о войне и Победе.

Что означает этот процесс для Запада и России? Что последует за отказом от прежнего понимания Второй мировой войны с ответственностью всех европейских стран за ее развязывание?

Новая концепция предполагает, что теперь в пространстве памяти на роль культурных героев (точнее — антигероев) выдвигаются два тоталитаризма — германский и советский — со своими диктаторами, идеологией и пактом о ненападении, а между ними в качестве субъектов памяти находятся маленькие и несчастные европейские страны со своими «добрыми» лидерами. В роли же настоящих культурных героев выступают теперь исключительно США, Великобритания и Франция, которые героически противостояли угрозе старой демократии. Резолю-

ция Европарламента служит теперь основанием для снятия своей ответственности за войну и ее жертвы, оправдывает любые фальсификации и умолчания в школьных учебниках, ведет к героизации РОА, УПА и восточных легионов, воевавших на стороне нацистов.

Однако при внимательном знакомстве с оригиналом текста резолюции⁵ обнаруживается, во-первых, перемещение в зону антипамяти Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и факт «рождения» Гитлера именно в Версале, потому что Великобритания, США и Франция сделали все для того, чтобы Германия стала изгоем, Россия была изолирована, а в Польше, Румынии, странах Балтии и Венгрии установились авторитарные режимы. Ни словом не упомянуто в резолюции Мюнхенское соглашение 1938 г., выведены из зоны ответственности Польша, страны Балтии, вообще политические игроки западного мира предвоенного времени. Забыта «странная война» и то, как, к примеру, Англия открыто сдала Польшу на переговорах с СССР 14 августа 1939 г. Предается забвению ответственность Японии — союзницы Германии, а следовательно, игнорируется второй очаг генезиса Второй мировой войны и мировой антифашистской войны в Китае, отсчет которой хронологически ведется с 1937 г., что делает неуместным утверждение: без пакта Молотова — Риббентропа война не разразилась бы.

Любопытно, что сетевая общественность в ответ на умолчания европейских парламентариев потребовала

⁵ Оригинал текста см.: URL: www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html.

пересмотра нашей государственной кино- и издательской политики. Предлагался обширный список фильмов и книг о том, как поляки с одобрения немцев оккупировали чешскую Тешинскую область, о болгарях, которых Россия освободила от османов, а они во всех мировых войнах воевали против нас, о 2-й венгерской дивизии, полностью уничтоженной под Воронежем, потому что из-за учиненных ею зверств был приказ живыми их не брать в плен, о преступлениях бандеровцев на Украине, трагедии Бабьего Яра, где женщин и детей убивали именно украинские, а не немецкие каратели, о прибалтийских коллаборационистах и подразделениях СС, французах, которые сдали свою страну нацистам без боя, помогали им охотиться за евреями, носили кофе и круассаны, а их женщины делили постель с офицерами гестапо и СС, о французском Сопротивлении, которое наполовину состояло из русских белоэмигрантов и беглых советских военнопленных и т. д.⁶

Если рассуждать логически, то получается, что Великобритания, США, Франция и др. страны зря воевали на стороне Советского Союза, зря создавали антигитлеровскую коалицию, а Крымская и Потсдамская конференции вообще напрасно выстраивали послевоенную систему международных отношений, создавали ООН и Совет безопасности. Предполагали ли авторы резолюции и голосующие за нее, что затем в Израиле, например, откроется памятник жертвам блокады и тем самым ленинградцы будут приравнены к жертвам Хо-

локоста, что новая концепция войны, по сути дела, работает, например, на реабилитацию франкизма в Испании, на оправдание оккупации Греции, бомбардировки Хиросимы и немецких городов, превращавшие их в колоссальные печи, бенгальского голода 1943 г., унесшего миллионы жизней.

Наконец — и это, пожалуй, самое главное для России — создаваемая Западом заново историческая реальность искусственно программирует новую холодную войну и вынуждает Кремль и созданные им исторические общества снова взять под контроль пространство памяти о Победе и безальтернативно освещать его. В этом пространстве сталинская власть не будет ошибаться, а солдаты Красной армии не будут совершать ничего плохого. Неизбежно возвращение в зону антипамяти и тех дискуссионных тем, которые не вписываются в развернувшуюся войну за прошлое. Неслучайно дело дошло до внесения 3-й поправки к 67-й статье Конституции РФ о праве и обязанности государства «защитить историческую правду», а генеральный прокурор в ноябре 2020 г. заявил о необходимости законодательно закрепить запрет на реабилитацию, пропаганду нацизма и фальсификацию истории. Вот уже и в Следственном комитете создали специальный отдел, который будет заниматься этими преступлениями.

Спешно готовятся изменения в принятый 25 лет назад федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Оте-

⁶ См.: URL: vk.com/wall-112013287_2137.

чественной войне 1941–1945 годов», направленный на законодательное установление незыблемости принципов международного права, признанных уставом Нюрнбергского международного военного трибунала, закрепление таких понятий, как «нацизм», «фашизм», «геноцид народов Советского Союза». Закон будет дополнен положениями о запрете реабилитации и пропаганды нацизма, об обеспечении защиты исторической правды и противодействии фальсификации фактов истории. А дальше могут последовать директивы ученым, что подлежит исследованию, а на что накладывается запрет. Кому-то очень не терпится взять на себя функции неусыпного блюстителя исторической чистоты. Председатель Совета по культуре и искусству Государственной думы РФ Елена Ямпольская выступила с инициативой внести в указанный закон норму, «запрещающую в публичных высказываниях отождествлять цели, решения и действия советского руководства, командования и военнослужащих с целями, решениями и действиями нацистского руководства, командования и военнослужащих во время Второй мировой войны» (Ведомости 2020). Не исключено, что вскоре под уголовные статьи попадут факты и суждения, которые идут вразрез официальной версии истории войны, отличаются от «генеральной линии партии».

Так, скорее всего, и будет, если новая конструкция пространства памяти и со стороны Запада, и со стороны России установится надолго, если ее не перебьют результаты и уроки пандемии или какой-то другой поучительный момент в текущей ми-

ровой истории. Да и сейчас в этой конструкции видны трещины, которые возникают благодаря, к примеру, статье министра иностранных дел ФРГ Хайко Мааса в Spiegel, который вопреки резолюции Европейского союза написал о признании ответственности Германии в развязывании Второй мировой войны. Расшатывают новую конструкцию обсуждение итогов 75-летия ООН, сама идея собрать «большую пятерку», повышенное внимание мировой общественности к поучительным итогам Нюрнбергского процесса, которому тоже исполнилось 75 лет, а также обсуждение новых трудных вопросов истории войны.

ИСПЫТАНИЕ ЮБИЛЕЙНОГО ПРОЕКТА ПАНДЕМИЕЙ

Повлияла ли радикальная конфронтация в пространстве памяти на сценарий юбилейного года? Независимо от ответа на этот вопрос, а также от различных внешних и внутренних обстоятельств государство выполняло прежде всего программу социальной поддержки участников войны и тружеников тыла. Согласно данным Пенсионного фонда РФ, по состоянию на 1 апреля 2019 г. в России проживали 1,28 млн инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны. Среди них: более 75 тыс. инвалидов и участников войны, 96 тыс. ленинградцев-блокадников, 104 тыс. бывших несовершеннолетних узников фашизма, 240 тыс. вдов инвалидов и участников войны и 762 тыс. тружеников тыла. Позднее вице-премьер правительства Татьяна Голикова привела данные 1 ноября 2019 г.: число участников и инвалидов

войны в России составляло 60 тыс., а всего ветеранов — 1 млн 89 тыс. человек.

Почетный статус ветеранов Великой Отечественной войны и других военных конфликтов, а также систематизация мер социальной поддержки для них были определены еще законом «О ветеранах» (12 января 1995 г.). Согласно этому документу, к ветеранам Великой Отечественной войны относят ее участников-фронтовиков, тружеников тыла и жителей блокадного Ленинграда. Особо защищаемой категорией являются инвалиды войны. К ветеранам также приравнены члены семей погибших на фронте, совершеннолетние и несовершеннолетние узники концлагерей. Льготы также предусмотрены для «детей войны» — россиян, родившихся в 1941–1945 гг., — на региональном уровне.

Пенсионный фонд РФ на постоянной основе выплачивает ветеранам повышенные пенсии, а также предоставляет дополнительные выплаты. Средний доход участников и инвалидов Великой Отечественной войны — после индексации 1 января 2020 г. — достиг 39,9 тыс. и 46,5 тыс. рублей соответственно. При этом для Героев Советского Союза, а также награжденных орденами Славы, Ленина, Трудовой Славы полагаются отдельные надбавки. Кроме того, ветеранам компенсируется проезд в общественном транспорте, оплата коммунальных услуг и капремонт. В некоторых регионах эти услуги для них предоставляются бесплатно.

Выплаты ветеранам к юбилею Победы составили 60 млрд рублей государственного бюджета⁷.

По инициативе Министерства обороны РФ с 10 апреля 2019 г. по 9 мая 2020 г. в Парке Победы на Поклонной горе в Москве планировались праздничные салюты в ознаменование памятных дат освобождения от немецко-фашистских захватчиков 17 советских и европейских городов — Одессы, Севастополя, Минска, Вильнюса, Бреста, Каунаса, Кишинева, Бухареста, Таллина, Риги, Белграда, Варшавы, Будапешта, Братиславы, Вены, Берлина и Праги.

В марте 2020 г. был принят федеральный закон о почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести». Это звание устанавливалось «в целях увековечения подвига тружеников тыла во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» для присвоения городам РФ, жители которых внесли значительный вклад в достижение Победы, обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, располагавшихся на территории города, и проявив при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность⁸. Инициативы учреждения почетного звания для городов России, жители которых совершили трудовой подвиг, неоднократно выдвигались российскими общественными и политическими деятелями. И вот в июле звание «Город трудовой доблести» было присвоено двадцати

⁷ См. подробнее: URL: mintrud.gov.ru/social/136.

⁸ См.: (Федеральный закон № 41-ФЗ).

городам Российской Федерации — Нижнему Новгороду, Екатеринбург, Челябинску, Самаре, Перми, Нижнему Тагилу, Саратову, Омску, Казани, Новосибирску, Ярославлю, Магнитогорску, Ижевску, Уфе, Томску, Ульяновску, Иваново, Новокузнецку, Иркутску, Боровичам.

Заранее, как всегда, началась подготовка военного парада на Красной площади. Отдать дань победителям и приехать в Москву 9 мая собирались президенты Азербайджана, Армении, Беларуси, Индии, Казахстана, Китая, Киргизии, Молдовы, Монголии, Северной Македонии, Сербии, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции, Чехии, а также Абхазии и Южной Осетии. Тогда еще никто не ожидал, как из-за коронавируса быстро поменяются обстановка и сценарий праздника. Парад пришлось переносить на другую дату, как определилось позднее — на 24 июня, шествие «Бессмертный полк» также откладывалось. Большинство людей с пониманием отнеслись к принятым мерам.

Однако пандемия, повлияв на масштаб и характер всех праздничных ритуалов, в то же время заставила как бы заново осмыслить историю Второй мировой и Великой Отечественной, не заслоненную громкими речами и пышными торжествами. В условиях предписанной изоляции и переживаний за близких в сознании людей невольно возникали определенные сравнения. Ангела Меркель сказала, что человечеству брошен самый большой вызов со времен Второй мировой войны. Как и тогда, никому не удастся остаться в стороне и не понести горечь утраты.

А сопричастность к памяти о войне можно было почувствовать через социальные сети и сайты Интернета. К примеру, количество запросов в «Яндексе» на сайт <http://podvignaroda.ru> выросло с 600 тыс. до более миллиона. В онлайн в течение двадцати дней длилось шествие «Бессмертного полка», и оно собрало почти 3 млн человек. Но главное, что День Победы для многих людей снова стал семейным, теплым праздником, без помпезности и культовых черт.

ИМИТАЦИЯ ПАМЯТИ

Как и в прошлые годы, к сожалению, не обошлось без курьезных и даже абсурдных случаев, свидетельствующих о профанации отношения к войне и памяти. Уже в начале юбилейного года в нескольких регионах страны прошла непонятная акция «Блокадный хлеб». Заместитель директора Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Милена Третьякова отреагировала на нее так:

«Это акция аморальная... Те, кто придумал эту акцию, просто не понимают всего цинизма, которым от нее веет. Играть в величайшую трагедию нашего народа, играть в блокаду “на сытый желудок”, когда остались еще тысячи людей, которые эту трагедию пережили лично, — это верх морального падения и полное непонимание сути тех исторических событий. Реальные блокадники, которых осталось не так уж мало за счет ленинградцев, которые в годы войны были еще детьми, воспринимают подобные мероприятия точно так, как бывшие

узники нацистских концлагерей воспринимают рекламу “провести один день в бывшем концлагере”»⁹.

В одной из петербургских школ родители захотели устроить на занятиях ролевою игру «Блокадная семья» для учеников 2–5-х классов по случаю годовщины снятия блокады 27 января. В игре должен участвовать весь класс, который делится на три команды. Каждая из них представляется как отдельная семья из трех поколений, чья задача — выбрать правильную стратегию выживания на каждом из шести этапов (бомбоубежище, распределение обязанностей, распределение еды, спасение города, письмо с фронта, прорыв блокады). Таковы квесты, пройдя каждый из них, можно получать бонусы. Ведет мероприятие стоимостью восемь тысяч рублей военный реконструктор.

В школах Челябинской области стартовал проект «Тыловая вахта памяти» — конкурс школьных сочинений к столетию (!) Победы. Челябинские чиновники оказались готовыми победить время. Участникам было предложено рассказать потомкам из 2045 г. о подвиге предков в 1945-м. А тогдашний министр просвещения Ольга Васильева посетила Тверь и прочла школьникам лекцию о Великой Отечественной, а затем одобрила предложение одного из старшеклассников законодательно закрепить новую языковую норму — слово «ветеран» в словосочетании «ветеран Великой Отечественной войны»

отныне писать с большой буквы. Заслуженный учитель России Евгений Ямбург сетовал по поводу других пиар-акций, считающихся креативными и новомодными. К примеру, танец на батутах, на которых девушки с автоматами Калашникова в руках синхронно прыгают под песню «День Победы», или выступление на шесте девушки в гимнастике, пилютке и... трусиках под песню «Смуглянка» (Ямбург 2020).

В Омске же отделение Общества исторического просвещения «Двуглавый орел» решило отличиться тем, что пригласило своих членов на Второй Императорский бал, посвященный 75-летию Победы и «личному вкладу императора Николая Александровича Романова в промышленное и научно-техническое развитие нашей страны в начале XX века, которое сыграло значительную роль в Победе русского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Аргументы и факты 2020). Правда, надо отдать должное этому обществу, что именно оно добилось прекращения продажи компьютерной игры Strategic mind blitzkrieg на территории России. По смыслу игры нужно помочь войскам вермахта дойти до Москвы и принять парад на Красной площади¹⁰.

Накануне и в сам День Победы тоже не обошлось без «дурного креатива». В Орле водолазы прошли по дну Оки с портретами ветеранов войны, а в Челябинске на конкурсе «Имена героев» вывесили фото молодого

⁹ См.: URL: www.ridus.ru/news/242234.

¹⁰ Данная игра относится к экстремистским материалам, согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности».

Гитлера, которое один из участников прислал под видом портрета своего родственника-ветерана. Повторились истории с плакатами, на которых красноармейцев изображают солдаты вермахта или на худой конец американцы. По-прежнему детей в детских садах, школах и семьях наряжали в военную форму, превращая их в маленьких солдат, хотя психологи объясняют воспитателям и родителям, что романтизация и украшательство самого страшного в жизни — войны — формируют у детей представление, что война — это праздник, потому что потом она оканчивается победой, а не могилами, в которые хоронят в военной форме, ставшей для предков посмертным одеянием. Снова активизировалась торговля юбилеем — пилотками, орденами, перевязанной гвардейскими ленточками водкой и пр.

Но и после 9 мая продолжался абсурд по поводу сакральных мест. По Интернету распространилось: «“Зоя”. Самый красивый музей Московской области. Место казни Зои Космодемьянской и идеальный фон для фэшн-съемки»¹¹. В Карелии готовился к открытию бутафорский концлагерь, в котором «будут воспроизведены жизнь и быт малолетних узников финских лагерей». Первые школьники приедут изучать быт заключенных уже в декабре 2020 г. по программе «Патриотические выходные». Поступили сообщения о том, что якобы в Орле в открытой продаже появились почтовые марки с портретом Гитлера. 290 рублей за штуку. В городе, который в годы войны почти два года был оккупиро-

ван нацистами и практически стерт с лица земли, это вызвало бурную реакцию жителей (позже из Орла приходили опровержения, указывалось, что это произошло не у них, а совсем в другом субъекте Российской Федерации, но никто не опровергал сам факт. — *Прим. ИЭ*).

КУЛЬТ И АНТИКУЛЬТ ПОБЕДЫ

Новая конструкция пространства памяти неизбежно диктует и будет диктовать проблематику исторических исследований и повышенное внимание к разоблачениям и различным умолчаниям, т.е. история, вопреки своей методологии, должна подчиниться памяти и «войнам памяти». Но останутся вопросы, которые от чистки памяти вряд ли потеряют свой смысл и перестанут беспокоить людей.

Еще пять лет назад официальному сценарию празднования Дня Победы противостоял общественный — со ставкой на искренность и отказ от помпезности и победоносной риторики. Одновременно нарастал протест против культовых черт, которыми все заметнее обрастал главный национальный праздник. В социальных сетях быстро распространилось понятие «победобесие». Призыв отказаться от него, от культа «великой победы», оправдывающего и легитимирующего историческую российскую государственность, замыкающего народы в формате отжившей свой век империи, мотивировался тем, что это якобы даст шанс на новую судьбу и освободит

¹¹ См.: URL: www.the-village.ru/city/news-new-place/muzey-zoi-kosmodemyanskoy.

страну от «зла, человеконенавистнических мифов и опасных, изверских утопий» (Широнаев б/д). Однако дело в том, что поборники демонтажа культа Победы связывали этот процесс с десоветизацией русского народа «как самого советского на всем пространстве бывшего СССР». По существу, культ должен вытесняться другой крайностью — антикультом, запретом на «фетиши 9 мая», на Сталина и ценности «сильной власти». Вместо этого, вместо «великого государства» в русское сознание должны войти другие герои — например, герои РОА, а от них недалеко до Андрея Курбского и Марфы Борецкой (Там же).

Но вот что любопытно, последний опрос независимых исследователей «Группы Белановского» об отношении нынешнего поколения россиян к Победе не засвидетельствовал влияния на их сознание какого-либо «победобесия». Согласно результатам, 72% граждан выступают против проведения военных парадов и только 15% считают, что парад проводить необходимо как дань уважения ветеранам и традициям. Среди аргументов против парада респонденты указывали «устаревшую попытку власти объединить народ при помощи былых побед» (62%) и неуместность демонстрации военной мощи в современном мире (21%). По мнению более половины опрошенных, отмечать День Победы нужно, обеспечивая достойную старость ветеранам. Среди респондентов старше 75 лет

противников парада оказалось еще больше, чем в целом по стране, — 89% участников опроса высказались против его проведения. Адекватно оценивается и подача информации о Великой Отечественной войне в СМИ: достаточно объективно и правдиво — 3,6%; есть сомнения в достоверности и правдивости — 37,1%; все искажается, сплошная пропаганда — 56,2%.

В ответе на вопрос «Как следует отмечать День Победы?» наибольшее число голосов набрала позиция: «В этот день необходимо чтить ветеранов, но не в форме парадов и салютов, а обеспечивая им уважение и достойную старость» (53%). О необходимости проведения траурной церемонии сказали 24% респондентов, а еще 12% считают неуместными праздничные мероприятия, поскольку это день скорби (в сумме 36%). За организацию праздничного салюта выступают лишь 1,4% респондентов. Наконец, при ответе на вопрос «Что для Вас означает День Победы 9 мая?» с мнением, что День Победы является главным национальным праздником, согласились лишь 18% опрошенных, большинство (48%) респондентов считают, что это праздник больше для ветеранов войны¹².

Однако маятник качнулся еще дальше. Писатель и художник Максим Кантор считает, что Россия вообще ни в коей степени не имеет прав и оснований на праздник Победы:

¹² См.: URL: newizv.ru/article/general/18-06-2020/konets-pobedobesiya-opros-belanovskogo-pokazal-sensatsionnye-rezultaty; URL: daily.afisha.ru/news/38258-sociolog-belanovskiy-72. В опросе приняли участие 2167 человек в возрасте от 20 до 82 лет. Исследование проводилось при помощи гугл-опросника с 20 мая по 5 июня 2020 г. Отметим, что не все согласны с этой методологией, в частности, ее критикует заместитель директора Левада-Центра Денис Волков.

«Современная Россия представляет собой не что иное, как доктрину национального империализма — вмененную как “национальная идея”, тот самый национальный империализм, который Советский Союз когда-то узнал от гитлеровской Германии. Этому национальному империализму СССР однажды соответствовал в 39-м году, когда СССР дружил с Гитлером. В те годы, однако, бесклассовая, социалистическая, интернационалистическая структура советского общества сделала войну с гитлеровской Германией неизбежной. Имперские амбиции Советского Союза тех лет уравнивались социалистической доктриной. В те годы случай на время сделал СССР союзником демократии. Сегодня ни социализма, ни интернационализма более нет»¹³.

Вот почему, по мнению писателя, праздник Победы над гитлеровской Германией является абсурдным, единственная победа, которая состоялась, это победа над социализмом и братством народов.

Таким образом, ситуация 75-летнего юбилея окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн поразительным образом напомнила обстановку, в которой началась эта величайшая в истории человечества катастрофа. Тогда — и это уже совершенно явный и неоспоримый факт — в развязывании глобального конфликта виноватыми (пусть в разной степени) оказались абсолютно все — страны «оси», западные классические демократии, восточноевропейские авторитарные демократии,

Советский Союз. Можно анализировать степень вины каждого из названных субъектов, но абсолютно невиновных при том раскладе не оказалось. Сейчас — то же самое. В том, что Великая Победа — торжество жизни над смертью, Добра над Злом — спустя 75 лет превратилась в площадку нового — такого же глобального по своему формату — конфликта, снова повинны все те, кто сегодня отмечает этот юбилей: и «коллективный» Запад, и стремящаяся в него влиться «новая Европа» из почившего 30 лет назад Восточного блока, и бывшие советские республики — а ныне суверенные государства, и Российская Федерация. А внутри последней — и прокремлевские патриоты, и прозападные либералы.

Опять-таки можно спорить по поводу того, кто «первый начал», кто больше виноват в превращении памяти о Победе в новую войну — Третью мировую, мемориальную войну, — но это взвешивание на аптекарских весах меры вины каждой из названных сторон равным счетом ничего не меняет. Повсеместно интеллектуалы, государственные и политические деятели не хотят или не могут вывести память из пространства актуальных политических интересов, вернуть истории то, что должно в ней остаться, и учить оттуда тех, кто живет в настоящее время. Представители научного сообщества, за редким исключением, также пребывают в этом политизированном мейнстриме. Самое интересное, что и общество — точнее, общества — всех этих новых нынешних «виноватых» стран недалеко

¹³ См.: URL: www.svoboda.org/a/27720065.html.

ушло от официоза или новомодного кукла/антикульта: где-то Победа превращается в китч, где-то — в досуговое времяпрепровождение, где-то — в повод для неоправданной национальной гордости или такой же надуманной национальной обиды. Словом, Победа из пространства памяти полностью перешла в пространство текущего момента с его ковидными ограничениями, экономическими сложностями, региональными конфликтами, избирательными кампаниями, тоталитаризмом меньшинств и пассивно-равнодушным погружением в повседневный быт молчаливого большинства. Такое ощущение, что мир опять завис на пороге нового 1 сентября 1939 г. А значит — война, завершение которой так помпезно отмечалось в этом году, продолжается...

Неужели Великая Победа была напрасной?!

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аргументы и факты 2020 — Аргументы и факты. 2020, 24 января.

Ведомости 2020 — Ведомости. 2020, 27 октября.

Локалов, Яковлева 2019 — Локалов Артём, Яковлева Елена. Прохоровка: новое сражение // Российская газета. 2019, 10 июля.

Малюкова 2019 — Малюкова Лариса. «Праздник» прорвал блокаду // Новая газета. 2019, 3 января.

Федеральный закон №41-ФЗ — Федеральный закон №41-ФЗ от 01.03.2020 «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // publication.pravo.gov.ru.

Широнаев б/д — Широнаев Алексей. Культ выгоден и необходим только москвоцентричной власти // URL: www.newsru.com/blog/11may2018/kult.html.

Ямбург 2020 — Ямбург Евгений. В России наблюдается весеннее обострение псевдопатриотизма // Московский комсомолец. 2020, 10 марта.

Bigalke 2019 — Bigalke Silke. Moscau missbraucht das Gedenken an Leningrad // Sueddeutsche Zeitung. 24, Januar 2019.

Chizhova 2019 — Chizhova Elena. Das doppelt verriegelte Gedächtnis — die Wahrheit über die Blockade Leningrads war in Russland lange ein strikt gehütetes Tabu // Neue Zürcher Zeitung. 6, Mai 2019.

Davis 2004 — Davis Mike. Remembering Bill and Ivan // ZNet. 7 June, 2004.

2020: THE WAR GOES ON: THE WORLD WAR II, THE MEMORIAL

Bordyugov Gennady A. — candidate of historical sciences, Professor, Head of the International Council of the Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI) (Moscow)

Key words: World War II, historical memory, anniversary commemoration, victory over Nazism.

Abstract. The article has been prepared within the “Victory-75: Reconstructing a Jubilee” monitoring project organized by the AIRO-XXI research association. The author analyzes a transformation the memory realm of the World War II

and the Great Victory underwent for the last five years. He also pays attention to the subjects of public debates that drew much response from the society, primarily the effects of the European states' revision of their former views on the war genesis and a tendency to blame it exclusively on German and Soviet totalitarianisms. A special focus is made on memory imitation, memory profanation as well as protests against the cult-like image of the May 9 Day.

А. А. Рыбалка

АНТОНИН РАМЕНСКИЙ: ПОДГУЗНИК ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Ключевые слова: мистификация, музей Пушкина, дар, экспертиза, Пушкин и Раменские.

Аннотация. В статье излагаются подробности одной из поздних мистификаций Антонина Раменского (1913–1985), автора масштабной мистификации «учительская династия Раменских» — презентации коллекции мемориальных предметов из личного архива семьи Раменских, связанных с памятью А. С. Пушкина. Автор показывает судьбу представленных мистификатором артефактов в момент совершения акта дарения и последующее их бытование в фондах музея Пушкина, неожиданно сохраняющее актуальность, несмотря на очевидность мистификации.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-254-265

...в музее Василия Львовича можно увидеть настоящий раритет — стильную рубашку Пушкина, которая до сих пор пылилась в запасниках. «Это святыня отечественной культуры», — не стесняясь пафоса, говорит <руководитель департамента культурного наследия города Москвы> Кибовский (Егорова 2013).

Государственный музей Пушкина на Пречистенке из молодых — постановление правительства об основании музея было подписано 5 октября 1957 г. На момент создания в фондах

музея не было ни одного экспоната, однако «в кратчайшие сроки, благодаря самоотверженной работе коллектива музея, музейного сообщества, пушкиноведов и частных собирателей, удалось скомплектовать коллекцию, на основе которой была создана первая экспозиция московского дома А. С. Пушкина, открытая для широкого круга 6 июня 1961 года» (сообщение агентства Ореанда-Новости от 27 сентября 2012 г.). Музей очень быстро стал популярен и с тех времен по сей день постоянно пополняет свои фонды благодаря щедрым дарам

© А. А. Рыбалка, 2020

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); anrike@yandex.ru

частных коллекционеров, постоянно расширяет экспозицию и открыл с тех пор в Москве несколько филиалов.

В первой половине 70-х в качестве такого коллекционера-дарителя выступил и Антонин Аркадьевич Раменский. Как писала много позднее заведующая научно-методическим отделом музея Вера Александровна Невская: «В 1972 году в связи с приближающимся 175-летием со дня рождения А.С. Пушкина московский пенсионер, представитель известной династии тверских учителей Антонин Аркадьевич Раменский подарил Государственному музею А.С. Пушкина книгу — первую часть романа А. Степанова “Постоялый двор” (СПб., 1835). По версии дарителя, изложенной в сопроводительном письме, четырехтомное издание “Постоялого двора” Пушкин передал Екатерине Федоровне Муравьевой для отправки в Сибирь ее сыновьям — декабристам Александру и Никите, приговоренным к двадцати годам каторжных работ. Затем книги хранились у декабриста Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, племянника Екатерины Федоровны, который по возвращении из Сибири в Тверь подарил их Пахому Алексеевичу Раменскому, учителю Александра и Никиты Муравьевых и прадеду нашего дарителя» (Невская 2005). Подробности легенды были печатно изложены в статье давней почитательницы Раменского журналистки Натальи Дилигенской (Дилигенская 1974).

Год спустя, весной 1973-го, Антонин Аркадьевич преподнес музею сле-

дующий дар — этюд Исаака Левитана с изображением омута в Бернове, где по преданию находилась мельница, описанная Пушкиным в «Русалке». По словам А.С. Пьянова, этюд — небольшая акварель — был принят с благодарностью и впервые представлен публике на поэтическом вечере 6 июня 1973 г. (Пьянов 1979: 258)

Наконец, «в юбилейном 1974 году ГМП принял от А.А. Раменского еще один дар — 16 пушкинских меморий, включая вторую часть “Постоялого двора” с многочисленными рукописными маргиналиями: пометой коменданта Нерчинских рудников С.Р. Лепарского (“читал Лепарский”), списками стихотворений “Во глубине сибирских руд” А.С. Пушкина и “Струн вещей пламенные звуки” А.И. Одоевского, а также записями сведений о жизни М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске. В отзыве на эту книгу, составленном для фондово-закупочной комиссии Н.Я. Эйдельманом, не подвергалась сомнению ее подлинность, то есть принадлежность сначала Пушкину, затем декабристам, и подчеркивалась ее ценность как исторического документа, “относящегося к проблеме Декабристы и Пушкин”. Кроме того, в книжно-рукописную часть дара вошла “обложка старинной книги” с еще одним списком стихотворения “Во глубине сибирских руд”, сделанным, по семейной легенде, Алексеем Алексеевичем Раменским, прапрадедом дарителя, интересовавшимся запрещенными стихами Пушкина» (Невская 2005: 247)¹.

¹ Описываемые дары Раменского предшествовали не менее представительной серии даров из 32 предметов, поднесенных Антонином Аркадьевичем несколько лет спустя в ленинградский музей Пушкина на Мойке. Судьба их оказалась чуть менее благоприятной, поскольку местные

Дар сопровождало письмо Антонина Аркадьевича, в котором он, помимо дежурных комплиментов в адрес своей семьи, приводил и список даримого — «В связи с предстоящим празднованием 175-летия со дня рождения великого русского поэта и патриота Александра Сергеевича Пушкина и в ознаменование многовековой педагогической деятельности нашей семьи, которая находилась в дружеских отношениях с великим поэтом и его потомками, собирала и хранила пушкинские реликвии, и выполняя завещание своих предков о передаче этих реликвий народу, я, Раменский Антонин Аркадьевич, передаю в дар государству — Музею А. С. Пушкина в Москве — следующие пушкинские реликвии:

1. Детская распашонка А. С. Пушкина и фарфоровая чашечка. Эти вещи находились у друга поэта — Осиповой, а затем у Беклешовой, у которой и приобретены.
2. Гусиное перо А. С. Пушкина. Хранилось у А. П. Керн, подарено в день ее смерти дочерью ее Екатериной Шокальской.
3. Полотенце А. С. Пушкина работы его няни Арины Родионовны. Подарок сына поэта Григория Александровича Пушкина.
4. Дорожный подсвечник А. С. Пушкина. Приобретен у наследников Соболевского.
5. Игральные индийские кости. Привезены поэтом из Арзрума, приобретены у Великопольских.

эксперты-искусствоведы, включая В. М. Глинку, высказали по поводу «мемориальных предметов» серьезный скепсис. Семь предметов были возвращены дарителю, иные же оказались вне экспозиции музея.

6. Перочистка. Передана нашей семье сыном поэта Александром Александровичем Пушкиным.

7. Книги «Постоялый двор» — подарок Пушкина семье Муравьевых, они находились в Сибири, откуда привезены М. И. Муравьевым-Апостолом в Тверь и подарены Пахому Раменскому.

8. Китайский рисунок, приобретен Пушкиным в Одессе и подарен Вяземской. Приобретен у Валуевых в Зубцове.

9. Бумажник для подорожных. Приобретен Александром Раменским у Соллогуба.

10. Вид на р. Тьму в Бернове. Акварель подарена нашей семье И. И. Левитаном в 1893 году.

11. Медная гривна, подарок нищих Святогорского монастыря на помин поэта. Подарок монастыря.

12. Обложка от книги с записью записанных стихов Пушкина, принадлежала Ал. Ал. Раменскому.

13. Амулет Будды — подарок Алекс. Серг. Пушкина семье Вревских. Подарены Вревскими нашей семье в 1863 году» (*Пьянов* 1979: 209–210).

«Пушкинские мемории, состоявшие из различных предметов, были сложены в обитую зеленым бархатом железную коробку, к внутренней стороне ее крышки приклеен лист белой бумаги с написанным от руки

текстом» (*Невская* 2005: 248) В тексте содержимое коробки аттестовалось как «коллекция личных вещей, принадлежавших великому поэту», и указывалось, что семья учителей Раменских 7 сентября 1863 г., в ознаменование столетия своей деятельности, решила посвятить себя разысканию и сохранению для потомков пушкинских реликвий. Собранные трудами многих Раменских, коллекция была в годы войны спасена и впоследствии полностью восстановлена Антонином Раменским, о чем свидетельствовал его отец, «учитель Аркадий Раменский» в 1957 г., в Москве. Рядом с подписью учителя была подклеена отдельная бумажка, на коей указывалось, что учитель он не простой, а «заслуженный учитель школ РСФСР»². Завершал текст список вещей, идентичный по содержанию списку из сопроводительного письма. Невская уточняет, что «в этом списке не значится <находившаяся в коробке серебряная> чайная ложечка, “нашедшаяся”, вероятно, несколько позднее и приобщенная к коллекции». Михаил Маковеев, журналист «Красной звезды», самый последовательный и активный пропагандист проекта Раменского, позднее цитировал «воспоминания Н. Я. Смолькова» (внучатого дяди Раменского), в коих было сказано, что «Среди коллекции вещей Пушкина большую ценность представляют: рубашка, полотенце, чашечка, перочистка, ложечка, игр. кости, Будда и многое другое. Издатель Суворин предлагал за эту коллекцию 25 тыс. руб.» (*Маковеев* 1985: 235).

Книги и этюд поступили, разумеется, отдельно от коробки, кроме того, «предметы, связанные с творчеством поэта — перо, перочистка и бумага с золотым обрезом — кем-то из Раменских были отделены от остальных и помещены в небольшую коробку, также обитую бархатом, только темно-красным. Перо, традиционно несколько обгрызанное (привычка поэта грызть перо во время работы хорошо известна), прикреплено к плотному листу бумаги, на котором два автографа. Первый из них — с ерами, ятями и характерными речевыми анахронизмами: “Сие дорожное перо Александра Сергеевича Пушкина принадлежавшее вдове коллежского асессора Анне Петровне Марковой-Виноградской июля 10 дня 1879”. Подпись неразборчива, так как на нее “наехала” печать. Под пером другим почерком: “В 1828 году сим пером А. С. Пушкин писал в имении г. Вульфов Малинниках VII главу Евгения Онегина и другие стихи”. На внутренней крышке коробки надпись: “Личные вещи А. С. Пушкина. Эти вещи собраны в Старицком уезде Тверской губ. учителем П. Ф. Раменским”» (*Невская* 2005: 249).

Как водится, дар сопровождали «первоисточники» — подборка писем. «Вместе с пушкинской коллекцией, размещенной в двух коробках, в ГМП поступила переписка Раменских начала 1920-х годов, где речь шла о вышеперечисленных предметах, о коробке, в которой они хранились, о многочисленных автографах поэта, будто бы позаимствованных у Раменских для подготовки пер-

² А. Н. Раменский получил это звание только 11 ноября 1965 г., за пару лет до смерти и уже после того, как «ленинские» и «пушкинские» подлоги его сына получили признание, как и легенда о «двухсотлетней учительской династии» (ГА РФ. Ф. А385. Оп. 20. Д. 4326).

вого послереволюционного собрания сочинений поэта и бесследно исчезнувших. Действующие лица переписки — Николай Пахомович Раменский, его родственница из Торжка Екатерина Михайловна Преображенская, владелица пушкинской коллекции в то время, ее племянница Маша, комиссар литературно-издательского отдела КНП П. И. Лебедев-Полянский. Любопытно отметить, что 83-летняя Екатерина Михайловна не только сохранила твердость почерка, но и ни разу не ошиблась в правилах новой орфографии, введенных в 1917 году» (Невская 2005: 249–250). Поскольку авторами писем были мало либо вовсе неизвестные никому люди, нужды в традиционных для Раменского копиях писем знаменитостей на форзацах и обложках книг не было, письма были «оригиналами».

Вера Александровна Невская любезно поделилась со мной сведениям о «переписке Раменских», которые я здесь и привожу³: «в музей пришло 7 писем, адресованных Николаю

Пахомовичу Раменскому и датированных началом 1920-х годов. Два из них написаны Екатериной Михайловной Преображенской⁴, четыре — ее племянницей Машей Раменской⁵ и одно — Анной Евграфовной, вдовой “одного из Вульфов, живших в Бернове”, как сказано в коротком комментарии к письму.

Из этих писем выявляется принадлежность Екатерины Михайловны Преображенской к роду Раменских. Генеалогическая цепочка такова: у Алексея Даниловича Раменского, который начал учительствовать в Мологине в 1763 году, было два сына:

— Алексей Алексеевич (от него идет линия: Пахомий Алексеевич⁶, Николай Пахомович, Аркадий Николаевич и Антонин Аркадьевич) и

— Александр Алексеевич⁷.

У Александра Алексеевича было тоже два сына — Михаил и Федор. Екатерина Михайловна — дочь Ми-

³ Источником является электронное письмо Веры Александровны, полученное мной 20 мая 2019 г.

⁴ «Тетка Преображенская из Торжка» есть абстракция от общего представления А. А. о действительно проживавших в Торжке родственниках, хотя он и неправильно представлял или сознательно искажал реальную степень их связности с семьей его деда. Из ревизских сказок духовенства села Мологино и метрических книг Преображенской и иных церквей Старицкого уезда следует, что речь может идти о вдовах братьев матери Николая Пахомовича Раменского — Анисье Александровне, урожденной Лебедевой, и Любви Сергеевне, урожденной Тарховой. Дожили ли в действительности эти женщины до 1917 г., я пока не знаю, но указанный возраст подходит к обоим. Изменение имен родственников Раменскому свойственно, тем более что в данном случае это имя-отчество и местожительство Е. М. Бакуниной, которая в мифологию Раменского тоже включена.

⁵ У Анисьи Преображенской была дочь Мария, в замужестве Кавская, т. е. если речь о Л. С. Преображенской, то это, скорее всего, и есть «племянница Маша».

⁶ Судя по ошибочному именованию Пахомия «Алексеевичем», Раменский использовал в комментариях к письмам генеалогическую схему, которая была построена еще на заре его проекта. О том, что его прадед был Федоровичем, А. А. узнал только в 1965 г. и далеко не во все свои артефакты внес исправления. В дальнейшем у основателя рода мологинских учителей появился третий сын — Федор (Маковеев 1985: 221).

⁷ Александр Раменский, по мысли своего создателя, «основатель» берновской ветви рода, линии, связывающей Раменских с усадьбой Вульфов, частым гостем которых был А. С. Пушкин.

хаила Александровича Раменского, имевшего еще сыновей Николая и Александра⁸. Племянница Маша Раменская, возможно, дочь одного из родных братьев Екатерины Михайловны.

Из писем Екатерины Михайловны Преображенской следует, что в конце XIX века пушкинская коллекция, собранная Раменскими, находилась у ее брата Николая (о нем сказано в комментарии, что был литератором⁹). После смерти Николая коллекция перешла к Екатерине Михайловне, а она, в свою очередь, передавала ее Николаю Пахомовичу Раменскому через племянницу Машу. Собственно этой передаче и посвящены ее письма. В них она также кратко излагает историю собирания коллекции, что выглядит довольно странно, ведь трудно предположить, что Николай Пахомович этой истории не знал¹⁰. <...>

⁸ Брат Александр Михайлович — «герой войны с турками» и «гражданский муж Юлии Вревской» из известного письма сына Пушкина Пахомию Раменскому. См. (Макоеев 1985). В данном случае А. А., скорее всего, заимствовал имя из биографии Некрасова — так звали учителя истории ярославской гимназии, в которой обучался Некрасов. Вообще, имена своих бесконечных родственников во всех концах России А. А. подбирал по адрес-календарям и памятным книжкам, совершенно не считаясь с хронологией.

⁹ «Литератор Николай Раменский» — на самом деле Николай Иванович Виноградов (1863 — ум. ок. 1920), выпускник Императорского Московского университета (1886), педагог, впоследствии директор Московской 3-й мужской гимназии, д.с.с. с 1909 г., писатель, сотрудник «Русского богатства», автор романов «Доктор Сафонов» (М., 1889), «Братья изгой» (М., 1895) и рассказа «Замок» (М., 1901), напечатанных им под псевдонимом Н. Раменский. Он приятель Короленко и корреспондент Льва Толстого, но, конечно, к Раменским не имеет никакого отношения. Биографические сведения о нем мизерны, что и побудило А. А. использовать это имя. Впрочем, возможно, он действительно не понимал, что «Н. Раменский» — это псевдоним. Виноградов, конечно, существенно младше «тетки Преображенской», судя по хронологии его деятельности.

¹⁰ По словам А. А., упоминаемый выше Александр Раменский служил учителем в Берново и встречался с Пушкиным. Судя по всему, на момент написания писем Антонин Раменский склонен был приписывать основную заслугу в составлении «пушкинской коллекции» так называемой «берновской» ветви своего рода. В Берново действительно долгое время служил псаломщиком Алексей Раменский, но это было уже при Николае II, причем сам псаломщик в родстве с мологинскими Раменскими не состоял, а в 1828 г. никаких Раменских в составе причта церкви в Берново не встречается. Источником этих сведений послужили статистические справочники по старицкому духовенству за разные годы.

¹¹ Замечу, что нечитаемость «подлинного» артефакта и сопровождение его машинописной копией — классический и обычный прием А. А. Так что машинописный вариант, скорее всего, подготовлен вовсе не сотрудниками музея, хотя категорически настаивать на этом, конечно, нет оснований.

Большая часть писем плохо читается — бумага с многочисленными разрывами, чернила почти выцвели. Сохранился их машинописный вариант, выполненный, по-видимому, сотрудниками музея в то время, когда коллекция пришла в музей. Краткие комментарии к письмам были сделаны со слов Антонина Аркадьевича Раменского» (*Невская* 2005: 250)¹¹.

Доказательства аутентичности даримого письмами не исчерпывались. «Еще одним источником сведений о полученных музеем вещах служат своего рода этикетки, выполненные неизвестной рукой и прикрепленные к предметам. Например, “Сия чашечка — дар Александру Пушкину от его дяди Василия Львовича в 1801 году”. Присутствуют незначительные разночтения между этими тремя документами (списком, письмами и этикетками); они касаются дати-

ровок и источников поступления предметов в коллекцию. Кроме того, о книге А. П. Степанова “Постоялый двор” шла речь в собственноручном письме М. И. Муравьева-Апостола к Ф. А. Раменскому, а о “любимой перочистке отца” — в письме старшего сына поэта А. А. Пушкина к П. Ф. Раменскому¹². Сами письма были, конечно, утрачены во время Великой Отечественной войны, но их текст сохранился благодаря довоенному “Акту о педагогической и общественной деятельности семьи учителей Раменских”, опубликованному М. Маковеевым в 1985 году в журнале “Новый мир”...» (Невская 2005: 250) Интересно отметить констатируемые специалистом неизменные для Раменского различия в описаниях событий и артефактов, если ему доводилось делать их более одного раза. Характерно, что это никогда никого, как и в этот раз, не смущало.

Формально музей должен был провести экспертизу даров. Это было сделано, и результаты ее Невская приводит. «Экспертиза подаренных в ГМП вещей, проводившаяся специалистами ГИМа, Третьяковской галереи, Литературного музея, показала, что часть предметов, а именно: фарфоровая чашечка, перочистка, японский рисунок, фигурка Будды — относятся к концу XIX — началу XX века, а на “пушкинской” ложечке клеймо “1915”. Остальные вещи эксперты датировали концом XVIII — началом XIX века. Протокол заседания фон-

довой комиссии ГМП от 17 апреля 1975 года гласил: “Полагать подлинными мемориальными вещами и в этом качестве экспонировать детскую распашонку, перо гусиное, полотенце, подсвечник, игральные фишки, медную гривну, книгу (роман А. П. Степанова “Постоялый двор” СПб., 1835, ч. II, обложку неизвестной книги с записью стих. Пушкина “В Сибирь”). <—> Вещи более поздние, не имеющие мемориальной ценности, хранить как возможные свидетельства о тех мемориях, которые прежде были в коллекции, но со временем утрачены”» (Невская 2005: 250).

Неискушенного в музейном деле человека результаты экспертизы и, главное, ее выводы, пожалуй, что и смутят. Экспертиза констатирует, что значительную часть дара составляют откровенные подлоги. Из перечня подлогов очевидно, на наш взгляд, что таковыми оказались все вещи, датировать которые было возможно по результатам внешнего осмотра. Казалось бы, после этого можно ожидать, что будет назначена более тщательная экспертиза и тех вещей, внешний осмотр которых не позволяет датировать их более-менее узким диапазоном времени. Однако нет, несмотря на наличие в составе коллекции явных подлогов, все вещи, которые «могли датироваться пушкинскими временами», именно так и были датированы, хотя льняную ткань и птичье перо можно было бы исследовать и специальными методами.

¹² Попытку дезавуировать подлинность письма сына Пушкина предпринял в кон. 70-х гг. известный пушкинист В. М. Русаков, который, по его словам, «счел своим долгом еще в феврале 1976 года отправить в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР подробный критический разбор этого “документа”» (Русаков 1998: 7–8). К сожалению, обнаружить письмо Русакова в архиве Пушкинского Дома пока не удалось.

Однако вывод, что подлоги следует «хранить как возможные свидетельства о тех мемориях, которые прежде были в коллекции», показывает, что так вопрос вообще не ставился. Эксперты, делая подобный вывод, прямо расписываются в осознании того, что Раменский их обманывает, и указывают, что это нормально, ведь раньше такие вещи в коллекции, наверняка, были, но утрачены. А почему были? Ну, вот же, нечитаемые подлинники писем, в копиях которых, сделанных кем-то, они упоминаются. То есть тот факт, что к птичьему перу была приложена перочистка для металлических перьев, вызвал у экспертов и специалистов только волну сочувствия к инвалиду-энтузиасту...

Об этюде Левитана эксперты не говорят, либо Невская не приводит эти сведения. Однако никаких следов этого этюда найти не удастся. Картина «У омута» очень известна и популярна, в литературе о ней упоминаются четыре этюда или эскиза, из них только один выполнен акварелью, сепией и тушью. История всех их известна, ни один из них не является акварелью Раменского¹³. Где же она? Лежит безвестно в фондах музея Пушкина? Пьянов, рекламируя акварель, замечает, что подлинность ее подтверждали две надписи — «Левитан» и «Берново» (Пьянов 1979: 258). Отметим, что художник подписывал картины «И Левитанъ»,

кроме того, на самой картине «У омута» проставлен год, но никак не место, и, кажется, Левитану такое и не было свойственно, тем более что жил он тогда в Покровском, а к реке Тьме у поселка Затишье приезжал смотреть и работать. Хотя Затишье и располагалось смежно с территорией имения Берново, но далеко не факт, что художник вообще идентифицировал место таким образом, если бы ему вздумалось место указать. Однако на других этюдах указание на место отсутствует¹⁴. Резюмируя, отметим, что, судя по всему, акварель Раменского специалистам все-таки показали, посему в связи с картиной «У омута» никто этот этюд и не вспоминает. Вопрос, было ли это сделано уже в 1975 г.

Невская писала свою работу сразу после публикаций Козлова (Козлов 2001), что, очевидно, сказалось на ее стиле и выводах. Она констатирует, что «если мемориальность хранящейся в музее пушкинской коллекции Раменского — очевидный миф, то сам факт ее появления, тематика предметов, их явная символичность являются ценным памятником восприятия Пушкина. Автор коллекции составил из «меморий» своеобразную биографию поэта, начинающуюся с его детских лет и заканчивающуюся поминовением в Святогорском монастыре, в этой биографии оказались

¹³ Один этюд и эскиз карандашом находятся в ГТГ, другой этюд и эскиз акварелью в частных собраниях.

¹⁴ Любопытно свидетельство из недавно опубликованных воспоминаний Ольги Николаевны Вульф, внучки одного из гостеприимцев Пушкина. Рассказывая на свой лад легенду об утопившейся дочери мельника Наташе, она замечает: «Место гибели Наташи до сих пор называлось “Наташин омут”, и был в моем присутствии написан довольно большим этюдом художником Левитаном. Не смешивать с другой большой картиной Левитана “У омута”, находящейся в Третьяковской галерее и взятой на новом омуте в расстоянии нескольких саженей от старого» (Вульф 2006: 23). Такой этюд, кажется, в настоящее время неизвестен.

отражены и дружба с декабристами, и связь с народом, и любовь к путешествиям, и увлечение карточной игрой, но главное место в ней занял образ Пушкина-творца» (*Невская* 2005: 252). Таким образом, опытный методист последовательно ищет дальнейшие пути эксплуатации скомпрометированных артефактов, подбирая аргументы, пригодные для обоснования их ценности несмотря ни на что...

Несколько лет спустя после публикации Невской коллекция Раменского стала центральным элементом экспозиции выставки «Поэзия Пушкинского мифа», проходившей с 10 февраля до 30 июня 2010 г. В описании экспозиции цитируется текст Невской и прямо говорится, что «ярким примером очевидной мифологизации предметов служит коллекция пушкинских меморий, подаренная музеем в начале 1970-х А.А. Раменским, потомком известной династии тверских учителей».

Тем не менее еще несколько лет спустя представления об аутентичности части вещей коллекции были возрождены. В июне 2013 г. на Старой Басманной был открыт дом-музей Василия Львовича Пушкина, филиал музея, и с Пречистенки были привезены туда многие мемориальные вещи, среди которых неожиданно оказались льняная распашонка Саша Пушкина и холщовое полотенце Арины Родионовны с домотканым орнаментом, ставшие базовыми артефактами комнат второго, антресольного этажа нового музея, причем распашонка представлена теперь не иначе как «крестильная рубашка» (см. фото).

Все публикации о музее на протяжении четырех лет его существования сопровождаются откровенной рекламой этих предметов, хотя журналисты обычно не скрывают, что им известен сомнительный характер их происхождения — «...можно увидеть и распашонку, хранившуюся в семье Пушкиных. Носил ли ее в младенчестве Александр — еще вопрос, но время, когда она сшита (конец XVIII века), указывает на это. Увидеть “пушкинскую” распашонку можно в Москве доме Василия Пушкина на Старой Басманной. Стало общим местом повторять фразу о гоголевской шинели, из которой вышли все русские писатели. А вот из пушкинской распашонки вышли все маленькие дети: их гениальность скрыта от нас так же глубоко, как была скрыта до поры (даже от родителей!) и гениальность Александра Сергеевича» (*Шаверов* 2014).

Или: «...есть в экспозиции этой комнаты и уникальные предметы — крестильная младенческая распашонка, в которой по легенде могли крестить А.С. Пушкина, полотенце с вышивкой ручной работы, возможно, сделанной рукой Арины Родионовны. Принадлежали ли эти вещи семье поэта, достоверно неизвестно — возможно, это миф, который пришел от владельцев и дарителей этих меморий. Но так хочется в него поверить — так же, как в мир Василия Львовича Пушкина, который сегодня воссоздан на Старой Басманной» (*Соколова* 2016).

И наиболее характерное, на наш взгляд, представляющее *credo* музейных работников — «Кто знает, может быть, распашонка Пушкина и не

принадлежала Пушкину, а полотенце, вышитое Ариной Родионовной, было вышито кем-то иным. Но именно здесь знают, что мифы иногда не менее важны, чем подлинные факты. За годы существования музея здесь вывели два закона. Первый — буквальной мемориальности почти не бывает. Умение воссоздать эпоху бывает важнее подлинника. А второй — наибольший трепет вызывает зачастую не просто подлинная вещь, а вещь, обессмерченная словом» (*Коробкова 2017*).

Таким образом, высказанная некогда Пушкиным в поэтической форме мысль о соотношении «тьмы низких истин» и «возвышающего обмана»

вновь подтверждается и показывает свою актуальность.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Егорова 2013 — *Егорова Елена*. Собянин в гостях у Пушкина // Московский комсомолец. 2013, 7 июня.

Коробкова 2017 — *Коробкова Евгения*. Вещи, обессмерченные словом // Вечерняя Москва. 2017. 10 февраля.

Соколова 2016 — *Соколова Наталья*. В какой распашонке крестили Пушкина // Российская газета. 2016. 27 апреля.

Шаверов 2014 — *Шаверов Дмитрий*. Распашонка Пушкина // Российская газета. 2014. 5 июня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вульф 2006 — Вульф О.Н. Берновские воспоминания о Пушкине А.С. // Культурология. 2006. № 2 (37). С. 14–28.

Дилженская 1974 — Дилженская Н. Загадка старой книги // Наука и жизнь. 1974. № 5. С. 112–115.

Козлов 2001 — Козлов В.П. «Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «акте» драматической судьбы Раменских // Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: Росспэн, 2001. С. 137–171, 219–221.

Маковеев 1985 — Обратить в пользу для потомков... / публ. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212, № 9. С. 218–236.

Невская 2005 — Невская В.А. Пушкинские мемории в собрании А.А. Раменского. Миф и реальность // Михайловская пушкиниана: сборник статей научных сотрудников Музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» / М-во культуры Рос. Федерации. Гос. мемор. ист.-лит. и природ.-ландшафт. музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»; науч. ред. В.С. Бозырев. Вып. 37. 2005. С. 247–252.

Пьянов 1979 — Пьянов А.С. «Мои осенние досуги»: [Пушкин в Тверском крае]. М.: Моск. рабочий, 1979.

Русаков 1998 — Русаков В.М. Моя тропа к Пушкину: 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина посвящается. Псков: Псковский областной институт повышения квалификации работников образования, 1998.

ANTONIN RAMENSKY: DIAPER OF THE GREAT POET

Rybalka Andrey A. — Head of Department of Implementation of Systems and Means of information security, Scientific and Production Company “Kristall” (Penza)

Key words: mystification, hoax, Pushkin museum, gift, expertise, Pushkin and the Ramenskys.

Abstract. The paper sets forth the details of one of the late hoaxes by Antonin Ramensky (1913–1985), the author of the ambitious hoax “The Teachers’ Dynasty of Ramenskys”. In this episode the hoaxer presented a collection of memorial items from the personal archive of the Ramensky family allegedly associated with A.S. Pushkin. The author highlights the act of donating the artifacts and their subsequent fate as exhibition items of the Pushkin museum, unexpectedly retaining relevance, despite the evidence of mystification.

REFERENCES

Diligenskaia N. Zagadka staroi knigi. *Nauka i zhizn'*, 1974. no. 5. pp. 112–115.

Kozlov V.P. “Bestsennoe sobranie rukopisei i knig” v poslednem “akte” dramaticheskoi sud’by Ramenskikh. *Obmanutaia, no torzhestvuiushchaia Klio: podlogi pis’mennykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XX veke.*

Moscow: Rosspen, 2001, pp. 137–171, 219–221.

Nevskaia V.A. Pushkinskie memorii v sobranii A.A. Ramenskogo. Mif i real’nost’. *Mikhailovskaia pushkiniana: sbornik statei nauchnykh sotrudnikov Muzeia-zapovednika A.S. Pushkina “Mikhailovskoe”*, M-vo kul’tury Ros. Federatsii. Gos. memor. ist.-lit. i prirod.-landshaft. muzei-zapovednik

A. S. Pushkina "Mikhailovskoe"; nauch. red. V. S. Bozyrev. Vyp. 37. 2005, pp. 247–252.

Obratit' v pol'zu dlia potomkov..., publ. M. Makoveeva. *Novyi mir*, 1985, no. 8, pp. 195–212, no. 9, pp. 218–236.

P'ianov A. S. "Moi osennie dosugi": [Pushkin v Tverskom krae]. Moscow: Mosk. rabochii, 1979.

Rusakov V. M. *Moia tropa k Pushkinu: 200-letiiu so dnia rozhdeniia A. S. Pushkina posviashchaetsia*. Pskov: Pskovskii oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniia, 1998.

Vul'f O. N. Bernovskie vospominaniia o Pushkine A. S. *Kul'turologiia*, 2006, no. 2 (37), pp. 14–28.

ЗАГАДКИ «ПИСЕМ ИЗ-ПОД ВИСЕЛИЦЫ» КОНСТАНТИНА КАЛИНОВСКОГО

Ключевые слова: Константин Калиновский, «Письма из-под виселицы», восстание 1863 г., источниковедение, Агатон Гиллер.

Аннотация. В статье анализируется история так называемых «Писем из-под виселицы» — трех текстов, написанных Константином Калиновским, одним из руководителей восстания 1863 г. на территории Северо-Западного края Российской империи. Автор доказывает, что у наиболее известного из этих «писем» (известном в историографии по первым строчкам «Братья мои, мужики родные...») существовало два автографа, соотносившихся между собой как черновик и беловик. Также в статье обосновывается новая гипотеза о времени написания «Писем из-под виселицы».
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-266-278

«Я тебе из-под виселицы говорю, Народ, что тогда только заживешь счастливо, когда над тобой Москаля уже не будет». Так звучат строки, написанные рукой Константи́на Викентия Калиновского, одного из руководителей восстания 1863 г. на территории Северо-Западного края Российской империи (ныне эти земли входят в состав сразу трех государств — Белоруссии, Польши и Литвы). В конце января 1864 г. находившийся на нелегальном положении Калиновский был арестован российскими властями и после непродолжительного следствия приговорен к казни через повешение; приговор был приведен в исполнение 10 (22) марта 1864 г. Считается, что, находясь в заключении, бывший руководитель восстания написал три

текста — своеобразное предсмертное завещание своим соратникам и потомкам. В историографии эти тексты традиционно именуется «Письмами из-под виселицы» (*бел.* «Пісьмы з-пад шыбеніцы»); процитированные строки завершают последнее, третье «письмо».

В советское время столь неполиткорректно звучащие строки либо опускали при цитировании (напр.: *Смірної* 1959: 176; *Шалькевич* 1988а: 206), либо фальсифицировали, заменяя при переводе слово «москаль» на слово «царь» (напр.: Калиновский 1988: 93). Советские идеологические органы рассматривали Калиновского как выдающегося белорусского революционера-демократа, сторонника прогрессивных левых

© А. Р. Дюков, 2020

Дюков Александр Решидеович — научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); a.dyukov@gmail.com

идей (Гронский 2008: 82–83; Шумейко 2013: 216–219). И хотя большую часть приписываемых Калиновскому публицистических текстов занимают именно инвективы в адрес «москалей» (Радзiк 2009: 119–122; 2012: 271–274), в советское время они считались маловажными для понимания образа революционера, объявленного *«выразителем и последовательным защитником интересов угнетенного и бесправного белорусского крестьянства»* (Шалькевич 1988а: 33).

В наше время нападки на «москалей», напротив, зачастую рассматривают как квинтэссенцию общественно-политической позиции К. Калиновского. В изданном в 2020 г. белорусской редакцией «Радио Свобода» («Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода») популярном очерке взглядов Калиновского «Письма из-под виселицы» характеризуются как *«национально-политический манифест и личный завет Калиновского будущим поколениям. В нем содержатся геополитические, экономические и культурно-образовательные постулаты, выполнение которых может спасти белорусский народ от исторической смерти»* (Аб-ламейка 2020: 87). Строчка *«...тогда только заживешь счастливо, когда над тобой Москаля уже не будет»* объявлена в этом издании одним из десяти сформулированных революционером основных постулатов белорусской национальной идеи: *«Калиновский называет самую главную геополитическую угрозу для существования Беларуси и белорусского народа. Это — “москаль”, Россия»* (Там же: 94).

Споры о личности Калиновского и содержании его идейного наследия идут достаточно активно. А вот с из-

учением истории бытования приписываемых Калиновскому текстов дело обстоит гораздо хуже; особенно наглядно это видно на примере упомянутых «Писем из-под виселицы». Несмотря на то, что «Письма» упоминаются в любой посвященной Калиновскому работе, практически единственное последовательное изложение их истории принадлежит известному белорусскому исследователю Г.В. Киселеву и скрыто от досужего взгляда в комментариях и примечаниях к вышедшему в 1999 г. сборнику «трудов и документов» Калиновского (Каліноўскі 1999: 302–306; Кісялёў 1999: 273–277). Между тем, по нашему глубокому убеждению, именно источниковедческое изучение «Писем из-под виселицы» открывает принципиально новые перспективы для понимания личности Калиновского и его идейного наследия.

***

На первый взгляд, история «Писем из-под виселицы» представляется предельно простой. В 1867 г. Агатон Гиллер, один из бывших руководителей восстания, известный чрезвычайно активной публицистической деятельностью, опубликовал в Париже первый том книги «История восстания польского народа в 1861–1864 гг.», в документальном приложении к которому были помещены три текста под общим названием «К народу белорусскому. Письмо из-под виселицы Константина Калиновского» («Do ludu białoruskiego. Pismo z pod szubienicy Konstantego Kalinowskiego»). Отдельных подзаголовков у этих текстов не было, и потому в историографии их обычно

называют по началу первых строчек. Первый текст («И до нашего уголка долетела ваша газетка...») представлял собой весьма объемную передовицу, предназначенную для печати в какой-то нелегальной повстанческой газете; второй («Марыська чернобровая, голубка моя...») — стихотворение из 20 строк; третий («Братья мои, мужики родные...») — предсмертное обращение к крестьянам от имени «Яська, хозяина из-под Вильно» — персонажа, от лица которого в 1862–1863 гг. К. Калиновский и его товарищи выпускали листовки «Мужицкая правда». Все три текста были опубликованы по-белорусски латинским шрифтом — в точности как и упомянутая «Мужицкая правда» (Giller 1867: 327–335). В примечании к основному тексту первого тома Гиллер упоминал, что публикуемые документы «Калиновский незадолго до смерти написал и прислал в наши руки для печати» (Ibid.: 176).

Опубликованные А. Гиллером три текста, несмотря на предпосланное им название «Письмо из-под виселицы», совершенно очевидно не были единым документом, поэтому в историографии утвердилось немного другое общее наименование — «Письма из-под виселицы». На протяжении более ста лет «Письма» были известны исключительно по публикации Гиллера¹, однако в 1980 г. в научный оборот был введен обнаруженный в Национальной библиотеке в Вар-

шаве автограф третьей части «Писем», написанный рукой К. Калиновского (Казбярук 1980). Впоследствии этот автограф (BN. Rps 7827 II: 58–59) неоднократно публиковался (Калинойські 1999: 46), в том числе факсимильно (последний пример см.: Абламейка 2020: 114–117).

На первый взгляд, все кажется очень простым и логичным: в распоряжении А. Гиллера имелись автографы трех написанных К. Калиновским частей «Писем», один из этих автографов дошел до наших дней. Однако простота эта мнимая.

Сравнение опубликованной А. Гиллером третьей части «Писем» («Братья мои, мужики родные...») и обнаруженного в Национальной библиотеке в Варшаве автографа той же третьей части позволяет обнаружить различия, которые не сводятся к обычной для публикации иноязычных текстов разнице в написании отдельных слов. Речь идет о содержательных различиях (см. табл. 1).

Белорусский исследователь Г. В. Киселев, впервые обративший внимание на эти различия, отмечал, что возможны два объяснения. Во-первых, при публикации текста Гиллер мог отредактировать его, внося свои правки. Во-вторых, «может быть выдвинута и гипотеза о существовании второго автографа Калиновского» (Кісяллёў 1999: 276).

¹ Высказанное Г. В. Киселевым (Калинойські 1999: 302) предположение о том, что приведенные в публикации В. Ластовского (Ластойські 1916) варианты второго и третьего текстов «Писем» могут восходить к какой-либо неизвестной их копии, представляются несостоятельными. Проведенный нами текстологический анализ показывает, что опубликованные В. Ластовским варианты текстов в точности соответствуют публикации А. Гиллера — за исключением нескольких политически мотивированных правок. Как уже замечали исследователи (Гронский 2008: 82–83), речь идет о прямой фальсификации текстов В. Ластовским.

**Содержательные разночтения вариантов текста
«Братья мои, мужики родные...»**

Автограф (BN. Rps 7827 II: 58–59)	Публикация А. Гиллера (Giller 1867: 334–335)
<i>Tahdy jon tolko mahczymie życi u bahactwie pa praudzie, tahdy jon tolko pamaliuszus Bohu zasłużyć Niebo, kali zbahacic naukoj rozum, razawie serce i radniu celu sercom palubie.</i>	<i>Tahdy jon tolka może być u radzie, życi u dastatkach i tahdy tolko pamaliuszysia po praudzie Bohu zasłużyć Niebo, bo zbahaciuszy naukoj rozum, razauje serce, i radniu celu szczyro palubić.</i>
<i>...idzi wajaŵaci za swaje czetwieczoje i narodnoje prawo, za swaju ziarnu radnuju.</i>	<i>...idzi wajaŵaci za swaje czetwieczoje i narodnoje prawo, za swaju wieru, za swaju ziarnu radnuju.</i>

Какое из предложенных Г. В. Киселевым объяснений выглядит более правдоподобно?

Теоретически мы, конечно, можем предположить, что А. Гиллер при публикации с неизвестной целью отредактировал текст «Писем» — однако доказательств этому никаких нет. А вот аргумент в пользу того, что редактуры не было, привести можно. В тех же приложениях к первому тому «Истории восстания польского народа» Гиллера приводится еще один документ, часто связываемый с именем К. Калиновского, — пропагандистская листовка «Письмо Яська, хозяина из-под Вильно, к мужикам земли польской» («Pismo ad Jaśka haspadara z pad Wilni da muzykou ziemli polskoj»)². Проведенное нами сравнение публикации «Письма Яська» в книге Гиллера (Giller 1867: 326–327) с копией этого же «Письма» в использовавшемся Гиллером рукописном каталоге повстанческой

прессы Станислава Писарского³ (BN. Rps 6549 IV: 47–48) показало отсутствие содержательной редактуры⁴. Представляется весьма сомнительным, чтобы при одновременной публикации двух приписываемых К. Калиновскому документов Гиллер стал бы один подвергать редактуре, а второй — нет.

Рассмотрим теперь второе объяснение, предложенное Г. В. Киселевым. Существуют ли доказательства того, что автографов третьей части «Писем из-под виселицы» изначально было два? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно попытаться разобраться в архивной истории автографов «Писем из-под виселицы». Исходная точка нам известна — к 1867 г. автографы писем находились у опубликовавшего их А. Гиллера. Далее, как отмечает В. Ф. Шалькевич (Шалькевич 1988а: 204), автографы вместе с другими бумагами историка были переданы на хранение в польскую библиотеку

² Мы не рассматриваем здесь вопрос об авторстве данной листовки; этому вопросу планируется посвятить отдельную публикацию.

³ Стоит упомянуть, что С. Писарский был свояком (мужем сестры) А. Гиллера (Кисляёв 1994).

⁴ Существенных различий у публикации Гиллера с использовавшимся им источником было выявлено только два: во-первых, во фразе «вечного нашего неприятеля» пропущено слово «нашего», а во-вторых, фраза «настал уже час, Божий час» сокращена до «настал час Божий». Это не редактура, а ошибки, допущенные при переписывании текста.

в Рапперсвилле (Швейцария) — учреждение, некогда созданное при активном участии Гиллера. В 1927 г. фонды библиотеки в Рапперсвилле были переданы в Польшу и включены в состав Национальной библиотеки в Варшаве. В 1938 г. сотрудниками Национальной библиотеки был опубликован каталог рукописей из Рапперсвилля, в котором под номером 1865 значилось увесистое (424 страницы) дело с «*материалами биографическими об участниках январского восстания 1863–64*»; среди прочих в описании этого дела было указано имя К. Калиновского (Katalog 1938: 276). По мнению В. Ф. Шалькевича, именно в этом деле и хранились автографы «Писем из-под виселицы» (Шалькевич 1988а: 204). Возможно, однако, что это предположение неверно и автографы «Писем» хранились в другом деле из фондов Рапперсвилля; в том же каталоге под номером 1893 значатся рукописи и подготовительные материалы к «Истории восстания польского народа» А. Гиллера — общим объемом в 2462 страницы (Katalog 1938: 290). Как бы то ни было, не вызывает сомнения, что использованные А. Гиллером автографы «Писем» находились именно в Рапперсвилльском собрании в составе Национальной библиотеки в Варшаве.

Обнаруженный в 1980 г. автограф третьей части «Писем» также хранится в Национальной библиотеке в Варшаве, однако находится в деле, не имеющем абсолютно никакого отношения ни к А. Гиллеру, ни к Рапперсвилльскому собранию. Дело под названием «*Материалы относительно событий январского восстания в Литве*» (BN. Rps 7827 II) попало

в Национальную библиотеку из личного архива Людвика Яновского — польского историка, в 1919–1921 гг. работавшего в Виленском университете (в том числе на должности директора университетской библиотеки). Кончина Яновского была безвременной — он умер в ноябре 1921 г. в возрасте 43 лет (Журавлева 2004: 34–36). К тому времени Рапперсвилльское собрание еще не было передано в Польшу, а, следовательно, отложившиеся в этом собрании автографы «Писем из-под виселицы» из бумаг А. Гиллера даже теоретически не могли оказаться в личном архиве Яновского. Тем не менее автограф третьей части «Писем» в архиве Яновского имелся. Получается, что автографов все-таки было два.

Дальнейшая судьба этих автографов представляется вполне прозрачной. Большая часть Рапперсвилльского собрания погибла в 1944 г. во время Варшавского восстания; по всей видимости, среди прочих погибли и дела, в которых хранились использованные А. Гиллером автографы «Писем из-под виселицы» (Шалькевич 1988а: 204). А вот автограф из архива Л. Яновского уцелел и теперь повсеместно известен. В дальнейшем мы будем именовать автографы третьей части «Писем» из личных архивов А. Гиллера и Л. Яновского, соответственно, *Автограф 1* и *Автограф 2*.

Как же соотносились между собой два этих автографа? Г. В. Киселев предположил, что второй автограф мог быть написан Калиновским уже после того, как первый был передан из тюрьмы на волю: «*Не уверенный, что его прощальное обращение дошло до верных людей, он через некоторое*

время мог восстановить по памяти и послать на волю новый вариант» (Кисляёв 1999: 276). Это предположение, на наш взгляд, является ошибочным. Текстологическое сравнение публикации А. Гиллера с автографом из архива Л. Яновского позволяет увидеть, что абсолютно вся имевшаяся в автографе правка (вычеркивание и замена слов, изменение их порядка) присутствует в публикации Гиллера уже во внесенном виде. Представляется крайне сомнительным, что столь точное воспроизведение не только основных идей текста, но и порядка слов возможно по памяти. Гораздо более вероятно, что при написании Автографа 1 (впоследствии оказавшегося у А. Гиллера) Калиновский имел у себя на столе Автограф 2 (впоследствии оказавшийся в архиве Л. Яновского).

Последовательность появления автографов, на наш взгляд, выглядит следующим образом:

- Калиновский пишет черновой вариант текста «Братья мои, мужики родные...» (Автограф 2);
- Калиновский редактирует черновой вариант, вычеркивая одни слова, вписывая другие и отмечая, что порядок третьих слов должен быть изменен;
- на основе чернового варианта текста Калиновский пишет беловик (Автограф 1), в котором учтена вся редакторская правка черновика, а также внесены новые редакторские правки (их содержание см. Табл. 1).

Существование двух (чернового и окончательного) автографов третьей части «Писем из-под виселицы»

заставляет вспомнить еще об одном связанном с «Письмами» обстоятельстве.

Как мы уже упоминали выше, опубликованные А. Гиллером «Письма из-под виселицы» состоят из трех частей, первая из которых, начинающаяся со слов «И до нашего уголка долетела ваша газетка...», является самой объемной. В современной историографии установился консенсус относительно содержания этой первой части «Писем»: это — передовица, подготовленная для печати в каком-то из нелегальных повстанческих изданий, скорее всего — в издававшейся в Кёнигсберге газете «Голос из Литвы» («Głos z Litwy»), инициатором выпуска которой был как раз К. Калиновский (Шалькевич 1988а: 202–204). Подавляющее большинство историков при этом считают, что первую часть «Писем» Калиновский написал, находясь в заключении (напр.: Герасимчук 2018: 203–204). Однако подобная возможность выглядит маловероятной.

Во-первых, в тексте «И до нашего уголка долетела ваша газетка...» отсутствуют какие-либо упоминания о том, что его автор находится в заключении; начало же текста определенно указывает на знакомство автора со свежей нелегальной прессой, что довольно необычно для человека, находящегося под арестом.

Во-вторых, этот текст слишком объемный, чтобы его можно было сначала написать в заключении, а затем каким-то образом передать на волю.

То, что Калиновский передавал на волю какие-то записки, известно

из воспоминаний Людвиги Родзевич, одной из сестер тесно связанного с Калиновским семейства Ямонтов. Родзевич пишет, что ее тетка, Ядвига Мокрицкая, «*устроила при помощи взяток жандармам возможность обмена секретными записками с заключенными*». Однако эти записки, как отмечает Родзевич, имели исключительно частный характер. «*Конечно, те записки подлинных тайн не содержали, поскольку на так далеко идущую жандармскую услужливость никто не полагался. Как выяснилось потом, осторожность не была излишней, ибо были доказательства, когда записки, оплачиваемые по 10 рублей, часто попадали в руки “невинного” [главы Особой следственной комиссии в Вильно полковника] Лосева и только потом адресату*» (Калиновский 1988: 165). Таким образом, передать на свободу объемный текст политического характера было крайне затруднительно.

Обративший внимание на все эти обстоятельства Г. В. Киселев предположил, что текст «И до нашего уголка долетела ваша газетка...», возможно, был написан Калиновским еще до ареста (Калинойські 1999: 303). Данное объяснение выглядит вполне достоверно. Однако если текст был написан до ареста, то из тюрьмы на волю Калиновским он передан быть опять-таки не мог: при аресте все имевшиеся бумаги, разумеется, конфисковывались. Таким образом, получается, что первая часть «Писем из-под виселицы» на самом деле не имеет к тюрьме и виселице абсолютно никакого отношения.

⁵ Письма № 2 и 3 к настоящему времени опубликованы в переводе на русский (Шалькевич 1988а: 222–225) и белорусский (Калинойські 1999: 322–326) языки, научная публикация на языке оригинала не предпринималась. Письмо № 1 не опубликовано.

История с двумя автографами третьей части «Писем» возвращает нас к отброшенному было образу Калиновского, ведущего в тюрьме активную писательскую деятельность. Хотя текст «Братья мои, мужики родные...» по своим размерам гораздо меньше, чем текст «И до нашего уголка долетела ваша газетка...», последовательное написание заключенным черновика, его редаKTура и последующее изготовление беловика выглядят лишь немногим менее странно, чем работа над объемной передовой для нелегальной газеты. К тому же возникает вопрос: почему на свободу были переданы не только беловой, но и черновой экземпляры текста? Почему черновик не был уничтожен по истечении в нем надобности?

Это не единственный вопрос, связанный с черновиком третьего текста «Писем». При изучении дела из архива Л. Яновского, в котором хранится Автограф 2 (BN. Rps 7827 II), мы обнаружили, что в деле содержатся и другие документы, непосредственно связанные с последними месяцами жизни К. Калиновского, а именно:

— оригинал письма неизвестного лица, адресованного К. Калиновскому, ноябрь 1863 г., автограф на польском языке (BN. Rps 7827 II: 7 — 8 об.);

— оригиналы трех писем представителя Литовского отдела повстанческого правительства за рубежом Болеслава Длусского (Яблоновского), адресованных К. Калиновскому, декабрь 1863 г., автографы на польском языке⁵ (BN. Rps 7827 II: 9 — 10 об.);

— оригинал письма бывшего представителя Литовского отдела повстанческого правительства за рубежом Джузеппе Ахилла Бонольди, адресованного К. Калиновскому, декабрь 1863 г., автограф на польском языке⁶ (BN. Rps 7827 II: 12 — 12 об.);

— черновик письма К. Калиновского, адресованного Б. Длусскому, декабрь 1863 г., автограф на польском языке⁷ (BN. Rps 7827 II: 11 — 11 об.).

Содержание большей части перечисленных писем сводится к вопросу о распоряжении так называемыми «литовскими суммами» — находившимися за рубежом финансовыми средствами Литовского отдела, руководимого Калиновским.

Происхождение этих писем совершенно однозначно: личный архив К. Калиновского. Столь же однозначным представляется и то, что данные документы не были изъяты у Калиновского при аресте (в следственных делах повстанцев и документации российских властей отсутствует представленная в письмах информация о «литовских суммах»). Перед нами та часть личного архива Калиновского, которая не попала в руки властей.

О том, что ряд документов К. Калиновского не был изъят при аресте, известно давно. Уже упоминавшаяся Людвика Родзевич в воспоминаниях рассказывает об обстоятельствах спасения документов: «У *Константина*

Калиновского [жандармы] надеялись найти важные документы, которые, кстати, хранились в полый ножке его стола; однако в момент обыска ее не обнаружили, видимо о ней не знали, а когда на завтра жандармы пришли снова, она уже была пуста. Подвергая себя большой опасности, [связанная Калиновского Каролина] Яцыно их опередила» (Калиновский 1988: 164). О том, что перед нами бумаги из тайника, могут свидетельствовать и имеющиеся на документах сгибы от многократного складывания.

Но как же рядом со спасенными связной бумагами оказался автограф черновика третьей части «Писем из-под виселицы», якобы написанный в тюрьме?

Конечно, мы можем выстроить достаточно сложное предположение: после того, как Калиновский (зачем-то) передал из тюрьмы не только беловик, но и черновик третьего текста «Писем», черновик был (зачем-то) приложен к спасенной от властей переписке о «литовских суммах», а беловик, вместе с ранее переданным из тюрьмы стихотворением «Марыська чернбровая, голубка моя...», а также вместе с не конфискованным властями при аресте автографом газетной передовицы для «Голоса из Литвы», был переслан за границу и оказался впоследствии у А. Гиллера. Эта гипотеза предполагает существование некоего человека, которому были доступны как переданные из тюрьмы записки

⁶ К настоящему времени не опубликовано.

⁷ К настоящему времени опубликовано в переводах на русский (*Шалькевич* 1988а: 226) и белорусский (*Каліноўскі* 1999: 87–88) языки, научная публикация на языке оригинала не предпринималась. Первая страница документа опубликована факсимильно в очень плохом качестве (*Шалькевич* 1988б).

К. Калиновского, так и спасенные при аресте документы и который взял на себя задачу по их сортировке и отбору для публикации.

Возможно, однако, другое объяснение, гораздо более простое. Еще до своего ареста К. Калиновский отослал за границу три подготовленных для публикации текста, ныне известных нам по изданию А. Гиллера. А все остальные документы (письма Б. Длусского и Д. Бонольди К. Калиновскому, черновик ответа К. Калиновского Б. Длусскому, черновик текста «Братья мои, мужики родные...» и т.д.) остались храниться в том самом тайнике в ножке стола К. Калиновского, были спасены при аресте и в дальнейшем оказались вместе в деле из личного архива Л. Яновского. Немаловажно, что это вариант не только самый простой, но и (в отличие от первого) имеющий независимое подтверждение от современника событий. Мы уже цитировали свидетельство А. Гиллера о происхождении «Писем», приведем его еще раз: «Калиновский незадолго до смерти написал и прислал в наши руки для печати» (Giller 1867: 176). Как видим, Гиллер совершенно однозначно свидетельствовал, что опубликованные им тексты были отосланы за границу самим Калиновским, что могло быть сделано лишь до ареста.

Предположение о том, что не только первая, но и вторая, и третья части «Писем из-под виселицы» были написаны К. Калиновским вовсе не в тюрьме, на первый взгляд может показаться шокирующим в своей необычности. В любой статье, в любой книге

о Калиновском утверждается, что революционер писал «Письма из-под виселицы», находясь в заключении. Поскольку эта мысль повторяется постоянно, она приобрела характер «общеизвестной истины». Однако если мы отвлечемся от гипноза фразы «об этом все знают», то обнаружим, что единственный аргумент в пользу подобной трактовки базируется на содержании третьей части «Писем»:

«Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы московской приходится мне вам писать и, может, последний раз... Прими, народ, искреннее мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того света, только для добра твоего написано».

Если бы под этими словами стояла подпись Константина Калиновского, сомневаться в том, что перед нами предсмертное письмо, не приходилось бы. Однако под текстом «Братья мои, мужики родные...» стоит совершенно другая подпись — «Яська, хозяина из-под Вильно», от лица которого К. Калиновский и его товарищи в 1862–1863 гг. издавали «Мужицкую правду» — серию белорусскоязычных листовок, в которых «Ясько» учил крестьян «правде» и призывал их к восстанию против «москалей». Вопреки широко распространенному заблуждению, для исследователей не составляет тайны, что «Ясько, хозяин из-под Вильно» не был псевдонимом Калиновского — это был вымышленный персонаж-повествователь, личностные характеристики которого не совпадали с личностными характеристиками автора⁸. И, коль

⁸ Г. В. Киселев справедливо замечает, что «в этом смысле “Мужицкая правда” имела некоторые черты литературной мистификации» (Калиноўскі 1999: 15). О разнице между автором и повествователем см., напр.: (Эко 2002: 35–49).

скоро текст «Братья мои, мужики родные...» подписан вымышленным персонажем, — наличие в тексте упоминаний о виселице и предсмертном слове не является доказательством того, что данный текст писался в тюрьме. Как правило, автор убивает своего вымышленного персонажа, сидя дома, за письменным столом.

Если мы обратимся к белорусско-язычной публицистике польских повстанцев того времени, то обнаружим, что мистификация с «предсмертным письмом» не была чем-то необычным. В 1862 г. был нелегально опубликован «Предсмертный разговор отшельника Петра», написанный неизвестным автором от лица 140-летнего старца (Залатая калекцыя 2013: 569–572). Как легко догадаться, основным смысловым стержнем этого текста был призыв к восстанию против «москалей». Для нашей темы, однако, важнее то, что содержание «Предсмертного разговора» совпадает с содержанием нескольких вышедших в том же 1862 г. номеров «Мужицкой правды» — т. е. эти произведения были созданы авторами одного круга. Возможно, «Предсмертный разговор отшельника Петра» стал источником вдохновения не только для некоторых номеров «Мужицкой правды», но и для предсмертного письма «Яська, хозяина из-под Вильно».

Гипотеза о том, что все три текста, известных ныне под названием «Письма из-под виселицы», были написаны Калиновским до его ареста в рамках публицистическо-пропа-

гандистской деятельности, позволяет дать простые ответы на связанные с «Письмами» загадки.

Каким образом Калиновский умудрился столь тщательно работать над редактурой текста «Братья мои, мужики родные...», находясь в тюрьме? — Он редактировал текст не в тюрьме, а в своей конспиративной квартире, и никто ему не мешал тщательно работать над словом.

Каким образом Калиновский передал на волю политический по своему содержанию текст, если записки читали жандармы? — Он не передавал текст на волю, поскольку написал его еще до ареста.

Почему черновик написанного в заключении текста «Братья мои, мужики родные...» не был уничтожен, а был передан на волю вместе с беловиком? — Он был написан не в тюрьме, и уничтожить его не было необходимости — так же как и не было необходимости его куда-то передавать.

Почему написанный до ареста текст «И до нашего уголка долетела ваша газетка...» оказался у А. Гиллера вместе с написанными в заключении текстами «Марыська чернобровая, голубка моя...» и «Братья мои, мужики родные...»? — Все эти тексты были подготовлены еще до ареста и вместе отосланы Калиновским зарубежному издателю⁹.

Почему автограф написанного в заключении черновика текста «Братья мои, мужики родные...» хранится

⁹ Мы согласны с В. Ф. Шалькевичем в том, что, скорее всего, тексты были предназначены для выпускавшейся в Кёнигсберге газеты «Голос из Литвы» (Шалькевич 1988а: 202–204). В руки А. Гиллера тексты были переданы позднее.

в одном деле со спасенными от изъятия властями документами личного архива Калиновского? — Потому что черновик был написан не в заключении и изначально хранился в личном архиве Калиновского.

Почему А. Гиллер указывал, что «Письма» были пересланы за границу самим Калиновским? — Потому что это так и было.

Принципиально важным представляется, что это простые объяснения — нет необходимости вводить каких-то дополнительных действующих лиц, которые будут собирать в одном месте происходящие из разных источников документы Калиновского, сортировать их и отбирать для публикации. В соответствии с принципом «бритвы Оккама» это делает гипотезу приоритетной — до тех пор, пока не будут найдены доказательства, ее прямо опровергающие.

...К сожалению, настоящие «письма из-под виселицы» Константина Калиновского до нас не дошли. Однако благодаря воспоминаниям Л. Родзевич мы знаем одну строчку из них: «*Завидую свободе даже той ходящей по снегу вороне, которую вижу из своего окна...*» (Калиновский 1988: 165). В этой строчке больше поэзии и живого человеческого чувства, чем во всех текстах за подписью «Ясько, хозяина из-под Вильно».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

BN. Rps 6549 IV. — Biblioteka Narodowa (Warszawa). Rps 6549 IV. Pisarski S. *Periodyczna tajna prasa polska z okresu lat 1861–1864.*

BN. Rps 7827 II. — Biblioteka Narodowa (Warszawa). Rps 7827 II. *Materiały do dziejów powstania styczniowego na Litwie.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абламейка 2020 — *Абламейка С.* Каліноўскі і палітычнае нараджэнне Беларусі. Гістарычна-філязофская эсэ. 2-е выд., дап. [Б.м.,] 2020.

Герасімчык 2018 — *Герасімчык В.* Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна, 2018.

Гронский 2008 — *Гронский А.Д.* Кастусь Калиновский: конструирование героя // *Беларуская думка.* 2008. № 2.

Журавлева 2004 — *Журавлева И.* Людвиг Яновский — историк Харьковского университета // *Польська діаспора у Харкові: історія та сучасність: Матеріали наук. конф., м. Харків, 24 квіт. 2004 р. Харків, 2004.*

Залатая калекцыя 2013 — Залатая калекцыя беларускай літаратуры: у 50 т. Т. 4: Літаратура другой паловы XIX стагоддзя. Ч. 1 / Уклад. Л.Г. Кісялёвай, Н.М. Сенкевіч. Мінск, 2013.

Казбярук 1980 — *Казбярук У.* Аўтограф Кастуся Каліноўскага // Літаратура і мастацтва. 1980. 29 лют.

Калиновский 1988 — К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия / сост. Р. П. Платонов (рук.), Н. С. Сташкевич, В. Ф. Шалькевич, А. Н. Гесь. Минск, 1988.

Каліноўскі 1999 — *Каліноўскі К.* За нашу вольнасць: творы, дакументы / Уклад., парадм., паслясл., камент. Г.В. Кісялёва. Мінск, 1999.

Кісялёў 1994 — *Кісялёў Г.В.* Здарэнне з Яськам-гаспадаром // *Польмя.* 1994. № 6.

Кісялёў 1999 — *Кісялёў Г.В.* Кастусь Каліноўскі, яго час і спадчына // *Каліноўскі К.* За нашу вольнасць: творы, дакументы / Уклад., парадм., паслясл., камент. Г. Кісялёва. Мінск, 1999.

Ластоўскі 1916 — *Сваяк*. [*Ластоўскі В.*] Памяці Справядлівага // Гоман. 1916. 15 лют.

Радзiк 2009 — *Радзiк Р.* Канстанцін Каліноўскі ў сьвятле дакумэнтаў // АРСНЕ. 2009. № 5.

Радзiк 2012 — *Радзiк Р.* Вытокі сучаснай беларускаці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. / пер. з польск. Н. Дзенісюк. Мінск, 2012.

Смірноў 1959 — *Смірноў А.П.* Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года. Мінск, 1959.

Шалькевич 1988а — *Шалькевич В.Ф.* Кастусь Калиновский. Страницы биографии. Минск, 1988.

Шалькевич 1988б — *Шалькевич В.Ф.* Жывы подых мінулаі эпохі. Да 150-годдзя з

дня нараджэння Кастуся Каліноўскага // Голас Радзімы. 1988. 4 лют.

Шумейко 2013 — *Шумейко М.Ф.* Владимир Иванович Пичета о К. Калиновском: неопубликованная рецензия ученого // Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск, 2013. Вып. 8.

Эко 2002. — *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб., 2002.

Giller 1867 — *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867. T. 1.

Katalog 1938 — Katalog rękopisów Biblioteki Narodowej Józefa Pilsudskiego. T. 2. Cz. 1. Zbiory Biblioteki Rapperswilskiej. Rękopisy nr 131522299 / Oprac. A. Lewak, H. Więckowska. Warszawa, 1938.

MYSTERIES OF KONSTANTY KALINOWSKI'S "PISMA Z POD SZUBIENICY"

Dyukov Alexander R. — Researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: Konstanty Kalinowski, “Pisma z pod szubienicy”, uprising of 1863, source study, Agaton Giller.

Abstract. The author of the article analyses the history of the so-called “Pisma z pod szubienicy” (“Letters From Under the Gallows Tree”) — three texts written by Konstanty Kalinowski, one of the leaders of the uprising of 1863 on the North-Western territory of the Russian Empire. The author proves that one of the most famous of these “letters” (known in the historiography for its first lines “My brothers, my dear muzhiks”) had two autographs that correlated with each other as a draft and a clean manuscript. The author of the article also justifies a new hypothesis about the time when “Pisma z pod szubienicy” were written.

REFERENCES

Ablameika S. *Kalinoŭski i palitychnae naradzen'ne Belarusi*. Gistarychna-filiazofskaja ese. 2-e vyd., dap. [B.m.,] 2020.

Eko U. *Shest' progulok v literaturnykh le-sakh*, per. s angl. A. Glebovskoi. St. Petersburg, 2002.

Gerasimchyk V. *Kanstantsin Kalinoŭski: asoba i legenda*. Grodna, 2018.

Giller A. *Historia powstania narodu polskie-go w 1861–1864 r.* Paryż, 1867. Vol. 1.

Gronskii A.D. Kastus' Kalinovskii: konstruirovanie geroia. *Belaruskaja dumka*, 2008, no. 2.

K. Kalinovskii. *Iz pechatnogo i rukopisnogo nasledia*, sost. R. P. Platonov (ruk.), N. S. Stashkevich, V. F. Shal'kevich, A. N. Ges'. Minsk, 1988.

Kalinoŭski K. *Za nashuiu vol'nasts': tvory, dakumenty*, Uklad., paradm., paslisl., kament. G. V. Kisialeva. Minsk, 1999.

Katalog rękopisów Biblioteki Narodowej Józefa Piłsudskiego. Vol. 2. Cz. 1. Zbiory Biblioteki Rapperswilskiej. Rękopisy nr 131522299, Oprac. A. Lewak, H. Więckowska. Warszawa, 1938.

Kazbiaruk U. Aŭtograf Kastusia Kalinoŭskaga. *Litaratŭra i mastátstva*, 1980, 29 liut.

Kisialeŭ G. V. Kastus' Kalinoŭski, iago chas i spadchyna. Kalinoŭski K. *Za nashuiu vol'nasts': tvory, dakumenty*, Uklad., paradm., paslisl., kament. G. Kisialeva. Minsk, 1999.

Kisialeŭ G. V. Zdarenne z Ias'kam-gaspadatom. *Polymia*, 1994, no. 6.

Radzik R. Kanstantsin Kalinoŭski ŭ s'viatle dakumentaŭ. *ARCHE*, 2009, no. 5.

Radzik R. *Vytoki suchasnai belaruskastsi. Belarusy na fone natsyiatvorchykh pratsesaŭ*

u Tsentral'na-Uskhodniai Eŭrope XIX st., per. z pol'sk. N. Dzenisiuk. Minsk, 2012.

Shal'kevich V. F. Kastus' Kalinovskii. *Stranitsy biografii*. Minsk, 1988.

Shal'kevich V. F. Zhyvy podykh minulai epokhi. Da 150-goddzia z dnia narazhdenia Kastusia Kalinoŭskaga. *Golas Radzimy*, 1988, 4 liut.

Shumeiko M. F. Vladimir Ivanovich Picheta o K. Kalinovskom: neopublikovannaia retsenziia uchenogo. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: nauchnyi sbornik*. Minsk, 2013. Vyp. 8.

Smirnoŭ A. P. *Kastus' Kalinoŭski ŭ paŭstanni 1863 goda*. Minsk, 1959.

Svaiak. [Lastoŭski V.] Pamiatsi Spraviadlivaga. *Goman*, 1916, 15 liut.

Zalataia kalektsyia belaruskai litaratury: u 50 t. T. 4: Litaratura drugoi palovy XIX stagoddzia. Ch. 1, Uklad. L. G. Kisialevai, N. M. Senkevich. Minsk, 2013.

Zhuravleva I. Liudvig Ianovskii — istorik Khar'kovskogo universiteta. *Pol's'ka diaspora u Kharkovi: istoriia ta suchasnist'*. Materiali nauk. konf., m. Kharkiv, 24 kvit. 2004 r. Kharkiv, 2004.

Д. В. Блышко

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ МАТЕРИАЛЬНОСТЬ

Рец.: *Alexey Golubev*. *The things of life: materiality in late Soviet Russia*. Ithaca, [New York]: Cornell University Press, 2020. 240 p.

Ключевые слова: позднесоветский период, материальность, аффект, стихийный материализм.

Аннотация. Идея книги Алексея Голубева заключается в том, чтобы показать роль материальных объектов в социальной и культурной жизни человека эпохи позднего социализма. По мнению автора, материальные объекты оказывали непредвиденное их создателями влияние на людей, вызывая у последних аффективную реакцию, которая выражалась в изменении повседневных практик, а также в создании новых сообществ и культурных смыслов. Второй важный аспект взаимодействия советского человека с объектами — это «стихийный материализм» как способность человека распознавать и артикулировать влияние материальных объектов на его жизнь. Два этих аспекта взаимодействия с материальным автор иллюстрирует примерами таких феноменов, как: любительское конструирование; стендовый моделизм; музеефикация деревянного зодчества; маргинализация молодежи в транзитных пространствах советского города; движение советских бодибилдеров; телевизионное целительство. Недостатком работы является сужение картины советской материальности до пространства досуга городского жителя, что существенно сокращает спектр возможных форм взаимодействия человека и материальных объектов.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-279-286

Книга Алексея Голубева «Вещи жизни: материальность в позднесоветской России» освещает взаимодействие советского человека с окружающими материальными объектами. Центральными для по-

вестования являются две идеи — теория аффекта и понятие «стихийный материализм». По мнению автора, материальные объекты, окружавшие человека позднего социализма, в том числе спроектированные

и созданные согласно воле носителей власти, имели потенциал незапланированным образом влиять на советских граждан, провоцируя последних создавать культурные смыслы, а также формы социального поведения, появление которых не было задумано создателями. Этот феномен автор называет аффективным влиянием материальных объектов на социальную жизнь советских людей. Для иллюстрации этой мысли можно использовать пример из монографии: спроектированные как помещения для технических нужд, подвалы советских многоэтажек притягивали и аккумулировали молодежь, позволяя формироваться новым культурным общностям, таким как, например, «любера», что отнюдь не предполагалось разработчиками позднесоветской жилищной реформы и выходило за рамки их воли. Одновременно автор стремится раскрыть феномен «стихийного материализма» советских людей — их способности замечать и распознавать или воображать уже произошедшее влияние материального окружения на организацию социальной жизни, а также умение артикулировать это знание в различных формах культуры. Стихийный материализм выражался, например, в озабоченности советских граждан «дурным влиянием улиц» и подвалов на советскую молодежь и заставлял их размышлять о том, как нужно изменить эти транзитные пространства, чтобы запрограммировать успешное превращение советской молодежи в достойных членов коммунистического общества в будущем.

Поскольку в центре повествования находятся две идеи, то цель книги

логически разделяется на две внешне противоречивые задачи. Во-первых, показать, как материальные объекты формировали невольное поведение советских людей. А во-вторых, продемонстрировать, как советские люди распознавали это влияние и осмысливали его. Однако, поскольку слова «невольно» и «неосознанно» не являются антонимами, противоречия здесь нет. Автор представляет аффективное действие материального и его осознание людьми как два условно последовательных события. Рефлексия наступает уже после свершившегося аффекта и не приводит к его преодолению, только к осознанию. Помимо того, сюжеты, раскрывающие каждую задачу, зачастую существуют в тексте автономно. Далеко не все рассматриваемые кейсы имеют, как в приведенном выше примере, скомпилированное из содержания двух глав, двухчастную структуру: «материальный объект порождает практику, практика осмысливается носителями». Первые три из шести глав книги рассказывают преимущественно о том, как советские граждане осмысливали свою историю и свое будущее через посредничество одних материальных объектов, а вторая часть книги посвящена тому, как другие материальные объекты аффективно влияли на советского человека. Идеи аффективного влияния и стихийного материализма переплетены и присутствуют во всех главах, но одна из них всегда занимает подчиненное положение относительно другой.

Первые две главы книги рассказывают о том, как материальные объекты позднего социализма помогали воображению советского человека

рисовать картину исторического развития советской нации как прогрессивного движения вперед и вверх, что задавало соответствующую траекторию для формирования личности советского человека. Важную роль в этом играл язык продуктивизма, который представляется автором как идеология и эстетика историософии и визионерства советского будущего. В простом изложении его логика может быть представлена так: более совершенные машины создадут материальную базу для более совершенного общества, которое сможет сформировать гармоничного и творческого homo soveticus; но для создания этих машин их конструкторы должны сначала изменить себя, развить в себе черты созидателя: изобретательность и творческий подход.

В первой главе приведено два примера каналов популяризации продуктивистского взгляда на советское будущее и на предпочтительные личностные характеристики строителя коммунизма. Первый пример — это движение по популяризации разработанной в СССР теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Второй пример пространства продуктивистского языка — это плеяда научно-технических журналов, популяризовавших любительское конструирование машин и механизмов из подручных материалов. Оба канала идеологии приучали советского человека к мысли о том, что материальные объекты обладают неисчерпаемым ресурсом улучшения и изменения, реализация которого зависит только от творческих способностей, которые человек может в себе развить. Автор считает, что продуктивистский язык являлся

главным образом не инструментом переработки материальности, а средством формирования идентичности советского человека посредством артикулирования его отношений с материальностью, поскольку ни ТРИЗ, ни любительское конструирование не играли существенной роли в советской промышленности.

Вторая глава показывает, что стеновый моделизм как хобби не только давал советскому человеку пространство для технического творчества, но и формировал его исторические взгляды, основанные на двух принципах. С одной стороны, такой тип мировоззрения редуцировал историю человечества до области научного и технического прогресса. А с другой стороны, организация коллекций моделей советской и до-советской техники в ряды прогресса выстраивала исторический нарратив по формуле «от древних славян до советской современности» в рамках концепции национальной истории, вне марксистских классового и формационного подходов. Таким образом, занимаясь техническим творчеством, школьники параллельно конструировали и усваивали продуктивистский националистический исторический дискурс.

В третьей главе автор показывает, как в послевоенное — и особенно позднесоветское — время интеллигенция конструировала романтический националистический образ дореволюционной истории Советского Союза, в котором особое место занимала деревянная архитектура русского Севера, в частности, музея-заповедника «Кижи». Объекты деревянного зодчества преподносились в рамках

этого образа как медиум, соединяющий советское настоящее с воображаемым архаичным и автохтонным, лирическим древнерусским прошлым. В этой интеллектуальной конструкции ключевым элементом являлось дерево, которое, как традиционный строительный материал деревни, превращалось в символ «глубоких культурных корней» советского общества. Примерно также функционировала такая форма культурного досуга, как возрождение национального деревянного судостроения. Активисты этого движения встраивали национальную историю в свою идентичность посредством приобщения к работе с деревом как традиционным и особым, живым материалом. Так, в результате усилий интеллектуалов, дерево постепенно превращалось в символ автохтонности и укорененности в прошлом. Оно, благодаря своей материальности, обеспечивало советским людям возможность вступать во взаимодействие с историей в ее примордиалистском националистическом истолковании.

В четвертой главе рассматривается история советских транзитных пространств, не несущих в представлениях их создателей специальных социальных смыслов и функций: подъездов, подвалов, улиц и гаражей. Призванные обеспечивать скорейшую транспортировку дисциплинированного советского гражданина от места работы или разумно организованного отдыха в пространство личной квартиры в хрущевке или «брежневке», они оказались способны аккумулировать советских людей и аффективно провоцировать их на создание особых форм социального взаимодействия маргинального

характера. Среди них автор отмечает особые режимы сексуальной морали, включающие в себя секс до и вне брака, групповой секс, в том числе принудительный. Также он отмечает, что позднесоветский хулиганизм во многом являлся порождением специфических транзитных пространств новостроечных кварталов. В этой же главе автор интерпретирует подростковый вандализм в транзитных пространствах как форму дискурсивной борьбы за территорию маргинализованной молодежи против советских обеспеченных интеллектуалов.

Пятая глава рассматривает историю подвальных тренажерных залов как пример осмысления советскими людьми их взаимоотношений с материальным миром, где материальные объекты (тренажерное оборудование или «железо») и материальное окружение (подвальные спортзалы) играли ключевую роль в производстве как советских тел, так и советских личностей и социальной среды. Автор приводит примеры двух медицинских подходов, известных широкой советской аудитории, которые объединяют представления о человеческом теле как обладающем неограниченными ресурсами для восстановления в случае целительного воздействия «железа». Подход доктора Илизарова предполагал механическое исправление искривленных или неправильно сросшихся костей посредством их переработки: искусственного перелома и последующего правильного позиционирования с использованием стальных каркасов. Подход Валентина Дикюля подразумевал дисциплинирование большого тела с использованием тре-

нажеров для реабилитации инвалидов. Советские бодибилдеры развили эти идеи, создавая миф о том, что совершенствование физического тела при помощи железа ведет к совершенствованию личности советского человека в моральном и идеологическом плане. А это, как следствие, ведет к очищению социума от тлетворного влияния Запада через процесс силового принуждения неконформистов к подчинению силами физически и идеологически верно сконструированного советского гражданина.

Шестая глава посвящена тому, как советские граждане распознавали телевизор в качестве физического объекта, который открывал в отдельных советских квартирах новый коммуникативный портал, разрушал домашнюю приватность и вовлекал советского человека вольно или невольно в интеракцию. Такое взаимодействие имело форму перформативных актов, которые вели, за счет своей массовости и синхронности, к формированию нового воображенного сообщества советских граждан. Основная часть главы посвящена феномену трансляции телепередач Анатолия Кашпировского и Аллана Чумака на центральном советском телевидении в 1988–1989 гг. Оба целителя претендовали на способность дистанционно влиять на физическое состояние своих зрителей через посредство телевизора путем оказания или гипнотического, или энергетического воздействия. Огромная популярность подобных телесеансов свидетельствует, по мнению автора, о том, что советские люди распознавали тот факт, что телевизор может вступать с ними

во взаимодействие, требовать от них определенных действий и оказывать на них физическое воздействие. Вокруг таких передач объединялись те слои советского общества, которые ранее не имели голоса в пространстве рационалистического продуктивистского языка, и тем меняли облик советского народа.

Книга не стремится представить читателю взаимоотношения советского человека с материальным во всей их полноте. Напротив, автор специально подчеркивает свое желание уйти от генерализации советской истории через ее категоризацию. Важным шагом на пути к этому становится то, что если в первых трех главах советская культура раскрывается через взгляд городского обеспеченного интеллектуала, то в последних трех главными действующими лицами оказываются малообразованные представители пролетариата и маргинализованный городская молодежь. Своей работой автор пытается добавить глубины и многоплановости историографической репрезентации последних тридцати лет существования Советского Союза за счет добавления к ней ярких штрихов. Возможно, поэтому монография воспринимается скорее не как единое повествование, а как сборник эссе, объединенных общими мотивами. Мозаичность глав и разделов позволяет читателю свободней чувствовать себя в пространстве представленных материалов и провоцирует на развитие предложенных идей и их переосмысление.

Поскольку сюжет стихийного материализма в монографии тесно переплетен с сюжетом аффекта

материальной реальности, в ходе чтения сложно оценить, чему автор уделяет больше внимания. Однако складывается ощущение, что он фокусируется скорее на том, как советские люди оперировали культурными смыслами в поле социальной реальности, используя материальные объекты в большей степени как основу для размышлений. В тех же случаях, когда в тексте идет речь о влиянии материальных объектов на тела и идентичности советских людей, это влияние имеет характер вкрадчивого аффекта, неназойливого формирования наиболее удобной траектории движения. Таким образом, материальная реальность советского человека в данной монографии представляется ускользающей, подозрительно мягкой и податливой: ее можно или уговорить соответствовать ожиданиям людей, или механически переработать. Если же ни уговорить, ни переделать материальную реальность не получится, то ее влияние все равно остается настолько слабым, что его проявления вызывают удивление как у самих героев книги, так и у читателя.

Я считаю, что причиной возникновения этого ощущения является неартикулированное автором кадрирование материала. Несмотря на всю пестроту представленных эпизодов, они происходят в единых декорациях спального района индустриального советского города, застроенного блочными многоквартирными домами. То есть материал ограничен, во-первых, городской средой, а во-вторых, пространством досуга советского человека. Единственная глава, посвященная деревенскому пространству, отражает

его переосмысление городскими интеллектуалами во время отпуска. Разделы, посвященные исцелению больных тел советских людей, представлены так, как они выглядели в пространстве публицистики, а не в повседневных практиках. Кроме того, все рассматриваемые в монографии материальные объекты представляют собой артефакты — вещи, созданные людьми для людей в соразмерном человеку масштабе. Это напрямую влияет на то, как в книге выглядят взаимоотношения советского человека и материальности. Приспособленность современной городской среды к физическим параметрам человека делает материальность удобной и незаметной для ее обитателя, запечатленного в часы его досуга, и поэтому внезапные ее проявления вызывают эффект удивления. Возможно, частично такое кадрирование объясняется тем, что автор рассматривает режимы взаимодействия советского человека с материальными объектами через призму дискуссии о сущности советской модерности. Оставаясь в рамках теории переплетенных модерностей (*Дэвид-Фокс* 2016), он старается показать советское общество как включенное в международный круговорот современных идей и вещей. Оптимизм в отношении возможности изменения материальной реальности является знаковой чертой как модерности в целом, так и советского авангардизма 1920-х гг., к которому автор возводит истоки некоторых из рассмотренных кейсов, и ярче всего этот оптимизм ощущается в пространстве спальных районов советского города.

Как автор справедливо отметил во введении, невозможно вместить

в одну книгу все многообразие позднесоветской истории. Однако я считаю, что выход за обозначенные пространственные рамки мог бы серьезно изменить картину взаимодействия советского человека с материальностью. Очевидно, в пространстве индустриального производства современной среды оптимизм в отношении взаимодействия с материальными объектами все еще сохраняется, хотя их влияние становится уже менее опосредованным социально и более конкретным. Но если бы описанные в книге кейсы затрагивали материальность, не переработанную под масштаб человека, которая начинается за границами условного города и индустриального производства, то, возможно, вместо метафоры аффекта автору пришлось бы использовать метафору диктатора.

Как советское, так и любое другое современное общество неизбежно существуют на периферии материальных пространств, плохо поддающихся уговариванию и переработке. Столкновения с ландшафтами и стихиями, а также живой природой во всем ее многообразии, включая человеческую телесность, которые за пределами города случаются значительно чаще, должны давать примеры менее опосредованного социально и технически и более драматичного влияния материальности на тела и личности советских людей. Конечно, и в городе советские люди могли ощущать непреодолимую силу материальности, однако на страницы книги подобные

сюжеты не попали. Я не могу сказать, формируют ли такие столкновения особые способы говорить, но интуитивно ощущаю, что они побуждают человека особым образом молчать.

Книга написана простым и понятным языком, и, благодаря мозаичному и увлекательному сюжету, после ее прочтения создается ощущение состоявшейся экскурсии в знакомый, но при этом необычный и загадочный мир советского человека. При этом она побуждает читателя посмотреть и на другие эпохи, включая его собственную, с предложенной автором точки зрения. Потому книга может быть рекомендована не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Однако представленная в тексте оптимистичная картина кажется неполной. Если переводить мое замечание на язык визуальных образов, то я считаю важным отметить, что параллельно «Приключениям Электроника» (1979) на просторах Советского Союза происходили и новые приключения «Председателя» (1964), сценарно помещенные в период, предшествующий описываемому в монографии, однако в сюжетах, касающихся материальности, являющиеся внеположными политике и времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дэвид-Фокс 2016 — *Дэвид-Фокс М.Ш.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 19–44.

THE INTANGIBLE MATERIALITY.

Rev.: *Alexey Golubev*. The things of life: materiality in late Soviet Russia. Ithaca, [New York]: Cornell University Press, 2020. 240 p.

Blyshko Dmitrii V. — Expert organization “Aristo NorthWest” (St. Petersburg)

Key words: Late Soviet period, materiality, affect, elemental materialism.

Abstract. The book under review examines the role of material objects in the social and cultural life of late Soviet people. Golubev argues that material objects affected people in the ways that were not expected by their creators leading to changes in everyday practices and the emergence of new communities and cultural meanings. Another important aspect of the interaction between people and material objects was “elemental materialism,” which means the ability of people to recognize and articulate how material objects affected their lives. Golubev illustrates these two aspects of interaction between people and material objects with such examples as amateur engineering; construction of scale models; museumification of wooden architecture; marginalization of the youth in transit spaces of Soviet cities; Soviet bodybuilding; and healing broadcasts on TV. The main disadvantage of the book is that it focuses exclusively on city-dwellers’ leisure activities, which omits other forms of interaction between people and material objects.

REFERENCES

Devid-Foks M.Sh. Modernost’ v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia,

al’ternativnaia, perepletennaia? *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 140, pp. 19–44.

Т. К. Холматов

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ОТ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ К ТИХОЙ ГАВАНИ

Рец.: Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Ключевые слова: советская историческая наука, ядро и периферия в историографии, научный капитал, П. Бурдьё.

Аннотация. В рецензии рассмотрена книга о «периферийной» советской историографии о древности. Проанализированы вопросы о стратегии выстраивания научного творчества советских историков, предложенные С. Б. Крихом, его подход к изучению «ядра» и «периферии» в советской историографии, а также показана его новизна.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-287-290

Концепт «поле науки» П. Бурдьё все чаще используется исследователями для изучения траектории научной карьеры ученых прошлого. Концепция Бурдьё позволяет проследить то, как исследователь выстраивал научную карьеру, конструировал научный авторитет, накапливал и реализовывал научный капитал. В этом русле написана новая книга С. Б. Криха. Однако автор взглянул на концепцию французского социолога с другого ракурса: если представить научное поле как пространство конкурентной борьбы, то в результате противостояния наш взгляд словно сосредоточен на победителях («доминирующие» по Бурдьё), тех, кому удалось навязать свое

видение науки, чем на проигравших («доминируемые»). Автор сконцентрировался на вопросах стратегии выстраивания научного творчества последних, их принципах историописания, выстраивании концепций, причинах поражения, поэтому вполне логичным представляется его обращение к понятиям «ядра» и «периферии».

Под ними, с одной стороны, подразумевается степень влияния ученых в поле науки в результате академического противостояния: тот, кто вышел победителем, тот и находился в ядре, проигравший — на периферии. С другой стороны, как отмечено автором книги, эти понятия

© Т. К. Холматов, 2020

Холматов Темурмалик Комилджонович — аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); timur.kholmatoff@yandex.ru

обозначают направленности в исторической науке, которые считаются образцовыми (ядро как синоним историографического мейнстрима), либо напротив, исходя из внутренних (тематического, теоретического и стилистического) и внешних (публикационного, географического и корпоративного) факторов таковыми не считаются (периферия).

Книга разделена на три части и выстроена по проблемно-хронологическому принципу, что обусловлено динамической характеристикой ядра и периферии: автор показал, как в течение всей советской эпохи менялась их специфика. Первая часть («Периферия как катастрофа») сконцентрирована на «досталинском периоде» (1919–1929 гг.), т.е. изучении состояния советской историографии в преддверии формирования ядра, и вместе с тем периферии, а также периоде складывания данной научной традиции, который, по мысли автора, завершается к середине 1940-х гг.

Верхняя хронологическая граница периода обусловлена тем, что после Великой Отечественной войны, по мысли автора, зарождалась принципиально новая система взаимоотношения между ядром и периферией, постепенно менявшая условия научной деятельности ученых: если ранее исследователи стремились стать частью ядра, чтобы стабилизировать свое положение в науке, т.к. периферия рассматривалась как опасность оказаться не у дел, то с конца 1940-х последняя стала постепенно восприниматься как безопасное пространство для занятия наукой (вторая часть «Периферия как окрainer»).

В исследовании нечетко очерчены хронологические границы между этапами развития ядра и, соответственно, периферии. Например, сложность в определении хронологических границ первой части отметил сам автор: «Сложнее говорить о начальной точке периода: ясно, что в первые годы Гражданской войны победа советского правительства была совсем не очевидной, а общее состояние экономики и общества вскоре прервало издания по истории древности. С этой точки зрения более адекватным будет начинать период примерно с 1919 г. <...>» (с. 20). Вопрос о хронологических границах относится и к остальным периодам развития историографии, отмеченным в книге: если нижняя граница второй части ясна, то не совсем понятно, где именно начинается последняя (третья часть, «Периферия как надежда»), когда, согласно автору, ядро исчерпало свои ресурсы, а периферия не способствовала его обновлению, как это было в более ранний период, в результате чего отчасти не было столь серьезных столкновений между позициями исследователей, особенно по сравнению со сталинским периодом.

Более существенное возражение вызывает диспропорция в описании карьерных траекторий. Например, после анализа научной карьеры Б.Л. Богаевского (с. 59–91), автор находит схожую траекторию Е.Г. Кагарова (с. 91–92) или после А.Д. Дмитриева (с. 93–116) очень кратко приводит сведения о В.И. Неделском и А.П. Дьяконове (с. 116–119). Из-за сжатого описания причины их схожести представляются недостаточно обоснованными. В данном случае

излишняя краткость препятствует осмыслению критерия, исходя из которого автор обращался к биографиям некоторых историков для иллюстрации определенной разновидности выстраивания научной карьеры. Эти примеры выглядят слишком схематично и, приведенные без подробностей и анализа, выглядят как искусственный прием в утверждении схожести путей карьеры. Но это лишь частные замечания, относящиеся преимущественно к первой части работы.

Главное достоинство книги заключается в реконструкции иной, отличающейся от общепринятой в историографии, точки зрения на развитие советской исторической науки (в этом смысле наличие в названии исследования словосочетания «другая история» представляется вполне удачным). Автор убедительно показал, что, концентрируясь в большинстве своем на представителях ядра, мы представляем науку несколько обедненной. На мой взгляд, подход С. Б. Криха дал возможность не только изучить формирование и развитие периферии, ее специфику, но и через ее взаимодействие с ядром более обстоятельно рассмотреть схожие вопросы относительно последнего. Такой подход действительно позволяет представить советскую историческую науку гораздо шире.

Автор сконцентрировался не столько на личностях, сколько на их концепциях, т.к. борьба представлена, выражаясь словами П. Бурдье, в «сугубо интеллектуальных категориях» (Бурдье 2005: 476). Интерес автора к личностям наблюдается преимущественно в первой

части: когда имели весомое значение амбиции, стремление держаться на плаву в условиях смены научных тенденций или неприязнь к оппоненту. В исследовании прослеживаются теоретико-методологические принципы, сформулированные С. Б. Крихом и О. В. Метель в статье о парадигмах в отечественной историографии, вызвавшей в дальнейшем оживленную дискуссию в историографии. Так, С. Б. Крих в книге стремился, во-первых, предложить «целостное видение историографического процесса с точки зрения противоборства и эволюции текстов как носителей определенных идей» (Крих, Метель 2014: 164), а во-вторых, несмотря на тяготение к историографическому анализу (исходя из этого базовую группу источников в работе составляют исследования историков), продемонстрировать взаимовлияние и взаимодополнение его с биографическим подходом. Иными словами, речь идет о синтезе двух парадигм, названных в статье «антропологической» и «концептуалистской».

В целом рецензируемая книга С. Б. Криха — пример добротного историографического исследования, автор продемонстрировал изящную работу с трудами историков, их концепциями, поэтому внимание читателя привлекут, прежде всего, ее преимущества. Она хоть и сконцентрирована на советских историках, занимавшихся историей древности, но есть основания использовать авторский подход, базирующийся на анализе научной иерархии и стратегий накопления научного капитала, применительно к другим историкам, разумеется, с учетом специфики

(в том числе степени автономности) их научного направления в советскую эпоху. Как уже отмечалось, предложенный взгляд на советскую историческую науку сконцентрирован не только на периферийной историографии, находящейся часто вне поля зрения историка, но и позволяет проследить трансформацию ядра через периферию и наоборот — периферии через ядро.

Несмотря на всю сложность темы, книга не перегружена сложными терминами. Она читается легко, поэтому несомненно найдет благодар-

ного читателя не только среди историков, но и тех, кому интересно то, как и при каких обстоятельствах создавались научные труды по древней истории в советскую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бурдьё 2005 — *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Крих, Метель 2014 — *Крих С.Б., Метель О.В.* Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

SOVIET HISTORICAL SCIENCE: FROM BATTLEFIELDS TO THE QUIET HARBOR

Rev.: *Krikh S.B.* Drugaia istoriia: "Periferiinaia" sovetskaia nauka o drevnosti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 p.

Kholmatorov Temurmalik K. — postgraduate student, Doctoral School of History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)

Key words: soviet historical science, "nucleus" and "periphery" in historiography, academic capital, P. Bourdieu.

Abstract. The review examines the book about the "peripheral" Soviet historiography of antiquity. There are analyzed the issue about the strategy of forming the scientific creativity of Soviet historians proposed by S.B. Krikh, his approach to the study of "nucleus" and "periphery" in Soviet historiography, as well as its novelty.

REFERENCES

Bourdieu P. *Sotsialnoye prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya, 2005.

Krikh S.B., Metel' O.V. Dve paradigm y v sovremennoy otechestvennoy istoriografii. Voprosy istorii, 2014, no. 1, pp. 159–166.

А. Ю. Вовк

БЕЛОЭМИГРАНТСКАЯ БЕЛЬГИЯ

Рец.: *Куденис В.* Жизнь после царя: Русские эмигранты в Бельгии, 1917–1945. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 504 с., ил.

Ключевые слова: русская эмиграция, история Бельгии, общественные организации, антикоммунизм, Интербеллум, Вторая мировая война, коллаборационизм.

Аннотация. Рецензируется новая монография о российской пореволюционной эмиграции в Бельгии, которая достойна внимательного чтения. DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-291-295

В истории российского зарубежья Бельгия занимает особое место — принято считать, что бежавшим после падения монархии и Гражданской войны русским жилось комфортнее именно здесь, под властью короля. В Брюсселе проживали лидеры военной эмиграции: генералы П. Н. Врангель и А. П. Архангельский; здесь располагалась редакция белогвардейского журнала «Часовой». Однако труды о «русской Бельгии» не так многочисленны, диаспоры в соседних странах — Франции и Германии — привлекали гораздо большее внимание исследователей. Зачастую Брюссель вообще не рассматривается учеными как заслуживающий внимания эмигрантский центр (*Антропов* 2008: 27). Тем

приятнее было узнать, что недавно с нидерландского языка была переведена и вышла в дополненном виде работа известного специалиста Вима Кудениса.

В. Куденис — профессор русской истории и культуры в Лёвенском католическом университете; по теме российской эмиграции ему принадлежит свыше двух десятков работ на разных языках. При этом в своих трудах историк не ограничивается межвоенным периодом, он затрагивает сложную тему коллаборационизма, зачастую избегаемую отечественными специалистами. Размышляя над книгой «Жизнь после царя», нельзя не упомянуть ее оригинальное название — «Leven

voors de Tsaar: Russische ballingen, samenzweerders en collaborateurs in België» («Жизнь за царя: русские ссыльные, заговорщики и коллаборационисты в Бельгии»). В нидерландском варианте, таким образом, речь идет об изгнанниках, заговорщиках и коллаборационистах, причем заголовок отсылает к известной опере Глинки. В российском издании, как мы видим, акценты смягчены. Возможно, такой шаг обусловлен всего лишь особенностями книжных рынков в Бельгии и России.

О чем обычно идет речь в книге о российских послереволюционных эмигрантах? Как правило, авторы пишут об условиях быта изгнанников, об их организациях (политических, культурных, церковных, военных, детских и т. д.), прессе, известных в диаспоре личностях. Конечно, Куденис не мог не остановиться на этих «обязательных» сюжетах, добавив при этом немало нового знания. Во-первых, он перечислил множество русских эмигрантских организаций (зачастую доселе неизвестных) и сотрудничавших с ними бельгийских светских и религиозных обществ. Куденис также подробно описал возникшие между ними противоречия. Например, споры и недопонимание православных и католиков, русских и евреев, правых и левых, военных и всех остальных. Профессор не побоялся рассказать об эмигрантском коллаборационизме в годы Второй мировой войны.

Во-вторых, в книге рассматривается малоизученный вопрос о сотрудничестве русских эмигрантов с международными антикоммунистическими организациями. Например,

с Обществом политических, экономических и социальных исследований, Бельгийской национальной лигой против коммунизма и другими. При этом хронологические рамки работы Кудениса шире, он начинает с 1914 г., с деятельности российского военного агента Прежбяно, а заканчивает «арьергардными боями» эмиграции в конце 1940-х.

Наконец, нельзя не отметить привлечение Куденисом богатого фотографического материала и использование документов из 23 архивов 6 стран. Это позволило, на наш взгляд, рассмотреть различные стороны существования диаспоры. Отдельно отметим, что общий тон работы далек от восхищения и очарования нашими соотечественниками.

Несмотря на достоинства книги, нельзя не упомянуть и о недостатках, которые лежат на совести автора и издателей. Сначала о спорных суждениях уважаемого историка.

Во-первых, трудно согласиться с оценкой ряда эмигрантских организаций. Например, Куденис называет Национальный союз нового поколения (НСНП) «праворадикальным» (с. 199), а местом его зарождения называет Белград (с. 252). Однако известно, что на место рождения этого «конгломерата патриотических молодежных организаций» наряду с Югославией могут претендовать Болгария и Франция (От Зарубежья до... 2014: 9, 10). Что касается идеологии солидаристов, то ее, безусловно, можно назвать «правой» — вспомним программную формулу «идеализм, национализм, активизм» (На службе России... 1978: 6). Но при-

числать НСНП к радикалам, на наш взгляд, неверно (Об идеологических положениях Союза см.: *Прянишников* 1986: 9, 10, 35–37, 39–42). Возможно, Куденис заимствует термин из известного сборника под редакцией А. Ф. Киселева (Политическая история русской эмиграции 1999: 337), в котором, впрочем, указано на условность его употребления.

Куденис также считает, что созданная белоэмигрантским Обще-воинским союзом (РОВС) контрразведка «Внутренняя линия» являлась «средством проникновения советских агентов в РОВС» (с. 261), что опровергается некоторыми опубликованными документами (*Александров* 2016). Распространенная мифологизация деятельности «Внутренней линии» объясняется недостаточной изученностью темы.

Еще один недочет рецензируемой книги связан с партией младороссов. Описывая ее словесные баталии с оппонентами в 1937–1938 гг., которые привели к снижению влияния этой партии в зарубежье (с. 262–263), Куденис почему-то игнорирует известный скандал — встречу младоросского лидера А. Казем-Бека с генералом А. Игнатьевым, перешедшим на советскую службу. Именно с этой конфиденциальной встречи в парижском кафе и ее освещения в эмигрантской печати и начался закат младоросской партии (*Базанов* 2015: 122).

К недостаткам работы отнесем сообщение о трагической гибели генерала П. А. Кусонского. Арестованный 22 июня 1941 г. гестапо вместе с другими эмигрантами разных по-

литических взглядов, генерал умер в августе того же года от побоев лагерной охраны. Тем не менее Куденис ограничивается изложенной в письме тенденциозной версией писателя и журналиста, участника правых эмигрантских движений Бориса Солоневича, сумевшего в 1930-е гг. бежать из СССР. По мнению последнего, деятели военной эмиграции были «брошены в гущу евреев и коммунистов», которые, занимая административные посты, избивали белых и издевались над ними (с. 317–319). Таким образом, в гибели Кусонского оказываются виноваты якобы заправлявшие в лагере евреи, что представляется совсем абсурдным. В работе есть и другие ошибки. Так, в 1937 г. был убит советский невооруженный И. Рейсс, а не В. Кривицкий (с. 213). Кривицкий погиб при не до конца проясненных обстоятельствах в 1941 г.

Вызывает вопросы оценка в рецензируемой работе отношения эмигрантов к нацистам и ко Второй мировой войне. Куденис пишет, что «никто не строил иллюзий относительно русофобии “фюрера”» (с. 237). Но это не так! Нам известны и многочисленные мемуары, и письма, и дневниковые записи, в которых выражены радость и восторг по поводу начала «крестового похода» против большевизма (*Цурганов* 2011: 30–33; *Бэйда* 2014). Наверное, наиболее яркое высказывание, в котором выражены иллюзии части эмиграции, принадлежит И. С. Шмелеву: «Я так озарен событием 22.VI, великим подвигом Рыцаря, поднявшим меч на Дьявола. Верю крепко, что крепкие узы братства отныне свяжут оба великих народа» (Шмелев 2003: 67).

Посетим и на другие ошибки, которые, наверное, следует адресовать издателю и переводчику (и это не только неудобная мягкая обложка пятисотстраничной книги!). Например, общепринятое в литературе УДРЭ (Управление делами русской эмиграции) названо «Русским национальным управлением» (с. 305). Отметим и некоторые стилистические погрешности: «дружина считалась слишком покладистой» (с. 248); «о такой позиции есть что сказать» (с. 344) и ошибки «согласно военного справочника» (с. 195); «гусарский лейтенант» вместо корнета (с. 210); «около 1930 г. Европа...» (с. 221).

Несмотря на высказанные замечания, следует отметить, что масштабное исследование Вима Кудениса проливает новый свет на историю «русской Бельгии» и обогащает изучение истории русского зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров 2016 — *Александров К. М.* «Внутренняя линия»: к истории контрразведывательной деятельности чинов Русского общевойскового союза в 1920-е — 1930-е годы (по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XIV «Гороховая, 2». СПб., 2016. URL: vk.com/emigrantbooks?w=wall-77265500_48488 (дата обращения: 20.04.2020).

Антропов 2008 — *Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.

Базанов 2015 — *Базанов П. Н.* А. Л. Казем-Бек — лидер движения младороссов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 4. С. 117–126.

Бэйда 2014 — *Бэйда О.* Сшиблись два антихриста. **22 июня 1941 года в оценке русской эмиграции** // Неприкосновенный журнал. 2014. № 3 (95). URL: www.nlobooks.ru/magazines/nerprikosnovennyu_zapas/95_nz_3_2014/article/10962/ (дата обращения: 20.04.2020).

На службе России... 1978 — На службе России. Народно-Трудовой Союз. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978.

От Зарубежья до... 2014 — От Зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. М.: Посев, 2014.

Политическая история русской эмиграции 1999 — Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / под ред. А. Ф. Киселева. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1999.

Прянишников 1986 — *Прянишников Б. В.* Новопоколенцы. Силвер-спринг, 1986.

Цурганов 2011 — *Цурганов Ю. С.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2011.

Шмелев 2003 — И. С. Шмелев и О. А. Бредиаус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. I. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

WHITE-IMMIGRANT BELGIUM

Rev.: *Kudenis V.* Zhizn' posle tsaria: Russkie emigranty v Bel'gii, 1917–1945. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 504 p., il.

Vovk Alexey Yu. — candidate of historical sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow)

Key words: Russian emigration, history of Belgium, public organizations, anti-communism, Interbellum, Second World War, collaboration.

Abstract. A new monograph on Russian post-revolutionary emigration in Belgium, which is worthy of careful reading, is reviewed.

REFERENCES

- Aleksandrov K. M. "Vnutrenniaia liniia": k istorii kontrrazvedyvatel'noi deiatel'nosti chinov Russkogo obshchevoinskogo soiuza v 1920-e — 1930-e gody (po materialam Bakhmet'evskogo arkhiva Kolumbiiskogo universiteta. *Politicheskaia istoriia Rossii: proshloe i sovremennost'*. Istoricheskie chteniia. Vypusk XIV "Gorokhovaia, 2". St. Petersburg, 2016.
- Antropov O. K. *Rossiiskaia emigratsiia v poiskakh politicheskogo ob"edineniia*. Astrakhan': Izdatel'skii dom "Astrakhanskii universitet", 2008.
- Bazanov P. N. A. L. Kazem-Bek — lider dvizheniia mladorossov. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2015, vol. 16, vypusk 4, pp. 117–126.
- Beida O. Sshiblis' dva antikhrista. 22 iunია 1941 goda v otsenke russkoi emigratsii. *Neprikosnovennyi zhurnal*, 2014, no. 3 (95).
- I. S. Shmelev i O. A. Bredius-Subbotina: Roman v pis'makh: V 2 vol. Vol. I.* Moscow: "Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia" (ROSSPEN), 2003.
- Na sluzhbe Rossii. Narodno-Trudovoi Soiuz.* Frankfurt-na-Maine: Posev, 1978.
- Ot Zarubezh'ia do Moskvy. Narodno-Trudovoi Soiuz (NTS) v vospominaniakh i dokumentakh. 1924–2014.* Moscow: Posev, 2014.
- Politicheskaia istoriia russkoi emigratsii. 1920–1940 gg.: Dokumenty i materialy.* Ucheb. posobie, pod. red. A. F. Kiseleva. Moscow: Gumanit. izdat. tsentr VLADOS, 1999.
- Prianishnikov B. V. *Novopokolentsy*. Silver-spring, 1986.
- Tsurganov Iu. S. *Beloemigranty i Vtoraia mirovaia voina. Popytka revansha. 1939–1945.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2011.

А. Ю. Федоров

Рец.: *Дамье В. В.* Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919–1939). М.: ЛЕНАНД, 2018. 488 с.

Ключевые слова: анархизм, анархо-синдикализм, Испания, гражданская война 1936–1939 гг. в Испании.

Аннотация. Рассматривается монография, посвященная истории испанского анархо-синдикалистского движения, вышедшая из-под пера известного российского специалиста по истории социальных и революционных движений. Дается попытка взвешенно показать как сильные, так и слабые стороны данной работы, по-своему уникальной для российской исторической науки.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-296-304

Книга доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Вадима Валерьевича Дамье «Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919–1939)», вышедшая в 2018 г., — явление довольно заметное для российской исторической науки. Ведь речь идет о первой в нашей стране попытке комплексно рассмотреть «золотой век» истории испанского анархо-синдикалистского движения, являвшегося одним из ключевых участников гражданской войны 1936–1939 гг. в этой стране.

Сразу хочется отметить безусловное достоинство книги, о котором можно получить представление уже из аннотации: при написании своей монографии автор использовал действительно широкий круг исторических источников и литературы. Были использованы, в частности, материалы Российского государственного архива социально-политической истории

(РГАСПИ, Москва), Российского государственного военного архива (РГВА, Москва), а также Международного института социальной истории (МИСИ, Амстердам), два с половиной десятка единиц периодических изданий, а также более 250 единиц литературы, включенных в библиографический список.

Вместе с тем, несмотря на внушительность всего вышеперечисленного, при внимательном знакомстве с библиографией бросаются в глаза и пробелы. Так, из материалов РГАСПИ был использован только 534-й фонд (Красный интернационал профсоюзов, Профинтерн), РГВА представлен всего одним делом, а в коллекциях МИСИ основной упор сделан на архив Международной ассоциации трудящихся (МАТ, анархо-синдикалистский интернационал), кроме этого, в списке использованных источников присутствуют некаталогизированный архив Абада де Сантильяна и два дела из архива Национальной конфедерации

© А. Ю. Федоров, 2020

Федоров Андрей Юрьевич — специалист-археолог, ООО «Столичное археологическое бюро» (Москва); fedorovan36@gmail.com

рации труда (НКТ, анархо-синдикалистское профсоюзное объединение Испании). Как легко можно убедиться, связано это с тем, что монография основывалась на тех материалах об истории испанского анархо-синдикалистского движения, которые вошли в двухтомник автора «Забывтый Интернационал» (2006, 2007), в свою очередь выросший из его докторской диссертации 2006 г.

В этой связи необходимо отметить отсутствие в работе ссылок на фонд 495 РГАСПИ, т.е. архив Коминтерна, в котором автором данной рецензии было выявлено немало материалов, связанных с историей испанского анархо-синдикализма, включая документы испанских либертарных (анархистских) организаций. Недостаточное, на наш взгляд, внимание обращено и на внушительные документальные коллекции РГВА. Хотя многочисленные документальные собрания данного архива и не имеют прямого отношения к истории анархистского движения, тем не менее они содержат массу документов, как проливающих дополнительный свет на те или иные процессы и события, в которые были вовлечены испанские анархо-синдикалисты, так и позволяющих подходить к некоторым освещаемым аспектам более взвешенно. В первую очередь речь идет о фонде 35082 (коллекция документальных материалов по истории гражданской войны в Испа-

нии), в котором собраны основные материалы архива, связанные с историей испанской гражданской войны. Что касается архива МИСИ, то при написании монографии совершенно не были использованы материалы Иберийской анархистской федерации (ФАИ), а документы фонда НКТ были востребованы в крайне ограниченном объеме.

Нельзя не отметить и то, что автор не работал с материалами испанских архивов, а также с документами из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Что касается использования в монографии периодических изданий (а на сегодняшний день, в первую очередь благодаря развитию сети Интернет, исследователям стали доступны сотни наименований испанских периодических изданий), то представленные в работе материалы кажутся в достаточной степени репрезентативными, т.к. включают в себя газеты и журналы различных течений испанского анархистского движения. При этом часть использованных автором периодических изданий до сих пор практически не оказывалась в поле зрения отечественных историков. Речь идет, в частности, о таких изданиях, как «Acacia», «Estudios», «Esfuerzo», «El Amigo del Pueblo», «La Revista Blanca», «Tierra y Libertad», «Ruta», «Nosotros», а также газете «La Tierra»¹. Таким

¹ Отдельные примеры использования данных изданий назвать можно, однако пока это скорее исключение из правила, более того, иногда создается впечатление, что иные авторы дают ссылки на газеты, с которыми они в действительности никогда не работали, имея дело только с перепечатками из них. Так, при работе с документальными коллекциями АВП РФ легко сличить обнаруженные там обзоры испанской прессы на русском либо французском языках со ссылками в работах различных авторов на прессу и выявить явное сходство. Работа с обзорами прессы выдается за работу с самими периодическими изданиями.

образом, мы наблюдаем действительно качественный подход автора к работе с источниками подобного рода, при том что так и не были использованы столь важные периодические издания испанского анархистского движения 1930-х гг., как «CNT», «Juventud Libre», «Fragua Social» и некоторые другие. Все-таки явное расширение автором привычной для нашей науки источниковой базы можно только приветствовать.

Обратимся теперь к списку использованной литературы. К недостаткам стоит отнести то, что в нем отсутствует разделение на источники и исследовательские труды, что, безусловно, облегчило бы работу с библиографией книги. Тем не менее не может не радовать уже сам факт присутствия в монографии библиографического списка, что делается далеко не всегда — даже в наиболее заметных исследовательских работах современных российских авторов, посвященных истории гражданской войны в Испании и биографии испанского диктатора Франсиско Франко, списки литературы и источников либо вообще отсутствуют, либо представлены в урезанном виде. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к книгам Николая Платошкина, Вадима Телицына, Александра Шубина, Сергея Данилова, Юрия Рыбалкина, Веры Малай, Сергея Абросова, Константина Семенова, Светланы Пожарской. Из приведенного списка: у Пожарской, Данилова, Телицына, Рыбалкина, Платошкина библиография в той или иной степени не полная, у Шубина отсутствует полно-

стью. При этом в книге Платошкина и вовсе полностью отсутствует научный ссылочный аппарат, а Телицын сам пишет во введении, что специально «опускает» в своем исследовании ссылки на архивные материалы. И только в работах К. Семенова и В. Малай библиография представлена в полном объеме (Абросов 2008; Данилов 2004; Малай 2011; Платошкин 2005; Пожарская 2007; Рыбалкин 2016; Семенов 2016; Телицын 2003; Шубин 2012). При этом безусловным достоинством монографии Вадима Валерьевича является действительно широкий охват использованной им литературы, как уже ставшей «классической», так и современной, в том числе малоизвестных в России авторов, таких как испанские исследователи Мигель Аморос, Агустин Гильямон, Мануэль Агилера Поведано, британо-испанского историка Криса Илэма и некоторых других.

Важное место при написании работы заняло использование опубликованных документов испанского либертарного движения, а также мемуаров его участников. В этой связи особенно хотелось бы выделить работу автора с воспоминаниями таких людей, как Хосе (Жозеп) Пейратс, Федерика Монтсени, Сиприано Мера, Рикардо Санса, Хоакина Аскасо, до сих пор у нас практически неизвестных², при том, что данные люди играли в испанском анархистском движении и жизни испанского общества в целом крайне важные роли.

Особо хотелось бы отметить использование в монографии работ таких

² Из воспоминаний испанских анархистов отечественные авторы, как правило, используют написанное Абадом де Сантьяном (наст. имя: Синесио Баудилио Гарсиа Фернандес, либо, по другой версии, Синесио Гарсиа Дельгадо) и Гарсиа Оливером.

авторов, как Марта Акельсберг, Ричард Клеминсон, Машуан Браконс, Мэри Нэш, Жозеп Мариа Росельо и Лаура Санчес Бланко. Это помогло российскому историку дать комплексное представление об испанском анархизме как о культурном феномене, а не просто рабочем движении. «Анархисты стремились не только распространить знания и убедить людей в справедливости, красоте и осуществимости своего идеала. Они отдавали себе отчет в том, что перемены в сознании невозможны без параллельного изменения самого образа жизни людей, их взаимоотношений друг с другом в повседневном существовании. Либертарии Испании и других стран с XIX столетия пропагандировали и практиковали свободную любовь, партнерские семейные отношения, эмансипацию женщины, восстановление гармонии с природой, планирование семьи и рождаемости, здоровый образ жизни», — пишет автор (с. 279–280). К этому необходимо добавить, что большое значение испанские анархисты традиционно придавали вопросам образования — как в довоенный период, создавая так называемые «свободные школы», т. е. независимые от государства и церкви, так и в период войны и революции, о чем также пишет в своем исследовании В. В. Дамье.

Освещение данной стороны испанского анархо-синдикалистского движения выгодно выделяет настоящую работу на фоне остальных исследований, наглядно демонстрируя не только масштаб выполненной задачи, но и глубину проработки темы. Дело в том, что в нашей исследовательской литературе до недавних пор данный

аспект либо не затрагивался вовсе, либо затрагивался карикатурно, без малейшей попытки понять явление, его значение и место как в собственно анархистском движении, так и в испанском обществе в целом.

Еще одно важное достоинство монографии, восходящее к уже упомянутому «Забытому Интернационалу», состоит в том, что история испанского анархо-синдикалистского движения дается в контексте международного анархистского движения, демонстрируя его значение и место на глобальном уровне. При этом раскрывается роль не только анархо-синдикалистских профсоюзов — НКТ, специфической анархистской (идеологической) организации — ФАИ, во время гражданской войны ставшей чем-то вроде «анархистской партии», но и Иберийской федерации либертарной молодежи (ФИХЛ), а также, пусть и кратко, женской анархистской организации «Свободные женщины».

Есть у всего этого, впрочем, и слабая сторона. Дело в том, что временами чувствуется недостаток внутрииспанского контекста, т. е. история испанского анархизма иногда несколько провисает в силу крайне ограниченного внимания, уделенного в книге другим политическим силам. Да, с одной стороны, монография посвящена именно анархистам и их идеям, и они действительно были в то время одной из ведущих политических сил страны. Однако, с другой стороны, такого рода «анархоцентричность» временами не дает оценить истинное место этого движения в истории Испании. Все дело в том, что если к началу 1930-х гг.

испанские либертарии явно лидировали в левом политическом секторе, то постепенно контролируемые социалистами профсоюзы из Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) смогли добиться паритета по своей численности относительно НКТ³, а примерно с февральских выборов 1936 г. начинают стремительно набирать силу коммунисты, во время гражданской войны став главной политической силой в Республиканской зоне, сумев оттеснить в 1937 г. даже анархо-синдикалистов.

Еще одно бесспорное достоинство книги заключается в критическом взгляде на историю Второй испанской республики (1931–1936 гг.), поданной глазами анархистского движения, чему посвящена достаточно солидная часть работы (с. 71–163). Да, разные авторы в своих исследованиях гражданской войны 1936–1939 гг. старались давать обзор этого периода испанской истории, однако внимание ему уделялось явно не достаточное (о небольшом исследовательском интересе свидетельствуют и редкие записи в листах использования соответствующих документов из коллекций РГАСПИ и АВП РФ). В книге В. Дамье критический подход к этому периоду испанской истории основан на большом фактическом материале.

Комплексное освещение социальной революции, охватившей в той или иной степени всю территорию Испании, но ограниченное обзором положения в отдельных провинциях, будь то Арагон или Каталония, как это было в работах А. Шубина (*Шу-*

бин 2012: 192–249) или более ранних публикациях того же В. Дамье (*Дамье* 2007: 351–354), является еще одним бесспорным достоинством книги. Автор достаточно подробно пишет о том, какие революционные процессы разворачивались и в других регионах, таких как Кастилия, Левант и Андалусия.

Также важно отметить тот факт, что автор достаточно много внимания в своем исследовании уделяет освещению внутреннего противоборства в испанском анархо-синдикалистском движении разных тенденций. При этом он не ограничивается историей раскола довоенного периода Второй республики, но также достаточно подробно освещает ситуацию времен гражданской войны, что позволяет оценить истинные масштабы и возможности радикальной оппозиции реформистскому (умеренному) курсу, избранному лидерами движения, решившимися даже на вхождение своих представителей в республиканское правительство.

К сожалению, в книге довольно скромно подан ключевой момент испанской революции: майские события 1937 г. в Барселоне (с. 311–315). Между тем эти события крайне важны, т.к. они оказались определяющими для всего хода испанской социальной революции. В этой связи остается лишь отослать читателя к соответствующей главе из монографии Александра Шубина, посвященной испанской войне и революции (*Шубин* 2012: 358–409), а также работам современных зарубежных авторов, подробно разбирающих

³ Об истории испанского социалистического движения см., например: (*Gabriel* 2011; *Graham* 1991).

данный эпизод, таких как Агустин Гильямон, Мануэль Агилера Поведано и Дэвид Эванс (*Aguilera Povedano* 2012: 80–171; *Evans* 2018: 89–125; *Guillamón Iborra* 2017), а также критиков испанских анархистов, таких как Анхель Виньяс и др. (*Gallego* 2008; *Viñas* 2007: 487–548). Работы указанных авторов дают возможность понять, какую роль в судьбе республики и испанской революции сыграли барселонские события, и почему они до сих пор приковывают к себе внимание специалистов из разных стран, занимающихся историей гражданской войны в Испании.

Вместе с тем в книге предпринята попытка более или менее подробно освещения до сих пор плохо изученных событий в Леванте в феврале — марте того же года. Ключевым здесь стал «инцидент в Виналесе», имевший место примерно в середине марта. По вполне справедливому мнению автора, эти события стали одним из первых проявлений открытого противостояния между рядовыми членами и лидерами НКТ (с. 292).

В целом сама глава «Гражданская война внутри гражданской войны» представляется, возможно, наиболее важной частью книги, т.к. в ней на богатом фактическом материале демонстрируется, что собой в действительности представляло то хрупкое антифашистское единство, которое лежало в основе республики с самого начала гражданской войны.

Ну и, наконец, несколько слов об одной серьезной фактической ошибке, перешедшей в рассматриваемую монографию из более раннего иссле-

дования автора и сыгравшей в итоге злую шутку с российской исторической наукой, занимающейся историей Испании. Дело в том, что еще в своем «Забытом Интернационале» Вадим Дамье, заканчивая главу об испанской революции, так описал последние дни республики, что у читателя создавалось впечатление, что она пала 4 апреля (*Дамье* 2007: 411). Эту же версию автор воспроизвел и в рассматриваемой нами монографии (с. 462).

Позднее коллега по историческому цеху и давний оппонент автора Александр Шубин в своем исследовании воспроизвел ту же версию, написав, что «4 апреля итальянские танки вошли в Аликанте, где скопилось несколько тысяч беженцев» (*Шубин* 2012: 560). Ссылку при этом не давалось, однако при внимательном знакомстве с работами обоих авторов становится понятно, откуда возникла ошибка в данном случае. Позднее автор воспроизвел ее и в ряде других своих работ, включая исследование о межвоенном периоде 2016 г. (*Шубин* 2016: 215).

При проверке же все оказалось достаточно просто. Причиной ошибки можно назвать то, что сама по себе тема испанской войны не является первоочередной для Вадима Валерьевича, а также то, что он некритически привел цитату из книги испанского автора Хозе Пейратса 1964 г. При этом ошибка была уже у самого Пейратса, неверно интерпретировавшего данные Международного координационного комитета, которые он воспроизводил в конце своего трехтомного исследования (*Peirats* 1988: 316), впервые изданного еще в 1953 г.

Между тем известно, что война была официально закончена с падением последних территорий, еще контролировавшихся республиканцами, 1 апреля 1939 г., когда Франко по радио объявил о своей победе и окончании войны.

Еще одним очень важным достоинством книги является то, что описание событий не повисает в воздухе с окончанием гражданской войны и установлением в стране диктатуры Франсиско Франко. В послесловии, имеющем подзаголовок «Эмигранты, партизаны, подпольщики», пусть и очень кратко, всего на четырех страницах, но рассказывается о дальнейшей судьбе движения и его участников (с. 463–467). При этом, правда, из зоны внимания автора «выпало» участие испанских либертариев во французском сопротивлении нацистской оккупации, что является неотъемлемой частью истории движения.

В любом случае, учитывая все сильные и слабые стороны рассматриваемой монографии, представляется, что она должна занять достойное место в ряду исследований как анархистского движения Испании, так и собственно испанской истории XX в. Допущенные же ошибки, хочется надеяться, будут исправлены в дальнейшем в случае переиздания книги, а также в случае создания автором новых работ по поднятым темам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абросов 2008 — *Абросов С. В.* Воздушная война в Испании. Хроника воздушных

сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Дамье 2007 — *Дамье В.* Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Том 2: Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступления фашизма (1930–1939 гг.). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Данилов 2004 — *Данилов С. Ю.* Гражданская война в Испании. М.: Вече, 2004.

Малай 2011 — *Малай В. В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: Международные аспекты конфликта. М.: Наука, 2011.

Платошкин 2005 — *Платошкин Н. Н.* Гражданская война в Испании. 1936–1939. М.: Олма-Пресс, ПФ «Красный пролетарий», 2005.

Пожарская 2007 — *Пожарская С.* Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Рыбалкин 2016 — *Рыбалкин Ю. Е.* Сталин и Испания. М.: Вече, 2016.

Семенов 2016 — *Семенов К.* Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М.: Алгоритм, 2016.

Телицын 2003 — *Телицын В. Л.* «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М.: Эксмо, 2003.

Шубин 2012 — *Шубин А. В.* Великая испанская революция. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Шубин 2016 — *Шубин А. В.* Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2016.

Aguilera Povedano 2012 — *Aguilera Povedano M.* Compañeros y camaradas: Las luchas entre antifascistas en la Guerra Civil Española. Madrid: Actas, 2012.

Evans 2018 — *Evans D.* Revolution and the State: Anarchism in the Spanish Civil War, 1936–1939. London; New York: Routledge, 2018.

Gabriel 2011 — Gabriel P. Historia de la UGT. Vol. 4. Un sindicalismo de guerra, 1936–1939. Madrid: Siglo XXI, 2011.

Gallego 2008 — Gallego F. La crisis del antifascismo: Barcelona, mayo de 1937. Barcelona: DeBOLS!LLO, 2008.

Graham 1991 — Graham H. Socialism and War: The Spanish Socialist Party in Power and Crisis, 1936–1939. Cambridge etc., 1991.

Guillamón Iborra 2017 — Guillamón Iborra A. Insurrección. Hambre y violencia en

la Barcelona Revolucionaria. T. 3. Las sangrientas jornadas del 3 al 7 de mayo de 1937. Barcelona: Descontrol, 2017.

Peirats 1988 — Peirats J. La CNT en la Revolución Española. 2a ed. Tomo 1–3. T. 3. Cali: A. A. La Cuchilla, 1988.

Viñas 2007 — Viñas Á. El escudo de la República: El oro de España, la apuesta soviética y lo hechos de mayo de 1937. La República española en Guerra. Barcelona: Crítica, 2007.

Rev.: Dam'e V. V. Anarkho-sindikalizm i revoliutsionnoe dvizhenie v Ispanii (1919–1939). Moscow: LENAND, 2018. 488 p.

Fedorov Andrey Yu. — archaeologist specialist, “Metropolitan Archaeological Bureau” Ltd (Moscow)

Key words: anarchism, anarcho-syndicalism, Spain, the Spanish Civil War of 1936–1939.

Abstract. A monograph paper on the Spanish anarcho-syndicalist movement, written by a well-known Russian expert on the history of social and revolutionary movements, is reviewed. An attempt is made to present carefully both the strong and the weak sides of this work, which is unique for Russian historical science.

REFERENCES

Abrosov S.V. *Vozdushnaia voina v Ispanii. Khronika vozdushnykh srazhenii 1936–1939 gg.* Moscow: Iauza, Eksmo, 2008.

Aguilera Povedano M. *Compañeros y camaradas: Las luchas entre antifascistas en la Guerra Civil Española.* Madrid: Actas, 2012.

Dam'e V. *Zabytyi Internatsional: Mezhdunarodnoe anarkho-sindikalistskoe dvizhenie mezhdumia mirovymi voynami. Tom 2: Mezhdunarodnyi anarkho-sindikalizm v usloviiakh "Velikogo krizisa" i nastupleniia fashizma (1930–1939 gg.).* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.

Danilov S.Iu. *Grazhdanskaia voina v Ispanii.* Moscow: Veche, 2004.

Evans D. *Revolution and the State: Anarchism in the Spanish Civil War, 1936–1939.* London; New York: Routledge, 2018.

Gabriel P. *Historia de la UGT.* Vol. 4. Un sindicalismo de guerra, 1936–1939. Madrid: Siglo XXI, 2011.

Gallego F. *La crisis del antifascismo: Barcelona, mayo de 1937.* Barcelona: DeBOLS!LLO, 2008.

Graham H. *Socialism and War: The Spanish Socialist Party in Power and Crisis, 1936–1939.* Cambridge etc., 1991.

Guillamón Iborra A. *Insurrección. Hambre y violencia en la Barcelona Revolucionaria.* Vol. 3. Las sangrientas jornadas del 3 al 7 de mayo de 1937. Barcelona: Descontrol, 2017.

Malai V.V. *Grazhdanskaia voina v Ispanii 1936–1939 godov i Evropa: Mezhdunarodnye aspekty konflikta*. Moscow: Nauka, 2011.

Peirats J. *La CNT en la Revolucion Española*. 2a ed. Tomo 1–3. Vol. 3. Cali: A. A. La Cuchilla, 1988.

Platoshkin N.N. *Grazhdanskaia voina v Ispanii. 1936–1939*. Moscow: Olma-Press, PF “Krasnyi proletarii”, 2005.

Pozharskaia S. *Fransisko Franko i ego vremia*. Moscow: OLMA Media Grupp, 2007.

Rybalkin Iu.E. *Stalin i Ispaniia*. Moscow: Veche, 2016.

Semenov K. *Russkaia emigratsiia i grazhdanskaia voina v Ispanii 1936–1939 gg*. Moscow: Algoritm, 2016.

Shubin A. V. *Mir na puti k voine. SSSR i mirovoi krizis 1933–1940 gg*. Moscow: Algoritm, 2016.

Shubin A. V. *Velikaia ispanskaia revoliutsiia*. Moscow: Knizhnyi dom “LIBROKOM”, 2012.

Telitsyn V.L. *“Pirenei” v ogne. Grazhdanskaia voina v Ispanii i sovetskie “dobrovol’tsy”*. Moscow: Eksmo, 2003.

Viñas Á. *El escudo de la República: El oro de España, la apuesta soviética y lo hechos de mayo de 1937. La República española en Guerra*. Barcelona: Critica, 2007.

Ю. Е. Ивонин

Рец.: *Хаванова О. В.* Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М.: Индрик, 2018, 360 с.

Ключевые слова: монархия Габсбургов, чиновничество, просвещенный абсолютизм, коррупция.

Аннотация. Рецензируемая книга д.и.н., заместителя директора Института славяноведения РАН О. В. Хавановой посвящена мало изученной проблеме чиновничества в монархии Габсбургов эпохи просвещенного абсолютизма. Автор доказывает, что эта особая социальная и профессиональная группа характеризовалась значительной горизонтальной и вертикальной мобильностью. DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-305-308

В новой монографии д.и.н. О. В. Хаванова исследует мало изученную проблему чиновничества в монархии Габсбургов эпохи просвещенного абсолютизма. В самом названии видны основные составляющие жизни и работы австрийского чиновничества в это время. Автор подчеркивает, что австрийское чиновничество составляло особую замкнутую социальную группу обладателей привилегированного статуса и носителей вверенных им функций. Оно происходило из дворянства и бюргерства и представляло собой особую социальную группу, создавшую специфический корпоративный этос, в основе которого находилась определенная профессиональная этика (с. 8, 10–14). Главным содержанием книги являются подробно изученные биографии чиновников не только центральных венских ведомств, но и многочисленных органов власти полиэтнической и поликультурной державы Габсбургов. Интересно, что главный акцент в дея-

тельности австрийского чиновничества ставился не на обогащение, а на приобретение влияния, дающего возможность возвыситься в чиновничьей иерархии. Документы, которые были изучены автором в австрийских и венгерских архивах, дали возможность охарактеризовать чиновничество державы Габсбургов как социальный феномен, очертить его возможности как в вертикальной, так и горизонтальной мобильности, а также определить принципы меритократии и филантропии в кадровой политике австрийской монархии. Несомненной заслугой О. В. Хавановой является удачная реконструкция моделей продвижения по служебной лестнице и роль в этом образования. Также интересны главы, в которых рассматриваются женщины как жены, матери, дочери чиновников и их влияние на карьеры глав семей. Очень насыщенный материал использован автором по проблеме этнолингвистического профиля чиновничества в державе Габсбургов.

Автор сознательно избегает термина «бюрократия», прибегая к терминам «чиновничество», «государственный аппарат», а также опирается на концепцию «социального дисциплинирования», которая обосновывала вмешательство государства в процесс формирования «единообразного государственного подданного» (с. 19–20). С другой стороны, рассуждает Хаванова, многочисленные прошения в раннее Новое время показывали, насколько важную роль они играли в информировании властей о настроениях в обществе (с. 28–29, 37). Примечательным явлением жизни и деятельности чиновничества державы Габсбургов были отношения патроната и клиентелы, имевшие свой стиль и способы общения, необходимые для поисков покровительства свыше, которое способствовало карьере клиентелы. К этому автор добавляет информацию о роли дворянских комитатов как коллективных патронов. Причем комитаты выступали коллективным просителем, когда шла речь об особо заслуженных их членах. Кроме того, система патроната использовалась отцами, заслуги которых становились фундаментом для карьерных продвижений сыновей (с. 48, 61–62, 71–72). В связи с такой ситуацией во владениях австрийского дома автор отметила стремление австрийского дворянства делать карьеру в рядах чиновничества, тогда как российское дворянство, как это явствует из работ Ю. М. Лотмана, зачастую тяготилось обязательностью службы. Во всяком случае, Хаванова отмечает возведение в дворянство в качестве важной формы вертикальной мобильности и инструмента модификации поли-

тических и административных элит (с. 118, 128).

Исследовательница подчеркивает, что во владениях австрийского дома заслуги находились в центре внимания общества и являлись существенным элементом социального дисциплинирования, а с начала XVIII в. вообще стали средством установления длительного сотрудничества элит с династией на основе политической лояльности (с. 130). Заслуги становились способом служебного повышения, возведения в дворянство, оплаты обучения детей в престижных учебных заведениях и удовлетворения прошений. Апелляции к заслугам предков вместе с собственными становились самым популярным типом аргументации в различных прошениях. Следующими по степени распространенности типами аргументации, сформулированными Хавановой, были апелляции исключительно к собственным заслугам, затем упоминания о принадлежности к знаменитым родам монархии и, наконец, указание на близость к императорскому двору. Так создавалась «наследственная меритократия» как фактор стабильности общественного порядка, при которой в дворянстве и аристократии воспитывались политическая лояльность и служебное рвение (с. 131, 136, 138–140, 142).

Как хорошо показывает автор, широкое распространение получил переход из протестантизма в католическую веру, одобрявшийся Марией Терезией не только в силу религиозных убеждений, но и в качестве позитивного примера для укрепления духовного единства династии и подданных. В самом деле, случаи

детального рассмотрения прошений конвертитов о предоставлении им пенсий и должностей были достаточно частыми. Лишь после провозглашения декрета Иосифа II о веротерпимости в 1781 г. отменяется запрет принимать на государственную службу протестантов и стал чаще практиковаться прием «талантливых детей заслуженных родителей» или квалифицированных протеже крупных сановников (с. 152–155).

Значительное внимание в книге уделено системе образования в державе Габсбургов. Автор отмечает, что ученичество будущих чиновников при опытных юристах ценилось выше университетского диплома. Но во второй половине XVIII в. государство стало во все большей степени регламентировать образование, университеты потеряли средневековую автономию и начали готовить специалистов по востребованным специальностям. Вместе с тем от будущих чиновников и дипломатов низшего и среднего уровня считалось необходимым требовать обучения в университетах, тогда как для аристократов был создан, например, знаменитый венский Терезианум. Другой отличительной чертой было смещение от университетского образования к сертификации знаний и компетенций, с которыми соискатель приходил на службу в государственные органы (с. 205, 207–209, 214, 217, 222).

Касаясь проблемы коррупции, вообще-то довольно широко существовавшей во многих странах Европы раннего Нового времени, и в том числе во владениях австрийского дома, Хаванова приводит несколь-

ко на шумевших в то время случаев, в частности, Влашича и Кончека, и обращает внимание на то, что чиновники «компенсировали скудость жалованья посредническими услугами», с помощью которых они могли иметь средства для «удовлетворения повышенных запросов» (с. 237, 253). Тут, конечно, было бы неплохо сравнить размеры и стили коррупции в разных государствах, потому что создается впечатление, что в Вене она имела меньший размах.

Интересен подход автора к проблеме «Женщины и чиновничья среда». Эту проблему исследовать было трудно, т. к. сохранилось очень мало дневников и личных писем, а от горожанок и крестьянок почти ничего, исключая жалобы и прошения к властям, освещение которых дает определенное представление о жизни и социальной роли жен и вдов чиновников. Хаванова отмечает, что они были социально активными и обладали чувством ответственности «за поддержание материального благосостояния семьи» и будущей мобильности потомства (с. 277–278, 298).

Глава V имеет характерное название «Бюрократия и образование современных наций» и содержит немало интересных материалов и наблюдений, позволяющих скорректировать некоторые устаревшие представления относительно роли немецкого языка и его использования чиновничеством. Работа в полиэтничной державе, где чиновники постоянно перемещались по всей ее территории, требовала от них знания нескольких языков. Даже в XVIII в. латинский язык господствовал в публичной

сфере и в образовании. Что касается немецкого языка, то постепенное его введение в Венгрии изменило облик административных элит Венгерского королевства. Как полагает автор, венский двор пытался с помощью обязательного владения немецким языком «обогатить чиновничьи корпорации королевства людьми с более широкими интеллектуальными горизонтами» (с. 299–300, 308–310, 316, 320, 324).

Подводя итоги своему интересному исследованию, О. В. Хаванова со знанием дела утверждает, что чиновничество в монархии Габсбургов во время просвещенного абсолютизма являлось особой социальной и профессиональной группой, отличавшейся значительной гори-

зонтальной и вертикальной мобильностью. Кроме того, автор не без основания пишет, что традиционное общество не исчезает в эпоху модерна и адаптируется к реалиям индустриального общества. Личные связи играли большую роль при найме и в служебной карьере. Автор также заметила, что в результате постоянно усложнявшихся требований чиновничество стало одним из самых образованных сообществ монархии Габсбургов. В итоге усердие и честолюбие чиновничества сыграли роль важных личных качеств в достижении успехов на службе (с. 335–337, 340, 342). Резюмируя рассмотрение книги, можно утверждать, что она может служить своего рода образцом для исследования проблем истории чиновничества в других странах.

Rev.: *Khavanova O. V. Userdie, chestoliubie i kar'era. Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absoliutizma. Moscow: Indrik, 2018, 360 p.*

Ivonin Yuri A. — doctor of historical sciences, Professor, Smolensk State University (Smolensk)

Key words: Habsburg monarchy, bureaucracy, enlightened absolutism, bureaucracy, corruption.

Abstract. The book under review by Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences O. V. Khavanova is devoted to the little-studied problem of bureaucracy in the Habsburg monarchy of the era of enlightened absolutism. The author argues that this particular social and professional group was characterized by significant horizontal and vertical mobility.

Н. П. Таньшина

НОВЫЙ РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА ФРАНЦУЗСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Рец.: Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.

Ключевые слова: Французская революция, «новая русская школа Французской революции», историография, А. В. Чудинов, Д. Ю. Бовыкин.

Аннотация. Рецензия посвящена новой книге известных российских историков, общепризнанных специалистов в области изучения Французской революции XVIII в. Д. Ю. Бовыкина и А. В. Чудинова «Французская революция», опубликованной в 2020 г. издательством «Альпина нон-фикшн: ПостНаука». В рецензии делается вывод, что в работе А. В. Чудинова и Д. Ю. Бовыкина, написанной в рамках методологии «новой русской школы Французской революции», с учетом новейших достижений мировой исторической науки и с опорой на разработки «новой русской школы» и советской историографии даются ответы на принципиальные и дискуссионные вопросы, связанные с причинами Революции, характеристикой ее движущих сил и основных этапов, результатами Революции и ее влиянием на социально-политическое и культурное развитие как Франции, так и всего мира.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-309-319

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Этот страшный пандемийный год (надеюсь, что только год!) выдался урожайным на научные новинки: многие исследователи оказались в хорошем смысле подвержены «болдинскому синдрому». Но книга д.и.н. А. В. Чудинова и д.и.н. Д. Ю. Бовыкина «Французская революция» — не следствие вынужденного пребы-

вания в карантине, а результат многолетней, если не совместной, то бок о бок, работы, поскольку Александр Викторович и Дмитрий Юрьевич не просто много лет занимаются проблематикой Французской революции, являются авторами многочисленных монографий и научных статей по теме, но и осуществляют целый

© Н. П. Таньшина, 2020

Таньшина Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва); horoshovo@mail.ru

ряд совместных научных проектов, в том числе издание «Французского ежегодника», и являются лидерами и идейными вдохновителями «*новой русской школы*» в изучении Французской революции.

Книга — очень долгожданная, и в научном плане ее выход является явлением и знаковым событием, неким рубежом, когда опыт многолетних наработок и исследований о Революции аккумулировался в обобщающую монографию. Ведь последняя такого рода работа о Французской революции была написана еще классиком советского франковедения и главой «ленинградской школы»¹ В. Г. Ревуненковым (книга неоднократно переиздавалась, в последний раз в 2014 г.), в которой, во многом с некоторыми смягчениями, была представлена классическая советская точка зрения на Революцию, о чем свидетельствует само ее именование как «Великой» (Ревуненков 2014). Д. Ю. Бовыкин в своей статье, посвященной анализу российской историографии Французской революции в 1995–2005 гг. и опубликованной ровно пятнадцать лет назад, делал такой прогноз относительно развития отечественной науки в последующие десять лет: «...окончательно станут нормой работы, основанные на архивных источниках (в том числе и преимущественно на французских); историки вряд ли договорятся о терминах, но придут к более или менее устоявшейся терминологии; и хочется надеяться, наконец-то появятся обобщающие работы, написанные на современном

уровне» (Бовыкин 2007: 73). Конечно, делать прогнозы — вещь неблагодарная, но в данном случае они подтвердились, особенно в первом и третьем пункте: новое поколение ученых имеет возможность работать во французских архивах, и книга, наконец-таки, появилась!

Появление этой книги — событие, важное не только для отечественного франковедения и в целом для исторической науки, но и для науки мировой, поскольку современная российская школа изучения Французской революции в лице «*новой русской школы*» прекрасно интегрирована в мировую историографию Революции, свидетельством чего являются монографии, написанные на французских архивных источниках, публикации в ведущих французских изданиях и готовящиеся к выходу монографии на французском языке, регулярное участие в международных конференциях и совместные научные проекты.

Обобщающие труды по истории Революции — явление весьма нечастое и для французской науки. Ведь какие сюжеты изучают современные французские историки? Ночи Революции, животные Революции и т. д. — т. е. сюжеты, связанные с микроисторией, историей повседневности и, конечно, историей Террора. На вопрос, почему такое происходит, на мой взгляд, очень верно ответил известный французский исследователь, ведущий научный сотрудник Высшей школы социальных исследований (EHESS) Патрис Генифе. На его взгляд, это является следствием очень глубокой

¹ Если мы считаем, что «московская» и «ленинградская» школы существовали, а об их так называемом «противостоянии», на самом деле во многом воображаемом, много писал А. В. Чудинов (Чудинов 2017; Гордон 2009).

специализации в исторической науке, мешающей создать действительно «всеобщую» историю Революции. Другая причина, по мнению П. Генифе, заключается в исчезновении марксистской идеологической схемы, обеспечивавшей структуру исследований и позволявшей осмыслить то или иное событие в его глобальности, причем аналогичные тенденции происходят не только в историографии Революции. «Иными словами, великой схеме интеграции истории за минувшие годы ничто не пришло на смену. Это и есть цена свободы», — делает вывод исследователь.

Казалось бы, Французская революция за истекшие 230 лет изучена вдоль и поперек, однако это — только видимость, а точнее — миф. Как и то, что сама Французская революция превратилась в огромный миф, а истоки этого мифотворчества корнями уходят в самую революционную эпоху, начиная от мифа о «штурме Бастилии» и бриошей королевы Марии-Антуанетты до советского мифа о «буржуазном» характере Революции — и этот список можно продолжать и продолжать. Эти мифы укоренились не только в коллективной памяти и историческом сознании французов, поскольку для Франции Революция — это матрица и основа ее современной политической культуры, поэтому мифы носят системообразующий характер и отказ от них происходит весьма медленно и болезненно, пример чему — борьба французского историка Р. Сеше за признание событий в Вандее геноцидом. Но признать войну в Вандее геноцидом — значит в какой-то степени признать геноцидом и саму Революцию, а это просто невысказано

мо: вся современная Франция, как бы к революции ни относились, выросла из нее, даже если современные французы и не знают текста «Марсельезы», о чем сокрушался в своих мемуарах крупнейший французский историк-марксист Мишель Вовель.

Начиная с XIX ст. эти мифы вросли в плоть и кровь российских интеллектуалов, когда формировался настоящий культ Французской революции и когда, как подметил Александр Герцен, российская интеллигенция также пережила Руссо и Робеспьера, как французы (Герцен 1959: 322). То есть надежды В. И. Герье, основателя «русской школы» Французской революции, на то, что взгляд со стороны может быть более объективным и лишенным политической ангажированности, не оправдались: в России во все времена интерес к истории Революции носил далеко не только академический характер. Как в свое время верно подметил А. В. Чудинов, образ революции, сложившийся в русской культуре XIX ст., принадлежал скорее к сфере сакрального, нежели к области научного знания (Чудинов 2017: 11). После Октября 1917-го на смену «русскому мифу», охранявшемуся силой мнения «передовой» интеллигенции, пришел новый, но не менее прочный, «советский миф» Французской революции.

Советского Союза нет уже давно, от марксистской идеологии вроде бы отказались, поколению людей, родившемуся в новой России, сейчас уже за тридцать, и многие из них сами уже являются родителями нынешнего поколения студентов, но мифы и стереотипы о Революции остались. И поэтому приходишь

в аудиторию на семинарское занятие и слушаешь, как зачарованная: «Великая французская буржуазная революция». Студенты повторяют это как мантру, как заклинание... Ведь сейчас, когда в рамках образовательных программ упор делается на практические занятия (зачем лекции, кому они нужны!), студенты сами ищут информацию, и, несмотря на рекомендованную литературу, порой пользуются сокровищницей премудростей из Интернета, а там их ждут все эти клише. Характерно, что нигде, кроме России, даже в самой Франции, революцию не именовали «великой» (хотя иногда там ее именуют *La Grande Revolution*). Точнее, в России так ее именуют порой до сих пор, даже в современных работах, и даже в работах специалистов-историков, и даже в работах франковедов. И даже если спора между московской и ленинградской школами в советское время не существовало, то в именовании революции это проявляется и сейчас: для СПбГУ революция по-прежнему *Великая*. И таких примеров — немало.

Поэтому теперь, взяв в руки книгу Д. Ю. Бовыкина и А. В. Чудинова, студенты на обложке прочтут: «*Французская революция*». Именно так это событие именуется во Франции и во всем мире. О том, что движущей силой революции была вовсе не буржуазия, а «просвещенная элита», о том, что Революция, вопреки устойчивому мнению, вовсе не способствовала развитию капитализма, а, напротив, отбросила Францию далеко назад, А. В. Чудинов писал многократно, начиная со своей программной статьи «Смена веж», давшей начало новому научному на-

правлению (Чудинов 2000), а читатели узнают из этой книги.

Итак, если это взгляд не классический, не советский, не марксистский, то каков он? По моему убеждению, перед нами синтез, с одной стороны, подходов «*русской школы*» Французской революции, заложенных еще лекциями В. И. Герье, прочитанными им в Московском университете в 1869 г.; лучших достижений советской школы и «*новых прочтений*» Французской революции, или «*критического подхода*», формировавшегося в западной науке начиная с середины прошлого века и начавшегося тоже с лекции Альфреда Коббена «Миф о французской Революции», прочитанной им в 1954 г.

Что касается термина «*новая русская школа*», то, стихийно возникший на просторах Интернета, со временем он утратил свой ироничный оттенок и обрел полное право на существование, прекрасно выражая специфику современной отечественной историографии Французской революции — возрождение лучших традиций «*русской школы*» в современной России.

Для «*русской школы*» был характерен подход к изучению Французской революции, по возможности свободный от политизации. В этом плане подход авторов книги — очень сбалансированный и политкорректный (в хорошем понимании этого термина). Для политически ангажированных французов это очень трудно, если не невозможно. Поэтому один из классиков «*новых прочтений*» Революции Франсуа Фюре в самом начале своей книги «*Размышляя*

о Французской революции» подчеркивал, что писать о ней — это совсем иное, нежели писать о Меровингах или Столетней войне: «Историк должен заявить о своих политических пристрастиях. Он должен сообщить, с каких позиций выступает, что думает, что исследует. Занимает ли он точку зрения роялистскую, либеральную или якобинскую» (*Furet* 1983:13). Мишель Вовель, вечный оппонент Фюре, в этом вопросе с ним полностью солидарен, поэтому празднование двухсотлетия Революции превратилось для него в настоящую «битву за двухсотлетие», и именно так называется одна из его последних работ (*Vovelle* 2017).

В книге А. В. Чудинова и Д. Ю. Бовыкина такого «фейноцентризма», «якобиноцентризма», «термидороцентризма» нет. Как нет и того, что отличало подход известного политика и крупнейшего историка Революции Адольфа Тьера: он на стороне сильнейшего: сначала на стороне фейянов, потом — жирондистов и в итоге поднимается на вершину вместе с Наполеоном Бонапартом.

Книга Д. Ю. Бовыкина и А. В. Чудинова — это анализ того, как в самой богатой стране, в которой оказалось самое бедное государство, произошла Революция, а потом и Контрреволюция, как общество разделилось на «правых» и «левых», как лозунги «свободы, равенства и братства» эволюционировали в клич «на фонарь!», как от категории граждан был совершен переход к понятию «враг народа», а «царство Добродетели» на деле вылилось в Великий Террор и «адские колонны» генерала Тюрро. При этом авторы представляют читателю

разные точки зрения на Революцию: в начале первой главы: «*Причины*», даются представления о существующих историографических подходах к вопросу о причинах Революции, начиная от классической точки зрения до «*новых прочтений*», о системном кризисе, которого, оказывается, вовсе и не было, о попытках реформ и цене для Франции независимости США.

При этом авторы вовсе не утверждают, что причин для Революции не было, но подчеркивают, что проблемы можно и нужно было решать с помощью реформ: «Франция втягивалась в Революцию постепенно. Бурным событиям 1789 года предшествовали три года упорных попыток монархии сломить сопротивление привилегированных сословий и провести реформы, необходимые для преодоления финансового кризиса» (с. 27). Иногда этот период называют «революцией аристократии»: «Да-да, именно аристократия, светская и духовная, начала раскачивать политическую ситуацию в своих сугубо корыстных целях и делала это до тех пор, пока в поток антиправительственного движения не включились другие слои населения — и он не смыл ее саму» (с. 27), — делают вывод авторы книги.

Помимо аристократии огромная роль в формировании общественного мнения принадлежала прессе, уже тогда бывшей мощной политической силой: «Эта маргинальная среда, представителей которой современники называли собирательным именем “руссо сточных канав” (*les rousseau des ruisseaux*), дышала завистью к преуспевшим коллегам,

ненавистью к существовавшим общественным порядкам и злобой на весь мир... Дарованная в 1788 году свобода прессы открыла перед ними безграничное поле деятельности» (с. 74–75).

При этом история Революции — это не только история мифов; далеко не все нам известно и относительно ряда аспектов истории могут делать лишь предположения. В частности, много «белых пятен» по вопросу о том, что касается так называемых «народных восстаний» и их подготовки, в частности, знаменитого «похода на Версаль»: «Если такая подготовка втайне и велась, то она не оставила после себя каких-либо материальных следов. Как по образующейся на поверхности воды пены мы можем догадываться о существовании глубинного течения, так и тут: нарастающая волна слухов и нагнетание истерии в революционной печати позволяют предполагать наличие осознанных действий со стороны определенных политических сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки. Но лишь предполагать!» (с. 77). Такой авторский подход, не безапелляционный, не мифотворческий, тоже весьма импонирует.

Книга А. В. Чудинова и Д. Ю. Бовыкина — это не только книга о Революции, но и о Контрреволюции, что не удивительно: Д. Ю. Бовыкин — крупный специалист по Термидору и роялистскому движению (*Бовыкин* 2016). Проблемы Контрреволюции, или Антиреволюции, наиболее рельефно представлены в разделах, посвященных восстанию в Вандее и Термидору. «Восстание в Вандее поставило перед современниками

и до сих пор ставит перед историками чрезвычайно важный и сложный вопрос: почему народ, от имени которого вершилась Революция, выступил против нее с оружием в руках? От того, как на него ответить, напрямую зависит и понимание сути самой Французской революции» (с. 169), — подчеркивают авторы. То есть Революция и Контрреволюция, или Антиреволюция, — явления, теснейшим образом взаимосвязанные. При этом для историков важно договориться о терминах, и авторы, анализируя термин «контрреволюция», подчеркивают, что это слово, появившееся во французском языке только в 1790 г., «сразу же приобрело широкое распространение, хотя было и оставалось чрезвычайно многозначным» (с. 169). Но если для революционных пропагандистов все было предельно понятно и для них контрреволюционер — это человек, выступающий против революции, то сегодняшних историков, отмечают авторы книги, такая трактовка никоим образом не устраивает, поскольку само определение «контрреволюция» сейчас не выглядит столь очевидным, каким его представляла революционная пропаганда. Вандейские крестьяне не стремились к восстановлению старого порядка как такового, не случайно детонатором восстания стало не известие о казни Людовика XVI, а рекрутский набор, разрушавший привычный для них жизненный уклад. «Именно восстановления своего традиционного образа жизни восставшие крестьяне желали в первую очередь. А поскольку в предложенной революционерами дихотомии — Революция (=Республика) против контрреволюции (=монархии) — третьего не было

дано, крестьяне, боровшиеся против изменений, привнесенных в их жизнь Революцией, вынужденно становились сторонниками монархии» (с. 172). И жертвами Террора и «адских колонн» генерала Тюро. «В результате гражданской войны и террора этот регион потерял от 200 до 300 тысяч человек. Причем наибольшие потери пришлось на период после поражения Католической и королевской армии» (с. 213). То есть это общая логика Террора: он вовсе не продиктован «силой обстоятельств», а являлся средством тотального устрашения с целью сохранения власти.

Мы подошли к важнейшей проблеме — проблеме Террора и тому периоду в истории Революции, который в отечественной историографии традиционно именуется «диктатурой якобинцев». Авторы книги, в соответствии с мировой традицией, именуют этот этап «диктатурой монтаньяров» (и это обоснованно, ведь студентам порой трудно понять: все вышли из Якобинского клуба и все были якобинцами, потом появились монтаньяры, они же якобинцы, а потом эти монтаньяры снова стали якобинцами и установили свою диктатуру). Террор якобинцев/монтаньяров в книге трактуется как «образцово-показательный пример того, как пришедшее к власти меньшинство может управлять подавляющим большинством нации при помощи страха» (с. 206).

Авторы подчеркивают: в ходе Террора (а именно так в международной

историографии определяется период с сентября 1793 по июль 1794 г.) «систематические репрессии проводились не только для уничтожения реальных противников, но и для подавления воли к сопротивлению всех недовольных» (с. 206).

Однако режим, державшийся исключительно на страхе, рухнул вместе с создателем «Царства Добродетели», и Франция вступила в период Термидора и Директории (1795–1799). Термидор (ему посвящена глава 7), на мой взгляд, это некий водораздел в книге, написанной двумя авторами. Если первая часть книги больше отвечает на вопрос: «Как?»², то вторая: «Почему?» То есть главы, посвященные Термидору и Директории, на мой взгляд, носят более аналитический характер. Термидор для авторов книги — это «время осмысления пройденного пути, подведения итогов, признания в том, что идеалы просветителей, безусловно, прекрасны, но не выдерживают проверки реальной жизнью». Его цель — «дать Франции прочный политический режим, который позволит отдохнуть от постоянных пертурбаций. И закончить, наконец, Революцию» (с. 288).

Однако до завершения Революции было далеко, поэтому глава 8, посвященная периоду Директории (1795–1799), так и называется: «Революция продолжается». Однако и режим Директории завершился крахом, о чем речь идет в следующей главе. Рассуждая о том, почему победу одержал Наполеон Бонапарт, авто-

² На мой взгляд, это происходит потому, что А. В. Чудинов в своих многочисленных работах очень много писал именно об осмыслении Революции.

ры говорят прежде всего о том, что уже «к 1799 году Бонапарт обладал репутацией победителя и человека, который уже не раз спасал Францию» (с. 391). То есть речь идет о том самом «архетипе спасителя», который начал воплощать в себе генерал Бонапарт. Однако, как отмечается в книге, тогда еще превращение революционного генерала в императора французов казалось немислимым, и вряд ли кто мог предположить, что Бонапарту «предстояло продержаться у власти более четырнадцати лет, завоевать значительную часть Европы, стать императором» (с. 402).

Но это уже, как отмечают авторы книги, «совсем другая история, хотя и самым тесным образом с Революцией связанная» (с. 417), поэтому повествование о Революции завершается событиями 1799 г. — переворотом 18 брюмера и установлением во Франции режима Консульства. Хотя, на мой взгляд, к событиям Французской революции очень подходит легендарная фраза: «Есть у революции начало, нет у революции конца». С этим согласны и авторы книги, отмечающие в заключительной 10-й главе, что едва ли Революция окончилась в 1799 г. (с. 415), ведь «нация оставалась расколотой, политический режим — нестабильным, страна по-прежнему вела войны с половиной Европы, до обретения долгожданных мира и покоя было еще очень далеко. Да и решались в наполеоновскую эпоху все те же вопросы: как должен осуществляться народный суверенитет, какой компромисс может заставить французов прекратить гражданскую войну, как

примирить старые и новые элиты, как выстроить отношения между вышедшей из Революции Францией и монархической Европой» (с. 416).

Поэтому мне в этой книге не хватило Бонапарта. Безусловно, Наполеон Бонапарт — это порождение Революции; но безусловно и то, что он покончил с ключевой идеей Революции — идеей свободы. Точнее, она для него была неразрывно связана с идеей порядка. И современные французские историки (Т. Ленц, П. Бранда, Ж. Тюлар и др.)³ считают правление Наполеона Бонапарта завершающим этапом революции, и даже его кульминацией. Как подчеркивает французский исследователь Артур Шевалье, «революция обязана сохранением своей модели, авторитетом своей политики и воплощением своих амбиций Наполеону I» (*Chevallier* 2018). То есть современные исследователи отказываются от традиционного фрагментарного восприятия Наполеона, когда с генералом Бонапартом связывались позитивные завоевания Революции, а император Наполеон являлся ее обратной стороной, эксцессом. «Несмотря на все за и против, современная Франция — это он», — утверждает известный французский историк Пьер Бранда (*Branda* 2019).

Вероятно, ограничение хронологических рамок 1799 г. продиктовано форматом книги, поскольку анализ наполеоновской эпохи существенно бы расширил ее объем. Поэтому пусть это будет следующая книга.

А пока вместе с авторами подведем итоги этой книги, точнее, итоги Ре-

³ В. Г. Ревуненков в своей книге также ограничивает Революцию 1814 г.

волюции, а они — весьма и весьма противоречивы. Безусловно, отмечают А. В. Чудинов и Д. Ю. Бовыкин, Революция оказала огромное влияние на складывание французской нации и на развитие французской национальной идеи; «принципы 1789 года» стали основой конституций западных стран, а политическая модель, сформировавшаяся в ходе Французской революции, со временем распространилась на многие другие страны и регионы.

Но какую цену заплатила Франция за эти достижения? «...Революция отбросила Францию на десятилетия назад в культурном и экономическом плане. Она стала событием, без которого вполне можно было бы обойтись: министры Старого порядка отлично понимали, какие требуются реформы, и неоднократно пытались провести их в жизнь. Цена революционных преобразований — слезы и кровь, гражданская война, беззаконие и Террор, разрушенные семьи, погибшие и искалеченные женщины и дети, десятки тысяч покинувших свою родину... И Революция, начинавшаяся с протеста против королевского “деспотизма”, породила власть, стократ более сильную, бездушную и неограниченную, чем монархия Старого порядка. Неслучайно со временем в ней начнут видеть истоки не только либерализма и консерватизма, но и тоталитаризма» (с. 461–462). При этом, как отмечают авторы, точное число погибших мы не узнаем никогда: статистика того времени не позволяет его подсчитать, но примерные данные приводят такие: потери среди мужского населения в 1789–1815 гг. историки оценивают в диапазоне от 860 ты-

сяч до полутора миллионов человек; по приговорам революционных судов в годы Террора было казнено примерно 16 600 человек, а с учетом казненных без суда общее количество жертв Террора оценивают в 35–40 тысяч. В эти цифры не входят погибшие в ходе гражданских войн, в частности в Вандее (с. 453).

Но что важно: книга, повествующая о революции не как о празднике, а как о величайшей драме, когда за ее глянцевым фасадом открывается ее оборотная сторона, кровавая, неприглядная, преступная, выдержана в очень уравновешенном стиле, без театральности и заламывания рук, без фраз в духе Томаса Маколя о «пенящихся потоках крови»... Обо всех этих кровавых деяниях говорится очень спокойно (и от этого становится еще страшнее), и так писать, как удалось авторам, — очень сложно.

Для кого эта книга? Для самых разных читателей. Для студентов она просто необходима. Для преподавателей, особенно вузовских — очень нужна. Для специалистов по новой истории — несомненно. Для историков как таковых — тоже. Для всех интересующихся историей — да. То есть она универсальна. И написана она очень понятно, просто, доступно, увлекательно, но при этом — глубоко научно, пусть это и научно-популярное издание без аппарата сносок. Но в конце книги есть список литературы, как правило — современной, и весьма отрадно, что в этом списке достойно представлены работы современных отечественных авторов — А. В. Гордона, Д. Ю. Бовыкина, А. В. Чудинова и его учеников, ставших уже

остепененными учеными. Конечно, не все современные исследователи являются представителями «*новой русской школы*», ведь, как справедливо отмечают авторы книги, ни в России, ни во Франции вплоть до сегодняшнего дня нет согласия в том, как следует относиться к Революции.

А это значит — всегда будет что изучать, о чем спорить, потому что Французская революция — это не про прошлое, а про настоящее и даже будущее. Как в свое время отметил известный французский историк и политик Франсуа Гизо, чей отец погиб на гильотине во время якобинского террора, «революция — это дочь прошлого и мать будущего». Поэтому «люди в напудренных париках и камзолах», как пишут авторы уже этой книги, «на самом деле были не так далеки от нас, как может показаться на первый взгляд...»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовыкин 2007 — *Бовыкин Д. Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48–73.

Бовыкин 2016 — *Бовыкин Д. Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: РОССПЭН, 2016.

Герцен 1959 — *Герцен А. И.* Собр. соч. в тридцати томах. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 17.

Гордон 2009 — *Гордон А. В.* Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.

Ревуенков 2014 — *Ревуенков В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789–1814 гг. СПб.: Наука, 2014.

Чудинов 2000 — *Чудинов А. В.* Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник. 2000. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 5–23.

Чудинов 2017 — *Чудинов А. В.* История Французской революции: пути познания. М.: РОССПЭН, 2017.

Branda 2019 — *Branda P.* Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle république. 11.08.2019.

Chevallier 2018 — *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires // Le Figaro. 10.12.2018.

Furet 1983 — *Furet F.* Penser la Révolution française. P.: Gallimard, 1983.

Vovelle 2017 — *Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. P.: La Découverte, 2017.

NEW RUSSIAN VIEW OF THE FRENCH REVOLUTION

Rev.: *Bovykin D. Ju., Chudinov A. V.* Frantsuzskaia revoliutsiia. Moscow: Al'pina non-fikshn: PostNauka, 2020. 468 p.

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History), professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: French revolution, “new Russian school of the French revolution”, historiography, A. V. Chudinov, D. Y. Bovykin.

Abstract. The Review is dedicated to a new book by Russian historians, recognized experts in the field of studying the French revolution of the XVIII century, D. Y. Bovykin and A. V. Chudinov, “The French revolution”, which was published in 2020 by Alpina non-fiction: Post-Science. The review concludes that the work of A. V. Chudinov and D. Y. Bovykin is written in the methodology of the “new Russian school of the French revolution”. Taking into account the latest achievements of world historical science and on the basis of the “new Russian school” and Soviet historiography there are given the answers to the fundamental and controversial issues related to the causes of the Revolution, the characteristic of its driving forces and key stages, the results of the Revolution and its impact on the socio-political and cultural development of both France and around the world.

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

REFERENCES

- Bovykin D.Yu. *Korol' bez korolevstva. Lyudovik XVIII i francuzskie royalisty v 1794–1799 gg.* Moscow: ROSSPEN, 2016.
- Bovykin D.YU. O sovremennoj rossijskoj istoriografii Francuzskoj revolyucii XVIII veka (polemicheskie zametki). *Novaya i novejšaya istoriya*, 2007, no. 1, pp. 48–73.
- Chudinov A. V. *Istoriya Francuzskoj revolyucii: puti poznaniya.* Moscow: ROSSPEN, 2017.
- Branda P. Napoléon, la naissance d'un mythe. *La Nouvelle république*. 11.08.2019.
- Chevallier A. Napoléon a été le héros des classes populaires. *Le Figaro*. 10.12.2018.
- Chudinov A. V. *Smena vekh: 200-letie Revolyucii i rossijskaya istoriografiya. Francuzskij ezhegodnik. 2000.* Moscow: IVI RAN, 2000, pp. 5–23.
- Furet F. *Penser la Révolution française.* Paris: Gallimard, 1983.
- Gercen A. I. *Sobr. soch. v tridcati tomah.* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. T. 17.
- Gordon A. V. *Velikaya Francuzskaya revolyuciya v sovetskoj istoriografii.* Moscow: Nauka, 2009.
- Revunenkov V. G. *Očerki po istorii Velikoj francuzskoj revolyucii 1789–1814 gg.* St. Petersburg: Nauka, 2014.
- Vovelle M. *La bataille du Bicentenaire de la Révolution française.* Paris: La Découverte, 2017.

А. А. Тесля

ЛИРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ: О ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ НИКОЛАЯ ТРОИЦКОГО¹

Рец.: *Троицкий Н. А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов: Common place, 2018. 546 с.

Ключевые слова: народничество, народовольчество, русский социализм, террор.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению последней на данный момент подробной биографии Софьи Перовской. Книга Н. А. Троицкого стала его последней работой — одновременно и жизнеописанием Перовской, и подведением итогов собственного интеллектуального пути, выражением мировоззренческой позиции. В этом состоит отдельный интерес книги — как проявления «народнической» и «народовольческой» историографической традиции, во многом оппозиционной как зрелому советскому преобладающему нарративу, так и наиболее распространенным современным трактовкам «Народной воли».

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-320-324

Биография Софьи Перовской — не только хронологически последняя книга Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014), большую часть своей долгой жизни посвятившего изучению русского народничества

1870–1880-х гг. Она одновременно — и итоговая.

Для исследователей — неординарных, движимых именно личным интересом к конкретной теме — ха-

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

¹ Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

рактарно, что зачастую именно главный сюжет, главный персонаж, тот, внимание к которому, стремление его понять направляет и определяет работу, оказывается «на периферии» их монографий. Это вполне понятный страх подступить прямо к тому, что интересует в первую очередь — создать некое объективированное выражение своего понимания.

Здесь сходится многое — и опасение прямого говорения, самораскрытия — ведь непосредственное обращение к ключевому в то же время оказывается проговариванием «своего». И связанная с этим здоровая трезвость исследователя — опасующегося браться за подобное именно в понимании того, что сложно отделить действительное от вчитываемого тобою. Ведь выбор, обнаружение подобного главного сюжета/персонажа — это нередко история про «узнавание», нахождение «своего другого», и то, что оказывалось толчком на первых шагах, затем способно сыграть дурную службу — когда «пониманием» оказывается привнесение своего.

И совсем другая сторона — сложность говорения о «главном» именно потому, что знаешь об этом слишком много — или, точнее, понимаешь, видишь очень многое. И потому любая конкретная форма выражения этого знания-понимания оказывается для самого автора неадекватной — все сказанное/написанное тобой именно для тебя, а не для читателя оказывается неточным, скользким около, но не попадающим в суть дела или уводящим в сторону.

Вспоминая примеры великих — здесь приходит на ум Теодор Моммзен, так

и не дописавший свою «Римскую историю» и утверждавший в старости, что такую книгу можно написать только в юности, когда еще не понимаешь, сколь многого ты не знаешь — когда еще есть смелость на обобщения и «большие картины», которые с ходом лет и по мере большего понимания все более распадаются, ставятся под вопрос. Или, обращаясь к примерам куда более скромным — выдающийся отечественный знаток Стендаля Борис Рейзов, всю жизнь занимавшийся им, так в результате и не написал книги о нем, решившись лишь в трех томах собрать отдельные заметки, наблюдения и уточнения.

В этом плане к последней работе Троицкого нет нужды подходить с теми же критериями, с которыми рассматривается научная монография — так, в его описании реакции на 1 марта не приходится искать более или менее полной картины, автор (сознательно или нет) выбирает именно те суждения и поступки, которые близки его ожиданиям. Не дает он и описания «кризиса верхов», хотя в книге есть озаглавленный соответствующим образом параграф, а его суждения, например, об Александре III и политическом курсе этого царствования если чем и служат, так полемическим противовесом тех публицистических высказываний с прославлением «царя-миротворца», которые им цитируются и вызывают негодование.

Важно не то, чего в книге нет, а то, что она дает — а дает она глубокий, проникновенный портрет Софьи Перовской — который, именно за счет глубины и вдумчивости, хоть и наследует «народовольческой историографии» и последующей традиции,

оказывается далек от любой упрощенной схемы.

Подробно описывая семью и семейный быт Перовских, Троицкий показывает расколотое семейство — странный брак отца, в провинциальной глуши делающего предложение молодой Веселовской, которая ему не равня ни по общественному положению, ни по культурным привычкам — чтобы затем, поднимаясь по ступеням бюрократической лестницы, все более раздражаться на жену, обращающуюся в обузу, неспособную или не любящую светское общение, избегающую приемов — живущую в другом кругу, чем тот, в котором вращается он. И в итоге семейство фактически разъезжается — отец то живет отдельно, то — под одним кровом, но отсоседившись, а для младшего ребенка, Софьи, главным человеком в жизни оказывается мать, как во многом и для матери — Софья. Последнее письмо, которое напишет Перовская, за четыре дня до суда — к матери, удивительное по тону, о том, как на последнем свидании с матерью, по воспоминаниям, она положила голову на колени матери и они долго так просидели — пока мать гладила свою младшую:

«Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все давит и мучает мысль, что с тобой? Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех, окружающих тебя, и ради меня также. <...>

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть: дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавички с пуговками,

потому как запонок не позволяют носить, и воротничок поуже, а то нужно для суда хоть несколько поправить костюм: тут он очень расстроился.

До свидания же, дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь во все не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

Твоя Соня».

Уже на суде Желябов скажет, что «главный контингент революционеров состоит из молодежи дворянского сословия» (416) — и действительно, новая волна революционного движения, 70-е, будет вновь дворянской — «кающихся дворян», как найдет в 1874 г. формулировку для описания своего и своих близких опыта Михайловский. Троицкий, описывая формирование Перовской и ее дорогу в революцию, попутно выразительно запечатлевает среду — тесных дружеских кругов, которые стремительно оказываются переплетенными брачными союзами — как и первый опыт Перовской, после ее ухода из дома, попытки жить женской коммуной, которую с трудом разобьют усилия Натансона и его друзей, формируя то, что затем в историю войдет как «чайковцы». И здесь же, в этом подробном описании — заметной становится особая роль Перовской, связанная именно с ее личными качествами: энтузиазмом, способностью заражать других, радостным смехом и гневными выговорами. Та роль «нравственного диктатора», о которой напишет Степняк-Кравчинский и которая ведь до 1879 г. практически ничем не подкрепляется — это история про репутацию, которая вырастает не из череды сверше-

ний, а предшествует им: в нее, Софью, верят и ей вдохновляются, чувствуя в ней способность к действию — что затем и подтвердится, и история обретет свою завершенность.

«Активное народничество 70-х», по формулировке В. Богучарского, было преимущественно дворянским — и в этом плане не только продолжающим линию 1840–1860-х, но и являлось своеобразным возвратом к 1840–1850-м, поскольку теперь, в отличие от пестроты 60-х, и основными идеологами оказываются именно дворяне. Своеобразие же 1870-х, отмечает Троицкий, заключалось в появлении в революционном движении в качестве самостоятельных участников — женщин, что становится практическим наследием 1860-х гг., с их акцентом на женской эмансипации. И Софья Ковалевская, одна из самых ярких фигур в движении женской эмансипации 70–80-х гг., воспримет образ Перовской как близкий и значимый — выведя ее в своей незаконченной повести «Нигилистка».

Впрочем, есть и другой — своеобразно-лирический — момент в книге: автор обходит стороной, лишь отмечая как факт, отношения Перовской и Желябова. Автор бережен, опасается описывать то, что, в сущности, мало известно — и поверх чего много наслонилось легендарного (в том числе и «черной легенды»).

Повествование Троицкого о Софье Перовской своеобразно закольцовывается. Готовя к печати свою последнюю книгу, автор помещает в приложение первые 1½ главы, оставшиеся от задуманного им в 1961 г., в самом начале своей научной жизни, биографического романа о Перовской. Итоговая книга становится детальным, фундированным — но при этом лирическим — повествованием все о той же, главной для Троицкого, героине. Ценным еще и тем, что позволяет увидеть, как она оказывалась способна воодушевлять и восхищать — в том числе и тех, кто был весьма далек от ее взглядов и политических убеждений. И это тоже очень важная и ценная черта — ведь в понимании событий прошлого значима и способность передать то волнение, энтузиазм, пафос, показать убедительность для действующих лиц тех идей и чувств, которыми эти люди руководствовались. В этом смысле старый постулат романтической историографии — полагающий, что задачей историка должно быть воссоздание картин и образов прошлого и что историк находится в родстве с художником и по результату, и в особенности по методу своего труда — сохраняет свою долю истины. Со всем, разумеется, набором критических оговорок и возражений, накопленных за минувшие два века.

LYRICAL BIOGRAPHY: ON THE LAST BOOK OF NIKOLAI TROITSKY

Rev.: *Troitskii N. A. Sof'ia L'vovna Perovskaia. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba.* Moscow; Saratov: Common place, 2018. 546 p.

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: populism, narodnichestvo, “Narodnaya Volya”, Russian socialism, terror.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the latest detailed biography of Sophia Perovskaya. This book of N. Troitsky became his last work — at the same time as a biography of Perovskaya, and summing up his own intellectual path, an expression of his ideological position. This is a separate interest of the book — as a manifestation of the “populism” (“narodnichestvo”) and “Narodnaya Volya” historiographic tradition, in many respects opposed to both the mature Soviet prevailing narrative, and the most widespread modern interpretations of “Narodnaya Volya”.

А. В. Журавель

ВЕРА ФИГНЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

Рец.: *Воронихин А. В.* Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.: Common place, 2020. 400 с.: ил.

Ключевые слова: В. Н. Фигнер, народничество, «Народная воля», Н. А. Троицкий, терроризм, пропаганда, нечаевщина.

Аннотация. В рецензии разбирается биографическое исследование А. В. Воронихина о знаменитой революционерке В. Н. Фигнер. В нем автор, продолжая традиции своего учителя Н. А. Троицкого, создает вполне оригинальное описание ее жизни, показывая односторонность черно-белых оценок деятельности «Народной воли», которой она руководила после 1 марта 1881 г. Особый интерес вызывает описание ее жизни после выхода из тюрьмы. Важным является внимание автора к нравственным принципам его героини. Сводить деятельность народолюбцев к террору и нечаевщине он считает неправильным.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-325-331

В 2018 и 2020 гг. издательство *Common place* выпустило две необыкновенно схожих по форме и по содержанию монографии. Сходство проявляется буквально во всем — одинаковое оформление обложки, тот же жанр (научная биография), единая стилистика исполнения (авторы не скрывают, что *любят* тех, о ком пишут), — даже автор вступительных статей один и тот же (Ю. Г. Степанов). И герои — точнее, героини — книг таковы, что обе биографии при переиздании правомерно объединить под одной обложкой: Софья Перовская (*Троицкий* 2018) и Вера Фигнер — две выдающиеся женщины «Народной воли» — выделялись на фоне блиставшего талантами народнического движения.

Все эти сближения не случайны: авторами книг являются Николай Алексеевич Троицкий (1931–2014), самый крупный исследователь народничества, и его ученик, к.и.н. Андрей Владимирович Воронихин (р. 1960), который, несомненно, при подготовке своего исследования сознательно использовал форму, заданную учителем: после собственно монографий в обоих случаях следуют приложения, где помещаются как документы, так и художественные произведения — прежде всего стихи.

А. В. Воронихин в самом начале книги ясно показывает — кем и чем являются для него Н. А. Троицкий и В. Н. Фигнер: это для него

сокровенное, так что не написать эту книгу он не мог — несмотря на то, что обстоятельства жизни надолго увели его от темы народничества. Моральный долг перед ушедшими, но *дорогими* для автора людьми заставил его вернуться к главной теме его жизни.

Такой подход — в нынешнее время *особенно* — может с порога вызвать настороженность. Собственно, такую настороженность вызывают ныне и труды самого Н. А. Троицкого, который и в советское время, и потом не скрывал свою политическую и *общественную* позицию: он всецело *сочувствовал* народникам, но не стремился скрыть и замазать слабости, просчеты и преступления, которые они вольно и невольно совершали¹. При этом представители правительственного лагеря для него — «палачи» и «каратели», объявившие *войну* нравственно чистым юношам и девушкам, желавшим служить народу, а не царю. Тем самым власть спровоцировала демократически настроенную молодежь на обратную агрессию: она и сделала их сначала революционерами, а потом уже и террористами. А на войне как на войне — жертвы с обеих сторон неизбежны, но сила-то была на стороне государства, а потому сочувствия, по Троицкому, заслуживает именно *безумство храбрых* (Троицкий 1978).

Разумеется, такой подход в современных условиях вызывает неприятие у большей части как *прогрессивной*, так и *консервативной* обществен-

ности, а также у историков, которые идеологически близки к либеральному и *охранительному* направлениям. Для них народники — прежде всего террористы и цареубийцы², и этот факт является ключевым для оценки их деятельности: это может быть тотальное их неприятие или сожаление по поводу напрасно загубленных сил, но так или иначе ситуация перевернулась: если у Троицкого *под судом прогрессивной общественности* оказывался царизм (Троицкий 1979), то ныне под судом как общественности, так и ученых мужей и жен оказываются революционеры. Революция как таковая ныне не в почете.

В итоге те, кто решаются о трудах Н. А. Троицкого высказаться благожелательно, предпочитают умолчать о «спорных моментах», а делать упор на «технической», т.е. на собственно исследовательской стороне дела (Мокшин 2016). С этой точки зрения, к работам историка трудно придираться: с ним можно, а порой и нужно полемизировать по поводу каких-то конкретных деталей, но труды Троицкого заложили прочный фундамент для всяких современных исследований темы, и с этим трудно что-то поделать. Эрудиция Николая Алексеевича была такова, что проще всего отыскать нужные источники и литературу, просмотрев библиографию в его книгах.

Как на этом фоне выглядит монография А. В. Воронихина? Очень достойно. Являясь во многих отно-

¹ Законы Российской империи народники преступали вполне сознательно, но моральным оправданием для них служил прискорбный факт: власть сама сплошь и рядом не соблюдала собственные законы. К примеру, царь Александр II повелел арестовать В. Засулич, оправданную судом присяжных. Подобного рода беззакония совершали представители всей вертикали власти.

² См. типичную в этом отношении статью: (Лурье 1996).

шениях продолжателем дела своего учителя, он написал *свою* книгу, не являющуюся слепым подражанием работе Н. А. Троицкого.

Что общего можно обнаружить в их трудах? Фирменной особенностью книг Николая Алексеевича является замечательный литературный стиль, и в этом отношении А. В. Воронихин ни в чем не уступает учителю: еще и поэтому две биографии, написанные разными авторами, воспринимаются как одно целое, части которого взаимодополняют друг друга.

Ученик разделяет методологические установки учителя, что приводит к использованию схожей терминологии, но использует ее аккуратнее, так что авторская заинтересованность и его пристрастность к любимой героине не бросается в глаза.

Общим является прекрасное знание литературы и собственные архивные разыскания. Но такое *сходство* и делает исследование А. В. Воронихина вполне оригинальным произведением.

К самостоятельным исследованиям подталкивала прежде всего сама В. Н. Фигнер (1852–1942), прожившая долгую — почти 90 лет! — жизнь: если Н. А. Троицкий ограничивался в основном периодом расцвета народнического движения, то А. В. Воронихин должен был выйти за его пределы и описать время, когда для 32-летней революционерки часы жизни почти на двадцать лет остановились, как она в период вынужденного затворничества боролась с тюремщиками за свои и своих товарищей права, выйдя

из шлиссельбургского заточения, привыкала к жизни на свободе, как пыталась участвовать в политической и общественной жизни страны до революции и как жила при советской власти в старости. Как известно, в 1940–1980-е гг. о последних этапах жизни народников, не погибших в схватках с самодержавием, сообщалось крайне мало. В этом плане вторая, не революционная, часть жизни В. Н. Фигнер вызывает немалый интерес.

И А. В. Воронихин не случайно дает книге подзаголовок — «Взгляд на женщину русских революций из XXI века». Если первые две главы, основанные на материале его диссертации (*Воронихин 1992*), описывают становление личности Веры Фигнер и ее революционный путь, то в третьей главе рассказывается об общественной деятельности народницы в последующие 58 лет. Такое соотношение, увы, неизбежно: силы этой женщины при всем ее жизнелюбии, отзывчивости и готовности помогать ближним и дальним постепенно таяли, а информации о ее жизни, неизбежно все более однообразной, становилось все меньше. Тем не менее отношение В. Н. Фигнер к революционным потрясениям начала XX в. автор показал вполне отчетливо.

А. В. Воронихин успешно обходит «подводный риф», подготовленный самой его героиней: В. Н. Фигнер оставила после себя двухтомные мемуары («Запечатленный труд», «Когда часы жизни остановились»), а также ряд других работ по истории народничества, собранных в прижизненном «Полном собрании сочинений», вышедшем двумя изданиями.

Этого материала вполне достаточно, чтобы на его основе — вкупе с воспоминаниями других революционеров — составить вполне добротную популярную биографию В. Н. Фигнер. Но автор создал именно исследование, где воспоминания героини, разумеется, широко используются, но не являются единственной его основой.

Итак, какие самые существенные факты и авторские выводы следует выделить?

1. Уточняются даты рождения и смерти В. Н. Фигнер, которые в справочной литературе обычно даются с ошибкой на один день. На самом деле они таковы: 24 июня (6 июля) 1852 — 14 июня 1942.

2. Пластично показано, как порой капризная красавица *Вера Тонни-ножка* превратилась в волевою, обладавшую недюжинными организаторскими способностями *Мать-командишу* 29 лет, которой беспрекословно подчинялись и которую почти боготворили оказавшиеся под ее началом мужчины, по ее слову готовые пойти на смерть.

Замечательно описан переход на нелегальное положение. В. Н. Фигнер вынуждена была пойти на такой шаг 20 апреля 1879 г., после почти 11-месячной работы фельдшерницей (фактически — доктором) в Вязьмине Саратовской губернии. Это был тяжелый труд по 10–11 часов ежедневно: Вера Николаевна принимала в месяц по 500–800 больных, а после этого еще помогала сестре Евгении Николаевне, бесплатно учившей сельских детей: вечерами сестры чи-

тали крестьянам сочинения русских писателей.

А. В. Воронихин особо подчеркивает, что *никакой провокационной антиправительственной агитации сестры не вели* (с. 115), но их самоотверженная деятельность на ниве здравоохранения и просвещения местным властям была подозрительна, как подозрительна странная склонность иных — приехавших невесть откуда — молодых писарей: они самым неподобающим образом не пили и не брали взяток, нарушая заведенный испокон веков порядок! В конце концов, один из них, А. К. Соловьев, не выдержал мелочных придирок со стороны местного начальства, поехал в Петербург и по своей инициативе устроил покушение на царя...

Здесь и встает вопрос: если бы деятельность таких молодых людей не встречала враждебный прием, если бы власть поддержала их стремление облегчить участь простого народа, то, может быть, сестры Фигнер так и остались бы жить в саратовской глубинке — в качестве земского врача и земского учителя? Вопрос риторический — ответ напрашивается печальный: власть сама толкала тогдашнюю молодежь на путь подпольной борьбы.

3. Летом 1881 г. В. Н. Фигнер прочла Марксов «Капитал», и он произвел на нее «исключительное по своей силе впечатление» (с. 150–151). Это делало возможным ее эволюцию в направлении к социал-демократии, но оставить понесшую тяжелые потери «Народную волю» она не могла.

4. Огромный авторитет, заработанный В.Н. Фигнер в течение 1881–1884 гг., когда она, оставшись после ареста почти всех «первомартовцев» единственным в России членом Исполнительного комитета, руководила «Народной волей», лишь укрепился во время почти 20-летнего ее пребывания в качестве № 11 в Шлиссельбургской крепости (1884–1904). Именно тогда № 27, т.е. Г.А. Лопатин, сказал о ней: «Вера принадлежит не только друзьям — она принадлежит России» (с. 214).

Как оказалось, это был главный капитал В.Н. Фигнер, позволивший ей после выхода на свободу оказывать всяческую помощь нуждающимся — от заключенных до крестьян родного Тетюшского уезда. Эта помощь, как показал А.В. Воронихин, была разнообразной и весьма значимой.

Ее *особое* положение сохранилось и при советской власти, которую Вера Николаевна не жаловала, но с которой вынуждена была *сосуществовать*: такую формулу выбрал автор для характеристики взаимоотношений старой народницы с большевиками. Их авторитарную власть приходилось принимать как данность и, пользуясь своей *привилегией*, помогать по мере возможности тем, кто в помощи нуждался. Это и составляло смысл ее существования на склонах лет.

Было именно привилегией — поскольку большевики нуждались в авторитете В.Н. Фигнер: с уходом П.А. Кропоткина и Г.А. Лопатина она осталась главной визитной кар-

точкой режима, позволявшей продемонстрировать, что в СССР проявляют уважение к старым революционерам.

Автор очень деликатно касается темы, по поводу которой Н.А. Троицкий втянулся в затяжной спор с оппонентами, чье отношение к народникам определяется словом «террористы»³. А.В. Воронихин приводит несколько высказываний В.Н. Фигнер, показывая, что его героиня все понимала. Применяя насилие, по ее словам, «правительство и партия, вступившие, что называется, врукопашную, конкурировали в развращении окружающей среды» (с. 143; *Фигнер* 1964: 285). При этом В.Н. Фигнер признавалась, что в условиях подполья «тень Нечаева» витала над революционерами: «Я лично в последние два года перед арестом испытывала три случая, когда была на краю преступления»; «мы были недалеко от того времени, когда наши руки могли обогреться кровью, быть может, столь же невинной, как кровь Иванова, пролитая Нечаевым» (с. 166; *Фигнер* 1964: 288).

Не потому ли автор лишь вскользь касается краткого пребывания В.Н. Фигнер в партии эсеров, потерявшей ее доверие после дела Е.Ф. Азефа? Как известно, она участвовала в третьей инстанции над руководителем Боевой организации и, поддавшись влиянию Б.В. Савинкова, сначала упорно защищала Азефа, но когда убедилась в его предательстве, не могла понять, почему Савинков и В.М. Чернов позволили тому

³ См., например: (Круглый стол 1999; *Троицкий* 1999).

бежать. Но, может, Вера Николаевна защищала Азефа еще и потому, что ситуация напоминала ей о былом?

Приводя на всем протяжении своей книги множество восторженных отзывов о В. Н. Фигнер — с времен ее юности до старости, — А. В. Воронихин заключает: «Одна из самых актуальных ценностей российского народничества, зачастую игнорируемая последующими поколениями и революционеров, и демократов, — это его нравственная, этическая теория, образцом применения которой на практике явила своей жизнью В. Н. Фигнер. В многообразной литературе о народниках на имя В. Н. ни разу не падала даже тень упрека в поступке безнравственном, моральном изъяне» (с. 344–345).

Бескорыстие и самоотверженность народников хорошо показаны в книгах Н. А. Троицкого. Вопрос о нравственности революционера поднимали писатели Ю. В. Трифонов («Нетерпение»), а особенно Ю. В. Давыдов. Это был историк по сути, предпочитавший плоды своих архивных разысканий преобразовывать в литературные произведения⁴. Не случайно роман «Две связки писем» (1972–1982), посвященный Герману Лопатину, *любимому* своему герою, писатель завершал словами: «Но Лопатин, я знаю, Лопатин возвращается».

Увы, тогда это оказалось гласом вопиющего в пустыне. С той поры миновало без малого 30 лет.

⁴ Единомышленники Н. А. Троицкий и Ю. В. Давыдов неизменно высоко оценивали труды друг друга, причем последний в 1988 г. заметил первую аспирантскую работу А. В. Воронихина о Вере Фигнер, отметив именно его наблюдения о нравственной стороне революционной практики (с. 11–12).

Ушли из жизни и Ю. В. Давыдов, и Н. А. Троицкий, а А. В. Воронихин, верный заветам юности, в XXI в. вновь напоминает забывчивым своим современникам о том, что на свете существуют совесть и честь, заставлявшие некогда людей идти на смерть. Совершать *с точки зрения здравого смысла* странные, нелепые, бессмысленные, порой уводившие за грань добра и зла поступки.

Сейчас и вспоминать о существовании таких *ненаучных* категорий, как совесть, не принято.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воронихин 1992 — *Воронихин А. В.* В. Н. Фигнер в русском освободительном движении 1873–1884 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. 20 с.

Круглый стол 1999 — Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? («Круглый стол») // Отечественная история. 1999. № 1.

Лурье 1996 — *Лурье Ф. М.* Индивидуальный политический террор: что это? // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. М.: Мемориал, 1996. 179 с.

Мокшин 2016 — *Мокшин Г. Н.* Н. А. Троицкий и современное российское народниковедение // История и историческая память. 2016. № 13–14.

Троицкий 1978 — *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М.: Мысль, 1978. 335 с.

Троицкий 1979 — *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.
Троицкий 1999 — *Троицкий Н.А.* Прямой ответ на «круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 6.

Троицкий 2018 — *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов: Common place, 2018. 546 с.

Фигнер 1964 — *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. М.: Мысль, 1964. 439 с.

IS VERA FIGNER COMING BACK?

Rev.: *Voronikhin A. V.* Vera Nikolaevna Figner. Vzgljad na zhenshchinu russkikh revoliutsii iz XXI veka. Moscow: Common place, 2020. 400 p.: il.

Zhuravel Alexander V. — historian, editor (Tula)

Key words: V.N. Figner, narodnichestvo, Narodnaya Volya, N. A. Troitsky, terrorism, propaganda, S. G. Nechayev.

Abstract. The biographical research of famous revolutionary Vera Nikolayevna Figner by A. V. Voronikhin is analyzed. The author follows the approach of his teacher N. A. Troitsky and conducts an original investigation of V. N. Figner's life. He shows that now popular black-and-white view on Narodnaya Volya (The People's Will) is mistaken: its activity (and deeds of Vera Figner as a leader of this organization after 1881/03/01) is impossible to reduce to terrorism. The life of V. N. Figner after releasing from prison is a very interesting part of the research. The important thing to note, the author pays special attention to high moral principles of his heroine: she and her comrades were not followers of S. G. Nechayev.

REFERENCES

Figner V.N. *Zapechatlennyyi trud*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1964. 439 p.

Lur'e F.M. Individual'nyi politicheskii terror: chto eto? *Individual'nyi politicheskii terror v Rossii XIX — nachalo XX v.* Moscow: Memorial, 1996. 179 p.

Mokshin G.N. N. A. Troitskii i sovremennoe rossiiskoe narodnikovedenie. *Istoriia i istoricheskaja pamiat'*, 2016, no. 13–14.

Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyyi vzgljad ili priverzhennost' traditsiiam? ("Kruglyi stol"). *Otechestvennaia istoriia*, 1999, no. 1.

Troitskii N. A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revoliutsionery i karatel'naia politika tsarizma 1866–1882 gg.* Moscow: Mysl', 1978. 335 p.

Troitskii N. A. Priamoi otvet na "kruglyi stol". *Otechestvennaia istoriia*, 1999, no. 6.

Troitskii N. A. *Sof'ia Lvovna Perovskaia. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba.* Moscow; Saratov: Common place, 2018. 546 p.

Troitskii N. A. *Tsarizm pod sudom progressivnoi obshchestvennosti 1866–1895 gg.* Moscow: Mysl', 1979. 350 p.

Voronikhin A. V. V. N. Figner v russkom osvoboditel'nom dvizhenii 1873–1884 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 1992. 20 p.

Л. А. Мосионжник

ТРАГЕДИЯ БЕЛОСТОКА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛАХ

Рец.: *Markowski A. Przemoc antyzydowska i wyobrazenia spoleczne. Pogrom bialostocki 1906 roku. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 s.*

Ключевые слова: Белосток, погром, массовое насилие, самодержавие, еврейский вопрос, историографическая традиция.

Аннотация. История Белостокского погрома настолько обросла историческими интерпретациями, что за ними с трудом просматриваются реальные события. Книга Артура Марковского посвящена, во-первых, анализу историографических нарративов по этому вопросу, а во-вторых — уточнению деталей этого события, сохранившихся в исторических источниках. Особое внимание уделено месту вопроса о виновниках погрома в историографии и в современном массовом сознании; соотношению традиционной психологии и массовой культуры Новейшего времени в представлениях современников трагедии; роли властей и местных жителей в развитии событий; понятийному аппарату, используемому для анализа массового насилия.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-332-342

В 2018 г. издательство Варшавского университета выпустило книгу Артура Марковского «Насилие против евреев и общественные представления: Белостокский погром 1906 года» (*Markowski 2018*). Книга эта продолжает несколько исследовательских линий, заметных в современной Польше. Так, уже с 1980-х гг. в этой стране возрос интерес к истории польских евреев и отношений между ними и остальным населением. С другой стороны, появляются исследования современных культурных представлений, особенно чреватых насилием или проявив-

шихся в актах массового насилия недавнего прошлого. Естественно, среди этих актов насилие над евреями в XX в. — не только самый масштабный, но и самый изученный пример. Классиком этих исследований в современном польском культурном пространстве стал Ян Томаш Гросс (см., например: *Gross 2011*; русский перевод — *Гросс 2017*), на которого А. Марковский ссылается часто, хотя и не во всем с ним соглашается. Особый упор именно на современных культурных представлениях и их истоках сделал Рафал Панковский в книге «Расизм и популярная

© Л. А. Мосионжник, 2020

Мосионжник Леонид Авраамович — доктор истории, доцент университета «Высшая антропологическая школа» (г. Кишинев, Молдова); mosionjnic@mail.ru

культура» (Pankowski 2006; перевод — Панковский 2014)¹ И это лишь немногие польские авторы, обратившиеся к этой теме.

Новая книга четко делится на две части: первая глава (с. 43–216) — «Общественные представления», вторая (с. 217–442) — «Практика коллективного насилия». Вторая глава посвящена в основном уточнению и анализу фактов, связанных с погромом 1906 г., первая же — нарративов, касающихся этого события, их источников и социальных корней. К сожалению, как отмечает сам автор, история событий в Белостоке изучена плохо: прикосновение к этой трагедии было для всех слишком болезненным. К тому же современников и тем более потомков волновала не столько история, сколько *мета-история* (с. 162–173), которую интересует не ход событий («как оно было на самом деле», по известному выражению Л. фон Ранке), но лишь *смысл* событий: «кто виноват» и «что делать». В такой метаистории факты и смыслы «редактируются» (*Мосионжник* 2012: 213–236), так что даже первоисточники и свидетельские показания теряют вес: главное — выражение «правильных мыслей». Даже такой радикальный сионист, как Вл. Жаботинский, с этой точки зрения оказался заподозрен в холодности: «Один еврей-журналист воспользовался недавно Белостоком, чтобы сунуть мне в душу свои пальцы и пощупать там, какова моя “погромная философия”. И нашел, что я равнодушен к еврейскому горю» (*Жаботинский* 1913: 30, фельетон

«В траурные дни», 1906 г.). Битвой метаисторических мифов и заполнено обсуждение темы Белостока за следующие вот уже сто с лишним лет.

При этом в истории погромов Белосток занял особое место. События в этом городе изучало по горячим следам пять независимых друг от друга официальных инстанций, включая полицию и думскую комиссию. Они пришли к неодинаковым выводам (в силу различия собственных представлений о том, «что есть истина» и где следует ее искать). В результате был накоплен огромный материал, пригодный для построения любых метаисторических концепций, в том числе и исключаящих друг друга. Достаточно было выискать в этом море факты, подтверждающие априорную концепцию, и объявить все остальные — если и не прямо сфабрированными, то хотя бы несущественными. Этим и занимаются метаисторики, оправдывая знаменитый афоризм Станислава Ежи Леца: «Когда миф сталкивается с мифом, столкновение происходит весьма реальное».

Поэтому автор с самого начала заявляет, что решил написать эту книгу, «чтобы понять демонов прошлого, столь разрушительных для местных сообществ» (с. 16), а также выяснить, «какое значение имели события в Белостоке в июне 1906 г. не только для жителей города, но шире — для нашего знания о погромах вообще» (с. 19), «каково было их [погромов] значение не только в непосредственном, но прежде всего в культурном

¹ См. интервью Р. Панковского ИЭ: URL: istorex.ru/page/intervyu_s_istorikom_idey_i_sotsiologom_kulturi_rafalom_pankovski_ob_aktualnikh_problemax_polskoy_istoricheskoy_pamyati.

смысле» (с. 21). Вопрос этот имеет далеко не академическое значение и выходит за рамки истории евреев. Автор сам ставит в параллель с Белостоком не только Гомель или Кишинев, но и китайские погромы в Индонезии (с. 20), действия Ку-клукс-клана в США и многие другие акции, полностью подпадающие под определение «погром», но направленные не против евреев (ср.: *Слезкин* 2005: 53–58). Но вот, скажем, события во Франции в 2005 и 2007 гг. или в США в 2020 г. развивались по схожему сценарию, но не были направлены против какой-то определенной этнической или религиозной группы. Так же как случаи буйства футбольных болельщиков, каждый раз шокирующие, хотя далеко уже не новые. Барон Пьер де Кубертэн рассчитывал, что спорт позволит, говоря языком Фрейда, канализовать аффекты в безопасное русло, но таких последствий «канализации» он не предвидел. Так что никто не может считать историю погромов чужой бедой.

Естественно, поиск виновных начался еще в дни самого погрома. И естественно, главным виновником был признан царизм, борьбой с которым в то время были озабочены все социальные силы от центра до крайне левых. На этом сошлись и либералы, и марксисты (в трудах которых «еврейский пролетариат» практически вытеснил евреев как таковых), и сионисты, и сторонники независимой Польши. К тому же после погрома «нееврейские жители города должны были заново устраивать свои отношения с оставшимися в городе евреями, а принятие объяснения, указывающего на царизм как

на виновника погрома, идеально для этого подходило» — особенно после 1917 г., когда царизма больше не было (с. 451), а стало быть, всерьез защищать его было уже некому.

Между тем роль властей как прямых организаторов погрома не доказана фактами. Конечно, на всех этажах царской бюрократической системы имелись юдофобы, и чем дальше, тем больше царизм видел в великорусском национализме свою последнюю опору. Однако допустить разгул стихии, которую, возможно, не удастся вернуть в берега, царские чиновники не были способны. «Генерал фон Бадер [начальник гарнизона, а в дни погрома — временный генерал-губернатор], которого трудно признать юдофилом, был все-таки государственным служащим и должен был заботиться об интересах порядка и власти. Никому в российских кругах не был нужен Белосток, утопленный в крови» (с. 304). Князь С. Д. Урусов, назначенный бессарабским губернатором сразу же после Кишиневского погрома 1903 г. со специальной задачей успокоить страсти, аргументированно доказывает: если в чем и можно было обвинить власти в связи с этими событиями, то уж никак не в сознательном умысле (*Урусов* 2011).

Дело тут вовсе не в том, чтобы снять вину с режима, уже сто лет как не существующего, или защитить чью-либо национальную честь. У того же Вл. Жаботинского уже встречается мысль, которую Д. Бен-Гурион довел до хлесткого афоризма: «Каждый народ имеет право на своих мерзавцев». То есть: никто не должен чувствовать себя виноватым за любого

своего соплеменника, на поступки которого не мог (или уже не может) повлиять. Нет, дело серьезнее: если виноват не царизм — рухнет простое и для всех удобное объяснение трагедии, для всех приятное, но ошибочное. Ведь знать ее причины важно не для мести, а для того, чтобы не позволить такому случиться и впредь.

Один из выступавших на презентации книги М. Б. Слудского (*Слудский* 2019) высказался о царизме, может быть, не слишком корректно по-русски, но очень точно: «Это не была злая власть, это была импотентная власть». Видимо, он хотел сказать: бессильная власть. Вина царизма состояла в том, что страной, уже вступившей в эру промышленного капитализма и даже империализма, он все еще пытался управлять, словно феодальной вотчиной. Привычные для царской монархии средства для новых условий не годились. Уже крушение на станции Борки (1888 г.) показало: царский поезд как вереница карет — это одно, а как железнодорожный состав — совсем другое, и законы ньютоновской механики карают за их нарушение строже, чем законы империи, хотя Ньютон не был даже тайным советником. Русско-японская война показала, что качества, достаточные для командиров парусного флота с командой, набранной из крепостных, непригодны на броненосном флоте, где матросы должны быть грамотными (этому посвящены многие страницы «Цусимы» Новикова-Прибоя). Бывший вице-губернатор М. Е. Салтыков-Щедрин много раз повторял: лучшее, что может сделать на своем посту царский администратор старой школы, — это вообще ничего не делать,

поскольку ничему полезному он даже не обучен («Праздный разговор», «Помпадурсы и помпадурши»). Столкнувшись с погромами, царская власть вновь показала свою неадекватность современным условиям.

Это относится и к роли отдельных чиновников — например, белостокского полицмейстера П. П. Деркачева и частного пристава Н. Ю. Шереметова. Лишь массовое сознание, еще не освободившееся из пут средневековья, ищущее за любым бедствием чью-то злую волю (в крайнем случае — козни сатаны), могло видеть в Деркачеве юдофила, а в Шереметове — едва ли не непосредственного организатора погрома. На самом деле, как показывает автор, разница между ними была не столь велика. Конечно, «Деркачев, в отличие от Шереметова, сумел различать понятия еврея и революционера» (с.: 327). Конечно, Шереметова обвиняли в темных делах и взятках, да и частая смена места службы говорит о тяжелом характере (с. 312): это сказало и на его репутации. И конечно, убийство Деркачева (27 мая 1906 г.) накалило обстановку в городе, и без того напряженную, и способствовало погрому, случившемуся через две с небольшим недели. При этом виновники убийства полицмейстера так и не были найдены. Этого достаточно, чтобы объяснить возникновение легенды, представившей одного из этих полицейских чиновников ангелом, а другого демоном, которому только Деркачев мешал организовать погром. Но этого слишком мало, чтобы объяснить, что же произошло на самом деле, причины трагедии сводятся к служебному конфликту между двумя чинами местной полиции.

Царские власти не сумели не только предотвратить погром, но даже внятно оправдаться перед общественным мнением — как российским, так и зарубежным. Люди, привыкшие писать объяснительные записки только в вышестоящие инстанции, не знали другой формы оправданий. «Словно какое-то новое начальство народилось. — Какой-то “второй первый департамент Сената”! Общественное мнение. Ему нужно отчет давать! Судит!!! И бывший начальник департамента полиции пробует и от общественного мнения бумагами отгородиться» (В. М. Доршевич. «П. Н. Дурново»). Так было и после событий 1903 г. в Кишиневе, когда «правительство вело себя как преступный заговорщик, пытающийся скрыть свою вину»: официальное сообщение о погроме появилось лишь через несколько недель, было неполным и неубедительным (Джадж 1998: 135). Дело даже не столько в том, что именно сказали при это российские власти, сколько в другом: они не представляли, как воспримет их слова целевая аудитория. Особенно такая, от которой нельзя силой потребовать доверия.

Больше того: «Организационный потенциал населения, ограниченный рамками российского права, оставлял пустое место, заполнявшееся государственными учреждениями» (с. 236). Позже Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» увидит именно в этом причину того, почему опыт русской революции оказался неприменим на Западе, где общественный порядок держался не на государстве с его армией и полицией, а на структурах гражданского общества, без опоры на которые

и власть не могла успешно действовать. В том же фельетоне о Дурново, только что цитированном, В. М. Доршевич рассказывает, как во время русско-японской войны министр внутренних дел В. К. фон Плеве пытался запретить санитарные отряды, организованные земствами: «Общественная организованная помощь. Никаких общественных организаций не должно быть допускаемо...». Такая власть была похожа на пирамиду, лишённую основания. Но именно поэтому ответственность не только за все хорошее, но и за все худое возлагалась на власть — единственную силу в стране, действовавшую на законных основаниях. А уж цензура, заставлявшая журналистов говорить намеками да обиняками, прямо вела к тому, что публика, привычная к эзопову языку и к чтению между строк, домысливала то, что «замалчивала» (любимое слово конспирологов) подцензурная пресса. Эти-то попытки втиснуть события в рамки официальных объяснений, в которых по определению говорится не все, как раз и вели к появлению «теорий заговора» (с. 327).

Между тем автор совершенно верно замечает: нельзя обсуждать и оценивать нарративы, не уточнив прежде суть дела. Белосток 1906 г. был уже не уездным городком времен Гоголя, для управления которым хватало и городничего. Это был «Манчестер Севера» (с. 118, 241, 265), бурно развивающийся центр текстильной промышленности. И в этом центре возникали проблемы, не предусмотренные ни одной статьёй «Свода законов Российской империи». Лишь 49 % жителей города были местными, остальные — трудовыми мигрантами

(с. 221). «В Белостоке рубежа веков ничего не было дано раз навсегда. Жители, учреждения, взгляды и деятельность — все перемешалось, все менялось и пульсировало, вызывая ощущение нестабильности» (с. 223). Евреи составляли две трети населения города, хотя их доля постепенно снижалась — за счет наплыва русских и особенно польских рабочих, вытесняемых из села развитием капитализма. И эти рабочие во многом сохраняли еще психологию традиционного общества.

Чтобы ее объяснить, не нужно прибегать к юнгианским объяснениям: «Социальный антрополог искал бы тут, наверное, архетипы родом из древних эпох...» (с. 46): социальная антропология не сводится к школе К. Г. Юнга. Традиционная психология исходит, прежде всего, из того, что особые духовные и нравственные качества не воспитываются (по принципу «общественное бытие определяет общественное сознание»), а наследуются (*Блок* 2003: 277–278), поэтому черты, например, буржуазного поведения определяются происхождением индивида. Параллели этому можно найти у М. Оссовской, в ее классическом труде «Рыцарский этос и буржуазная мораль» (*Etos rycerski a moralność mieszczańska*). В странах Центральной и Восточной Европы, где буржуазия очень часто была инациональной (немецкой или еврейской), такой взгляд сам по себе вел к национализму, и крестьянская Вандея легко принимала формы этнической борьбы (см. *Моционжик* 2012: 364–368). И не только Вандея: даже социалистические движения в таких странах довольно легко смыкались с национализмом.

Темным людям легко было спутать «буржуазную психологию» с «еврейской»: описывались они хотя и в разных нарративах, но почти одними и теми же словами. Уже в 1929 г. Борис Суварин писал об СССР: «Антисемитизм прогрессирует все больше и больше, и газета “Труд” (29 мая 1929) признает, наконец, что это не просто чудовищный пережиток прошлого, но современное политическое явление» (*Istrati* 1929: 219). И не забудем о крестьянской психологии, выраженной в пословицах и поговорках: «моя хата с краю», «тащи в дом, а не из дома» и т. д. — список можно продолжить.

Но это была только основа. Продолжим прерванную цитату: «Социальный антрополог искал бы тут, наверное, архетипы родом из древних эпох, в то время как достаточно понять, что общество начала XX века находилось под влиянием нарождающейся массовой культуры и реагировало на быстрые перемены, происходящие вокруг него, синдромом жажды сенсации, особенно заметным в социальных низах» (с. 46–47). Феномен агрессивной толпы, в средние века встречавшийся только в исключительных ситуациях (например, во время чумных эпидемий), стал повседневным и повсеместным. Этому феномену посвятил специальное исследование А. П. Назаретян (2003), наблюдавший массовое поведение сначала в Латинской Америке, а потом и в странах бывшего СССР. При этом законы, которым подчиняется стихийное массовое поведение, оказались слабо связаны с социальным составом толпы. Так, для нее характерно эмоциональное заражение («циркулярная реакция»), при

котором людей объединяют не разумные соображения, а эмоции (и чем они примитивнее, тем больше способны заразить массу). Соблазну действовать «как все» поддаются люди самого разного умственного и нравственного уровня, тем более что действие в громадной массе обеспечивает анонимность. При этом «свобода» — действие личное и ответственное — вырождается в «волю», т. е. возможность действовать, ни за что лично не отвечая. Основное свойство толпы — превращаемость: агрессивная толпа способна в считанные секунды превращаться в стяжательную или паническую, или наоборот. Вот пример, почерпнутый автором из личного опыта:

«В 70-е годы в странах “Третьего мира” несколько раз использовался такой ход. Агрессивная толпа, возбужденная деятелями правого (фашистского, националистического или клерикального) толка, направлялась громить левые организации и избивать их членов, продавшихся русскому большевизму (мировому сионизму и т. д.). Когда на пути следования толпы попадался роскошный супермаркет или богатый особняк, проникшие в ядро агенты левой партии с криками: “Вон он! Там они!” — бросались туда. За ними следовали остальные, и, оказавшись перед незащищенными богатствами, люди принимались за грабеж. Разумеется, потерпевшие хозяева не вызвали жалости у левых, поскольку это были “буржуи-эксплуататоры”, к тому же часто сочувствовавшие погромщикам, а то и участвовавшие в возбуждении массы для реализации своих политических задач. Но и отвергнув такую мотивировку, мы

должны признать, что разграбленные магазины и особняки — все же “меньшее зло” по сравнению с избитыми и убитыми людьми...» (*Назаретян* 2003: 49–50).

Однако в начале XX в. исследования психологии масс только начинались, и не мудрено, что царская администрация оказалась не готова к столкновению с агрессивной толпой. Впрочем, и в наши дни власти в подобных случаях ведут себя немногим лучше. Так, о «винных бунтах» 1990 г. в Челябинске («Три дня подряд толпа собиралась в послеобеденные часы и буйствовала до утра») тот же автор замечает: «Растерянность, овладевшая умами милиционеров, чекистов и военных, то и дело приводила к параличу власти и разгулу антисоциальных действий» (Там же: 56). И мы уже упоминали о более поздних случаях, притом на Западе.

Нечто подобное происходило и в Белостоке — городе с сильной традиционной моралью (с. 242), но мало культурном, что отмечали многие наблюдатели, и к тому же сильно расколотом на этнические и социальные группы. Интеллигенции было очень мало. Правда, именно в Белостоке родился Л. Заменгоф, и именно впечатления от жизни в этом городе внушили ему идею, что с национализмом нужно бороться путем создания всеобщего языка — эсперанто. Но Заменгоф был одинок, да и жил он в основном в Москве и Варшаве. В самом же Белостоке криминальная обстановка была очень тяжелой (с. 234), а в политической жизни господствовали левые радикалы (с. 232). Белосток был крупнейшим центром анархизма в масштабах

всей империи. При этом акты насилия со стороны как анархистов, так и полиции приучили жителей к тому, чтобы видеть в насилии как минимум допустимый метод политической борьбы. Что же касается рабочих, на которых марксистские историки обращали особое внимание, то они тоже не были едины: между ними шла борьба за доступ к ткацким станкам (с. 232). Проигравшие в этой борьбе вытеснялись в неконкурентоспособную сферу кустарного производства, позволявшую лишь еле-еле сводить концы с концами. Для рабочих-евреев это очень часто означало вопрос о работе в субботу: отказ делал их нежелательными кандидатами на рабочее место, а согласие вело к конфликту с ортодоксами, влияние которых в еврейской среде было велико (с. 231–232).

Итак, сложилась ситуация, в которой старые институты гражданского общества уже не могли поддерживать социальный порядок, а новые еще не сложились. Город напоминал пороховую бочку, в которой любая искра могла вызвать взрыв. Это и случилось в июне 1906 г. Вероятно, даже сами участники событий не могли бы определить, кто первым начал. Возможно, как полагает автор, у кого-то не выдержали нервы. Дальше все происходило по законам поведения агрессивной толпы. Когда по Суражской улице, разделявшей еврейскую и христианскую части города, должна была пройти процессия, власти понимали, что ситуация опасна, и заранее мобилизовали полицию и армию. Но когда погром уже разгорелся, силы правопорядка в первый день были растеряны. Далее они были предоставлены сами

себе и фактически присоединились к погромщикам.

А затем, уже в ходе расследования, началось конструирование исторических мифов — о том, где искать виновных и что эти события означают. При этом каждая из сторон (царские власти, думские либералы, марксисты, еврейские авторы, местные жители) отвечала на эти вопросы, опираясь не столько на факты, сколько на собственные априорные представления. Автор особо замечает: «Так называемые еврейские истории, сложившиеся в XX веке, демонстрируют огромный методологический эклектизм. Исследователи, связанные с разными центрами и вдохновлявшиеся модными в данное время тенденциями мышления, интерпретировали погромы то как элемент трагической местной истории, то как продукт модернизации, элемент политического поведения или межэтнических отношений» (с. 192).

С другой стороны, местные жители — как евреи, так и неевреи — с трудом приходили в себя от шока и стремились доказать миру, а главное — самим себе, что их вины в трагедии нет. Людьми овладело то же настроение, которое описал Лев Толстой в сцене убийства Верещагина (*Война и мир*, III, III, XXV): «Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики ее заменились равномерным протяжным хрипением, толпа стала торопливо перемещаться около лежащего, окровавленного трупа. Каждый подходил, взглядывал на то, что было сделано, и с ужасом, упреком и удивлением теснился назад. “О господи, народ-то что зверь, где же живому быть!” — слышалось в толпе».

Схожий прием самоуспокоения описал кн. Урусов, позволивший некоему англичанину поговорить в кишиневской тюрьме с арестованными погромщиками: «отвечающие, во-первых, обнаружили какую-то комическую незлобивость и веселость, перекидывались шутками и добродушно сознавались, что они согрешили немножко, но что в убийстве они, “сохрани Бог”, не повинны; уверяли, что евреи — прекрасный народ, что живут они с ними в мире, что всякое бывает...» (Урусов 2011: 72). Несколько лет белостокская пресса избегала даже упоминаний о случившемся.

В итоге сложилась ситуация, когда подлинное — и крайне трагичное — событие оказалось погребено под нагромождениями метаисторических оценок, создававшихся чаще всего под политический заказ. Даже само понятие «погром» на таком фоне оказывается невозможно определить. По мнению автора, оно «не столько описывает событие с его ходом, механизмами, причинами и следствиями, сколько определяет отношение тех, кто применил или применяет это понятие» (с. 441). В любом случае, по его мнению, «представление о событиях важнее самих событий» (с. 442), поскольку именно от них зависят наши мнения и принимаемые решения. Но чтобы эти представления не превращались в опасный миф, они должны опираться на строго установленные факты — как этого и добивается А. Марковский в своей книге.

В целом книга Артура Марковского — добротное исследование высокого научного уровня. Она будет

очень полезна не только историкам, но и социологам, специалистам по методологии науки, а также общественным деятелям. Трагический урок Белостока должен быть учтен, чтобы не повториться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блок 2003 — *Блок М.* Феодальное общество. Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.

Гросс 2017 — *Гросс Я. Т.*, в сотр. с И. Груздиньской-Гросс. Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев. Пер. с польск.: Л. А. Мосионжник. М.; СПб.: Нестор-История. 2017. 200 с.

Джадж 1998 — *Джадж Э.* Пасха в Кишиневе: Анатомия погрома. Пер. с англ. К. Л. Жигни. Кишинев: Лига, 1998. 200 с., 4 с. илл.

Жаботинский 1913 — *Жаботинский Вл.* Фельетоны. СПб., 1913. 286 с.

Мосионжник 2012 — *Мосионжник Л. А.* Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История 2012, 416 с.

Назаретян 2003 — *Назаретян А. П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер. 2003. 192 с., илл.

Панковский 2014 — *Панковский Р.* Расизм и популярная культура. Пер. с польск.: Л. А. Мосионжник. Варшава; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2014. 206 с.

Слезкин 2005 — *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. Авториз. пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 544 с.

Слуцкий 2019 — *Слуцкий М. Б.* В скорбные дни: Кишиневский погром 1903 года. СПб.: Нестор-История. 2019. 328 с.

Урусов 2011 — *Урусов С. Д.* Записки губернатора. Кишинев: Litera AVN, 2011. 344 с.

Gross 2011 — Gross J. T., współpraca I. Grudzińska-Gross. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów*. Kraków: Znak, 2011. 205 s.

Istrati 1929 — Istrati P. [Souvarin B.]. *La Russie nue // Istrati P. Vers l'autre flamme*. P. III. Paris: Les Éditions Rieder, 1929. 334 p.

Markowski 2018 — Markowski A. *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne. Pogrom białostocki 1906 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 s.

Pankowski 2006 — Pankowski R. *Rasizm a kultura popularna*. Warszawa: Trio, 2006. 193 s.

THE BIAŁYSTOK POGROM IN HISTORIOGRAPHICAL MIRRORS.

Rev.: Markowski A. *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne. Pogrom białostocki 1906 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 p.

Mosionjnic Leonid A. — Doctor of History, Associate Professor, High Anthropological School University (Chişinău, Republic of Moldova)

Key words: Białystok (Belostok), pogrom, mass violence, autocracy, Jewish problem, historiographical tradition.

Abstract. The history of the Białystok pogrom has become the subject of so many historical interpretations that real events are hardly visible behind them. The objectives of Artur Markowski's study are, firstly, the analysis of historiography narratives on this issue, and secondly, to clarify the details of this event preserved in historical sources. Special attention is paid to the place of the question of the perpetrators of the pogrom in historiography and in modern mass consciousness; to the relationship between traditional psychology and modern mass culture in the views of contemporaries of the tragedy; to the role of the authorities and local residents in the development of events; to the conceptual apparatus used to analyze mass violence.

REFERENCES

Blok M. *Feodal'noe obshchestvo*. Per. s fr. M.Iu.Kozhevnikovoi. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh, 2003. 504 p.

Dzhadzhdzh E. *Paskha v Kishineve: Anatomiiia pogroma*. Per. s angl. K.L. Zhigni. Kishinev: Liga, 1998. 200 p., 4 p. ill.

Gross Ia.T., v sotr. s I. Grudzin'skoi-Gross. *Zolotaia zhatva. O tom, chto proiskhodilo vokrug istrebleniia evreev*. Per. s pol'sk.: L. A. Mosionzhnik. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 2017. 200 p.

Gross J. T., współpraca I. Grudzińska-Gross. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na*

obrzeżach zagłady Żydów. Kraków: Znak, 2011. 205 p.

Istrati P. [Souvarin B.]. *La Russie nue. Istrati P. Vers l'autre flamme*. P. III. Paris: Les Éditions Rieder, 1929. 334 p.

Markowski A. *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne. Pogrom białostocki 1906 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. 512 p.

Mosionzhnik L. A. *Tekhnologiiia istoricheskogo mifa*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia 2012. 416 p.

Nazaretian A. P. *Agressivnaia tolpa, mas-sovaia panika, slukhi. Lektsii po sotsial'noi i*

politicheskoi psikhologii. St. Petersburg: Pi-
ter, 2003. 192 p., ill.

Pankowski R. *Rasizm a kultura popularna*.
Warszawa: Trio, 2006. 193 p.

Pankovskii R. *Rasizm i populiarnaia kul'tura*. Per. s pol'sk.: L. A. Mosionzhnik. Varshava; Kishinev: Vysshiaia antropologicheskaia shkola, 2014. 206 p.

Slezkin Iu. *Era Merkurii: Evrei v sovremen-
nom mire*. Avtoriz. per. s angl. S. B. Il'ina.

Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie,
2005. 544 p.

Slutskii M. B. *V skorbnye dni: Kishinevskii pogrom 1903 goda*. St. Petersburg: Nestor-Istorriia. 2019. 328 p.

Urusov S. D. *Zapiski gubernatora*. Kishinev: Litera AVN, 2011. 344 p.

Zhabotinskii Vl. *Fel'etony*. St. Petersburg, 1913. 286 p.

Е. В. Деревянко

НА ТАНКОВОЙ БРОНЕ

Рец.: *Самарина М. И.* Герои Советского Союза — выпускники Орловского бронетанкового училища. Орел: Издательство «Картуш», 2020. 448 с.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Герои Советского Союза, Орловское бронетанковое училище.

Аннотация. Изучение истории Второй мировой войны невозможно без знакомства с персоналиями. Победа ковалась усилиями людей, сохранение памяти о которых и есть основная задача современности. Особенно если эти люди — Герои Советского Союза, бывшие выпускники Орловского бронетанкового училища. Первое в Красной армии военное учебное заведение подарило Родине 107 Героев, двое из которых были удостоены этого почетного звания дважды. В чем секрет этого феномена? Он заключается в профессионализме преподавательского состава школы, прекрасной подготовке кадров этого учебного заведения, или все дело в уникальном поколении людей, закаленных тяготами первых советских пятилеток и объединенных духом непреодолимой любви к своему Отечеству, готовых ценой жизни отстоять его независимость? Ответы на эти вопросы дают сохранившиеся документы, биографии, воспоминания, фотокарточки и открытки, хранящиеся в школьных музеях и семейных архивах, рисунки не только браваду боевых путей, но и повседневную жизнь обычных советских людей, в одночасье ставших на войне героями.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-343-347

В 2020 г. в издательстве «Картуш» вышла книга замечательного автора Марины Самариной¹ «Герои Советского Союза — выпускники Орлов-

ского бронетанкового училища» — целая энциклопедия не только учащихся «кузницы кадров» танковых войск, удостоенных высочайшей

© Е. В. Деревянко, 2020

Деревянко Екатерина Викторовна — историк, генеалог, Брянский гуманитарный университет (Брянск); genealogist.katja77-77@mail.ru

¹ Марина Самарина — член Союза журналистов России, член Орловского регионального отделения Российского военно-исторического общества, специальный корреспондент газеты «Наша жизнь», внештатный корреспондент «Орловской городской газеты» и журнала «Орловский военный вестник», педагог-организатор музея «Зеркало истории» МБОУ-лицея № 18 г. Орла.

награды, но и доблестных подвигов, героических страниц военной летописи, боевых операций и воинского искусства.

Книгу составили 107 очерков, посвященных биографиям и боевому пути танкистов, прошедших обучение в первом в Красной армии военном учебном заведении. Открытые в 1918 г. в Иваново-Вознесенске десятидневные курсы в 1921 г. были переформированы в пехотную школу с трехлетним сроком обучения. В 1925 г. школа переехала в Орел и в 1931 г. была переименована в Орловскую бронетанковую школу им. М. В. Фрунзе, а с 1937 г. — стала училищем. А далее начался большой и доблестный путь, которым по праву может гордиться не только Орловщина, но и вся Россия. Ведь историю пишет не само учебное заведение, каким бы качественным обучением и подготовкой оно ни отличалось, а люди, его окончившие. И вот здесь сотни командиров-танкистов, проявивших чудеса героизма и храбрости на многочисленных полях сражений, принесли своему училищу главное звание — школы Героев.

Читаешь книгу и думаешь, каким удивительным способом переплетаются человеческие судьбы! Сто семь человек из разных уголков Советского Союза — 5 краев и республик, а также 26 областей нынешней Российской Федерации, 5 областей Республики Беларусь, 11 областей Украины, из Казахстана, Латвии, Узбекистана прошли в разное время обучение в Орловском бронетанковом училище им. М. В. Фрунзе. И, соединенные навсегда узами своей альма-матер, разбегались они на тя-

желой броне, каждый в своем боевом направлении, пройдя сотни сражений от гражданской войны в Испании до взятия Берлина. Участвовали в боевых действиях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, воевали на полях сражений советско-финской войны, вели борьбу с нацистами на всех направлениях в ходе Великой Отечественной, освобождали Европу... Во многих городах России, Ближнего и Дальнего зарубежья установлены памятники и мемориальные доски, хранят экспонаты школьные музеи и семейные архивы, напоминая нам, живым, о подвигах ушедших.

Гордость училища — дважды Герои Советского Союза генерал-лейтенанты танковых войск Захар Карпович Слюсаренко и Михаил Георгиевич Фомичев, очерки о которых открывают повествование. В конце книги — еще два очерка, посвященные Героям без «Золотой звезды», тем, кто был представлен к званию Героя Советского Союза, но по каким-либо причинам не получил высокой награды. Рассказ о Зиновии Григорьевиче Колобанове и Николае Григорьевиче Орлове заключает сборник. В приложении к изданию автор поместила список Героев Советского Союза по областям и регионам Российской Федерации, Беларуси, Украины, Казахстана, Латвии, Узбекистана, а также перечислила выпускников Орловского бронетанкового училища в соответствии с военными кампаниями, в которых им пришлось принимать участие.

Обширная география сборника позволяет каждому найти в книге своих героев, тех, кто родом из местности, где проживает читатель, или узнать

о тех, кто ее отстаивал в период наступления немецких войск в далеком 1941-м, или прочитать о тех, кто освобождал его малую родину в 1943-м. Многие обнаружат в издании и тех, кто принимал участие в битвах Великой Отечественной войны вместе с их дедами и прадедами, на одних полях сражений, в одних окопах, возможно даже — в одном боевом экипаже. Такая краеведческая компонента оказывает наиболее сильное впечатление на слушателя, заставляет вникнуть, запомнить и рассказать о прочитанном. А ведь это и есть главная цель любого автора, стремящегося зацепить читателя за живое, оставить след в его сознании, запомниться.

Так, читая книгу М. Самариной, среди удостоенных высокого звания Героя Советского Союза с интересом ознакомилась с биографиями своих земляков, выходцев из Брянской земли. Уроженец с. Салтановка Навлинского района Владимир Максак оставил воспоминания о своем первом боевом крещении в сражении под Прохоровкой, которые хранятся в музее школы № 1498 г. Москвы. Свет увидела и его книга «Глубокий рейд». Николай Мишкин, родившийся в д. Меркулево под Брянском, погиб смертью храбрых, направив свой горящий танк на технику противника в бою за освобождение Румынии. Мглинчанин Иван Новиков в ходе Мемельской операции был тяжело ранен в голову, лишился глаза, но не покинул поле брани, продолжая руководить соединением. Клинецовский паренек Леонид Татаринов в ходе сражения в Белгородской области перебрался из своего поврежденного танка к немецкой

пушке, расчет которой был уничтожен. И пока экипаж ремонтировал машину, продолжал бить врага его же оружием! Было любопытно узнать и о тех выпускниках орловского училища, кто сражался за мой край, отстаивая его в 1941 г. и освобождая в 1943 г. Сергей Лапутин попал в окружение в ходе наступления немецких войск и остался воевать в брянских лесах в объединении партизанских отрядов Навлинского района, став начальником штаба партизанской бригады им. Д. Е. Кравцова. Владимир Марков первым с ожесточенными боями ввел свой танковый взвод в поселок Локоть, захватив знамя немецкого полка, оборонявшего город, и таким образом положив конец коллаборационистской «Локотской республике»! В числе освободителей Брянщины — комбриг Михаил Фомичев. Разве мог он предположить позднее, заняв концлагерь в Бабельсберге под Берлином в 1945 г., что спас жизнь бывшему премьер-министру Франции Эдуару Эррио?

Если складывается впечатление, что книга М. Самариной о Героях представляет собой скучное перечисление фактов биографии из личных дел и выдержек из наградных листов, то оно ошибочное. Здесь и живые воспоминания участников, и житейская мудрость, и фотографии из семейных архивов, и, конечно, любовь! Чьи-то отношения были прерваны войной, а кто-то на полях сражений нашел свою судьбу. А Николай Орлов, воспользовавшись временной передышкой в бою за Сталинград, развернул свой танк и отправился посмотреть, уцелела ли семья девушки, которая некогда очень ему нравилась! А ведь

за такие проделки бойцу грозил трибунал, но он был спасен комбатом, велевшим сослаться на свой приказ.

Война — это череда трагедий, но было в ней место и юмору, своеобразному, боевому. В сражении за Берлин Владимир Маркин остановился с товарищами возле брошенной немецкой машины, из которой доносилось яростное: «Хайль, Гитлер!» Приблизившись, танкисты увидели в ней орущего на всю округу попугая! Советские бойцы забрали в качестве трофея «нацистски» настроенную птицу, переобучили ее, и через месяц та уже выкрикивала: «Гитлер капут!»

Сколько же немислимых поступков совершили выходцы из Орловского училища! Сколько геройства в этих пареньках, читаешь и не перестаешь восхищаться! Что делать, когда у танка отказал мотор, а окружившие его немцы пытаются взять в плен экипаж? Короткая схватка, и вражеский танк — в руках Михаила Батракова, которому удалось и свой танк на буксире вытащить, и еще несколько машин противника завести в расположение советских частей! А про один из первых танковых одиночных таранов вы что-нибудь слышали? Его совершил Василий Богачев, тоже выпускник училища. А прославленный партизанский комбриг, выходец из семьи поволжских немцев Александр Герман, при одном упоминании о котором трепетал противник?! Ему удалось организовать военный трибунал и медицинский пункт прямо в тылу врага! И, наконец, история про рано повзрослевшего Ваню Кузнецова, вступившего в войну в возрасте 14 лет, а к 16 годам ставшего

полным кавалером ордена Славы! Современные дети узнают про войну из популярной компьютерной игры «World of Tanks», скорее всего, им будет любопытно узнать, что игрокам-победителям присваивается виртуальная медаль имени Зиновия Колобанова, на личном счету которого в бою под Гатчиной — 22 вражеских танка! Для многих представителей более старшего поколения, которые помнят экс-участника группы «Мираж» Романа Жукова, будут интересны сведения о том, что его дедушка тоже был выходцем из Орловского училища, удостоенным звания Герой Советского Союза. К сожалению, славный предок музыканта не дожил до Победы, получив смертельное ранение в голову в боях за Берлин. И это всего лишь малая толика того интересного, что могут открыть для себя читатели — взрослые и школьники, и уходящее поколение очевидцев той страшной трагедии, которая зовется войной.

Хочется поблагодарить от себя лично, а также от всех читателей, увлеченных военной историей, автора издания «Герои Советского Союза — выпускники Орловского бронетанкового училища» Марину Самарину за ценнейший труд по сбору материалов для книги, за прекрасную подачу содержательной части, за отличный иллюстративный материал. Бонус для книголюбов — ссылки в конце каждого биографического очерка на использованные печатные материалы и интернет-ресурсы. Без сомнения, такая книга станет подспорьем для подготовки к урокам по истории войн XX в. как учителей, так и учащихся, а также — украшением любой библиотеки.

ON TANK ARMOR

Rev.: *Samarina M.I.* Geroi Sovetskogo Soiuz — vypuskniki Orlovskogo bronetankovogo uchilishcha. Orel: Izdatel'stvo "Kartush", 2020. 448 p.

Derevianko Ekaterina V. — historian, genealogist, Brynsk Humanitarian University

Key words: The Great Patriotic War, Heroes of the Soviet Union, Oryol Armored School.

Abstract. Studying the history of the Second World War is impossible without referring to personalities. The victory was forged by the efforts of people, the preservation of the memory of which is the main task of our time. Especially if these people are Heroes of the Soviet Union, former graduates of the Oryol Armored School. The first military educational institution in the Red Army presented to the Motherland 107 Heroes, two of whom were awarded this honorary title twice. What is the secret of this phenomenon? Does it lie in the professionalism of the teaching staff of the school, the excellent training of the personnel of this educational institution, or is it all about the unique generation of people, hardened by the hardships of the first Soviet five-year plans and united by the spirit of irresistible love for their Fatherland, ready to defend its independence at the cost of their lives? The answers to these questions are given by documents, biographies, memoirs, photographs and postcards stored in school museums and family archives, depicting not only the bravado of military paths, but also the everyday life of ordinary Soviet people, who suddenly became heroes in the war.

СОВЕТСКАЯ ЮБИЛЕЕМАНИЯ

Рец.: *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 200 с.

Ключевые слова: коммеморации, Октябрьская революция, юбилеи, сталинизм, оттепель.

Аннотация. Рецензируется монография А.Л. Махнырёва, посвященная двум юбилеям Октябрьской революции — 30- (1947) и 40-летию (1957). Указывается на солидную источниковую базу исследования, обоснованность основных выводов. Между тем отмечается, что в изучении советских коммеморативных практик требуется корректировка ракурса исследований.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-348-352

Возросший в последние годы интерес к коммеморативной стороне истории советской цивилизации отражает общий перформативный поворот в гуманитарных исследованиях (см. подробнее: *Бёрк* 2008: 337–354). Обращение к данной проблематике позволяет полнее понять советское общество как современное явление (обзор дебатов см.: *Дэвид-Фокс* 2020: 47–103) с присущим ему феноменом массовой политики и массовых политических практик. Именно в этом контексте анализ коммеморативной составляющей советской эпохи выглядит особенно перспективным.

Новая книга А.Л. Махнырёва продолжает его исследование юбилейных торжеств сталинской и пост-сталинской эпохи (*Махнырёв* 2017). Теперь в центре внимания автора два юбилея — 30- и 40-летие Ок-

тябрьской революции. Стало общим местом утверждение о том, что для СССР Октябрьская революция являлась своеобразным мифом основания, т.е. отправной точкой в системе исторических координат. Впрочем, не стоит забывать и прагматическое стремление в 1930–1940-е гг. инкорпорировать в историческую идеологию и «полезные» сюжеты дореволюционного прошлого (*Бранденбергер* 2017). В частности, войну 1812 г. Соответственно книга логично распадается на две главы — 30-летие Октября (1947 г.) и его 40-летие (1957 г.). Наверное, рецензируемой работе не хватает более широкого хронологического контекста практик меморализации и политической инструментализации Октябрьской революции, сложившихся сразу после 1917 г. (*Corney* 2004).

© В. В. Тихонов, 2020

Тихонов Виталий Витальевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); tihonovvitaliy@list.ru

Книга построена на внушительном комплексе источников. Особый интерес представляют архивные документы, почерпнутые автором из ГА РФ, РГАСПИ, РГАНИ, РГАЛИ и ЦГА Москвы и др. В этой связи следует отметить, что исследователь впервые вводит в научный оборот значительный фактический материал.

В первой главе особое внимание уделяется идеологической и организационной подготовке празднования 30-летия Октября. По мнению автора, на этот процесс большое влияние оказала внутриаппаратная борьба между так называемой «ленинградской группой» и тандемом Берия — Маленков.

Тем не менее главным идеологом торжеств ожидаемо должен был стать Сталин. Обращение к архивным документам позволяет А.Л. Махнырёву проанализировать работу «вождя» над идеологией юбилея и сделать интересный вывод о том, что для того важнее оказался 800-летний юбилей Москвы. Что, впрочем, не помешало тесно переплести революционный миф и культ Сталина в праздновании 30-летия Октября. В целом все это выглядело логично на фоне великодержавного поворота позднесталинского времени, когда революционная мифология все больше теснилась государственнической. С этим переплетается и отмеченный исследователем «русский акцент» революционных торжеств, фактически вытеснивший интернационализм. Огромное влияние оказал и общий контекст начавшейся холодной войны. В частности, в юбилейной

пропаганде заметно звучала тема борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и идеология советского патриотизма.

В книге реконструируется процесс формирования пропагандистской инфраструктуры юбилея: организация и наполнение выставок, выпуск юбилейной продукции, издание художественной литературы, выпуск картин и плакатов и т. д.

Вторая глава описывает юбилей Октябрьской революции спустя 10 лет, в 1957 г. Он проходил уже в иных условиях — после критики Сталина на XX съезде и его можно назвать «оттепельным» юбилеем. Соответственно, и общий идеологический контекст сильно изменился. Анализируя подготовленные к юбилею официальные тезисы, А.Л. Махнырёв приходит к выводу, что они были составлены в «духе умеренности», что отражало начало разрядки в международных отношениях и либерализацию внутреннего режима. Главным в идеологии юбилея стало соревнование с капитализмом в производственной и потребительской сфере, и это несмотря на воинственный настрой китайской делегации, стремившейся актуализировать противостояние с капиталистическими странами. Также стоит отметить все более заметную инкорпорацию в революционный миф Великой Отечественной войны, победа в которой свидетельствовала о силе победившего в 1917 г. строя. Примечателен и тот факт, что в тезисах фигура Сталина не оценивалась однозначно негативно — указывались и достижения, но образ Сталина вытеснялся Лениным. В целом идеология

юбилея отражала актуальную политическую ситуацию.

Специальный параграф посвящен общественным настроениям населения в связи с торжествами. В нем анализируются письма граждан и сводки МВД об «антисоветских выступлениях». Если первый вид источников презентует солидарность с советской властью, то второй описывал проявления «антисоветских настроений».

А.Л. Махнырёв обоснованно рассматривает юбилейные торжества как средство консолидации советского общества и его идеологической мобилизации. В этом смысле перед нами довольно типичный для нелиберального современного режима способ создания эрзаца массовой политики. Все же остается открытым вопрос о мобилизационной эффективности коммеморативных практик и их влияния на настроения людей. Видимо, в данном случае следует сфокусироваться не на источниках центральных партийных и государственных органов, а на эго-документах и материалах низовых партийных ячеек: гор- и сельсоветов. Например, давно замечено, что советские выборы превращались в специфическую форму коммуникации с властью, когда на бюллетенях писались требования и выражались общественные настроения, а отказ от голосования становился формой протеста. Могли ли простые граждане использовать юбилейные торжества для косвенного давления на власть? Если да — то как?

Еще одним вектором исследования может стать региональный и республи-

канский срез коммемораций. Очевидно, что в союзных и автономных республиках, а также регионах они имели свою специфику, а установки центральной власти преломлялись нередко самым неожиданным образом (см: Красильникова 2018; Суржикова, Шишкин 2019).

Представленный в книге А.Л. Махнырёва материал заставляет читателя поставить целый ряд новых вопросов. В исследовании акцент сделан на традиционный идеологический компонент. Но чем, помимо формы идеологической мобилизации, могли быть юбилеи революции? Какова их роль в формировании «советской субъективности»?

Большой интерес представляет и экономика юбилеев. До сих пор не очень понятно, сколько средств выделялось на их проведение и откуда они брались. Каким образом расходовались и как обосновывались эти расходы. Особенно это интересно опять-таки в региональном контексте, где и без того ресурсы были сильно ограничены. В то же время организация и успешное проведение юбилея могли стать для местных руководителей важным шагом в карьерном продвижении.

Наконец, скорее всего имеет смысл перейти от устоявшегося в историографии анализа коммемораций по десятилетиям и планомерно проследить эволюцию ежегодного отчисления годовщин. Именно так возможно проследить эволюцию основных идеологических и организационных компонентов юбилеев, а также выявить зарождение новых или нетипичных практик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бёрк 2008 — Бёрк П. «Перформативный поворот» в современной историографии // Одиссей. Человек в истории. 2008: Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиции в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С. 337–354.

Бранденбергер 2017 — Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. 407 с.

Дэвид-Фокс 2020 — Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. 446 с.

Красильникова 2018 — Красильникова Е. Мы помним день 7 ноября! Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск, 2018. 226 с.

Махнырёв 2017 — Махнырёв А. Л. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. М., 2017. 200 с.

Суржикова, Шишкин 2019 — Суржикова Н. В., Шишкин А. А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молодове // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 230–241.

Corney 2004 — Corney F. C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca and London, 2004. 301 p.

THE SOVIET JUBILEE MANIA

Rev.: Makhnyrev A. L. 30 i 40 let Velikogo Oktiabria: chto otrazilos' v zerkalakh iubileev revoliutsii? Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019. 200 p.

Tikhonov Vitaly V. — doctor of historical sciences, leading research fellow, Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: commemorations, October revolution, anniversaries, Stalinism, thaw.

Abstract. The monograph of A. L. Makhnyrev devoted to two anniversaries of the October revolution — 30 (1947) and 40 (1957) — is reviewed. The author points to a solid source base of the study and the validity of the main conclusions. Meanwhile, it is noted that the study of Soviet commemorative practices requires an adjustment of the research angle.

REFERENCES

Berk P. "Performativnyi povorot" v sovremennoi istoriografii. *Odissei. Chelovek v istorii*. 2008: Script/Oralia: vzaimodeistvie ustnoi i pis'mennoi traditsii v Srednie veka i rannee Novoe vremia. Moscow, 2008, pp. 337–354.

Brandenberger D. *Stalinskii russotsentrizm: Sovetskaia massovaia kul'tura i formirova-*

nie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.). Moscow, 2017. 407 p.

Corney F. C. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca and London, 2004. 301 p.

Devid-Foks M. *Peresekaia granitsy: Modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soiuze*. Moscow, 2020. 446 p.

Krasil'nikova E. *My pomnim den' 7 noiabria! Oktiabr'skie torzhestva v Sibiri: kommemorativnyi aspekt (1920–1945)*. Novosibirsk, 2018. 226 p.

Makhnyrev A.L. *800-letie Moskvy: velikii prazdnik posle Velikoi Pobedy*. Moscow, 2017. 200 p.

Surzhikova N.V., Shishkin A.A. Mezhdunovatsiei i traditsiei: prazdnik Velikogo Oktiabria v poslevoennom Molotove. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2019, vol. 15, no. 4 (33), pp. 230–241.

М. В. Стрелец

СЕРЬЕЗНЫЙ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Рец.: *Альтман И. А., Хавкин Б. Л.* Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское сопротивление в Германии (1933–1939 гг.): Материалы к спецкурсу для студентов РГГУ. М.: МИК, 2020 152 с.

Ключевые слова: пособие, рецензия, спецкурс, Холокост.

Аннотация. В публикации рецензируется учебное пособие «Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское Сопротивление в Германии (1933–1939 гг.)». Пособие вышло из печати в 2020 г. Оно представляет собой материалы к спецкурсу для студентов РГГУ и написано на основе работ авторов по истории немецкого Сопротивления и Холокоста и отражает их опыт чтения курсов по теме в РГГУ. Рецензируемое пособие написали профессора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) к.и.н. Илья Александрович Альтман и д.и.н. Борис Львович Хавкин. DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-353-357

Профессора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) к.и.н. Илья Александрович Альтман и д.и.н. Борис Львович Хавкин подготовили учебное пособие «Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское Сопротивление в Германии (1933–1939 гг.)». Пособие только вышло из печати. Оно представляет собой материалы к спецкурсу для студентов РГГУ и написано на основе работ авторов

по истории немецкого Сопротивления и Холокоста и отражает их опыт чтения курсов по теме в РГГУ (с. 3).

Пособие состоит из 10 компонентов.

Первый компонент: введение. Обращают на себя внимание умелая постановка проблемы, четкая формулировка цели и задач курса, убедительный показ его научного и учебно-воспитательного значения,

а также источниковой и историографической основ.

«Цель специального учебного курса, по которому разработано предлагаемое пособие — изучение не только истории национал-социализма и Холокоста, но и определение вклада немецкого антигитлеровского Сопротивления, включая еврейское, в общую Великую Победу над германским нацизмом», — подчеркивают авторы (с. 7).

Второй, третий, четвертый компоненты образуют основную часть пособия. Речь идет о главах: «Национал-социализм и евреи Германии», «Холокост в Германии (1933–1939 гг.)», «Антигитлеровское сопротивление в Третьем рейхе». При подготовке основной части пособия акцент был сделан на использование ранее неизвестных документов и материалов. Чувствуется, что авторы капитально потрудились в российских и зарубежных архивах.

В первых двух главах отметим следующие моменты. Подробно разбирается логическая структура понятий «нацизм» и «фашизм», четко выявляется соотношение между этими понятиями. Удачно показаны причины возникновения нацизма. Ощущается детальное ознакомление авторов с результатами новейших исследований при обращении к последствиям «пивного путча», в процессе прослеживания пути нацистов к власти, в ходе анализа механизма их господства. По самым высоким меркам следует оценивать концептуальный разбор квинтэссенции нацистского антисемитизма — книги Адольфа Гитлера «Майн Кампф».

Привлекают предельная аккуратность формулировок, сбалансированность оценок, применение нетрадиционных методов исследования при показе расизма и антисемитизма как основ нацистского государства, системная подача материала о военной экспансии и крахе нацистского режима.

Глава «Антигитлеровское сопротивление в Третьем рейхе» поражает концентрированным охватом многих сюжетных линий. И все это на 21 странице! Здесь срабатывает чеховское изречение: «Писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно».

Авторы показывают, что «само существование евреев в Германии в годы нацистской диктатуры де-факто было проявлением Сопротивления гитлеровскому режиму, целью которого было уничтожение евреев как народа» (с. 107). Читатель подводится к выводу о том, что «евреи активно участвовали в немецком антигитлеровском Сопротивлении, особенно в антифашистской борьбе коммунистов и социал-демократов, которую эти политические силы вели как в Германии, так и в эмиграции. Число евреев-участников немецкого Сопротивления оценивается немецкими историками в 2–3 тыс. человек — 1–2% от 200 тыс. евреев, находившихся в рейхе на 1 сентября 1939 г. и примерно 0,25% от 800 тыс. немцев-участников Сопротивления» (с. 107–108).

Из текста книги можно узнать, что «Сопротивление евреев принимало разные формы, как пассивные, так и активные: взаимопомощь; разви-

тие еврейской культуры и образования; до октября 1941 г. — эмиграция из Германии; попытки получить “арийские” документы или “улучшить” еврейские (из 100% евреев по происхождению стать “мишлингами” — евреями на половину или на четверть); жизнь в рейхе на нелегальном положении; саботаж работы на нацистов; антифашистская пропаганда, распространение газет и листовок, разоблачающих нацистский антисемитизм; побеги и восстания в гетто и концлагерях; борьба с оружием в руках в партизанских отрядах и в армиях стран антигитлеровской коалиции; участие в разведывательной работе на стороне Великобритании, СССР, США. Проявлением Сопротивления можно считать активное участие эмигрировавших из Третьего рейха немецких физиков-евреев в британо-американском атомном проекте. Нередкими были случаи, когда евреи всеми правдами и неправдами добывали себе новые, “арийские” документы, меняли фамилии, старались, чтобы спасти жизнь, стать, например, из полукровок четвертькровками — это давало шанс на спасение» (с. 108).

На 8 страницах — а именно столько составляет параграф 4.3. *Еврейские организации в Германии* — авторы смогли охватить все основные еврейские организации, действовавшие в Германии в 1933–1939 гг., провести их градацию, дать каждой из них предельно ясную и четкую характеристику. Вот уж поистине «краткость — сестра таланта» (с. 99–107).

Внимательно прочитав параграф, проникательный студент уже никак не будет путаться с тем, какие же

организации были частью антинацистского Сопротивления. Он запомнит левые сионистские группы «Хэшомэр Хэцэр», «Хэбоним Дрор», «Верклейте»; группы Герберта Баума, Вернера Шарфа, Евы Мамлок. Читатель аргументированно будет оценивать «Имперский союз фронтовиков-евреев», «Черный отряд» и подобные им организации как попытки приспособиться к «новому порядку» (с. 107).

Коллеги И. А. Альтман и Б. Л. Хавкин доказывают, что «во всех организациях коммунистического и социал-демократического Сопротивления было много евреев» (с. 112). Активными участниками антинацистского Сопротивления были члены Социалистической рабочей партии Альберт Кан, Рудольф Залфельд, руководитель социал-демократической группы «Новое начало» Рихард Левенталь, командир отряда «Красных ударников» Рудольф Кустермейер, глава антифашистской подпольной социалистической группы «Интернационального социалистического боевого союза» Юлиус Филипсон. Всего число немецких евреев — участников коммунистического и социал-демократического Сопротивления составляло примерно 2000 человек (с. 113).

Одной из важных сюжетных линий в настоящей и предыдущей главах явилось рассмотрение вопроса о евреях-террористах. Наибольший резонанс имели действия трех из них: Давида Франкфуртера, Гельмута Гирша, Гершеля Гриншпана.

Давид Франкфуртер 4 февраля 1936 г. лишил жизни руководителя

швейцарских сторонников Гитлера, ландесгруппенлейтера Швейцарии Вильгельма Густлоффа. В пособии читаем: «Убийство Густлоффа в конечном итоге лишило Гитлера возможности провести аншлюс Швейцарии, планы которого нацисты разрабатывали, и, таким образом, спасло, по меньшей мере, 20 тысяч швейцарских евреев от смерти» (с. 114).

В отличие от Франкфуртера, Гельмут Гирш никого не убил. Но Имперский народный трибунал в Берлине приговорил его к смертной казни «за подготовку государственной измены при отягчающих обстоятельствах» (с. 115). Приговор был приведен в исполнение. Гирша обвиняли в том, что он готовил убийство видного деятеля нацистской партии Юлиуса Штрейхера. 20 декабря 1936 г. Гирш прибыл из Праги в Нюрнберг. «На следующее утро его арестовало гестапо» (с. 114). И. А. Альтман и Б. Л. Хавкин обращают внимание на то, что нет убедительных доказательств того, что Гирш планировал убить Штрейхера — зоологического антисемита, стоявшего на переднем крае антисемитской пропаганды нацистского режима. Возможно, улики против Гирша были сфабрикованы гестапо. В то же время хорошо известно, что Гирш входил в антигитлеровский «Черный фронт» Отто Штрассера. На наш взгляд, уважаемые профессора поступают правильно, беря выражение «еврей-террорист» в кавычки, когда пишут о Гирше.

А вот Гершель Гриншпан является евреем-террористом без всяких кавычек. Им 7 ноября 1938 г. было совершено покушение на секретаря германского посольства в Париже Эрнста фом Рата; через 2 дня фом Рат умер. Этот теракт спровоцировал «Хрустальную ночь», которая стала прелюдией «окончательного решения нацистами еврейского вопроса» (с. 85–86).

Пятый компонент совпадает с заключением (с. 116–118). Здесь формулируются ключевые выводы, отводится специальное место для разговора о Нюрнбергском процессе. При рассмотрении Нюрнбергского процесса российские коллеги одновременно выступают как историки, политологи, социологи, правоведы. Настоящая междисциплинарность помогла им исчерпывающе осмыслить это важнейшее событие прошлого века.

В архитектуру рецензируемого пособия органически вписались остальные компоненты: 6. Документы; 7. Тематика аналитических работ; 8. Вопросы к экзамену (зачету); 9. Список источников и литературы; 10. Иллюстрации.

У рецензента нет сомнения в том, что это пособие займет важное место в процессе формирования культуры исторической памяти. Его вполне можно использовать и в белорусских вузах, разрабатывая при этом одноименный спецкурс.

A SERIOUS CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE CULTURE OF HISTORICAL MEMORY.

Rev.: *Altman I. A., Khavkin B. L.* Natsional-sotsializm, Kholokost i antigitlerovskoe soprotivlenie v Germanii (1933–1939 gg.): Materialy k spetskursu dlia studentov RGGU. Moscow: MIK, 2020 152 p.

Strelets Mikhail V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Brest State Technical University (Belarus)

Key words: study guide, review, special course, Holocaust.

Abstract. In this paper the study guide “National Socialism, the Holocaust and the Anti-Hitler Resistance in Germany (1933–1939)” is being reviewed. The study guide has been published in 2020. It represents special course materials for RSUH students and has been written on the basis of the works by authors on the history of the German Resistance and the Holocaust and reflects their experience of reading courses on the topic at the RSUH. The study guide under review was written by professors of the Russian State University for the Humanities (RSHJ), PhD in History Ilya A. Altman and DSc in History Boris L. Khavkin.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>

